

10

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

**МАЙКЛ
МУРКОК**

**ПРИЗРАЧНЫЙ
ГОРОД**

Сборник
научно-фантастических
произведений

Перевод с английского

Москва

1992

ББК 84.4Вл.

М91

Составитель К.Королев

Муркок М.

М91 Призрачный город: Сб. науч.-фантаст. произведений:
Пер. с англ. /Сост. К.Королев. — М.: ФЭЯ, 1992. —384 с.
— (Клуб любителей фантаст.)

4 ISBN 5-86740-015-8

Сборник произведений замечательного английского фантаста Майкла Муркока. В него вошли романы «Призрачный город» и «Вечный поитель», а также рассказы, ранее не выходившие на русском языке.

ББК 84. 4Вл.

Литературно-художественное издание

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Майкл Муркок

ПРИЗРАЧНЫЙ ГОРОД

Ведущий редактор А.Г.Белевцева. Редактор М.А.Харузина.

Художники Н.Е.Иванова и Н.В.Любешкина. Технический редактор

Л.П.Виркова. Корректор В.И.Николаева

Подписано к печати 12.05.92. Формат 60×88 1/16.

Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Объем 12 бум. л.

Усл.-печ. л. 24. Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 100 000 экз. С9

Заказ 1830

Оригинал-макет изготовлен СП «П.Т.С.»

Ответственный М.Шутал

ТОО «ФЭЯ». 121351, Москва, а/я № 236.

Издание подготовлено совместно с МП «Бинном» и АО «ЭГОС».

Разработка и оформление серии выполнено АО «ЭГОС»

Отпечатано с готовых диапозитивов в

Московской типографии № 4 Министерства печати и информации РФ

129041 Москва, Б. Переяславская, 46

ISBN 5-86740-015-8

© состав, Королев К.М., 1992

© внутреннее оформление, Иванова Н.Е.,

Любешкина Н.В., 1992

© внешнее оформление,

Зубков Н., 1992

От издателя

Имя замечательного английского писателя-фантаста Майкла Муркока до недавнего времени почти не было знакомо нашим любителям фантастики, хотя в мире оно получило широкую известность.

Майкл Джон Муркок родился 18 декабря 1939 года в Лондоне. Его детство пришлось на военную пору.

Еще в школьные годы Муркок стал издавать рукописные научно-фантастические журналы. В выборе профессии он определился довольно рано и с пятнадцати лет стал зарабатывать на хлеб литературным трудом.

Будучи редактором английского научно-фантастического издания «Нью уорлдз» («Новые миры»), Муркок в немалой степени способствовал развитию жанра фантастики, приветствуя порой весьма смелые эксперименты и решительно ломая устоявшиеся каноны. Журнал «Нью уорлдз» являлся выразителем идей так называемой «новой волны» — авангардного течения в современной фантастике, к которому принадлежат Брайан Олдисс, Томас М. Дитш, Ларри Нивен, Сэмюэл Р. Дилейни, Джоанна Расс и другие.

Однако как писатель Муркок по-настоящему сформировался уже после закрытия издания, что произошло из-за финансовых трудностей. Муркок стал признанным мастером жанра, что подтверждает, кстати, далеко не полный перечень полученных им наград: приз «Небьюла» в 1967 году за новеллу «Се человек!», впоследствии переработанную в роман; приз газеты «Гардиан» за лучшее литературное произведение 1977 года (за роман «Условие Музака» из сериала о Джерри Корнелиусе); приз «Уорлд фэнтези» в 1979 году и др.

Творчество Муркока разнообразно. Им написано несколько книг, не имеющих отношения к фантастике, в частности — «Карибский кризис». Его перу принадлежит ряд «чисто» научно-фантастических романов: «Огненный клоун» (1965), «Китобоец» (1969), «Черный коридор» (1969). Вдохновленный романами Эдгара Р. Берроуза о приключениях на Марсе Джона Картера, Муркок создал собственную «марсианскую» трилогию (1965), куда вошли «Воины Марса», «Клиники Марса» и «Варвары Марса». Однако сильнее всего его влечет к себе жанр героической фантазии, и здесь он добился немалого. Достаточно сказать, что Муркок единственный из английских фантастов удостоился чести войти в Гильдию Меченосцев и Колдунов Америки — своеобразный клуб американских писателей, работающих в жанре «фэнтези».

Свой первый роман «Разделенные миры» Муркок опубликовал в 1962-63 годах. Именно в этом романе он впервые обратился к идее

«множественного универсума», под которым подразумевается вселенная, где сосуществуют, иногда угрожая друг другу, различные реальности и где разыгрывается всякий раз иными персонажами в сущности одна и та же космическая драма — конфликт между Порядком и Хаосом. Быть может, в концепции временных циклов берет свое начало созданная Муркоком сага о Вечном Воителе — человек, который перемещается из одной плоскости бытия в другую, отвечая призывам о помощи, он обречен на непрерывный бой.

Сага о Вечном Воителе, в которую входят два романа «Вечный Воитель» (1970) и «Феникс в обсидиане» (1972), является как бы связующим звеном между всеми остальными сериалами. По словам самого Муркока, его романы представляют собой единое целое: «в них либо одни и те же персонажи, либо одни и те же ситуации, и вообще все они посвящены одному и тому же. Просто некоторые из них по сути своей метафизические, другие — метафорические, а третьи — реалистические».

Среди многочисленных муркоковских сериалов можно упомянуть такие, как трилогия об Освальде Бэстейбле («Повелитель воздуха» — 1971, «Сухопутный Левиафан» — 1974, «Стальной царь» — 1981), как серия романов о Джерри Корнелиусе (девять романов, написанных в 1967-1981 годы), в которых Муркок пародирует сам себя, как сериал о Коруме Джайлине Ирси. Последний состоит из шести книг: это романы «Валет Мечей», «Дама Мечей» и «Король Мечей» (1971) (имеется русский перевод: Муркок М. «Повелители мечей». — Спб.: «Северо-Запад», 1991). Кроме них в сериал о Принце в Алой Мантии входят книги «Бык и копье» (1973), «Дуб и таран» (1973) и «Меч и конь» (1974).

Но из всего написанного Муркоком в жанре героической фантазии наибольший успех выпал на долю сериала об Элрике, принце древней островной империи Мелнибонэ.

Первоначально Муркок согласился написать для одного американского журнала несколько рассказов в подражание основоположнику современного жанра «фэнтези» Роберту Э. Говарду о Конане. Однако подражания не получилось. Элрик Мелнибонэйский совершенно не похож на Конана-варвара, как не похожи и своеобразны оказались произведения Муркока. В сериал об Элрике входят романы «Бурзов» (1965), «Призрачный город» (1972) и «Спящая колдунья» (1971), а также сборники небольших повестей «Плавание по морям Судьбы» (1977), «Колдовство белого волка» (1977) и «Поющая цитадель» (1974).

В настоящий сборник умышленно включены произведения писателя, принадлежащие к разным сериалам, чтобы составить наиболее полное представление о творчестве замечательного английского фантаста.

ПРИЗРАЧНЫЙ ГОРОД

Перевод
К. Королева

С благодарностью Полу Андерсону
за «Сломанный клинок» и «Три львиных сердца»,
покойному
Флетчеру Пратту за «Колодец Единорога»,
покойному
Бертольду Брехту за «Трехгрошовую оперу».
По непонятным мне самому причинам
книги эти вкупе с другими оказали
большое влияние на первые повести
об Элрике.

© перевод на русский
язык, Королев К.М., 1992

Michael Moorcock
THE DREAMING CITY
New York Dell Publishing
Co., Inc. 1971

ПРОЛОГ

Это повесть об Элрике, о той поре, когда его не прозвали еще Смертоносным, когда влачила еще существование прежде великая Светлая Империя Мелнибонэ. Это повесть о соперничестве Элрика со своим кузеном Йиркуном, о его любви к прекрасной Киморил, о том, как соперничество и любовь отдали Призрачный Город Имррир на растерзание пиратам из Молодых Королевств. Это повесть о двух Черных Клинках, Бурезове и Злотворце, о том, как они были найдены и на какую судьбу обрекли Элрика и его державу, а заодно и весь белый свет. Это повесть об Элрике — повелителе драконов, предводителя грозного флота, императоре странной получеловеческой расы, которая владычествовала над миром десять тысячелетий.

Она полна печали и тоски, эта повесть о Драконьем Острове Мелнибонэ, о бурных страстях и чудовищных амбициях, о колдовстве и об измене, о горькой любви и сладкой ненависти, — эта повесть об Элрике Мелнибонэйском. Сам он вспоминал большую часть ее разве что в кошмарных снах.

Книга первая

В островном королевстве Мелнибонэ истово блюли древние обычаи, хотя вот уже пятьсот лет день за днем и час за часом теряла держава свое былое могущество и держалась теперь лишь торговлей с Молодыми Королевствами, да потому еще, что Призрачный Город Имррир служил местом встречи купцам со всего света. Много ли от тех обычаев пользы? Нельзя ли отринуть их и тем самым избежать уготованной судьбы?

Соперник императора Элрика предпочитал не задаваться такими вопросами. Он заявлял во всеуслышанье, что, пренебрегая обычаями предков, Элрик навлечет гибель на Мелнибонэ.

Вот начало той трагической истории, которая длилась не год и не два и за концом которой — гибель всего этого мира.

1 Кожа его цветом напоминала выбеленный ветрами череп; молочно-белые волосы ниспадали ниже плеч. С красивого, продолговатой формы лица глядели раскосые, подернутые поволокой печали алые глаза. Изящные руки покоились на подлокотниках трона, вырезанного из громадного цельного рубина.

Он настороженно оглядывался, то и дело касаясь пальцами легкого шлема на голове, который искусные мастера отлили в виде готового взлететь дракона. На одном из его пальцев поблескивал перстень с редким камнем, именуемым Акториосом. В глубине бриллианта клубились призрачные тени, и казалось, что им так же не вмоготу оставаться в своей драгоценной тюрьме, как юному императору — на Рубиновом Троне.

Он посмотрел вниз, где у подножия ведущих к трону ступеней танцевали придворные. Движения их исполнены были такой изысканности и такой неопишуемой грации, что казалось танцуют не живые существа, а призраки. Он не был заодно с этими людьми, людьми Драконьего Острова Мелнибонэ, которые десять тысяч лет владычествовали над миром и лишь сравнительно недавно утратили былую силу. Для них, жестоких и равнодушных, мораль означала только уважение традиций тысячелетней давности.

Юному же правителю, четыреста двадцать восьмому потомку по прямой линии от первого императора-колдуна Мелнибонэ, эти воззрения представлялись не просто высокими, а глупыми. Ведь ясно было, что Драконий Остров уже не тот и что через пару-другую столетий его наверняка завоюют армии тех государств, которые мелнибонэйцы снисходительно именовали Молодыми Королевствами. Пиратские флоты раз за разом пытались завладеть прекрасным Имрриром, Призрачным Городом, столицей Драконьего Острова Мельнибонэ, — пока безуспешно... пока. Но даже самые близкие друзья императора отказывались верить в надвигающееся крушение Мелнибонэ. Им не нравилось, когда он заговаривал об этом, и они вовсе не пытались скрывать своих чувств.

Так что императору оставалось только размышлять в одиночестве. Он часто сожалел, что у его отца, Сэдрика Восемьдесят Шестого, не было других детей. Ведь сложись судьба иначе, и на Рубиновом Троне вместо него восседал бы кто-нибудь другой, более подходящий для роли монарха.

Сэдрик опочил год назад со счастливой улыбкой на устах в предвкушении смерти. Жена его умерла родами, и, будучи однолюбом, а к тому же истинным мелнибонэйцем, Сэдрик не искал женщины, которая смогла бы заменить ему потерянную супругу. Сына же, который своим рождением убил мать, он попросту не желал видеть.

Ребенок родился на редкость слабым, и его с первых дней жизни принялись поить колдовскими отварами и настоями редких трав, дабы придать младенцу сил. Он выжил лишь благодаря волшебю, апатичное дитя, которому собственных сил едва хватало на то, чтобы шевельнуть ручонкой.

Однако молодой император открыл для себя в своей телесной слабости одно преимущество: возможность много читать, не отвлекаясь на игры, которые требовали физических усилий. К пятнадцати годам он прочел все книги в библиотеке отца, некоторые из них — по нескольку раз. В искусстве колдовства, азы которого он узнал у Сэдрика, ему теперь, похоже, не было равных среди всех его предков. Его память хранила множество сведений о других краях и землях, хотя сам он не бывал почти нигде. Пожелай он того, ему не составило бы труда возродить былое могущество Драконьего Острова и воцариться над Молодыми Королевствами непобедимым тираном.

Но чтение приучило его задумываться над тем, что есть

власть, к чему она ведет и как ею пользоваться. Книжки заложили в нем основы человечности, о которых он пока едва ли догадывался.

Подданным поведение юноши казалось загадочным, а кое-кто заявлял даже, что мысли его и поступки — вовсе не те, какие должны быть у истинного мелнибонэйца, особенно — у императора Мелнибонэ.

Многие слышали, как двоюродный брат императора Йиркун говорил, что сильно сомневается, может ли его родич править Драконьим Островом. «Этот хилый книжник всех нас погубит», — сказал он однажды Дайвиму Твару, Правителю Драконьих Пещер. Близкий друг императора, Дайвим Твар мрачно поведал ему о своем разговоре с принцем Йиркуном, но монарх ограничился лишь замечанием, что, дескать, это самая обычная измена, а ведь его предки за подобные речи карали воистину беспощадно.

Положение императора осложняло еще и то, что Йиркун, который отнюдь не делал секрета из своих притязаний на Рубиновый Трон, был братом Киморил, той самой девушки, которую Элрик собирался в скором времени назвать женой.

Принц Йиркун, облаченный в шелковые отороченные мехами одежды, сверкая драгоценностями, танцевал на мозаичном полу парадной залы в окружении большой группы женщин. Все они, как утверждала молва, были когда-то его любовницами. Смуглое лицо, одновременно привлекательное и угрюмое, длинные волнистые черные волосы, сардоническая усмешка, обычно надменный взгляд. Полы плотного парчового плаща то и дело намеренно задевали кого-нибудь из танцующих.

Придворные не уважали принца, некоторых возмущала его заносчивость, но все молчали, ибо Йиркун знал толк в волшебстве. И потом: разве не именно так следует вести себя благородному мелнибонэйцу и, если уж на то пошло, императору?

Элрик знал об этом. Порой ему хотелось чем-нибудь порадовать двор, но он не мог заставить себя принимать участие в том, что полагал утомительным и пустым занятием. Тут он, пожалуй, превосходил высокомерием самого Йиркуна, который, правда, тоже иногда манкировал приличиями.

Музыка стала громче. Певцы-рабы, которым делались особые операции с тем, чтобы они могли выводить каждый одну-единственную ноту, зато в совершенстве, удвоили свои старания. Даже императора зачаровала зловещая гармония

мелодии, которой не по силам создать обычному человеку. Почему, подумал он, чтобы возникла такая красота, нужно претерпеть боль? А может, красота вообще рождается через боль? Неужели именно в этом секрет великого искусства, одинаковый для людей и для мелнибонзйцев?

Император Элрик, задумавшись, прикрыл глаза, но тут его внимание привлек легкий переполох в зале. Высокие двери распахнулись, придворные замерли в почтительных позах. Вошли солдаты: светло-голубая форма, причудливых очертаний шлемы, длинные пики с широкими наколенниками, украшенные лентами с драгоценными камнями. Они сопровождали молодую женщину в голубом платье; на обнаженных руках ее сверкали переливаясь золотые браслеты, усеянные изумрудами и сапфирами. В ее черных волосах искрились нити бриллиантов. В отличие от большей части придворных дам ни на щеках ее, ни на веках не было и следа косметики.

Элрик улыбнулся. Киморил. Солдаты — личная охрана девушки, что согласно обычаю должна следовать за нею повсюду, — встали на ступеньки Рубинового Трона. Элрик медленно поднялся и протянул руки.

— Приветствую тебя, Киморил. Я уж думал, ты решила лишить нас на сегодня своей красоты.

Девушка улыбнулась в ответ.

— Мой император, я поняла, что мне хочется поговорить с тобой.

На душе у Элрика потеплело. Она знала, что он скучает и что она — одна из немногих на Мелнибонэ, с кем ему интересно разговаривать. Будь его воля, он усадил бы ее на трон рядом с собой — но согласно этикету ей придется примоститься на верхней ступеньке у его ног.

— Садись, прекрасная Киморил.

Он и сам снова сел на трон и наклонился вперед. Девушка глядела на него насмешливо и нежно. Ее стража стояла на ступеньках среди телохранителей императора.

Киморил произнесла вполголоса — так, чтобы услышал только Элрик:

— Не хочет ли мой господин отправиться завтра со мной на прогулку в дикий край?

— У меня много дел... — начал было он, но идея захватила его. Не одна неделя минула с тех пор, как они последний раз катались верхом за городом — совсем одни, если не считать державшегося на почтительном удалении эскорта.

— Они такие срочные?

Элрик пожал плечами.

— Разве на Мелнибонэ есть срочные дела? Зная, что за спиной у тебя десять тысяч лет, ко всему начинаешь относиться по-особому.

Он озорно улыбнулся — точь-в-точь мальчишка, которому не терпится улизнуть от наставника.

— Что ж, давай договоримся на раннее утро, когда все еще будут спать.

— Воздух за Имрриром будет чистым и свежим, солнце — теплым для этого времени года, небо — голубым и безоблачным.

Элрик рассмеялся.

— Да ты, оказывается, колдунья!

Киморил потупилась и пальчиком провела по мрамору помоста, на котором высился трон.

— Разве что немножко. У меня друзья среди самых слабых духов.

Элрик коснулся ее роскошных волос.

— Йиркун знает?

— Нет.

Принц Йиркун запретил своей сестре совать нос в колдовские дела. Он сам водил знакомство лишь с темнейшими из сил и знал, как опасны они могут быть. Отсюда он заключил, что всякое колдовство опасно. К тому же ему была ненавистна сама мысль о том, что кто-то другой может сравняться с ним в умении ворожить. Пожалуй, Элрика сильнее всего ненавидел именно из-за этого.

— Будем надеяться, что всему Мелнибонэ нужна завтра хорошая погода, — сказал Элрик.

Киморил недоуменно поглядела на него. Она была истинной мелнабонэйкой. Ей не приходило в голову, что ее колдовство может оказаться для кого-то нежеланным.

Девушка покачала головкой и прикрыла ладонью руку своего повелителя.

— Зачем? — спросила она. — Зачем постоянно терзать себя? Мой простой ум не в силах этого понять.

— Сказать по правде, и мой тоже. Я не вижу в этом никакого резона. Но вспомни: не один из наших предков предсказывал изменение самой природы Земли — физическое и духовное. Быть может, когда я вот так задумываюсь, то грежу о нем?

Музыка смолкла — и зазвучала снова. Придворные про-

должали танцевать. Исподтишка поглядывая на Элрика и Киморил, занятых беседой. Когда Элрик объявит Киморил своей нареченной? Возродит ли он обычай, который отринул Сэдрик, — приносить двенадцать женихов и двенадцать невест в жертву Владыкам Хаоса, чтобы те взяли под свое покровительство брак правителя Мелнибонэ? Сэдрик пренебрег обычаем — и жена его умерла, сам он исстрадался, сын его родился хилым, монархия едва не погибла. Элрик обязан возродить древний обычай! Пускай он ни во что не ставит традиции, но даже его должна страшить судьба, которая выпала на долю отца.

Однако находились и такие, кто говорил, что Элрик ничего не делает по обычаю и потому рискует не только собственной жизнью, но и самим существованием Мелнибонэ и всем, что связано с островом.

Обычно те, кто держал подобные речи, могли рассчитывать на дружбу принца Йиркуна.

Сейчас принц сосредоточенно танцевал, как будто не слыша разговоров вокруг, не замечая, что сестра его ведет беседу с императором, который восседает на Рубиновом Троне — сидит на самом краю его, забыв о своем достоинстве, который не наделен и каплей той жестокости и гордыни, что во все времена отличала императоров Мелнибонэ; который оживленно болтает, не считаясь с тем, что придворные танцуют ради его удовольствия!

Принц Йиркун вдруг остановился, не завершив па, и поднял темные глаза на императора. Картинная поза Йиркуна привлекла внимание Дайвима Твара, и Правитель Драконьих Пещер нахмурился. Рука его потянулась было к перевязи, но на придворном балу носить оружие запрещалось. Принц Йиркун начал подниматься по ступеням, что вели к Рубиновому Трону; Дайвим Твар неотрывно следил за ним. Многие провожали глазами высокую фигуру двоюродного брата императора; никто уже и не помышлял о танце, хотя музыканты ни на миг не переставали играть, а надсмотрщики иступленно подгоняли певцов.

Элрик посмотрел на Йиркуна: тот остановился, когда до трона оставались лишь две ступени, и поклонился. В том, как он это сделал, было что-то вызывающее.

— Прости, что помешал тебе, мой император, — сказал он.

2 — По нраву ли тебе бал, кузен? — спросил Элрик, прекрасно понимая, что у Йиркуна одна цель — хоть чем-то задеть, хоть как-то унижить императора. — Как ты находишь музыку?

Йиркун опустил глаза и загадочно улыбнулся.

— Я всем доволен, мой сеньор. Но вот ты? Быть может, тебя что-то тяготит, раз ты не присоединяешься к нашему танцу?

Элрик потрогал пальцем подбородок и поглядел на Йиркуна, тщетно стараясь поймать его взор.

— Ты зря так думаешь, кузен. Разве наблюдать, как веселятся другие, само по себе не удовольствие?

Всем своим видом Йиркун изобразил крайнее изумление и в упор посмотрел на Элрика. Тот вздрогнул, отвел глаза и вялым взмахом руки указал на галерею.

— А может, я нахожу удовольствие, лицезрею боль. Не тревожся за меня, кузен. Мне хорошо. Да, мне хорошо. Продолжай же танцевать, зная, что твой император весел и доволен.

Но Йиркун не отступался.

— Если император не желает, чтобы его подданные удалились в печали и смятении, он должен выказать им свое удовольствие.

— Позволь напомнить тебе, кузен, — произнес Элрик спокойно, — что у императора нет никаких обязанностей по отношению к подданным, кроме разве одной — править ими. Дело подданных — ублажать правителя; таков обычай Мелнибонэ.

К подобному аргументу Йиркун явно не был готов и на какой-то миг смешался, но тут же оправился.

— Конечно, мой господин. Обязанность императора — править своими подданными. Быть может, поэтому столь многим из них не так весело на балу, как могло бы быть.

— Я не понимаю тебя, кузен.

Киморил поднялась, сжав кулаки, встревоженная занозистым тоном брата.

— Йиркун, — позвала она вполголоса.

Принц соизволил ее заметить.

— А, сестра. Как я погляжу, ты разделяешь нелюбовь нашего императора к танцам?

— Йиркун, — повторила девушка, — ты забываешься. Император терпелив, но...

— Терпелив? А может, беззаботен? И потому ни во что

не ставит обычаи нашего великого народа? И потому ему нет дела до нашей гордости?

Дайвим Твар поставил ногу на нижнюю ступень лестницы, что вела к трону. Трудно было не понять, что Йиркун намерен открыто оспорить право Элрика на власть.

Киморил ошеломили слова принца.

— Брат, если бы ты пожил... — торопливо проговорила она.

— Я не желаю жить вообще, если погибнет дух Мелнибонэ! А охранять и поддерживать этот дух — святой долг императора. Но как быть, если императору это не по силам? Если он слишком немощен, если для него величие Драконьего Острова — пустой звук?

— Ты задаешь нелепые вопросы, кузен, — в голосе Элрика послышались металлические нотки. — Такой император никогда не сидел на Рубиновом Троне и никогда на него не сядет.

Дайвим Твар тронул Йиркуна за плечо.

— Принц, если ты дорожишь своей жизнью и честью...

Элрик поднял руку.

— Не нужно, Дайвим Твар. Принц Йиркун просто решил развлечь нас ученым спором. Боясь, кстати совершенно напрасно, — что нам наскучили музыка и танцы, он надумал поднять наш дух занимательной беседой. Мы благодарны принцу Йиркуну за такую заботу.

Последнюю фразу Элрик произнес нарочито добродушно.

Йиркун покраснел от гнева и закусил губу.

Продолжай же, любезный кузен Йиркун, — поощрил его Элрик. — Мне интересно. Я готов выслушать твои доводы.

Йиркун огляделся, словно ища поддержки, но все его сторонники находились внизу, у подножия помоста. А поблизости стояли лишь друзья Элрика — Дайвим Твар и Киморил. Однако принц знал, что его сторонники ловят каждое слово и что он уронит себя в их глазах, если ему не удастся ответить ударом на удар. Элрик догадывался, что, будь это возможно, Йиркун предпочел бы сейчас с достоинством отступить и возобновить схватку в другой день и по иному поводу. Самому императору вовсе не хотелось продолжать пикировку, которая больше походила на ссору двух маленьких девчушек из-за того, кому первому играть с рабами. Он решил положить ей конец.

Йиркун собравшись с мыслями.

— Тогда позволь мне заметить, что император, который

физически слаб, почти наверно, не обладает силой воли, чтобы...

Элрик поднял руку, прерывая его.

— Достаточно, любезный кузен. Достаточно. Беседа утомила тебя, и, вне всякого сомнения, ты хотел бы вернуться к танцующим. Я тронут твоей заботой. По правде сказать, меня тоже одолевала усталость.

Элрик сделал знак своему старому слуге Перекруту, который стоял среди солдат на дальнем конце помоста.

— Перекрут, мой плащ! — Элрик поднялся. — Еще раз выражаю тебе свою признательность, кузен.

Затем он обратился к придворным:

— Вы доставили мне огромное наслаждение. Теперь я покидаю вас.

Перекрут принес плащ из белого лисьего меха и набросил его на плечи императора. Очень старый, Перекрут ростом был гораздо выше Элрика, хотя спину его венчал горб, а руки и ноги как будто по собственной воле закручивались в причудливые узлы, словно ветви крепкого древнего дерева.

Элрик пересек помост и исчез за дверьми, которые открывались в коридор, что вел к личным покоям императора.

Йиркуна оставили кипеть от злости. Он круто обернулся и раскрыл было рот, чтобы обратиться к глядящим на него придворным. Некоторые из них — те, что не входили в число его сторонников, — открыто усмехались, Йиркун сжал кулаки, кинув свирепый взгляд на Дайвима Твара. Тот холодно смотрел на него в ответ.

Принц откинул голову — его завитые кудри густой волной рассыпались по плечам — и рассмеялся. Музыка оборвалась. Продолжая смеяться, Йиркун перешагнул через ступеньку и очутился на помосте.

Киморил сделала движение навстречу:

— Йиркун, будь добр...

Он оттолкнул ее плечом и, плотно закутавшись в свой тяжелый плащ, решительно направился к Рубиновому Трону. Стало ясно, что он намерен усестя на него и тем самым совершить одно из самых преступных для мелнибонэйца деяний. Киморил бросилась за принцем и ухватила его за руку.

— На Рубиновом Троне должен сидеть Йиркун! — рявкнул принц. Киморил с ужасом поглядела на Дайвима Твара, чье лицо помрачнело от гнева.

Дайвим Твар сделал знак страже, и тут Йиркуну преградили дорогу к трону две шеренги вооруженных людей.

Йиркун злобно посмотрел на Правителя Драконьих Пещер.

— Не советую тебе пережить своего хозяина, — прошепел он.

— Почетному караулу проводить принца из залы, — спокойно, будто не услышав, приказал Дайвим Твар. — Нам всем сегодня доставили удовольствие его рассуждения.

Йиркун затравленно огляделся, но потом расслабился и пожал плечами.

— Времени хватит, — сказал он. — Если Элрик не откажется от престола, значит, его надо устранить.

Киморил напряглась. Глаза ее метали молнии.

— Знай, Йиркун, если с Элриком что случится, я сама убью тебя, — сказала она брату.

Он приподнял свои густые брови и улыбнулся. Казалось, сейчас он ненавидел свою сестру сильнее, чем кузена.

— Твоя привязанность к нему окажется для тебя роковой, Киморил. Я предпочел бы видеть тебя мертвой, но не матерью его отпрыска. Его кровь недостойна того, чтобы смешаться хотя бы с каплей крови нашего дома. А прежде чем угрожать мне, позаботься о себе, сестра!

Вихрем слетев по ступеням, он растолкал тех, кто начал было поздравлять его. Он знал, что проиграл, и лезть приспешников только раздражала. Огромные двери залы с грохотом захлопнулись за ним.

Дайвим Твар поднял обе руки.

— Продолжайте танцевать, придворные. Вся зала к вашим услугам. Император останется доволен.

Но ясно было, что на продолжение бала рассчитывать не приходится. Придворные возбужденно обсуждали происходящее.

Дайвим Твар повернулся к Киморил.

— Элрик отказывается видеть опасность, принцесса Киморил. Амбиции Йиркуна навлекут несчастье на всех нас.

— И на него самого, — вздохнула Киморил.

— Да, и на него самого. Но что мы можем сделать, Киморил, если Элрик не желает отдать приказ об аресте твоего брата?

— Он считает, что таким, как Йиркун, не следует мешать говорить все, что им захочется. Он так смотрит на мир. Я с трудом понимаю его. Если он погубит Йиркуна, то тем самым уничтожит основу своего мировоззрения. По крайней мере, Правитель Драконов, так он мне объяснял.

Дайвим Твар вздохнул и нахмурился. Не будучи в силах понять Элрика, он чувствовал иногда, что начинает симпатизировать Йиркуну. Того-то распознать особого труда не составляло. Однако Твар слишком хорошо знал характер Элрика, чтобы поверить, будто поступки его друга обусловлены слабостью или апатией. Парадокс заключался в том, что Элрик терпел выходки Йиркуна из-за своей силы, из-за того, что мог уничтожить Йиркуна в любой момент, когда бы ему этого ни захотелось. А принц продолжал свои нападки потому, что инстинктивно чувствовал: ослабей воля Элрика и прикажи император его убить, значит, он выиграл. Другими словами, положение пренеприятнейшее, и Дайвим Твар порою горько сожалел, что оказался в нем замешан. Однако верность его королевской линии Мелнибонэ и личная привязанность к Элрику пока пересиливали. Время от времени в голову ему приходила мысль об убийстве Йиркуна, но он тут же ее отметал. Могучий чародей, принц Йиркун, несомненно, загодя узнает о любом замышляемом покушении на свою жизнь.

— Принцесса Киморил, — сказал Дайвим Твар, — нам остается только молить, чтобы принц Йиркун однажды подавился собственной яростью.

— Я согласна с тобой, Правитель Драконьих Пещер.

И они вдвоем покинули залу.

3 Свет раннего утра коснулся высоких башен Имррира, и они замерцали, заискрились, каждая по-своему, в первых лучах солнца. Розовый, желтый, багровый, бледно-зеленый, белый, золотистый, голубой, коричневый, лиловый, оранжевый — бесчисленное множество цветов и оттенков. Двое всадников выехали из ворот Призрачного Города и помчались прочь от его каменных стен к сосновому бору, где среди деревьев словно ненадолго прикорнула уходящая ночь. По веткам скакали белки, лисы возвращались в норы, пробовали голоса птицы, цветы раскрывали свои лепестки, наполняя воздух дивным ароматом. Над некоторыми из них уже кружили насекомые. Эта сельская умиротворенность составляла разительный контраст с жизнью расположенного неподалеку города и, по-видимому, повлияла как-то на мысли одного из всадников, который спешил и сразу погрузился по колено в море голубых цветов. Теперь он вел коня за собой в поводу. Другой всадник — вернее, всадница, ибо это была женщина, — остановила свою лошадь, но

спешиваться не стала. Опершись на луку высокого мелнибонзэйского седла, она улыбнулась мужчине, своему возлюбленному.

— Элрик, ты не хочешь уехать подальше от Имррира?

Он улыбнулся ей в ответ.

— Сейчас-сейчас. Мы так быстро усаkali, что у меня не было времени собраться с мыслями.

— Как тебе спалось?

— Наверно, неплохо, Киморил, хотя если мне что и снилось, то я ничего не помню. Да еще этот Йиркун.

— Ты думаешь, он замыслил одолеть тебя с помощью волшбы?

Элрик пожал плечами.

— Замысли он что-нибудь на самом деле серьезное, я сразу о том узнаю. Ему известна моя сила. Вряд ли он прибегнет к колдовству.

— Но у него есть основания сомневаться в том, что ты воспользуешься своей силой. Он так давно тебя донимает, что удивительно, как это до сих пор не испытал твоего волшебства, хотя терпение испытывает день за днем.

Элрик нахмурился.

— Пожалуй, ты права. Но, я думаю, он наберется решимости не сегодня и не завтра.

— Он не успокоится, пока не погубит тебя, Элрик.

— Или пока не погибнет сам. — Элрик наклонился, сорвал цветок и улыбнулся. — Твой брат склонен к крайностям, Киморил. Как слабый ненавидит слабость!

Киморил поняла, что он имел в виду. Спешившись, она подошла к императору. Ее тонкое голубое платье удивительно гармонировало с цветами вокруг. Элрик протянул ей цветок, она приняла его, поднесла к губам и поцеловала.

— И как сильный ненавидит силу, любимый! Хотя Йиркун мой родич, я вот что посоветую тебе: используй против него свою силу.

— Я не могу убить его. Не имею права, — на лице Элрика появилось привычное задумчивое выражение.

— Так изгони его.

— Для мелнибонзэца изгнание означает смерть.

— Но ты же сам говорил о путешествии по землям Молодых Королевств.

Элрик рассмеялся, но в смехе его слышалась горечь.

— Я не истинный мелнибонзэц, если верить Йиркуну и тем, кто повторяет его слова.

— Он ненавидит тебя из-за твоей задумчивости. Но таким был и твой отец, однако никто не станет отрицать, что правил он, как должно.

— Мой отец не допускал, чтобы его думы влияли на государственные дела. Он правил по-императорски. Я должен признать, что из Йиркуна вышел бы неплохой правитель. Ведь возможность возродить величие Мелнибонэ еще не утрачена. Стань Йиркун императором, он покорил бы весь мир и бросил его к подножию Рубинового Трона. А разве не этого жаждет большинство моих подданных? Так вправе ли я мешать им?

— Ты вправе делать все, что сочтешь нужным, ибо ты император. Я говорю за всех, кто хранит верность тебе.

— Быть может, они хранят верность не тому, кому надо. А если Йиркун прав и я навлеку гибель на Драконий Остров? — алые глаза Элрика не отрываясь глядели на девушку. — Предположим, я умер, едва появившись на свет. Императором становится Йиркун. Отвратит ли это удар Судьбы?

— От Судьбы не уйдешь. Все, что случается, случается по ее воле — если, конечно, Судьба существует и если поступки одних не есть всего лишь реакция на поступки других.

Элрик глубоко вздохнул, и ироничная улыбка тронула его губы.

— По обычаям Мелнибонэ, Киморил, ты заслуживаешь прозвища еретички. Пожалуй, будет лучше, если мы расстанемся.

Девушка рассмеялась.

— До чего же похоже на моего брата! Ты проверяешь мою любовь, мой господин?

— Нет, Киморил, — ответил он, снова усаживаясь в седло, — но мне хотелось бы, чтобы ты сама проверила ее, потому что, мне кажется, за ней стоит трагедия.

Одним движением оказавшись в седле, Киморил улыбнулась и покачала головой.

— Ты во всем видишь перст Судьбы. Неужели нельзя просто радоваться тому хорошему, что у нас есть? Ведь его так немного, о господин мой.

В этом я с тобой согласен.

Вдруг вдалеке послышался топот копыт. Молодые люди обернулись. Среди деревьев мелькали желтые одежды стражников, от которых влюбленные ускакали, желая побыть наедине.

— Вперед! — крикнул Элрик. — Через лес вон к тому холму. Там им ни за что нас не найти.

Они прищипорили коней, в мгновение ока миновали пронизанные солнечными лучами бор, перемахнули через холм и очутились на равнине, поросшей густым кустарником, чьи сочные ядовитые плоды отливали столь густой синевой, что ее бессилён был рассеять и свет дня. На Мелнибонэ росло много подобных кустарников и трав, и некоторым из них Элрик обязан был жизнью. Другие, которыми пользовались для приготовления колдовских отваров, посажены были еще в незапамятные времена. Но теперь редкий мелнибонэец отваживался покидать стены Имррира. Лишь рабы шныряли по острову, выскивая корни и ягоды, которые повергают человека в чудовищные или бесконечно прекрасные сны; эти сны служили одним из излюбленных развлечений мелнибонэйской знати. Мелнибонэйцев всегда привлекали призраки, порожденные их сознанием и воплотившиеся в сновидениях, именно из-за этого их пристрастия получил Имррир прозвание Призрачного Города. Даже рабы жевали ягоды, чтобы забыться, и потому ими легко было управлять, ибо они не желали разлучаться со своими снами. Лишь Элрик отказывался — быть может, потому, что он и так пил отвар за отваром и настой за настоем, чтобы просто остаться в живых.

Стражники безнадежно отстали. Влюбленные добрались до утесов. Не очень далеко внизу ярко искрилось и обдавало пеной белый прибрежный песок море. В чистом небе кружили чайки. Их приглушенные расстоянием крики придавали лишь большее очарование тому чувству умиротворения, которое испытывали сейчас Элрик и Киморил. В молчании молодые люди свели коней по крутой тропке на берег и привязали их там в укромном уголке, а сами пошли дальше. И ветерок с востока ерошил им волосы — белые у юноши, иссиня-черные у девушки.

Они нашли большую сухую пещеру, по стенам которой гуляло эхо прибоя. Сбросив свои шелковые одежды, они предались любви в глубоких пещерных тенях. Солнце поднималось все выше, ветер утих, а они не разжимали объятий. А потом рука об руку бросились в море, хохоча от избытка чувств.

Обсохнув, они начали одеваться, и только тут заметили, как потемнел горизонт.

— Мы снова вымокнем, прежде чем доберемся до

Имррира, — сказал Элрик. — Как бы быстро мы ни скакали, буря нас все равно нагонит.

— Может, нам лучше переждать в пещере? — предложила Киморил, прижавшись к нему всем телом.

— Нет, — ответил он. — Мне надо возвращаться, ибо те отвары, которые придают сил моему телу, остались в Имррире. Еще час-другой — и я начну слабеть. А ты знаешь, что это такое, Киморил.

Она погладила его по лицу.

— Да, знаю. Что же, Элрик, пойдем искать лошадей.

Когда лошади нашлись, небо над головой стало серым, а на востоке уже клубились черные тучи. Вдалеке погромыхивало и сверкали молнии. Морю словно передалась часть безумия небосвода. Кони фыркали и рыли копытами песок, стремясь умчаться домой. Едва Элрик и Киморил уселись в седла, первые крупные капли дождя забарабанили по их плащам. Влюбленные пустили коней вскачь, а вокруг одна за другой полыхали молнии и рокотал, точно разъяренный гигант, гром, казалось, какой-то великий Владыка Хаоса пробивается непрошеный в плоскость Земли.

Киморил поглядела на бледное лицо Элрика, осветившееся на миг вспышкой небесного огня. Она почувствовала, как ее начинает пробирать холодная дрожь, дрожь, которая никак не связана с ветром или дождем. Девушке показалось вдруг, что ее нежный книжник-возлюбленный превратился по воле духов в адского демона, в чудовище, лишенное всякого сходства с человеком. Его алые глаза на бледном лице сверкали, словно огни Вышнего Ада; отброшенные назад ветром волосы казались гребнем зловещего воинского шлема; в неверном свете молний губы его виделись искаженными гримасой ярости и муки.

И внезапно Киморил поняла, что нынешнее утро — это последнее мгновение мира и покоя, которое им обоим суждено испытать. Буря была знамением богов — сулила приход куда более жестких ураганов.

Девушка снова взглянула на возлюбленного. Элрик смеялся. Он закинул голову, так что теплые капли дождя падали в его раскрытый рот. Смех его был легким, ничем не омраченным смехом счастливого ребенка.

Киморил попыталась было тоже рассмеяться, но ей тут же пришлось отвернуться, чтобы Элрик не увидел ее лица. Ибо девушка заплакала. Слезы продолжали катиться у нее из глаз и тогда, когда на горизонте показался Имррир — черный

причудливый силуэт на фоне еще не затронутой грозой западной части небосвода.

4 Стражники в желтом заметили Элрика и Киморил, когда те подскакали к восточным воротам города.

— Они нас таки нашли, — улыбнулся Элрик; дождь хлестал ему в лицо. — Но немного поздновато, а, Киморил?

Киморил, оглушенная открывшимся ей велением судьбы, кивнула и попыталась улыбнуться в ответ.

Элрику ее улыбка показалась гримаской разочарования — всего лишь. Он крикнул стражникам:

— Эй, парни! Не пора ли нам обсушиться?

Начальник стражи прокричал в ответ:

— Мой император, тебя ждут в башне Моншанджик, где содержится пойманные лазутчики!

— Лазутчики?

— Да, мой повелитель. — Лицо воина было бледным. Вода ручейками стекала по шлему, а тонкий плащ промок насквозь. Конь его то и дело взбрыкивал и шарахался из стороны в сторону, поднимая тучи брызг из луж на разбитой дороге.

— Их задержали утром в лабиринте. Судя по клетчатым платьям — это варвары с юга. Мы не стали допрашивать их до твоего возвращения.

Элрик взмахнул рукой.

— Вперед, мой друг! Посмотрим на глупцов, которые рискнули ступить в морской лабиринт Мелнибонэ!

Башня Моншанджик была названа по имени зодчего-чародея, который выстроил морской лабиринт тысячелетия назад. Только через этот лабиринт могли попасть корабли в огромную гавань Имррира, и потому он неусыпно охранялся, ибо лучшей защиты на случай внезапного нападения придумать было просто невозможно. Настолько хитроумным был лабиринт, что даже опытные кормчие рисковали запутаться в нем. До того, как его построили, гавань была внутренней бухтой, в которую море проникало через сеть естественных пещер в величественном утесе, что отделял бухту от водного простора. Через лабиринт вело пять проходов, но каждому кормчему известен был лишь один из них. В обращенной к морю стене утеса чернели пять отверстий. Возле них корабли

Молодых Королевств бросали якоря и ждали, когда к ним на борт поднимется мелнибонзэйский кормчий. Решетки, преграждавшие путь в ту или иную пещеру, не поднимались до тех пор, пока на палубе судна не оставалось ни одного члена экипажа, за исключением рулевого да гребного мастера. Однако и им на головы одевали тяжелые стальные шлемы, так что они ничего не видели и только повиновались распоряжениям кормчего. А если какой-либо корабль отказывался исполнить этот обычай и, двигаясь по лабиринту без лощмана, налетал на скалы, мелнибонзэйцы лишь усмехались, а оставшихся в живых из его команды обращали в рабов. Все, кто хотел торговать с Призрачным Городом, знали об этой опасности, но она не останавливала купцов, которые из месяца в месяц пытались проникнуть сквозь лабиринт с тем, чтобы обменять свои ничтожные безделушки на чудеса Мелнибонэ.

Башня Моншанджик возвышалась над гаванью и над громадным молотом, что надвое рассекал бухту. Цвета она была морской лазури и выглядела приземистой по сравнению с другими башнями Имррира, но все равно прекрасной. Из ее больших окон взору открывалась вся гавань. В ней решались многие вопросы портовой жизни, а на самых нижних ярусах башни содержались заключенные, которые угодили туда за нарушение того или другого из мириада правил, регулировавших повседневную работу порта.

Отправив Киморил в сопровождении стражников во дворец, Элрик поскакал к башне Моншанджик. Здесь у входа толпились купцы, ожидая разрешения начать торговлю, а весь первый ярус забит был моряками, опять же купцами и мелнибонзэйскими чиновниками, хотя обычно всякие торговые сделки заключались не тут. Гомон тысяч голосов постепенно смолкал по мере того, как люди замечали императора.

Наконец Элрик и его охрана очутились у темного арочного проема, откуда длинный извилистый пандус вел в самое нутро башни.

Всадники устремились вниз, мимо торопливо уступавших дорогу рабов, слуг и чиновников. Туннель освещали громадные факелы, которые нещадно дымили, отбрасывая причудливые тени на гладкие обсидиановые стены. Воздух стал холодным и сырым, ибо подвалы башни располагались гораздо ниже уровня воды в бухте. А пандус вел все дальше и дальше. Вдруг в лицо императору пахнуло теплом, и впереди замерцал свет. Всадники въехали в полный дыма зал,

даже воздух в нем был пронизан страхом. С низкого потолка свешивались цепи; на восьми из них, головами вниз, раскачивались четверо людей. Обнаженные тела их были залиты кровью, которая сочилась из десятков ранок, нанесенных скальпелем палача.

Сам палач стоял рядом, любуясь на дело рук своих. Был он высокий и тощий и походил на скелет в окровавленном белом платье. Тонкогубый, глаза-щелочки, тонкие пальцы, тонкие, жидкие волосы — и скальпель в руке тоже тонкий, почти невидимый, посверкивающий иногда в бликах пламени, что жарко полыхало в яме в дальнем конце пещеры. Прозвище палача было Доктор Шутник, и он утверждал, будто занятие у него — самое что ни на есть творческое: выдирать тайны у тех, кто не хочет их открывать. Доктор Шутник был Главным дознавателем Мелнибонэ.

Элрик спешился. Палач обернулся к нему и чинно поклонился.

— Наш славный император!

И голос у него тоже был тонкий, и потом он произнес эти слова так быстро, что впору было подумать, будто он ничего и не говорил.

— Приветствую тебя, доктор. Это и есть те самые южане, которых поймали сегодня утром?

— Да, мой повелитель. — Еще один поклон. — Смотри сам.

Элрик холодно оглядел пленников. Он не испытывал к ним сочувствия. Они сами себя приговорили. Им было известно, на что они идут. Но ему показалось, что один из них — мальчик, а другая женщина, хотя все четверо так извивались на своих цепях, что с первого взгляда определить наверняка было трудно.

Тут женщина выплонула в Элрика остатки своих зубов и прошипела:

— Демон!

Элрик отступил на шаг.

— Выяснил ли ты, доктор, зачем они забрались в наш лабиринт? — спросил он.

— Одни догадки, мой повелитель, не более того. Должен признать, они крепкие ребята. Я так полагаю: они хотели снять карту лабиринта, которой потом могли бы воспользоваться пираты. Но деталей мне пока что извлечь не удалось. Такая вот у нас идет игра. Самое интересное, мы все знаем, чем она закончится.

— Когда же ты разговоришь их, Доктор Шутник?
— О, весьма скоро, мой повелитель.
— Хорошо бы узнать, нужно ли нам готовиться отражать нападение. И чем скорее мы это узнаем, тем больше у нас будет времени на подготовку. Ты понимаешь меня, доктор?
— Да, мой повелитель.
— Отлично, — Элрик не старался скрыть раздражения. День, который начался так хорошо, был безнадежно испорчен.

Доктор Шутник вернулся к прерванному появлением императора занятию. Свободной рукой он ухватил гениталии одного из пленников-мужчин. Сверкнул скальпель, раздался чудовищный вопль. Доктор швырнул что-то в огонь.

Элрик уселся в подставленное кресло. Методы, с помощью которых добывались нужные сведения, вызывали в нем скорее скуку, чем отвращение. Душераздирающий визг, звяканье цепей, прищепывание палача — из-за всего этого от утренней радости, которая совсем недавно царила в его сердце, не осталось и следа. Присутствовать же при допросах входило в обязанности императора. Вот и сейчас придется сидеть тут до тех пор, пока Главный Дознаватель не добьется желаемого. Потом надо будет его похвалить и отдать приказы по отражению нападения. И это еще не все: нужно будет собрать военачальников и решить с ними, как расположить корабли и людей. Совет наверняка затянется до глубокой ночи.

Элрик зевнул и откинулся на спинку кресла. Доктор Шутник колдовал над телами пленников. В руках его мелькали то щипцы, то клещи, то скальпель. Мысли императора обратились к философским проблемам, которые его ум давно уже тщетно старался разрешить.

Не стоит обвинять Элрика в бесчеловечности. Он родился на Мелнибонэ и привык к подобным зрелищам с детства. Даже пожелай он того, император не мог бы спасти пленников, не нарушив при том всех и всяческих обычаев Драконьего Острова. Он приучил себя отбрасывать чувства, которые шли в разрез с его обязанностями императора. Будь хотя бы какой-то резон в освобождении четверых варваров, что дергаются сейчас в руках палача, Элрик не задумываясь освободил бы их. Однако такого резона не было; и потом, сами пленники безгранично изумились бы, встретив иное обхождение.

Когда речь шла о моральных проблемах, Элрик обычно

принимал решения, исходя из того, что конкретно он может сделать. Сейчас же он мог только наблюдать, бессильный против обычаев. К тому же император старался поступать не как взбредет в голову, а сообразно поступкам других людей.

Так и теперь. Чего ради проявлять милосердие? Лазутчик — это враг. От врагов защищаются, кто как умест. И потому методы, которые практикует Доктор Шутник, — сейчас наилучшие.

— Мой повелитель?

Элрик вынужден был прервать размышления.

— Я узнал все, что нам нужно, мой повелитель, — тонким голосом произнес Доктор. Две пары цепей были теперь пусты; рабы подбирали что-то с пола и бросали в огонь. Бесформенные тела двоих оставшихся пленников показались Элрику искусно разделанными кусками мяса. Один человек еще подергивался, другой же висел неподвижно.

Доктор Шутник сложил свои инструменты в ящичек, что извлек из кармана фартука. Его белые одежды были густо замараны кровью и желчью.

— Оказывается, они были не первыми, — сказал доктор. — Они явились лишь проверить правильность карты. Даже если они не вернутся вовремя, варвары все равно нападут на нас.

— Но они поймут, что мы их ждем, — нахмурился Элрик.

— Не думаю, мой повелитель. Среди купцов и моряков из Молодых Королевств прополз уже слух, что в лабиринте поймали четверых лазутчиков и закололи копьями — при попытке к бегству.

— Понятно. Значит, пора готовить ловушку для пиратов.

— Да, мой повелитель.

— Ты узнал, каким проходом они поплывут?

— Да, мой повелитель.

Элрик повернулся к одному из стражников.

— Немедленно известить всех наших адмиралов и генералов. Сколько сейчас времени?

— Только что миновал час заката, мой сеньор.

— Скажи им всем, чтобы через два часа собрались у Рубинового Трона.

Выслушав остальные сведения, добытые у четверых лазутчиков, Элрик устало поднялся.

— Ты был великолепен, как обычно, Доктор Шутник.

Тощий палач низко поклонился, словно переломившись пополам. С тонких губ его сорвался елеинный вздох.

5 Йиркун, облаченный в сверкающие доспехи, появился первым, его сопровождали двое здоровенных стражников, которые несли богато расшитые боевые знамена принца.

— Мой император! — вскричал Йиркун задиристо. — Позволь мне командовать нашими воинами! Сними с себя эту заботу и посвяти свое время другим важным делам.

— Благодарю тебя, принц Йиркун, — отозвался Элрик нетерпеливо, — но не тревожься за меня. Я сам буду командовать армией и флотом Мелнибонэ, ибо таковы обязанности императора.

Йиркун вспыхнул и отошел в сторону, уступая место Дайвиму Твару, Правителю Драконьих Пещер. Того не сопровождали никакие стражники, и видно было, что одевался он второпях. Шлем он нес под мышкой.

— Мой император, я хочу поведать тебе о драконах.

— Хорошо, Дайвим Твар, но подожди, пока соберутся все, чтобы они тоже могли услышать.

Дайвим Твар поклонился и отступил к стене, противоположной той, возле которой расположился принц Йиркун.

Постепенно у подножия Рубинового Трона, на котором восседал Элрик, собрались все военачальники Мелнибонэ. На Элрике по-прежнему было то самое платье, в котором он отправился на утреннюю прогулку. У него не было времени переодеться — он до последнего момента занимался тем, что рассматривал карты лабиринта, карты, в которых мог разобраться лишь он один и которые обычно укрыты были от постороннего глаза с помощью колдовских чар.

— Южане хотят захватить богатства Имррира и перебить всех нас, — начал Элрик. — Они полагают, что нашли проход через морской лабиринт. Их флот из сотни боевых кораблей уже направляется к Мелнибонэ. До сумерек завтра они будут держаться за горизонтом, а с наступлением темноты войдут в лабиринт. К полуночи они рассчитывают добраться до гавани, а к утру — завладеть Призрачным Городом. Как по-вашему, это возможно?

— Нет! — дружно, в один голос гаркнули воины.

— Я согласен с вами, — улыбнулся Элрик. — Но как нам получить побольше удовольствия от той маленькой войны, которую они нам предлагают?

Йиркун снова опередил всех.

— Надо пойти им навстречу, на драконах и на боевых барках. А когда они начнут улепетывать, преследовать их до

их собственных земель, чтобы знали, что такое война! Надо сжечь дотла их города! Надо разгромить их и тем упрочить нашу безопасность!

— На драконов рассчитывать не приходится, — проговорил Дайвим Твар.

— Что? — Йиркун даже подскочил. — То есть как?

— А вот так. Их не разбудить, принц. Драконы спят в своих пещерах, утомленные твоим последним заданием.

— Моим?

— Разве ты не использовал их против вилмирианских пиратов? Я говорил тебе, что лучше побережь их силы. Но ты не согласился, драконы сожгли пиратские суденышки, а теперь спят.

Йиркун искоса поглядел на Элрика.

— Я не предполагал...

Элрик поднял руку.

— Нам нет нужды тревожить драконов. Пусть отдыхают. Флот южан не представляет серьезной угрозы. Мы сохраним свои силы, если выждем подходящего момента. Пускай думают, что мы их не ждем. Пускай входят в лабиринт. Как только их последний корабль войдет туда, мы опустим решетки и перекроем все выходы. Они попадутся в ловушку, и нам не составит труда их перебить.

Йиркун пристально глядел себе под ноги, явно огорченный и раздосадованный тем, что не он это придумал. Из группы военачальников выступил высокий пожилой адмирал Магум Колим в доспехах цвета морской волны. Он поклонился императору.

— Золотые барки Имррира готовы защитить город, мой повелитель. Однако потребуется время, чтобы расставить их по местам. Вряд ли у нас получится завести их в лабиринт всех сразу.

— Тогда отправь часть кораблей прямо сейчас наружу и спрячь их у побережья: пусть поджидают тех, кому повезет вырваться, — приказал Элрик.

— Хорошо задумано, мой сеньор, — Магум Колим поклонился снова и вернулся на свое место.

Когда все было обговорено и воины уже собрались уходить, принц Йиркун попытал счастья еще раз.

— Я снова повторяю свое предложение. Мы не можем позволить императору рисковать собой в битве. Другое дело я. Доверьте мне командование всеми силами на суше и на море, а императору лучше остаться во дворце. И я заверяю

его — битва будет выиграна и от флота южан не останется и следа. Мой сеньор, неужели у тебя нет книги, которую ты хотел бы дочитать?

Элрик улыбнулся.

— Я снова благодарю тебя, принц Йиркун. Но императору полезно упражнять и ум и тело. Я сам буду командовать войсками.

Вернувшись в свои покои, Элрик увидел, что Перекрут уже приготовил тяжелые черные доспехи. Они служили многим императорам Мелнибонэ, эти доспехи, обладающие, по слухам, волшебной силой и крепостью, равных которым не найти в плоскости земли, способные противостоять даже легендарным руническим клинкам, Бурезову и Злотворцу. Колдовские мечи принадлежали некогда самому злобному и коварному из правителей Мелнибонэ, а потом ими завладели Владыки Хаоса и спрятали на веки вечные в таком месте, куда они сами редко отваживались заходить.

Лицо старого слуги светилось от восторга, когда он своими длинными узловатыми пальцами любовно перебирал доспехи.

— О, мой господин! О, мой король! Скоро ты познаешь радость битвы!

— Да, Перекрут, — лоб Элрика прорезали морщины озабоченности, — будем надеяться, что радость нас не минет.

— Ты учился у меня владеть мечом и алебардой, луком и копьем, бою пешим и конным. Ты был прилежным учеником, хотя все кругом называли тебя хилым. Теперь лишь один человек на Мелнибонэ может поспорить с тобой в умении обращаться с мечом.

— Да, мне до него далеко, — задумчиво произнес Элрик.

— Ты зря так думаешь, повелитель.

— И этот человек — Йиркун. Ладно, быть может, однажды мы померяемся с ним силами. Надо бы принять ванну.

— Но стоит ли, хозяин? Еще так много нужно сделать.

— А потом лягу поспать, — Элрик улыбнулся преданному слуге, но во взгляде того сквозило неодобрение. — Так будет лучше. Барки расставят по местам и без меня. Мое дело — командовать битвой, а чтобы мне достало на это сил, я должен отдохнуть.

— Как тебе будет угодно, мой император.

— Ты недоволен, Перекрут? Тебе не терпится засунуть меня в эти железки, чтобы я расхаживал в них, точно Эриох собственной персоной?

Перекрут прижал руку к губам, словно стараясь поймать имя, которое сорвалось с уст его хозяина. Глаза его расширились.

Элрик рассмеялся.

— По-твоему, я еретик, а? Бывало, я говорил вещи и похуже, и ничего плохого со мной не случалось. На Мелнибонэ, Перекрут, император повелевает демонами, а не наоборот.

— Как ты скажешь, сеньор.

— Так есть на самом деле, — Элрик вышел из комнаты и окликнул рабов. В предвкушении битвы на душе у него было светло и легко.

Он облачился в черные доспехи: массивный нагрудник, подбитая мехом куртка, длинные наголенники, кольчужные перчатки. На поясе висел пятифуртовый клинок, который, как говорили, принадлежал в свое время славному воину человеческого расы по имени Обек. Огромный круглый щит с изображением нападающего дракона прислонен был к золоченому поручню мостика. На голове у императора был шлем — черный, с головой дракона на шишаке, с драконьими крыльями по бокам и драконьим хвостом по гребню.

Из-под черного шлема глядели два алых глаза и выбивались локоны молочно-белых волос — точно дым из горящего здания. Вот шлем повернулся, и в слабом свете фонаря, который висел у основания грот-мачты, видно стало лицо — прекрасное и благородное: прямой нос, прихотливый изгиб губ, чуть раскосые глаза. Элрик, император Мелнибонэ, вглядывался во мрак лабиринта, ожидая появления неприятельского флота.

Он стоял на высоком мостике громадной золоченой боевой барки, которая, как и все остальные, напоминала плавающий куркурат с мачтами, парусами, веслами и катапультами. Корабль назывался «Сын Пьярея» и был флагманом мелнибонэйской армады. Рядом с Элриком на мостике находился верховный адмирал Магум Колим. Как и Дайвим Твар, адмирал принадлежал к числу немногих близких друзей Элрика. Он был при императоре с его детских лет и постоянно подталкивал юношу к изучению тактики и стратегии морских сражений. В глубине души Магут Колим считал, что Элрик слишком уж обращен на себя, чтобы править Мелнибонэ, однако не собирался оспаривать его право на престол и гневался всякий раз, слыша разговоры принца Йиркуна и ему

подобных. Принц Йиркун тоже избрал местом своего пребывания флагманский корабль, но сейчас он на нижней палубе проверял боевые машины.

«Сын Пьярея» стоял на якоре в большом гроте, который, как и сотни других, был устроен в стенах лабиринта именно для этой цели — чтобы в нем могла укрыться боевая барка. Потолок грота был достаточно высоким для того, чтобы не поломать мачты, а ширины его хватало как раз на то, чтобы свободно маневрировать при помощи весел. На каждой из барок было по несколько гребных палуб, и на каждую палубу с одного и с другого борта приходилось от двадцати до тридцати весел. Палуб эти могло быть четыре, пять или шесть. На некоторых кораблях — и на «Сыне Пьярея» в том числе — бывало по три кормила. Покрытые позолотой от носа до кормы мелнибонэйские суда несмотря на свои размеры двигались быстро и плавно. Не в первый раз они поджидали врагов в гротах и не в последний.

Боевые барки Мелнибонэ в те дни редко можно было встретить в открытом море, но некогда они бороздили океаны, похожие на плавающие горы золота, и всюду несли с собой ужас и смерть. Тогда их было больше — сотни сотен. Теперь же под командованием Магума Колима находилось четыре неполных десятка. Но этого вполне хватит — хватит, чтобы как следует встретить врага в сыром мраке лабиринта.

Прислушиваясь к плеску волн о борта корабля, Элрик задумался о том, нельзя ли было придумать план поудачнее. Несомненно, победа все равно останется за мелнибонэйцами, но императору было жаль тех, кому сегодня суждена гибель, и своих солдат и варваров. Пожалуй, лучше было бы напугать южан, а не заманивать их в ловушку лабиринта.

Варвары с Юга не одиноки были в своем стремлении завладеть достославными богатствами Имррира. Варвары с Юга не одиноки были в своем заблуждении, что, дескать, мелнибонэйцы уже не те, не решаются выходить в открытое море и, значит, не способны уберечь сокровища Призрачного Города.

И потому варваров с Юга надлежало уничтожить — чтобы преподать хороший урок всем другим. У Мелнибонэ еще достаточно сил. Йиркун — так тот вообще считал, что Драконьему Острову не составит труда восстановить былую власть над миром, пускай даже через колдовство.

— Тсс! — адмирал Магум Колим подался вперед. — Кажется, плеск весел.

— Похоже, — кивнул Элрик.

Вскоре последние сомнения рассеялись. Флот южан двигался по лабиринту. «Сын Пьярея» был ближе всех к выходу из грота и потому должен был первым выдвинуться из засады — но только тогда, когда последний неприятельский корабль минует пещеру. Адмирал Магум Коллим нагнулся и потушил фонарь, а затем направился на нижние палубы, чтобы сообщить команде о появлении врагов.

Йиркун с помощью волшебы наслал на мелнибонзэйские корабли туман, который надежно укрыл золотые барки — но только их. Элрик заметил в туннеле впереди отблески факелов — южане искали проход. Адмирал Магум Коллим снова поднялся на мостик, и не один — с ним пришел Йиркун. На голове Йиркуна тоже был шлем с драконом, правда, не такой роскошный, как у Элрика, ибо Элрик все-таки был вождем немногих оставшихся в живых Драконьих Принцев Мелнибонзэ. Йиркун ухмылялся, и глаза его сверкали в предвкушении кровавой резни. Элрик отнюдь не стал бы возражать, пожелай принц Йиркун отправиться в бой на другом корабле, но тот воспользовался своим правом находиться на флагмане.

Император принялся считать проходящие мимо вражеские галеры. Около полусотни. Йиркун расхаживал взад-вперед по мостику, положив руку в перчатке на рукоять меча. Доспехи его тихонько позвякивали при каждом шаге.

— Скоро, — бормотал он себе под нос, — скоро.

Все произошло внезапно. С одной из неприятельских галер раздался вдруг панический вопль, и люди посыпались в воду по оба ее борта. Блики факелов запрыгали по стенам туннеля. Несколько копий впилося в позолоченную древесину флагманской барки мелнибонзэйцев, куда та разворачивалась посреди учиненного ею разгрома. Но имррирские лучники натянули тетивы — и последние варвары рухнули в темные воды со стрелами в груди.

Это быстрое нападение послужило сигналом другим баркам. Сохраняя строгий порядок, выдвинулись они из гротов в стенах скалистого прохода, и изумленным варварам наверняка почудилось, будто огромные золотые корабли вышли прямо из камня — призрачные корабли, с которых размахивали мечами, грозили копьями и потрясали луками свирепые демоны. Туннель мгновенно превратился в арену битвы, гулкое эхо пошло гулять под его сводами, и клацанье металла о металл напоминало шипение некой чудовищной змеи. Да и пиратский флот тоже походил на змею, разорван-

ную на сотню кусков высокими, неумолимыми в своем движении золотыми барками Мелнибонэ. Они беззвучно скользили по воде, и с их палуб летели на неприятельские галеры железные крючья.

Но южане довольно быстро оправились от неожиданности. Три их галеры устремились к «Сыну Пьярея», распознав в нем флагман. Огненные стрелы полетели на деревянные палубы, не защищенные золоченой броней. Тут и там вспыхнули пожары; несколько человек, в которых угодили эти стрелы, превратились в живые факелы.

Элрик поднял свой щит, и почти тут же в него ударили две стрелы и, отскочив, упали на палубу, все еще продолжая гореть. Он перепрыгнул через поручни и очутился на самой широкой и незащищенной палубе, где уже собрались воины, готовясь к abordажу вражеских галер. Ухнули катапульты, и шары голубого огня прочертили темноту, упав в воду немного в стороне от неприятельских кораблей. Повторный залп — и один из огненных шаров врезался в мачту дальней галеры, а затем повалился на палубу, поджигая все на своем пути. В борта первой из галер впились abordажные крючья, подтянули ее ближе — и вот уже мелнибонэйцы на корабле южан. Элрик устремился к капитану варваров. Того было видно издалека: облаченный в грубые пятнистые доспехи и в пятнистый же плащ, он размахивал огромным мечом, призывая своих людей перерезать мелнибонэйских псов.

Едва Элрик пробился к мостику, на него набросились трое варваров, вооруженных кривыми саблями и маленькими прямоугольными щитами. На лицах их ясно читался страх — и решимость умереть, причинив как можно больше вреда противнику.

Перекинув свой щит на плечо, Элрик обеими руками сжал меч и атаковал южан. Он свалил с ног одного, задев его краем щита, а другому раздробил ключицу. Третий моряк отскочил и ткнул Элрику саблей в лицо. Элрик не успел как следует увернуться, и клинок оцарапал ему щеку так, что выступила кровь. Император взмахнул своим мечом точно серпом, и тот глубоко вонзился в тело варвара, едва не перерубив его надвое. Южанин застыл на мгновение, не в силах поверить в собственную смерть, но Элрик рывком освободил клинок, и несчастный рухнул навзничь.

Воин, которого бросил на палубу Элриков щит, кое-как поднялся на ноги в тот самый момент, когда мелнибонэец развернулся. Элрик без колебаний рассек ему мечом череп.

Путь к мостику был свободен. Элрик поставил ногу на лестницу и увидел, что капитан заметил его и поджидает наверху. Щит отразил первый удар капитана. Сквозь шум битвы император расслышал, что варвар что-то кричит ему.

— Умри, белолицый демон! Умри! Тебе нет места на нашей Земле!

Разобрав слова южанина, Элрик едва не свалился вниз. Неужели это правда? Быть может, ему в самом деле нет места на этой земле? Быть может, поэтому Мелнибонэ медленно хиреет, с каждым годом рождается все меньше детей и даже драконы перестали давать потомство?

Он прикрылся щитом от еще одного удара и резко нагнулся, пытаясь достать ноги капитана. Но варвар угадал его намеренье и отскочил. Воспользовавшись этим, Элрик преодолел последние несколько ступенек и очутился на мостике. Лицо капитана, пожалуй, не уступало бледностью лицу императора. Весь мокрый от пота, он тяжело дышал, и в глазах его было страдание — и дикий страх.

— Почему вы не оставите нас в покое? — услышал Элрик собственный голос. — Мы же не чиним вам зла, варвар. Ну скажи, когда в последний раз флот Мелнибонэ нападал на Молодые Королевства?

— Зло заключено в вас самих, белолицый, в вашем колдовстве, в ваших обычаях, в вашей надменности.

— Значит, вот что привело вас сюда? Значит, из-за отвращения к нам терзаете вы Мелнибонэ? А может, дело в другом, капитан? Признайся честно: вам захотелось наших сокровищ?

— Ну и что, если так? Алчность присуща роду человеческого. Но вы — вы не люди. Хуже того, вы не боги, хотя ведете себя так, словно вы — это они. Ваше время миновало! Вас надо прикончить, ваши города разрушить, ваше колдовство забыть!

Элрик кивнул.

— Быть может, ты прав, капитан.

— Я прав! То, что я сказал тебе, говорят наши святые. А пророки предрекли ваше падение. И навлекут его на вас Владыки Хаоса, которым вы служите.

— Владыки Хаоса утратили всякий интерес к делам Мелнибонэ. Они лишили нас своей поддержки почти тысячу лет тому назад, — Элрик поглядел на капитана, мысленно прикидывая разделяющее их расстояние. — Быть может,

поэтому исчезло наше бывшее могущество. А может, мы просто устали от него.

— Как бы то ни было, — сказал капитан, вытирая мокрый от пота лоб, — ваше время миновало. С вами надо покончить раз и навсегда.

И тут он застонал, ибо меч Элрика проскользнул под его пятнистый нагрудник и пронзил желудок и легкие.

Отставив одну ногу и согнув другую в колене, Элрик потянул клинок на себя, пристально глядя в глаза варвару, на лице которого появилась улыбка.

— Так нечестно, белолицый. Мы только начали разговор, и ты оборвал его. Чтобы тебе корчиться в Вышнем Аду, приятель! Прощай.

Когда капитан рухнул на палубу лицом вниз, Элрик, едва сознавая, что делает, дважды ударил его мечом по шее, и голова варвара отделилась от тела и откатилась в угол мостика. Император пнул ее ногой, и она погрузилась в холодную пучину.

Из-за спины Элрика возник Йиркун; он по-прежнему ухмылялся.

— Ты доблестно сражался, мой господин император. Тот мертвый варвар был прав.

— Прав? — Элрик бросил свирепый взгляд на своего кузена. — В чем?

— В оценке твоего удачества.

И хохотнув, Йиркун направился к своим людям, которые приканчивали последних пиратов.

Элрик не знал, почему он раньше отказывался ненавидеть Йиркуна, но теперь он его ненавидел. Сейчас он с радостью убил бы его. Йиркун словно заглянул в самые сокровенные уголки души императора и презрительно фыркнул, увидев, что там есть.

Элрику вдруг до смерти захотелось, чтобы он не был мелнибонзэем, чтобы он не был императором — и чтобы Йиркун никогда не родился на свет.

6 Будто могучие левиафаны, двигались огромные золотые барки по остаткам вражеского флота. Некоторые из кораблей южан сгорели дотла, другие еще тонули, но большинство уже лежало на дне пучины. Горящие корабли отбрасывали причудливые тени на стены пещер — словно призраки убитых прощались с живыми перед уходом в морскую глубь, где, по слухам, по-прежнему правил один из

Владык Хаоса, который собирал команды для судов своего жуткого флота из душ всех тех, кто погиб в морских сражениях. А быть может, они отправлялись служить Страаше, повелителю духов воды, который правит верхними слоями морей и океанов.

Однако некоторым кораблям удалось спастись. Они проскользнули незамеченными мимо массивных боевых барок и теперь, должно быть, находились уже в открытом море. Вскоре весть об этом дошла до флагманского корабля, на мостике которого, обозревая учиненный погром, стояли Элрик, Магум Колим и принц Йиркун.

— Надо догнать их и уничтожить, — сказал Йиркун. Его смуглое лицо блестело от пота, глаза лихорадочно сверкали.
— Надо догнать их!

Элрик пожал плечами. Он ослабел. Он не позаботился взять с собой на борт тех отваров, которые поддерживали его силы. Ему захотелось вернуться в Имррир и отдохнуть. Он устал от резни, устал от Йиркуна, а больше всего — от себя. Ненависть к кузену еще больше ослабляла его, и он возненавидел ненависть.

— Не стоит, — сказал он. — Пускай себе плывут.

— То есть как? Ненаказанные? Но послушай, господин мой император, это не в наших обычаях! — принц Йиркун обернулся к пожилому адмиралу. — Разве я не прав, адмирал Магум Колим?

Магум Колим пожал плечами. Он тоже устал, но в глубине души согласен был с принцем. Врагов Мелнибонэ следует наказывать даже за то, что они просто посмели подумать о нападении на Призрачный Город.

Однако адмирал ограничился тем, что сказал:

— Решать императору.

— Отпустим их, повторил Элрик. Он тяжело облокотился на поручень. — Пусть расскажут обо всем у себя на родине. Пусть там узнают о силе Драконьего Острова. Пусть эта новость распространится. Полагаю, нас теперь долго никто не потревожит.

— В Молодых Королевствах полно глупцов, — отозвался Йиркун. — Они не поверят. Они снова нападут на нас. И лучший способ проучить их — это не оставить в живых ни единого южанина.

Элрик глубоко вздохнул, пытаясь отогнать дурноту, которая грозила одолеть его.

— Принц Йиркун, ты испытываешь мое терпение.

— Но, мой император, я ведь забочусь о благе Мелнибонэ. Неужели тебе хочется, чтобы твои солдаты говорили, что ты ослабел, что ты испугался боя с всего лишь пятью галерами варваров?

Гнев придал Элрику сил.

— Кто осмелится утверждать, что Элрик ослабел? Быть может, ты, Йиркун? — Он понимал, то, что сейчас произнесет, — безумие, но ничего не мог с собой поделать. — Что ж, нагоним эти жалкие суденышки и потопим их. Но поскорее. Я страшно устал от всего этого.

Когда Йиркун повернулся, чтобы передать приказ императора, глаза его загадочно блеснули.

Небо из черного стало серым, когда мелнибонэйские корабли вышли из лабиринта и развернулись носами к Кипучему Морю и южному континенту за ним. Галеры варваров плыли не через Кипучее Море — как утверждала молва, такое не под силу ни одному судну, построенному руками смертных, — но вокруг него. Сейчас же им не суждено было даже достигнуть границ Кипучего Моря, ибо огромные боевые барки Драконьего Острова обладали поразительной быстроходностью. Рабов-гребцов напичкали наркотиками, которые придавали человеческому организму дополнительные силы на дюжину-другую часов, а затем убивали его. В воздухе, ловя ветер, заплескались паруса. Золотые горы стремительно мчались по морю. Мелнибонэйцы давно утерали секрет строительства подобных кораблей — вместе с многими другими. Легко себе представить, как ненавидели Мелнибонэ и все, что с ним связано, люди Молодых Королевств, для которых остров и его жители принадлежали к давно прошедшей и совершенно чуждой эпохе.

«Сын Пьярея» возглавлял погоню, и катапульты на нем начали готовить задолго до того, как на других кораблях заметили врага. Рабы осторожно погружали огненные шары в бронзовые чаши катапульт при помощи длинных палок с черпаками на конце. Шары мерцали в предразсветных сумерках.

На мостик на подносах из платины рабы принесли вино и кушанья для троих Драконьих Принцев. Принцы не покидали мостик с тех пор, как началась погоня. Элрику не доставало сил, чтобы поесть, но бокал желтоватого вина он осушил одним глотком. Оно было крепким и немного взбодрило его. Он налил себе еще, выпил и поглядел вперед. На горизонте появилась багровая полоса.

— Как только покажется солнце, — приказал Элрик, — выпустить огненные шары.

— Я распоряжусь, — отозвался Магум Колим, отирая губы и кладя обратно кость, которую обсасывал.

Адмирал сошел с мостика. Элрик услышал, как скрипят под его ногами ступени лестницы. Императору внезапно показалось, что он окружен врагами. Было нечто странное в том, как держался Магум Колим во время разговора Элрика с принцем Йиркуном.

Элрик попытался отвлечься от этих глупых мыслей. Но усталость, сомнения в самом себе, открытые насмешки со стороны кузена — все это лишь усугубляло ощущение одиночества. Императору показалось, что у него вовсе нет друзей. Даже Киморил и Дайвим Твар — они мелнибонэйцы и не поймут того, что движет им и определяет его поступки.

Быть может, разумнее отказаться от всего, что связано с Мелнибонз, и отправиться бродить по свету безмянным солдатом удачи, который помогает тем, кто его об этом просит?

Багровый полукруг солнца показался над темной линией горизонта. С передней палубы флагманского корабля послышалось уханье — катапульты освобождались от своих зарядов. Как будто дюжина метеоров с визгом взмыла в небо и устремилась к пяти галерам, которые находились теперь на расстоянии не более тридцати корпусов.

Элрик увидел, как вспыхнули две галеры. Но оставшиеся три, идя зигзагом, сумели избежать попадания огненных шаров, которые опустились на воду и, все еще разбрасывая искры, пошли ко дну.

С другого края мостика до Элрика донесся голос Йиркуна: принц подгонял рабов, которые заряжали катапульты. Галеры южан внезапно изменили тактику, осознав, видимо, что ускользнуть им не удастся, и, развернувшись, направились к «Сыну Пьярея» — точно так же, как другие корабли там, в лабиринте. Император невольно восхитился храбростью варваров, их искусством в управлении судами и тем, как быстро пришли они к этому логичному, пускай даже безнадежному, решению. Солнце теперь светило кораблям южан в корму, и их силуэты четко вырисовывались на фоне багряного, словно залитого кровью неба.

В очередной раз ухнули катапульты флагмана мелнибонэйского флота. Шедшая первой галера попыталась было изменить курс, но два огненных шара угодили прямоком в

нее, и вскоре уже пламя охватило весь корабль. Горящие люди прыгали в воду, горящие люди стреляли из луков по врагам, горящие люди падали с мачты. Горящие люди умирали, но корабль их продолжал движение: кто-то заклинил руль и направил галеру на «Сына Пьярея». Она ударилась о золоченый бок боевой барки, и огонь переметнулся на ту палубу огромного судна, где стояли большие катапульты. Вспыхнул котел с огненными шарами. Со всех сторон к нему стремились люди, стараясь сбить пламя. Элрик усмехнулся, увидев, что натворили варвары. Скорее всего, эта галера нарочно подставилась под огненные шары. И теперь, когда большая часть команды мелнибонэйского флагмана занята была тушением пожара, две другие галеры южан приблизились к «Сыну Пьярея» и забросили на него крючья, явно собираясь взять корабль на абордаж.

— Все наверх! — скомандовал Элрик, вдоволь налюбовавшись доблестью южан. — Варвары атакуют!

Йиркун обернулся, мгновенно оценил ситуацию и вихрем слетел с мостика.

— Ты оставайся здесь, господин мой император, — бросил он, прежде чем исчезнуть, — ты слишком устал, чтобы сражаться.

Варвары прекрасно понимали, что обречены, но не хотели погибать в одиночку и вознамерились увлечь за собой на дно как можно больше врагов. Элрик восхитился их мужеством. Они знали, что, даже если им удастся овладеть флагманом, другие барки золотого флота расправятся с ними. Но пока те еще подойдут, многие из команды «Сына Пьярея» распростиются с жизнью.

Добравшись до нижней палубы, Элрик столкнулся с двумя высокими варварами; у каждого из них в руках было по кривой сабле и маленькому прямоугольному щиту. Элрик хотел было напасть на них, но доспехи словно не пускали его, а меч и щит стали вдруг такими тяжелыми, что он едва мог поднять их. Почти одновременно обе сабли ударились об его шлем. Император отпрыгнул назад, задев по дороге одного из варваров щитом. Следующий удар саблей пришелся по кольчуге на спине, и Элрик не устоял на ногах.

Жара, шум битвы, удушающий дым... Элрик в отчаянье взмахнул мечом и почувствовал, что клинок глубоко вошел во что-то мягкое. Один из его противников упал — изо рта у него струей хлестала кровь. Выставив перед собой меч, Элрик повалился на труп человека, которого сразил. Торже-

ствующий варвар кинулся к императору, чтобы прикончить его, — и напоролся на клинок. Он рухнул на Элрика, но тот не почувствовал этого, ибо потерял сознание. Не в первый раз его дурная кровь, не получая подпитки травяными отварами, предала правителя Драконьего Острова.

Он ощутил соль на губах и подумал сперва, что это кровь, но потом понял — морская вода. Волна прокатилась по палубе и привела его в чувство. Он попытался выбраться из-под лежавшего на нем трупа и тут услышал знакомый голос. Он кое-как поднял голову.

Рядом стоял принц Йиркун. Он ухмылялся. Он наслаждался беспомощностью Элрика. Черный маслянистый дым по-прежнему окутывал корабль, но шут битвы затих.

— Мы... победа за нами, кузен? — с трудом выговорил Элрик.

— Да. Варвары все мертвы. Мы собираемся плыть обратно в Имррир.

Элрик облегченно вздохнул. Если он в самое ближайшее время не доберется до своих настоев, то наверняка умрет.

Принц Йиркун прекрасно понял этот вздох и рассмеялся.

— Хорошо, что битва закончилась, мой господин, а иначе мы бы остались без императора.

— Помоги мне встать, кузен, — Элрику тяжело было просить Йиркуна об услуге, но иного выхода не было. Он протянул руку. — Я думаю, мне по силам будет осмотреть корабль.

Йиркун подошел было, чтобы выполнить его просьбу, но внезапно остановился.

— Но зачем, мой повелитель? — спросил он все с той же усмешкой на лице. — К тому времени, когда наш корабль повернет обратно на восток, ты будешь мертв.

— Ерунда. Даже без своих трав я могу обходиться довольно долго, хотя двигаться затруднительно. Помоги мне встать, Йиркун, я приказываю тебе.

— Ты не можешь мне приказывать, Элрик. Я теперь император.

— Осторожней, кузен. Я могу посмотреть сквозь пальцы на такую измену, но вот другие — вряд ли. Меня заставят...

Вдруг Йиркун ногой подтолкнул Элрика к борту, одна секция которого снималась, когда нужно было спустить трап, а в обычное время крепилась двумя болтами. Йиркун медленно отвернул болты и спихнул секцию в воду.

Элрик чуть пошевелился — это потребовало от него громадных усилий.

А у Йиркуна как будто сил, наоборот, прибавилось. Принц наклонился и без труда сбросил с Элрика труп варвара.

— Йиркун, — сказал Элрик, — ты поступаешь неразумно.

— Меня никто не мог упрекнуть в осторожности, как тебе прекрасно известно, кузен, — Йиркун ногой подтолкнул Элрика под ребра, и император оказался уже почти у проема в борту. Видно было, как внизу плещутся черные волны. — Прощай, *Элрик. Теперь на Рубиновый Трон взойдет истинный мелнибонзец. И кто знает — быть может, он изберет себе в супруги Киморил. Такие случаи бывали...

И Элрик почувствовал, что летит, что падает, что ударяется об воду, что доспехи тянут его ко дну. И последние слова Йиркуна слились у него в ушах с неумолчным плеском волн о борта золоченой боевой барки.

Книга вторая

Менее чем когда-либо уверенный в собственных силах, низвергнутый император вынужден был прибегнуть к помощи колдовства, отчетливо сознавая, что обрекает себя тем самым на совершенно иной, чем тот, о котором он некогда грезил, жребий.

Пришла пора. Надо научиться править. Надо научиться быть жестоким.

Но и этому его желанию не суждено было сбыться.

1 Элрик стремительно погружался, отчаянно стараясь сохранить последние капли воздуха в легких. Тяжелые доспехи увлекали его в пучину, все дальше и дальше от поверхности, где императора мог бы заметить Магум Колим или кто другой из тех, кто еще сохранил ему верность.

Шум в ушах постепенно превратился в шепот; Элрику почудилось, будто к нему обращаются своими тонкими голосами водяные духи, с которыми он был дружен в дни юности. Боль перестала стеснять грудь, и алая пелена спала с глаз. Императору показалось — он видит лицо отца, Сэдрика Восемьдесят Шестого, и лицо Киморил, и, мельком, — Йиркуна. Глупый Йиркун: гордится тем, что мелнибонзец, а того не понимает, что лишен мелнибонзской изысканности; ведет себя не лучше тех самых варваров из Молодых Королевств, которых так презирает. И внезапно Элрик почувствовал к своему кузену нечто вроде признательности. В самом деле — жизнь кончена, конфликты, которые столь долго раздирали мозг императора, теперь в прошлом, равно как и все страхи, все переживания, вся любовь и вся ненависть. Впереди — лишь забвение.

Остатки воздуха покинули его тело, и Элрик вверил себя морю, морю и Страаше, повелителю водяных духов, некогда — другу мелнибонзцев. И тут вдруг, непрошеное, пришло ему на ум древнее заклинание, которым его предки призвали Страашу.

*О море! Каверзное хоть,
Ты наша кровь и наша плоть.
В последний день, в последний час
Ты примешь нас, обнимешь нас.*

*Правители морских глубин,
Взыскует помощи ваш сын
По крови — в жилах у него
Течет соленая вода.*

*Страааша, вечный властелин,
Откликнись из своих глубин:
Враги твои, враги мои
Грозят бедою, господин!*

Заклинание это то ли имело древнее символическое значение, то ли относилось к событию в истории Мелнибонэ, о котором не знал даже Элрик. Слова его император воспринял как самые обычные. Однако стих продолжал звучать в мозгу юноши — и когда он опускался все глубже в зеленое море, и когда он погрузился в темноту, а легкие его наполнились водой. Элрик успел еще подивиться такой странности: он уже мертв, а заклинание все слышится...

Когда он снова открыл глаза, ему показалось, что прошла целая вечность. Сквозь бурлящую воду он различил невдалеке какие-то огромные с размытыми очертаниями фигуры. По-видимому, смерть решила помучить императора Мелнибонэ, истерзав его бредовыми видениями.

У призрака, который приблизился к Элрику, были бирюзового цвета борода и волосы и бледно-зеленая кожа. Когда он заговорил, голос его напомнил мелнибонэйцу рокот прилива.

— Страааша явился на твой зов, смертный, — произнес он с улыбкой. — Наша судьба едина. Чем я могу помочь тебе, а значит, и себе?

Рот Элрика полон был воды, и все же каким-то образом юноша мог разговаривать (лишнее подтверждение тому, что это — только сон).

— Король Страааша... Картины в башне Д'арлутна... в библиотеке... Я видел их в детстве... Король Страааша...

Морской король протянул Элрику свои зеленые руки.

— Он самый. Ты звал меня. Тебе требуется наша помощь. Мы честно блюдем древний договор с твоим народом.

— Но я не собирался призывать тебя. Заклинание пришло непрошеным в мой умирающий мозг. Я счастлив утонуть, король Страааша.

— Не может того быть. Если твой мозг призвал нас, значит, ты хочешь жить. Мы поможем тебе.

Борода короля Страаши струилась по течению; его бездонные зеленые глаза доброжелательно разглядывали императора.

— Я сплю, — пробормотал Элрик. — Какой жестокий сон!

Он чувствовал, как в легких у него булькает вода. Он не дышал — следовательно, был мертв.

— Но если ты существуешь на самом деле, старый друг, и если ты вправду хочешь помочь мне, тогда возврати меня на Мелнибонэ, чтобы я мог поквитаться с Йиркуном и спасти Киморил, пока не стало слишком поздно. Только эта мысль отравляет мое счастье: ведь Киморил не избежать страшных мучений, если Йиркун воссядет на Рубиновый Трон.

— Больше ты ничего не просишь у водяных духов? — с разочарованием поинтересовался король Страаши.

— Я вообще ни о чем не прошу. Я лишь говорю о том, чего пожелал бы, происходи наш разговор не во сне. Теперь же я умру.

— Не может того быть, лорд Элрик, ибо наши с тобой судьбы тесно переплетены и потому мне известно, что не настало еще тебе время погибнуть. Я помогу тебе.

Элрик не переставал удивляться отчетливости и подробности своего сна.

Какая жестокая мука, сказал он себе. Хватит, пора признать, что я труп.

— Ты не умрешь. Вернее, умрешь, но не сейчас.

Руки морского короля ласково приподняли Элрика и повлекли его извилистыми полутемными коридорами среди нежно-розовых кораллов. Юноша ощутил, как вода уходит из его легких и желудка, и понял, что снова может дышать. Неужели он действительно попал в плоскость духов — в плоскость, которая пересекается с плоскостью Земли.

Наконец они очутились в большой круглой пещере, стены которой были из розового и голубого перламутра. Морской король положил Элрика на пол пещеры. Императору показалось, что он лежит на песке, но песок был какой-то странный, ибо отзывался на малейшее движение и то поддавался и отступал, то снова плотно припикал к телу.

Звук шагов короля Страаши напоминал шелест волны по прибрежной гальке. Морской житель пересек пещеру и уселся на большой трон из светлой яшмы. Опершись зеленым подбородком на зеленую же руку, он устремил на Элрика озабоченный, но по-прежнему доброжелательный взгляд.

Элрик все еще чувствовал себя физически слабым, но

дышалось ему легко, словно морская вода, покинув его внутренности, забрала с собой всю скопившуюся в них грязь. И голова прояснилась, и теперь он куда меньше был уверен, что это — только сон.

— Я до сих пор не могу понять, король Страаша, зачем ты спас меня, — пробормотал император.

— Из-за рун. Мы слышали их и явились на зов. Только и всего.

— Ясно. Но, по-моему, руны эти не простые, от них отдает волшебной, заклинаниями, колдовскими чарами.

— Может быть, может быть. Хотя ты и говоришь, что рад умереть, я не верю тебе — уж слишком отчетливым был призыв и так быстро он дошел до нас. Хватит, давай забудем. Когда ты отдохнешь, мы выполним твою просьбу.

Кривясь от боли, Элрик принял сидячее положение.

— Ты что-то говорил о переплетении судеб. Значит, ты знаешь, что мне суждено?

— Разве что совсем чуть-чуть, лорд Элрик. Наш мир стареет. Некогда духи обладали могучими силами в плоскости Земли и делили те силы с жителями Мелнибонз. Но ныне и нашему, и вашему могуществу приходит конец. Времена меняются. Ходят слухи, что Владыки Вышних Миров снова заинтересовались Землей. Наверно, они опасаются, что люди Молодых Королевств забудут про них. А может, Молодые Королевства — это совсем новая эпоха, в которой богам и таким, как я, нет больше места. Мне кажется, они там, в Вышних Мирах, чем-то встревожены.

— Что тебе еще известно?

Король Страаша в упор поглядел на Элрика.

— Я открыл тебе все, что мог, сын моих друзей. Прибавлю лишь, что ты будешь счастливее, отдавшись бесповоротно своей судьбе, — когда ты ее поймешь.

Элрик вздохнул.

— Хотел бы я знать, что стоит за этими словами, король Страаша. Что ж, я попытаюсь следовать твоему совету.

— Вижу, ты отдохнул. Значит, пора возвращаться.

Король моря поднялся с яшмового трона, подошел к Элрику и взял императора в свои сильные зеленые руки.

— Нам суждено встретиться вновь, Элрик. Надеюсь, что и тогда смогу помочь тебе. Помни: ты вправе рассчитывать на помощь наших братьев, духов воздуха и огня. И не забывай о зверях — глядишь, когда-нибудь они тебе пригодятся. Их сердца чисты. Но остерегайся богов, Элрик. Осте-

регайся Владык Вышних Миров и помни, что за их помощь и за их дары всегда приходится расплачиваться...

Таковы были последние слова морского короля, которые услышал Элрик перед тем, как снова оказался в извилистых полутемных туннелях. Подводный властелин двигался так быстро, что император ничего не видел вокруг себя и вскоре окончательно запутался, где он: то ли во владениях короля Страаши, то ли уже в пучинах земного океана.

2 Странного вида облака плыли по небу. Огромное алое солнце светило в корму кораблям золотого флота. По черным волнам мчались к дому боевые барки, значительно опередив израненного флагмана. «Сын Пьярея» тащился им вослед — мертвые рабы на веслах, изорванные, обвисшие паруса на мачтах, чумазные от дыма матросы на палубах и новый император на полуразрушенном мостике. Единственный человек во всем флоте, он радовался. Ему было от чего ликовать. Не теряя времени, он объявил себя правителем Мелнибонэ вместо погибшего Элрика, и теперь на грот-мачте корабля развевалось его собственное знамя.

Для Йиркуна тучи на небе были знаком перемен, символом возрождения древних обычаев и былой славы Драконьего Острова. Принц прямо-таки лучился от счастья.

Адмирал Магум Колим, который всегда несколько настороженно относился к Элрику, но уважал его, а теперь вынужденный подчиняться Йиркуну, подумал вдруг, не лучше ли было бы поступить с Йиркуном так, как тот, по подозрениям старика, обошелся с прежним императором.

Дайвим Твар, находясь на своем корабле «Удовольствие Терхали», тоже глядел на небо. Но ему тучи показались зловещими, ибо он скорбел об Элрике и размышлял над тем, как отомстить принцу Йиркуну, если будет доказано, что тот убил кузена, дабы воссесть на Рубиновый Трон.

На горизонте замаячил Мелнибонэ — черное чудовище, распластавшееся в океане. Вот вознеслись над водой величественные утесы, распахнулись центральные ворота лабиринта, заплескались волны под золочеными носами — и барки очутились в промозглом мраке туннелей, где все еще плавали обломки варварских галер, где свет факела выхватывал из темноты раздувшиеся белые трупы. Высокомерно миновали барки следы недавнего побоища, но безрадостно глядели по сторонам люди — ведь несли они домой горькую весть о гибели императора.

Этим вечером в Имррире начнется и будет продолжаться семь ночей подряд Дикий Танец Мелнибонэ. Травяные настойки и колдовские чары не дадут никому спать, ибо всякий мелнибонзец, будь он молод или стар, не вправе забыться сном, пока длится траур по императору. Обнажившись догола, Драконьи Принцы отправятся рыскать по городу и будут брать всех попавшихся навстречу молодых женщин и отдавать им свое семя, потому что согласно обычаю, когда умирает император, дворяне Мелнибонэ должны зачать как можно больше детей благородных кровей. С вершины каждой башни будет раздаваться пение рабов. Других же рабов заколют и съедят. Он ужасен, Дикий Танец Мелнибонэ, он забирает столько же жизней, сколько порождает. В один из семи дней будет разрушена до основания какая-нибудь из башен, и на ее месте построят новую и нарекут ее именем Элрика Восьмого, белолицего императора, погибшего на море, защищая Мелнибонэ от пиратов с юга.

Он погиб на море, и тело его забрали волны. Значит, на долю Элрика выпал нелегкий жребий, ибо император отправился служить Пьярею, Нашептывателю Невозможных Тайн, одному из Владык Хаоса, повелителю Флота Хаоса — мертвых кораблей с обреченными на вечное рабство мертвыми моряками. Такая судьба не к лицу отпрыску королевского рода Мелнибонэ.

Да, долгим будет наш траур, подумал Дайвим Твар. Он любил Элрика, хоть и не одобрял иногда поступков своего повелителя. Пожалуй, сегодня ночью он отправится в Драконьи Пещеры и проведет там все семь дней наедине со спящими драконами, которые теперь, после смерти Элрика, остались единственной его отрадой. И тут Дайвим Твар вспомнил про Киморил, ожидающую возвращения императора.

Корабли потихоньку выходили в гавань. На набережной горели факелы и светильники, но, если не считать небольшой группки людей у колесницы на конце мола, флот никто не встречал. Вглядевшись, Дайвим Твар узнал принцессу Киморил и ее гвардию.

Хотя флагман замыкал строй, остальным кораблям пришлось ждать, пока он не займет свое место у причала. Если бы не обычаи, Дайвим Твар давно бы уже перебрался на берег, увел Киморил с набережной и рассказал бы ей по дороге все, что знал об обстоятельствах гибели Элрика. Но это было невозможно.

Не успели еще на «Удовольствии Терхали» отдать якорь, как с «Сына Пьярея» сброшены были сходни и император Йиркун сошел на причал. Напыжившись от гордости, торжествующим взмахом рук приветствовал он сестру, которая тшестно высматривала на палубе возлюбленного.

Внезапно Киморил поняла, что Элрик мертв, и немедленно заподозрила Йиркуна в причастности к его смерти. Либо Йиркун допустил, чтобы Элрика убили южане, либо сам сразил его. Киморил знала брата и разгадала улыбку на его лице. Такая самодовольная ухмылка всегда кривила его губы в тех случаях, когда ему удавалась та или иная каверза. Глаза девушки наполнились слезами; она откинула голову и крикнула в зловещее небо:

— Увы! Йиркун погубил его!

Стражники вздрогнули.

— Мадам? — переспросил их командир.

— Он мертв! Этот мерзавец убил его! Арестуйте принца Йиркуна! Убейте принца Йиркуна!

Командир стражи, явно колеблясь, положил ладонь на рукоять меча. Молодой стражник, пылкий и решительный, обнажил клинок.

— Я убью его, принцесса, если такова твоя воля!

Молодой стражник обожал Киморил и преклонялся перед ней. Командир искоса поглядел на него, но юноша не заметил его взгляда.

Двое других стражников тоже вытащили мечи из ножен, когда Йиркун, закутавшись в алый плащ, остановился в нескольких шагах от принцессы. Драконий шлем его искрился в бликах факелов. Выставив вперед одну ногу, он произнес:

— Йиркун теперь император!

— Нет! — вскрикнула Киморил. — Элрик! Элрик! Где ты?

— Служит своему новому хозяину, Пьярею из Хаоса, сестрица. Его мертвые руки держат штурвал мертвого корабля. Его мертвые глаза ничего не видят. Его мертвые уши слышат лишь шелканье Пьяреева хлыста, а мертвая плоть его пресмыкается у ног Владыки Хаоса. Элрик утонул, сестра. Доспехи утащили его на дно.

— Убийца! Изменник! — Киморил зарыдала.

Командир стражи, отличавшийся практическим складом ума, вполголоса приказал своим подчиненным:

— Спрячьте оружие и салютуйте нашему новому императору.

Однако молодой стражник, который любил Киморил, не послушался.

— Но он убил императора! Так сказала госпожа Киморил.

— Ну и что? Император теперь он. На колени, а не то мигом станешь падалью!

Стражник громко вскрикнул и прыгнул к Йиркуну. Тот отскочил, пытаясь высвободить руки из-под плаща. Такого он не ждал.

Капитан стражи молниеносным движением вытащил меч. Секунда — и юноша рухнул мертвым к ногам Йиркуна.

Поступок капитана пришелся по душе принцу. Йиркун с улыбкой поглядел на труп. Капитан упал на одно колено, по-прежнему сжимая в руке окровавленный клинок.

— Приветствую моего императора! — воскликнул он.

— Ты неплохо доказал свою верность, капитан.

— Я верен Рубиновому Престолу.

— Молодец!

Киморил застонала от горя и бессильной ярости. У нее не осталось друзей.

Ужмыкаясь, император Йиркун подошел к сестре. Он погладил ее по шее, по щеке, по губам. Потом рука его скользнула ей на грудь.

— Сестра, — сказал он, — ты принадлежишь теперь только мне.

Киморил, потеряв сознание, повалилась к его ногам.

— Поднимите ее, — приказал Йиркун стражникам. — Отнесите принцессу в ее башню и никуда не выпускайте. С ней постоянно должны находиться двое из вас и на миг не упускать ее из виду, ибо она может замыслить зло против Рубинового Престола.

Капитан поклонился и сделал знак своим людям повиноваться императору.

— Слушаюсь, мой повелитель. Все будет исполнено.

Йиркун оглянулся на труп молодого стражника.

— А этого скормить сегодня вечером ее рабам — пускай продолжает ей служить.

Он улыбнулся.

Капитан улыбнулся тоже. Шутка пришла ему по нраву. Наконец-то Мелнибонэ правит настоящий император, который знает, как себя держать, который умеет обращаться с врагами и ценить преданность. Капитану почудилось, он видит, как возрождается былая слава Мелнибонэ. Золоченные барки с воинами Имррира вновь выйдут в открытое море,

нагоняя страх на варваров Молодых Королевств. Капитан уже мысленно копался в сокровищницах Лормира и Аргимилиара, Пикарейда, Илмиоры и Джедмара. Кто знает, вдруг он станет губернатором, ну, скажем, Острова Багровых Городов? С каким наслаждением будет он тогда мучить прежних правителей этого острова и особенно — графа Смиоргана Лысого, который посмел соперничать с Мелнибонэ в торговле, выстроив у себя порт, почти не уступающий Имрриру!

Сопровождая принцессу Киморил в ее башню, капитан всю дорогу палился на прекрасное тело девушки. Несомненно, Йиркун вознаградит его преданность. Капитан даже вспотел, несмотря на холодный ветер. Решено, он сам будет стеречь принцессу. Такой случай упускать просто нелепо.

Во главе своих воинов Йиркун направился к башне Д'арпутна, где стоял Рубиновый Трон. Он предпочел пойти туда пешком, дабы в полной мере насладиться своим триумфом. Походка у него была такая, словно он шел на свидание к любимой женщине. Он твердо знал, что высокая Башня Императоров в центре Имррира, как и сам город, как и весь остров, — его.

Йиркун огляделся. За ним шагали воины под начальством Магума Колима и Дайвима Твара. Зеваки на извилистых улицах склонялись перед ним в низком поклоне. Рабы падали ниц. Даже лошадей заставляли опускаться на колени. Принц наслаждался властью, будто сладким и ароматным плодом. Он глубоко дышал. Даже воздух отныне принадлежит ему. Весь Имррир его. Весь Мелнибонэ. Вскоре ему покорится весь мир. Он им покажет. Ох, как он им покажет! В диком ужасе будет трепетать Земля!

Преисполненный восторга, вступил император Йиркун под своды башни. У громадных дверей тронной залы он остановился. Махнул рукой — дескать, отворите, а когда двери распахнулись, принялся неторопливо, метр за метром, разглядывать помещение. Стены, знамена, боевые трофеи, галерей — все, все теперь его. Пока что тронная зала пуста, но скоро он наполнит ее жизнью, цветом и настоящими мелнибонэйскими развлечениями. Слишком давно атмосфера этой залы не пропитывалась запахом крови.

Йиркун помедлил, рассматривая ступени ведущей к Рубиновому Трону лестницы и, услышав вдруг, как судорож-

но вздохнул у него за спиной Дайвим Твар, поднял голову. И у него медленно отвисла челюсть. Глаза поползли на лоб.

— Приведение!

— Призрак! — сказал Дайвим Твар; в голосе его слышалось удовлетворение.

— Ересь! — завопил император Йиркун, бросаясь вперед и указывая пальцем на фигуру в плаще с капюшоном, которая молча сидела на Рубиновом Троне. — Он мой! Мой!

Фигура продолжала хранить молчание.

— Он мой! Сгинь! Престол принадлежит Йиркуну! Йиркун отныне император! Что ты ешь? Зачем ты пришел?

Капюшон упал, открывая бледное лицо и молочно-белые волосы. Алые глаза холодно глядели на принца, который, спотыкаясь и истошно вопя, подбирался к трону.

— Ты же мертв, Элрик! Я знаю, что ты мертв!

Призрак молчал — лишь на губах его появилась едва заметная усмешка.

— Ты не мог выжить! Ты утонул! Ты не мог вернуться! Пьярей владеет твоей душой!

— В море правит не он один, — отозвалась фигура на Рубиновом Троне. — Почему ты убил меня, кузен?

Ошеломленный, смятенный, испуганный, Йиркун не стал притворяться.

— Потому что я должен править! Потому что ты недостаточно силен, недостаточно жесток, недостаточно весел!

— Разве эта моя шутка тебе не нравится, кузен?

— Сгинь! Сгинь, изуди! Я не уступлю приведению! Мертвый император не может править Мелнибонэ!

— Посмотрим, — сказал Элрик, делая знак Дайвиму Твару и его солдатам.

3 — Начиная с этого момента, Йиркун, я буду править так, как тебе того хотелось, — сказал Элрик, глядя, как солдаты Дайвима Твара окружили несостоявшегося императора и отобрали у него оружие.

Йиркун озибался точно загнанный волк, ища поддержки у воинов, но они взирали на него кто безразлично, а кто, не скрывая презрения.

— И ты, принц Йиркун, первым познаешь, как я намерен править. Ты доволен?

Йиркун опустил голову. Он весь дрожал.

Элрик засмеялся.

— Отвечай, кузен.

Чтоб тебя вечно мучали Эриох и все князья ада! — прорычал Йиркун. Он запрокинул голову, глаза его стали безумными, губы искривились. — Эриох! Эриох! Прокляни этого недоноска! Эриох! Погуби его, а не то увидишь, как падет Мелнибонэ!

— Эриох не слышит тебя, — пояснил Элрик с улыбкой. — Земля оторвалась от Хаоса. Требуется волшебство сильнее твоего, чтобы призвать на помощь Владык Хаоса. Скажи мне, Йиркун, где госпожа Киморил?

Однако Йиркун насупился и ничего не ответил.

— Она в своей башне, мой император, — произнес Магум Колим.

— И с ней прислужник Йиркуна, — заметил Дайвим Твар, — капитан ее стражи. Он убил парня, который хотел защитить Киморил от Йиркуна. Мне кажется, мой повелитель, что принцесса Киморил в опасности.

— Отправляйся немедленно в башню. Возьми с собой людей. Приведи ко мне Киморил и капитана ее стражи.

— А как быть с Йиркуном, мой повелитель? — спросил Дайвим Твар.

— Он останется здесь до тех пор, пока не прибудет его сестра.

Дайвим Твар поклонился и, взяв с собой солдат, вышел из залы. Лицо его было куда менее утрюмым, чем когда он сопровождал принца Йиркуна от гавани к Башне Императоров.

Йиркун огляделся. На мгновенье он будто превратился в несчастного, всеми затюканного ребенка. Элрик почувствовал, как в нем снова зарождается симпатия к кузену, но теперь он безжалостно подавил в себе это чувство.

— Скажи мне спасибо, кузен, ведь несколько часов ты был полновластным владыкой Мелнибонэ.

— Как ты спасся? — Голос Йиркуна был слаб и тонок. — У тебя же не было времени для волшбы, да и сил тоже. Ты едва мог пошевелиться, а тяжесть доспехов должна была увлечь тебя на самое дно. Так нечестно, Элрик. Ты должен был утонуть.

Элрик пожал плечами.

— У меня есть друзья в морских просторах. В отличие от тебя, они признают мою королевскую кровь и право на престол.

Йиркун постарался скрыть изумление. Судя по всему, он стал больше уважать Элрика — и еще сильнее его ненавидеть.

— Друзья?

— Да, — ответил Элрик с легкой улыбкой.

— Я... мне помнится, ты клялся не прибегать к колдовству.

— А мне помнится, ты счел эту клятву недостойной мелнибонэйского монарха. Что ж, я согласен с тобой. Видишь, Йиркун, ты все-таки победил.

Йиркун, прищурясь, поглядел на Элрика, словно силился найти в словах императора скрытый смысл.

— Ты привел обратно Владык Хаоса?

— Никакому волшебнику, будь он хоть трижды чародем, не под силу призвать к себе Владык Хаоса или, если хочешь, Владык Порядка, пока они сами того не пожелают. Ты же знаешь это, Йиркун, ты должен это знать. Сколько раз ты уже пытался? А Эриох не пришел. Вручил ли он тебе дар, которого ты взыскуешь, — два черных клинка? Ответы!

— Тебе известно?

— Ты сам подтвердил мою догадку. Теперь я знаю наверняка.

Йиркун раскрыл рот, но язык не повиновался ему — так разъярился принц. Из горла его вырвалось сдавленное рычание, и он забился в руках стражников.

В залу вернулся Дайвим Твар — вместе с Киморил. Бледная, но улыбающаяся, девушка бросилась к трону.

— Элрик!

— Киморил! С тобой все в порядке?

Принцесса искоса поглядела на капитана своей стражи, которого тоже притащили в зал. На лице ее появилась гримаса отвращения. Она кивнула.

— Да.

Капитан дрожал с ног до головы. Он умоляюще посмотрел на Йиркуна, надеясь, очевидно, что тот его выручит. Но Йиркун внимательно разглядывал пол у себя под ногами.

— Подведите его поближе, — Элрик указал на капитана. Пленника швырнули к подножию лестницы, которая вела к Рубиновому Трону. Он застонал.

— Какой ты, однако, нежный, — хмыкнул Элрик. — Йиркуну, так тому хватило смелости убить меня. И претендовал он на многое. А ты? А ты хотел всего лишь стать одним из его лизоблюдов. И потому предал свою госпожу и убил одного из наших людей. Как тебя зовут?

Капитан беззвучно открывал и закрывал рот, пока наконец не выдал:

— Вальхарик. Что мне было делать? Я служу Рубиновому Престолу, кто бы на нем ни сидел.

— Слышали? Изменник похваляется верностью. Каково?

— Я не лгу, не лгу, повелитель! — заскулил капитан и упал на колени. — Убейте меня сразу. Не мучайте меня.

Элрик хотел было удовлетворить его просьбу, но бросил взгляд на Йиркуна и вспомнил выражение лица Киморил, когда девушка смотрела на стражника. Так или иначе, надо начинать — почему же не с капитана Вальхарика? Он покачал головой.

— Нет, ты будешь умирать долго. Нынче вечером тебя умертвят по обычаю Мелнибонэ, когда дворяне будут праздновать наступление новой эпохи моего правления.

Вальхарик зарыдал, но вспомнил о достоинстве мелнибонэйца, взял себя в руки и медленно поднялся. Низко поклонившись, он сделал шаг назад, к ожидавшим его конвойным.

— Негоже разлучать тебя с тем, кому ты так порывался служить, — задумчиво продолжал Элрик. — Как ты убил того юношу, который повиновался приказу Киморил?

— Мечом. Я зарубил его. Чисто, одним ударом.

— А что случилось с трупом?

— Принц Йиркун повелел мне отдать его на съедение рабам принцессы Киморил.

— Понятно. Ну что ж, принц Йиркун, ты присоединишься к нашему пиру этим вечером, когда капитан Вальхарик будет улаживать нас зрелищем своей смерти.

Лицо Йиркуна было едва ли не бледнее лица Элрика.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебя будут кормить маленькими кусочками плоти капитана Вальхарика, которые Доктор Шутник срежет с его тела. Могу тебя заверить, мясо капитана приготовят согласно твоему желанию. Мы не собираемся заставлять тебя есть его сырым, кузен.

Даже Дайвим Твар изумился, услышав эти слова Элрика. Разумеется, приговор был в духе Мелнибонэ и как нельзя лучше соответствовал шуточке принца Йиркуна, но вот чтобы его вынес Элрик... Нет, с императором явно произошла серьезная перемена.

Услышав свою судьбу, капитан Вальхарик вскрикнул в ужасе и со страхом уставился на принца, как будто тот уже начал лакомиться его плотью. Узурпатор отвернулся; плечи его вздрагивали.

— Значит, решено, — подытожил Элрик. — До полуночи принца Йиркуна содержать под стражей в его башне, а затем привести на пир.

Когда Йиркуна и капитана Вальхарика увели, к Элрику, который глядел перед собой невидящим взором, подошли Дайвим Твар и принцесса Киморил.

— Жестоко, но разумно, — одобрил Дайвим Твар.

— Оба они того заслуживают, — сказала Киморил.

— Конечно, конечно, — пробормотал Элрик. — Так поступил бы мой отец. Так поступил бы Йиркун, поменяйся мы с ним местами. Я лишь следую традициям и, значит, уже не сам по себе. И до конца дней своих придется мне сидеть на Рубиновом Троне, заботясь о благе престола!

— Прикажи, чтобы их убили сразу, — попросила Киморил. — Не из-за Йиркуна. Хоть он мне и брат, я его ненавижу лютой ненавистью. Из-за себя, Элрик. Ты перестаешь быть собой.

— Ну и что? Так тому и быть. Превращусь в безвольную марионетку, ниточки которой тянутся в прошлое на десять тысяч лет, к призракам предков, к воспоминаниям... Чем не жизнь?

— Быть может, поспав... — заговорил было Дайвим Твар.

— Я так чувствую, после нынешней ночи мне долго не захочется спать. Твой брат, Киморил, не умрет. После наказания — после того, как он отведает плоти капитана Вальхарика, — я намерен изгнать его. Он отправится в одиночестве в Молодые Королевства, лишенный всех своих регалий. Пусть как хочет и как сможет устраивается в землях варваров. Я полагаю, что приговор не так уж и суров.

— Он слишком мягок, — вмешалась Киморил. — Лучше убей Йиркуна. Прикажи солдатам сделать это прямо сейчас. Не дай ему времени собраться с мыслями.

— Да я не боюсь его замыслов, — Элрик устало поднялся. — А теперь оставьте меня. Я вам очень признателен, но мне надо подумать.

— Пойду к себе в башню готовиться к вечеру, — сказала Киморил и на мгновение прижалась губами к бледному лбу Элрика. Он поднял голову, преисполненный любви и нежности. Протянув руку, он коснулся ее волос, потом щеки.

— Помни, что я люблю тебя, Элрик, — сказала девушка.

— Я распоряжусь, чтобы стража проводила тебя до дома, — сказал ей Дайвим Твар. — И потом, тебе нужен новый капитан. Разреш, я выберу его сам.

— Спасибо, Дайвим Твар.

Они ушли. Элрик сидел на Рубиновом Троне, по-прежнему глядя перед собой. Рука, которой он время от времени касался лба, дрожала, и в странных алых глазах его была невыразимая мука.

Позднее он встал и со склоненной головой медленно прошел, сопровождаемый стражниками, в свои личные покои. У двери, которая вела в библиотеку, он помедлил. Словно следуя инстинкту, он искал утешения и забвения в знаниях, но сейчас вдруг почувствовал, что ему ненавистны свитки и книги. Их он винил за свои нелепые воззрения на мораль и справедливость. Их он винил за то, что, решившись вести себя, как подобает мелнибонэйскому монарху, ощущает собственную неправоту и беспомощность. Потому он миновал дверь в библиотеку и прошел дальше. Но все раздражало его. Обстановка комнат показалась ему слишком простой, абсолютно не годящейся для истинного мелнибонэйца с его любовью к буйству красок и причудливости убранства. Надо все здесь переделать, полностью подчинить себя призракам прошлого, которые повелевают им. Некоторое время Элрик бродил из комнаты в комнату, пытаясь отогнать чувство жалости к Вальхарике и Йиркуну, которое умоляло убить их обоих сразу или, еще лучше, отправить в изгнание. Но приговор вынесен, и отменить его невозможно.

Наконец он бросился на кушетку, что стояла у окна, из которого открывался чудесный вид на город. В небе по-прежнему кружили тучи, но сквозь них изредка проглядывала луна, похожая на желтый зрачок нездорового зверя. Элрику почудилось, будто светило глядит на него торжествуя и с издевкой. Он закрыл лицо руками.

Потом явились слуги с сообщением, что придворные уже начали собираться на пир. Элрик безучастно позволил облачить себя в желтый церемониальный наряд и подставил голову под корону с драконом. Когда он вернулся в тронную залу, его встретили радостными возгласами, куда более искренними, чем прежде. Он ответил на приветствия, а затем уселся на Рубиновый Трон, разглядывая пиршественные столы, которыми была теперь заставлена зала. Перед троном тоже поставили стол, а рядом два кресла — для Дайвима Твара и Киморил. Ни Правителя Драконьих Пещер, ни принцессы еще не было, и изменника Вальхарика тоже пока не привели. А где Йиркун? Ведь они должны были бы стоять посреди залы: Вальхарик в цепях и вместе с ним Йиркун.

Доктор Шутник — тот здесь, суетится возле жаровни, на которой греются его сковородки, проверяет и точит ножи. Придворные ждут обещанного развлечения.

Слуги начали разносить кушанья, однако никто не имел права есть, пока не соблаговолит откусать император.

Элрик подозвал командира своей стражи.

— Появились ли принцесса Киморил и Дайвим Твар?

— Нет, мой повелитель.

Киморил редко задерживалась, а Дайвим Твар — вообще никогда. Элрик нахмурился. Быть может, они решили не портить вечер кровавым зрелищем?

— А где заключенные?

— За ними послали, мой повелитель.

Доктор Шутник поднял голову, исполненный ожидания. Худое тело его напряглось.

И тут Элрик услышал странный звук. Башню словно окутал непрерывный протяжный стон. Император прислушался повнимательнее. Придворные тоже обратили внимание на необычное явление. Всякие разговоры прекратились. В зале установилась тишина, которую нарушал только этот бесконечный стон.

Вдруг распахнулись двери, и в помещение вбежал Дайвим Твар. Весь окровавленный, он тяжело дышал. Одежда на нем висела лохмотьями. А за ним струился туман, клубящийся, багрово-синий, отвратительный туман, который и издавал тот самый звук.

Элрик прыжком соскочил с трона, опрокинув стол. Не разбирая дороги, он слетел по ступенькам вниз к другу. Стонущий туман все дальше и дальше заползал в тронную залу, преследуя Дайвима Твара.

Элрик обхватил друга за плечи.

— Дайвим Твар! Что это за мерзость?

На лице Твара застыла гримаса ужаса. Губы его тряслись, но наконец он выговорил:

— Йиркун! Он наколдовал туман, чтобы скрыть свое бегство. Я пытался выследить его, но туман окутал меня, и я потерял ориентацию. Я пошел в башню принца, чтобы привести Йиркуна и его приспешника сюда, и вот...

— Киморил! Где она?

— Он забрал ее с собой, Элрик. Она с ним. Вальхарик с ним и человек сто воинов, которые втайне хранили его верность.

— Надо догнать его. Далеко он не уйдет.

— Мы бессильны против этого тумана. Ох! Он приближается!

Да, туман потихоньку обволакивал их. Элрик замахал руками, пытаясь разогнать пелену, но ничего не получилось. Печальный стон отдавался в ушах императора; за багровосиней стеной ничего не было видно. Элрик бросился в одну сторону, в другую — тщетно, везде туман. Внезапно ему почудилось, будто он различает среди стопа слова:

— *Элрик слаб. Элрик глуп. Элрик должен умереть.*

— Прекрати! — закричал он. Кто-то сослепу налетел на него, и он упал на колени. И пополз, пополз, изо всех сил стараясь выбраться наружу. В тумане теперь возникали лица, омерзительные рожи, страшнее которых он не видел никогда, даже в самых кошмарных снах.

— Киморил! — позвал он. — Киморил!

И немедленно одна из рож превратилась в личико Киморил. Эта Киморил насмехалась над императором и потешалась над ним. Лицо ее постепенно старело, и вот глазам его предстал череп, покрытый в отдельных местах разлагающейся плотью. Он крепко сомкнул веки, но образ этот продолжал маячить перед его мысленным взором.

— *Киморил!* — прошептал туман. — *Киморил!*

Элрик почувствовал, что теряет силы. Он позвал Дайвима Твара, но услышал в ответ лишь насмешливое эхо. Он стиснул зубы, зажмурил глаза и по-прежнему ползком попытался вырваться из пелены тумана. Однако прошло как будто несколько часов, прежде чем стон сменился поскуливанием, а потом стихло и оно. Кое-как поднявшись на ноги, Элрик открыл глаза и увидел, что туман стал менее плотным. Но тут колени у него задрожали и он повалился лицом вниз, ударившись головой о первую ступеньку лестницы, что вела к Рубиновому Трону.

Снова он игнорировал предостережение Киморил, и снова она попала в беду из-за своего братца. Последняя мысль Элрика была очень простой: «Я не гожусь для жизни».

4 Едва оправившись от удара, который лишил его сознания, Элрик послал за Дайвимом Тваром. Он жаждал услышать новости. Но Дайвим Твар мало что мог сказать. Йиркун прибегнул к колдовству, чтобы освободиться и чтобы замести следы.

— Наверно, он рассчитывает покинуть остров с помощью

своих чар, — предположил Правитель Драконьих Пещер. — Ведь кораблем ему воспользоваться не удастся.

— Отправь людей на его поиски, — приказал Элрик. — Снаряди золотые барки. Если сочтешь необходимым, разбуди драконов. Обыщи хоть целый свет, но найди мне Киморил!

— Все это я уже сделал, — вздохнул Дайвим Твар, — но вот Киморил не нашел.

Прошел месяц. Воины Имррира вступили на территорию Молодых^{*} Королевств, разыскивая изменников.

Я больше беспокоюсь за себя, чем за Киморил, думал опечаленный император. Я испытываю свою чувствительность, но отнюдь не совесть.

Миновал второй месяц. В небо взмыли драконы. Они направились на север и на юг, на запад и на восток. Они пролетали над морями и над лесами, над горами и над равнинами. Они до полусмерти напугали жителей многих и многих городов. Но нигде они не обнаружили следов Йиркуна.

В конце концов, судить себя нужно по поступкам, думал Элрик. Вот я гляжу на то, что совершил, не на то, что намеревался и не на то, что хотел бы, — и вижу, что часто вел себя глупо и необдуманно. Йиркун был прав, и потому я его возненавидел.

Прошел третий месяц. Золоченные барки Мелнибонз бросили якоря в самых дальних портах, расспрашивая путешественников и всякого рода искателей приключений про Йиркуна. Но принц умело воспользовался колдовством — его никто не видел или не помнил, что видел.

Все это время Элрик провел в раздумьях.

Один за другим возвращались на остров воины, принося с собой безрадостные вести. Исчезала вера, увядала надежда — но крепла решимость императора. Элрик стал сильнее и физически и духовно. Он открыл такие настои, которые весьма благотворно воздействовали на его организм. Он частенько бывал в библиотеке, однако читал теперь и перечитывал лишь очень немногие из книг.

Написаны они были на Высшем Языке Мельнибонз, древнем колдовском языке, на котором предки Элрика общались с существами, что не подчиняются законам природы. Малопомалу Элрик убедился, что досконально изучил манускрипты, пусть даже порой прочитанное казалось ему помехой в том, что он задумал. А убедившись, что не упустил

ничего важного и ничего не оставил непонятным, он напился снотворного и три дня пролежал в беспробудном сне.

Наконец Элрик решил, что готов. Он изгнал из своих покоев слуг и рабов. Он поставил у дверей стражников, распорядившись не пускать никого — даже самых близких ему людей и по самым срочным делам. Он целиком очистил одну комнату от мебели и положил в ее центре книгу. А потом уселся рядом и погрузился в раздумья.

Прошло пять с лишним часов. Взяв кисточку и пузырек с чернилами, Элрик принялся покрывать стены и пол комнаты причудливыми символами, такими замысловатыми, что некоторые из них просто не были видны, если смотреть под углом. Покончив с этим, Элрик распростерся на рисунке лицом вниз, положив одну руку на книгу, а другую, с перстнем, вытянув вперед. Свет полной луны лился сквозь окно прямо на голову Элрика, окрашивая его волосы в серебро.

И началось колдовство.

Элрик бросил свой мозг в извилистые туннели логики, повел его по бескрайним равнинам идей, через горные хребты символов и бесконечные универсумы иных истин. Все дальше и дальше посылал он мозг, за которым вслед мчались слова, слетавшие с искаженных трансом губ императора, — слова, вряд ли понятные кому-либо, кроме него, но способные заморозить кровь в жилах любого, кто их услышит. Тело Элрика били судороги, порой с уст юноши срывался стон. Но слова повторялись опять и опять, и одно из них было именем: Эриох.

Эриох был демоном-хранителем предков Элрика, одним из могущественнейших князей Ада. Его называли по-разному — Валетом Мечей, Повелителем Семи Мраков, Владыкой Вышнего Ада и многими другими именами.

— Эриох!

Его призывал Йиркун, умоляя Владыку Хаоса проклясть Элрика. К его помощи он прибег, чтобы захватить Рубиновый Трон. Его звали как Хранителя Двух Черных Клинков, скованных нечеловеческой рукой мечей, которые обладали чудесной силой и принадлежали некогда императорам Мелнибонэ.

— Эриох! Я призываю тебя!

Заклинания, руны, рифмованные, разорванные на куски... Мозг Элрика достиг плоскости, в которой обитал Эриох. Теперь оставалось найти самого демона.

— Эриох! Элрик Мелнибонэйский призывает тебя!

Элрик заметил глаз. Один глаз... потом другой...

— Эриох! Владыка Хаоса! Помоги мне!

Глаза моргнули и исчезли.

— О Эриох! Откликнись на мой зов! Приди! Помоги мне, и я отслужу тебе!

Призрачный силуэт, в котором не было ничего человеческого, медленно повернулся к Элрику. Черная, без всяких признаков лица голова. Алый нимб вокруг нее.

Снова все исчезло.

В изнеможении Элрик погнал свой мозг дальше из плоскости в плоскость. С уст императора не срывалось уже ни рун, ни имен. Он распростерся на полу комнаты, обессиленный, уверенный, что ничего не вышло.

Раздался слабый звук. С трудом Элрик приподнял голову. В помещение залетела муха. Она возбужденно жужжала, летая точно над линиями Элрикова рисунка, садясь то на один завиток, то на другой. Наверно, влетела в окно, подумал Элрик. Его встревожила эта помеха, но в движениях насекомого было нечто, притягивающее взгляд.

Муха уселась Элрику на лоб. Она была большая и черная и жужжала громко и надоедливо. Потерев передние лапки, она отправилась в поход по лицу Элрика. Юноша вздрогнул, но у него не было сил согнать муху. Когда она появилась в поле его зрения, он внимательно посмотрел на нее.

Ощупав лапками каждый миллиметр лица императора, муха с громким жужжанием взлетела и зависла в воздухе напротив Элрикового носа. Элрик смог увидеть ее глаза, и что-то в них показалось ему знакомым. Наконец он понял: это те самые глаза, которые он заметил в другой плоскости. Значит, муха — не простое насекомое.

Муха улыбнулась ему.

Из пересохшего горла Элрика сквозь запекшиеся губы вырвалось одно только слово:

— Эриох?

И на месте мухи возник прекрасный юноша. Он заговорил чудесным голосом — мягким, нежным, но не женственным. Платье его напоминало жидкий алмаз, но не слепило Элрика, ибо каким-то образом от него не исходило света. На поясе юноши висел меч; шлема не было, его заменял браслет алого пламени. Глаза демона были мудрыми и старыми, и в глубине их можно было различить древнее всепобедительное зло.

— Элрик.

Демон произнес одно-единственное слово, но император почувствовал вдруг прилив сил и сел на колени.

— Элрик.

Император поднялся, преисполненный жизненной энергии.

Юноша ростом был выше императора Мелнибонэ. Он поглядывал на Элрика сверху вниз и улыбнулся улыбкой мухи.

— Ты и только ты можешь служить Эриоху. Давно уже меня призывали в вашу плоскость, и вот я пришел и помогу тебе, Элрик. Я буду твоим хранителем. Я защищу тебя и дам тебе силу, но ты станешь рабом, а я — хозяином.

— Чем я могу отслужить тебе, князь Эриох? — спросил Элрик, отчаянно пытаясь скрыть ужас, которым наполнили его сердце слова демона.

— Пока что тем, что поклянешься повиноваться. Придет время, и я потребую от тебя службы.

Элрик заколебался.

— Ты должен поклясться, — заметил Эриох, — иначе я не смогу помочь тебе в том, что касается твоего кузена Йиркуна и его сестры Киморил.

— Клянусь служить тебе! — воскликнул Элрик. И в сердце его вспыхнуло пламя, и он задрожал от радости и повалился на колени.

— Теперь ты можешь иногда призывать меня, и я приду, если увижу, что в самом деле необходим. Приду в том обличье, которое сочту нужным, или вообще без оного. Ты можешь задать мне сейчас один вопрос, а потом я уйду.

— Мне требуются ответы на два вопроса.

— На первый твой вопрос я не отвечу. Не могу. Ты поклялся служить мне, и я не открою тебе будущего. Но если станешь служить мне как следует, тебе нечего опасаться.

— Тогда ответь, где принц Йиркун?

— Принц Йиркун на юге, в краях варваров. Волшбой, силой оружия и ума он покорил два народа, один из которых зовется оин, а другой — ю. Сейчас он готовит оинов и ю к походу на Мелнибонэ, ибо ему известно, что твои воины рассыпаны по всему свету и остров беззащитен.

— Как ему удалось спрятаться?

— Он не прятался, он завладел Зеркалом Памяти, местоположение которого открыл с помощью колдовства. Это зеркало забирает память у тех, кто глядится в него. Оно встречает всякого, кто попадает в земли оинов и ю по суше или по морю. Поэтому люди не помнят, что видели принца

Йиркуна и его воинов. Неплохой способ остаться необнаруженным.

— Да уж, — Элрик сдвинул брови. — Значит, зеркало желательно разбить. Но что случится потом?

Эриох поднял свою прекрасную руку.

— Быть может, ты считаешь, что несколько твоих вопросов — на самом деле только один. Однако я не стану отвечать боле. Разрушить зеркало в твоих интересах, но подумай о других способах борьбы с ним, ибо в нем миллион памятей и некоторые из них томятся там тысячи лет. Мне пора. Пора и тебе — в земли оинов и ю, до которых отсюда несколько месяцев пути, на юг, далеко за Лормир. Лучше всего добратся до них на Корабле-что-Плывет-по-Морю-и-Суше. Прощай, Элрик.

Муха зажужжала — и исчезла.

Элрик выскочил из комнаты, призывая рабов.

5 Элрик мерил шагами галерею, из которой открывался вид на город. Было утро, но солнце никак не могло пробиться сквозь свинцовые тучи, нависшие над башнями Имррира. На городских улицах продолжалась обычная жизнь, разве что непривычным было отсутствие солдат, многие из которых не вернулись еще из бесплодных поисков принца Йиркуна. Пройдет немало времени, прежде чем они снова соберутся все на Мелнибонэ.

— Сколько драконов спит в пещерах?

Дайвим Твар, опершись на парапет галереи, глядел невидящим взором на улицы. Лицо его было усталым; руки он сложил на груди так, словно хотел удержать остаток сил.

— Кажется, двое. Придется основательно потрудиться, чтобы разбудить их, и потом сомнительно, пригодятся ли они нам. Что это за Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше?

— Я читал о нем в Серебряной Рукописи и в других книгах. Волшебный корабль. Давным-давно, еще до Мелнибонэ и до империи, им воспользовался один рыцарь. Но где он находится и существует ли вообще, я не знаю.

— А кто знает? — Дайвим Твар выпрямился и повернулся спиной к городу.

— Эриох, — Элрик пожал плечами. — Но он не пожелал сказать мне.

— Может, обратиться к твоим друзьям водяным духам? Разве они не обещали тебе свою помощь? И разве им не все известно про корабли?

Элрик нахмурился. Морищины на его лице стали глубже.

— Да, Страаша может знать. Но мне не хочется призывать его. Водяные духи все-таки не Владыки Хаоса, да к тому же они весьма своенравны, как это часто бывает с духами. Говоря откровенно, Дайвим Твар, не хочется мне прибегать к колдовству без особой надобности.

— Ты чародей, Элрик. Ты совсем недавно совершил чудо из чудес, призвал Владыку Хаоса. И ты колеблешься? Подумай, мой повелитель. Ты решил настигнуть принца Йиркуна с помощью колдовства. Жребий уже брошен. Терзаться сомнениями неразумно.

— Ты не представляешь себе, каких усилий...

— Я представляю, мой повелитель. Я твой друг. Я не хочу, чтобы тебе было больно, и все же...

— Понимаешь, Дайвим Твар, дело тут еще в моей слабости, — сказал Элрик. — Я принимаю отвары, которые возбуждают меня и вытягивают из моего тела последние силы. Я вполне могу умереть прежде, чем отыщу Киморил.

— Извини, мой повелитель.

Элрик подошел к Дайвиму Твару и положил ему руку на плечо.

— А с другой стороны, что я теряю? Ничего. Ты прав. Это трусость — колебаться, когда ставкой жизнь Киморил. Я повторяю собственные ошибки, ошибки, которые навлекли на нас беду. Решено. Пойдешь ли ты со мной в море?

— С радостью, мой повелитель!

Дайвим Твар начинал чувствовать на своих плечах бремя угрызений совести, которые снесли Элрика. Для мелнибонэйца подобное чувство было по меньшей мере странным, и Дайвиму Твару оно пришлось совершенно не по душе.

Последний раз этой дорогой Элрик ездил вместе с Киморил. С тех пор прошло как будто много лет. Каким же он был глупцом, поверив в счастье!

Император повернул своего белого жеребца к утесам. Стал накрапывать дождь. Во всем ощущалось приближение зимы.

Оставив коней в утесах, чтобы колдовство не причинило им вреда, Элрик и Дайвим Твар спустились на берег. Дождь усилился; над водой висел туман, и на расстоянии пяти корабельных корпусов от берега уже ничего не было видно. Стояла мертвая тишина. Высокие мрачные утесы за спиной, стены тумана впереди — Дайвиму Твару почудилось, будто

они вступили в призрачный мир, где так легко повстречать печальные души тех, кто совершил самоубийство через членовредительство. Шаги двух мужчин по гальке казались громкими и одновременно заглушенными туманом, который словно впитывал в себя шум и жадно его поглощал.

— Пора, — пробормотал Элрик. Он как будто не замечал унылого, угнетающего пейзажа вокруг. — Теперь вспомнить бы заклинание, которое пришло тогда ко мне непрошеным.

Покинув Дайвима Твара, он пошел туда, где вода встречалась с Землей, и уселся, скрестив ноги. Взор его устремлен был в туман.

Когда он сел, Дайвиму Твару помнилось, будто высокий император весь как-то съежился. Он словно превратился в беззащитного ребенка, и Дайвим Твар преисполнился сочувствия к Элрику и хотел было предложить, чтобы тот забыл про колдовство и отправился в земли оинов и ю обычным путем.

Но Элрик уже поднял голову. С уст его сорвались странные, бередящие душу слова. И заговори сейчас Дайвим Твар, Элрик его не услышал бы.

Дайвим Твар, как и всякий мелнибонзэйский дворянин, понимал немного Высший Язык, но все равно слова заклинания казались ему странными и незнакомыми, ибо Элрик произносил их по-особому, придавая звукам тайный смысл. Голос его то понижался до басового стона, то взлетал до вопля фальцетом. Слушать подобные звуки было не очень-то приятно, и теперь до Дайвима Твара начало потихоньку доходить, отчего Элрику так не хотелось прибегать к колдовству. Правитель Драконьих Пещер с трудом подавил в себе желание сбежать наверх, к утесам, и оттуда наблюдать за Элриком. Отступив на два шага, он встал дожидаясь.

Заклинание было долгим. Дождь припустил вовсю. Он яростно хлестал прибрежную гальку, темные морские волны и хрупкую светловолосую человеческую фигурку у кромки воды. Дайвим Твар задрожал и плотнее запахнулся в плащ.

— Страаша... Страаша... Страаша...

Слова мешались с шумом дождя. Это были уже не слова, а звуки, которые разносит ветер или которыми разговаривает море.

— Страаша...

И снова Дайвиму Твару захотелось подойти к Элрику и убедить его бросить это дело.

— Страаша!

В крике слышалась тайная мука.

— Страаша!

Дайвим Твар решил окликнуть Элрика, но понял внезапно, что язык ему не повинуется.

— Страаша!

Фигура на берегу покачнулась. Имя превратилось в зов, который ветер подхватил и понес по кавернам Времени.

— Страаша!

Дайвиму Твару ясно было, что по какой-то причине заклинание не сработало и что Элрик впустую расходует силы. Но Правитель Драконьих Пещер ничего не мог поделать. Язык его словно прилип к небу. Ноги его будто вросли в песок. Он поглядел на туман. Тот, похоже, приблизился к берегу и теперь отливал странным зеленоватым светом.

Твар взгляделся пристальнее.

Вода забурлила. Море нахлынуло на берег. Захрустела галька. Туман отступил. В воздухе заплескали огоньки, и Дайвиму Твару почудилось, что он видит сверкающие очертания выходящей из моря фигуры, и он понял вдруг, что Элрик перестал петь.

— Король Страаша, — голос Элрика был уже почти нормальным, — ты пришел. Благодарю тебя.

Фигура заговорила, и голос ее напомнил Дайвиму Твару величавую поступь прибора.

— Мы озабочены, Элрик, ибо ходят слухи, будто ты привел в эту плоскость Владык Хаоса, а мы, духи, никогда их особенно не любили. Но я знаю, что ты сделал это потому, что обречен был сделать, и поэтому мы не держим на тебя зла.

— Я вынужден был так поступить, король Страаша. Иного выхода не было. Если ты не хочешь помогать мне, скажи, — я пойму и не стану тебя больше призывать.

— Я помогу тебе, хотя сейчас мне будет труднее, не ради того, что случится в ближайшем будущем, но ради того, что произойдет через много лет. Теперь говори, чем духи воды могут быть полезны тебе.

— Ты что-нибудь знаешь про Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше? Мне нужен этот корабль, если я хочу сдержать свою клятву и найти мою возлюбленную Киморил.

— Я многое про него знаю, ибо он мой. Правда, на него еще притязает Гром. Но он мой, честное слово, мой.

— Земляной Гром?

— Гром, Правитель Земли под Корнями. Гром, Владыка Земли и всего, что живет на ней. Гром, мой брат. Давным-давно даже для нас, духов, мы с ним построили этот корабль, чтобы путешествовать из моря на сушу и обратно, когда захотим. Но потом мы поссорились — нам обоим не хватало ума — и устроили драку. Ну, тут начались всякие землетрясения, наводнения, извержения вулканов, тайфуны. Потом произошла битва, в которой участвовали все духи. Одни континенты затонули, другие появились. Не в первый раз мы сражались с братцем, но, как оказалось, в последний. В конце концов, чтобы уж совсем не уничтожить друг друга, мы заключили мир. Я отдал Грому часть моих владений, а он передал мне Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше. Но сделал он это с неохотой, и потому корабль по морю идет лучше, чем по суше, ибо Гром, как только может, мешает ему. Как бы то ни было, если корабль тебе нужен, ты его получишь.

— Благодарю тебя, король Страаша. Где мне его найти?

— Он сам придет. А теперь я устал, ибо чем дальше ухожу я от границ своего королевства, тем хуже себя чувствую. Прощай, Элрик, — и будь осторожен. Сил у тебя больше, чем ты догадываешься, и многие могут воспользоваться ими для собственных целей.

— Мне подождать тут Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше?

— Нет... — голос морского короля стал слабее. Серый туман скрыл его фигуру и зеленые огоньки. Море успокоилось. — Жди в своей башне... он придет...

Несколько волн обрушилось на берег, и короля водяных духов словно и не бывало. Дайвим Твар протер глаза. Медленным шагом двинулся он к Элрику. Наклонившись, он предложил императору руку.

Элрик с удивлением поглядел на него.

— А, Дайвим Твар. Сколько времени прошло?

— Не один час, Элрик. Скоро наступит ночь. Нам лучше вернуться в Имррир.

С трудом, опираясь на Дайвима Твара, Элрик поднялся.

— Да... — пробормотал он. — Морской король сказал...

— Я слышал морского короля. Я слышал его совет, и я слышал его предостережение. Не забудь про то и про другое. Не правится мне этот волшебный корабль. Как всегда бывает с колдовскими штучками, у него пороков не меньше, чем добродетелей. Словно меч с двумя клинками: ты его поднимаешь, чтобы пронзить врага, а он поражает тебя самого.

— Что поделываешь, колдовство есть колдовство. И потом, ты ведь сам настаивал на нем, мой друг.

— Да, — согласился Дайвим Твар тихо, поднимаясь по крутой тропинке к утесам, где ждали кони. — Да. Я не забыл этого, мой повелитель.

Элрик слабо улыбнулся и коснулся руки Дайви́ма Твара.

— Не тревожься. Все позади, и теперь у нас есть корабль, который домчит нас к принцу Йиркуну в земли ойнов и ю.

— Будем надеяться, — сказал Дайвим Твар, оставаясь при своем мнении относительно Корабля-что-Плывет-по-Морю-и-Суше.

Кони дожидались их. Твар принялся отирать влагу с боков жеребца.

— Жаль, — сказал он, — что мы опять понапрасну утомили драконов. А иначе — ох, как поплясал бы у нас принц Йиркун! И потом, мой друг, разве не хочется тебе сына взмыть в поднебесье?

— Вот найдем принцессу Киморил и освободим ее, тогда полетаем, — ответил Элрик, устало забираясь в седло. — Ты затрубишь в Драконий Рог, и наши братья-драконы услышат его, и мы с тобой споем «Песнь Повелителей Драконов», правя Пламенным Клыком и Острым Зубом. О, какое время наступит для Молнибонз, когда мы перестанем отождествлять свободу с властью, когда позволим Молодым Королевствам идти своей дорогой и будем уверены, что и они позволят нам то же!

Дайвим Твар натянул поводья. Лоб его пересекли морщины.

— Будем молиться, чтобы пришло такое время, мой повелитель. Но я никак не могу отделаться от мысли, что дни Имррира сочтены и что моя собственная жизнь приближается к концу.

— Ерунда, Дайвим Твар! Ты переживешь меня. Хотя ты и старше, в этом не может быть сомнения.

Они поскакали обратно. Дайвим Твар сказал:

— У меня двое сыновей. Ты знаешь о том, Элрик?

— Ты никогда не упоминал про них.

— Они от прежних любовниц.

— Я рад за тебя.

— Они истинные мелнибонзэйцы.

— К чему ты ведешь, Дайвим Твар? — спросил Элрик, пытаясь разглядеть выражение лица друга.

— Я люблю их и хочу, чтобы они познали все радости Драконьего Острова.

— На здоровье. Ты чего-то опасаясь?

— Не знаю, — Дайвим Твар в упор посмотрел на Элрика. — Мне кажется, что судьба моих сыновей в твоих руках.

— В моих?

— Я так понял из слов водяного духа, что твои поступки определяют судьбу Драконьего Острова. Прошу тебя, не забудь про моих сыновей, Элрик.

— Хорошо, Дайвим Твар. Я уверен, из них выйдут отличные Повелители Драконов. Со временем один из них займет место Правителя Драконьих Пещер.

— Ты не понял меня, мой император.

Элрик пристально поглядел на Твара и покачал головой.

— Я все понял, старый друг. Однако ты излишне суров ко мне, если думаешь, что я хочу зла Мелнибонэ и его жителям.

— Тогда прости меня, — Дайвим Твар наклонил голову, но выражение глаз не изменилось.

Прискакав в Имррир, они переоделись и выпили горячего вина. Им принесли обильно одобренные пряностями кушанья. Элрик, несмотря на усталость, был в лучшем, чем за все прошедшие месяцы, расположении духа. Однако улыбка его казалась несколько вымученной. И неожиданно, подумал Дайвим Твар. Хотя положение дел немного улучшилось и скоро предстоит встреча с принцем Йиркуном, но впереди поджидают неведомые опасности, ловушки и западни.

Дайвим Твар радовался нынешнему настроению Элрика и всеми силами старался его поддержать. Они проговорили до ночи: о том, что захватить с собой в таинственные земли оинов и ю, о том, что такое Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше, сколько человек он может взять на борт, сколько надо загрузить провианта и так далее.

В спальню Элрик отправился твердым шагом, который так разительно отличался от его прежней походки; желая ему доброй ночи, Дайвим Твар вновь испытал то же чувство, что и на берегу, когда Элрик произносил заклинание. Быть может, не случайно заговорил он с императором о своих сыновьях. Твару хотелось подбодрить Элрика, подбодрить и защитить от какой-то неведомой угрозы.

Отогнав эти мысли, Дайвим Твар тоже пошел спать. Элрик винит себя за Йиркуна и за Киморил; Дайвим Твар задумался, не лежит ли часть вины и на нем. Пожалуй, ему

следовало быть решительнее и настойчивее, помогая молодому императору словом и делом.

Будучи истинным мелнибонэйцем, он немедленно откинул подобные сомнения как нелепые. Существует лишь одно правило: развлекайся, как можешь. Но всегда ли оно определяло жизнь Мелнибонэ? А вдруг кровь у Элрика вовсе не дурная? — подумал Дайвим Твар. Вдруг Элрик — воплощение одного из самых далеких предков? Всегда ли мелнибонэец думал только о себе и о собственном удовольствии?

И снова Дайвим Твар отогнал эти мысли. Какая от них польза? Мир есть мир. Человек есть человек.

Прежде чем лечь в постель, он навестил двух своих прежних любовниц, разбудил их, твердя, что хочет видеть сыновей. Заспанных, смятенных мальчиков, одного из которых звали Дайвим Слорм, а другого — Дайвим Мав, привели, и отец долго глядел на них, а потом отослал обратно. Он ничего им не сказал, но часто морщил лоб и потирал его, и качал головой; а когда дети ушли, он проговорил, обращаясь к Ниопал и Сарамал, своим любовницам:

— Пусть их отведут завтра в Драконьи Пещеры. Пора начинать обучение.

— Так скоро, Дайвим Твар? — спросила Ниопал.

— Да. Я боюсь, у нас осталось мало времени.

Яснее он выразиться не мог — это было всего лишь ощущение. Но ощущениеросло и постепенно превратилось почти в навязчивую идею.

Поутру Дайвим Твар пришел к императору и нашел Элрика на галерее. Тому не терпелось узнать, не показался ли где-нибудь у побережья острова волшебный корабль. Дайвим Твар не мог сообщить ничего утешительного. Слуги на вопросы Элрика отвечали, что, если император опишет им корабль, они скорее его узнают; но он не мог этого сделать, ибо не знал даже, где появится судно — на море или на суше. На нем были его черные доспехи; Дайвим Твар с первого взгляда понял, что Элрик сильнее обычного напился своих отваров. Алые глаза сверкали, речь императора была быстрой, движения белых рук — стремительными.

— Как ты себя чувствуешь, мой повелитель? — спросил Твар.

— Чудесно, Дайвим Твар, — усмехнулся в ответ Элрик.

— Хотя мне станет еще лучше, когда появится Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше.

Он подошел к парапету и, опершись на него, устремил взгляд в морскую даль, не замечая городских стен и башен.

— Ну, где же он? Слишком уж скрытен король Страаша.

— Действительно, — согласился Дайвим Твар. Он не завтракал и потому задержался около столика, что стоял в углу балкона и был уставлен различными яствами. Элрик, по-видимому, к еде не притрагивался.

Внезапно Твару подумалось: не оказали ли всякие отравы разрушающего воздействия на мозг его друга? Быть может, безумие, вызванное колдовством, тревогой за Киморию, ненавистью к Йиркуну; исподтишка овладевает Элриком?

— Не хочет ли мой повелитель отдохнуть, пока не показался корабль? — спросил Дайвим Твар, вытирая губы.

— Было бы неплохо, — признался Элрик, — но я не в силах. Мне не терпится встать лицом к лицу с Йиркуном, Дайвим Твар, не терпится отомстить ему; не терпится увидеть Киморию.

— Я понимаю, однако...

Смех Элрика был громким и грубым.

— Ты дрожишь надо мной, словно Перекрут. Две няньки — это для меня слишком много, Правитель Драконьих Пещер.

Дайвим Твар принужденно улыбнулся.

— Ты прав. Что ж, будем надеяться, волшебный корабль... Что это?! — воскликнул он. — Вон в том лесу? Видишь, словно ветер? Но ветра-то нет!

— И в самом деле, — проговорил Элрик. — Что бы...

И тут из леса выплыло нечто, и земля вдруг заволновалась, и по ней пошла рябь. Странный предмет был белым, голубым и черным. Он приближался.

— Парус, — сказал Дайвим Твар. — Это твой корабль, мой повелитель.

— Да, — прошептал Элрик, подаваясь вперед, — мой корабль. Готовься, Дайвим Твар. К полудню мы должны покинуть Имррир.

6 Корабль был высоким, стройным и изящным. Его леера, мачты и фальшборт украшала искусная резьба, причем потрудились над ней явно не человеческие руки. Дерево, которое пошло на постройку корабля, было

весьма необычным по цвету — голубым, черным, зеленым и темно-темно-красным. Такелаж корабля имел цвет морской волны, а в досках палубы виднелись прожилки, напоминавшие корни деревьев. Паруса на трех его зауженных кверху мачтах были такими же пухлыми и светлыми, как облачка в погожий летний день. Корабль был прекрасен: мало кто мог, взглянув на него, остаться равнодушным, как мало кого оставляет равнодушным красота пейзажа. Одним словом, корабль олицетворял собой саму гармонию, и Элрик не мог вообразить себе лучшего судна, чтобы плыть за принцем Йиркуном в неизведанные земли оинов и ю.

По суше корабль двигался ничуть не хуже, чем по воде, и земля под его килем на мгновение покрывалась рябью: точно волнами. Однако едва корабль проходил, земля обретала свой прежний вид. Вот почему качались деревья леса: они расступались перед кораблем, который стремился к Имрриру.

Он был не особенно большим, этот Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше. Размерами он значительно уступал мелнибонзэйской барке и лишь немного превосходил южную галеру. Однако по изяществу движения, по благородству линий он не имел себе равных.

Сейчас он стоял со спущенными на землю сходнями: его готовили к предстоящему походу. Элрик, уперев руки в боки, рассматривал дар короля Страши. От ворот в городской стене до сходен тянулась цепочка рабов: они носили на корабль провиант и оружие. Тем временем Дайвим Твар собирал в Имррире воинов и объяснял им их обязанности в походе. Задача у него была не из легких, ибо половину имевшихся в городе сил решено было оставить для защиты Имррира под командованием Магума Колима. Вряд ли варвары оправятся так скоро после разгрома своего флота, но осторожность не помешает, если вспомнить о том, что принц Йиркун поклялся завладеть Мелнибонэ. Кроме того, по каким-то непонятным соображениям, Дайвим Твар собрал отряд добровольцев-ветеранов, каждый из которых был отмечен тем или иным физическим увечьем. По мнению зевак, в походе от этих людей не могло быть никакой пользы. Но так как при защите города на их помощь рассчитывать тоже не приходилось, их отпустили с легким сердцем. Ветераны взойшли на борт корабля первыми.

Последним же поднялся по сходням сам Элрик. Тяжело ступая в своих черных доспехах, он медленно прошел на

палубу, обернулся, отсалютовал городу и приказал поднимать сходни.

Дайвим Твар ожидал императора на полуяхте. Сняв перчатку с одной из рук, Правитель Драконьих Пещер провел ладонью по странного цвета древесине поручня.

— Этот корабль не годится для биты, Элрик, — сказал он. — Жаль будет повредить такую красоту.

— А кто собирается его повреждать? — легкомысленно спросил Элрик, глядя, как матросы взбираются по вантам, чтобы распустить паруса. — Разве Страаша или Гром того допустят? Не тревожься за Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше, Дайвим Твар. Пусть тебя заботит лишь успех нашего похода и то, как бы нас с тобой в нем уцелеть. Давай сверимся с картами. Мы оба помним предостережение Страаши насчет его брата Грома. Потому я предлагаю плыть, покуда возможно, морем, зайдя по дороге вот сюда, — он указал порт на западном побережье Лормира, — чтобы пополнить припасы и узнать поподробнее о землях оинов и ю.

— Насколько мне известно, немногие путешественники отваживались заходить за Лормир. Говорят, что неподалеку от южных границ этой страны лежит край света, — Дайвим Твар нахмурился. — Может, мы плывем в ловушку? Ловушку Эриоха? Он вполне способен оказаться заодно с принцем Йиркуном, и тогда поход завершится только нашей гибелью.

— Я думал над такой возможностью, — сказал Элрик. — У нас нет иного выхода. Мы вынуждены доверять Эриоху.

— Да уж, — саркастически усмехнулся Дайвим Твар. — И еще одно, Элрик. Как этот корабль движется? Я не вижу якорей, которые можно было бы выбрать, и, помнится, на суше не бывает приливов. Гляди, ветер наполнил паруса!

И в самом деле — паруса надулись. Мачты поскрипывали от напряжения.

Элрик пожал плечами и широко развел руки.

— Думаю, надо просто ему сказать, — проговорил он. — Корабль, мы готовы.

Чуть накренившись, судно пришло в движение. Элрик злорадно ухмыльнулся изумлению Дайвима Твара. Корабль шел ровно, будто по штилевому морю. Внезапно Твар вцепился в поручень.

— Нас несет прямо на стену! — крикнул он.

Элрик одним прыжком оказался в центре полуяхты, где

лежал большой рычаг, присоединенный горизонтально к храповику, который, в свою очередь, соединен был с валом. Нетрудно было догадаться, что это руль. Элрик ухватился за рычаг, точно за весло, и рывком перевел его на два зубца дальше по кругу. Корабль отреагировал немедленно — нацелился носом в другую часть стены. Элрик навалился на рычаг: корабль накренился, развернулся на месте и помчался прочь от Имррира. Элрик радостно засмеялся.

— Вот так, Дайвим Твар. Нужно было только немножко пошевелить мозгами!

— Тем не менее, — отозвался Дайвим Твар, — я предпочел бы дракона. Как-никак, живая тварь, и понять его несложно. А от колдовства мне не по себе.

— Послушайте, что говорит мелнибонзэйский вельможа! — вскричал Элрик, возвышая голос над шумом ветра в такелаже, поскрипыванием древесины и хлопаньем больших белых парусов.

— Ну и что? — сказал Дайвим Твар. — Будь я иным, мой повелитель, я бы не стоял сейчас рядом с тобой.

Элрик бросил на друга озадаченный взгляд, а потом повернулся и пошел вниз, чтобы найти рулевого и научить его править кораблем.

Корабль мчался над каменистыми склонами и поросшими кустарником холмами. Он прорывался сквозь леса и величественно проплывал над травянистыми равнинами. Он двигался подобно низколетающему ястребу, который в поисках жертвы держится поближе к земле, но летит с огромной скоростью, меняя курс неуловимым поворотом крыла. Воины Имррира толпились на палубах, изумленно озираясь по сторонам; многих пришлось едва ли не силой разгонять по местам. Единственным человеком, у которого корабль как будто не вызвал никаких чувств, был высокий воин, что исполнял обязанности боцмана. Он вел себя так, словно находился на палубе одной из барок золотого флота, и, расхаживая туда-сюда, следил за соблюдением настоящего морского порядка.

Рулевой же, которого выбрал Элрик, никак не мог справиться с волнением. Ему то и дело казалось, что корабль вот-вот врежется в скалу или налетит на толстый ствол дерева. Он постоянно облизывал губы; несмотря на прохладу, со лба у него градом катился пот; и дышал он с хрипотцой. Однако рулевым он был неплохим и постепенно освоился, хотя ему

приходилось крутиться, как белке в колесе, — с такой скоростью двигался корабль.

От скорости и впрямь захватывало дух. Судно мчалось быстрее всякой лошади, быстрее даже ненаглядных драконов Дайвима Твара.

Радостный смех Элрика звучал то тут, то там. Император заразил своей веселостью многих членов команды.

— Что ж, если сейчас Гром — Правитель Земли под Корнями старается задержать нас, то как же мы полетим, выйдя в открытое море! — крикнул Элрик Дайвиму Твару.

Настроение Твара улучшилось. Откинув со лба свои длинные чудесные волосы, он улыбнулся другу.

— Нас, наверно, просто сдует с палубы!

И тут вдруг корабль взбрыкнул, его зашатало из стороны в сторону, как будто он угодил в водоворот, образованный встречными течениями. Рулевой побледнел и вцепился в рычаг, пытаясь вернуть себе власть над кораблем. Раздался вопль ужаса, матрос слетел с верхнего салинга грот-мачты и свалился на палубу, переломав себе все кости до единой. Корабль еще пару раз покачнулся — и проклятое место осталось позади.

Элрик устоял на теле погибшего моряка. Веселость его как рукой сняло. Он ухватился за поручень. Алые глаза его сверкали, губы кривились в усмешке, обнажая крепкие зубы. Смеялся он над собой.

— Какой же я глупец! Только глупец посмел бы так искушать богов!

Хотя корабль двигался по-прежнему быстро, что-то словно тянуло его назад, как будто служки Грома вцепились в его днище точно ракушки в море. И Элрик ощущал нечто в воздухе, нечто в шелесте деревьев, мимо которых они проходили, нечто в раскачивании травинки, кустов и цветов, над которыми они проплывали, нечто в тяжести скал и в наклоне холмов. И он знал, что это нечто — присутствие вокруг незримого Земляного Грома, Грома — Правителя Земли под Корнями, Грома, который желает завладеть тем, что когда-то принадлежало ему и его брату Страше, тем, что символизировало заключенный ими между собой мир. Грому очень хотелось вернуть себе Корабль, что Плыет по Морю и по Суше.

И, глядя на черную землю внизу, Элрик испугался.

7 Но наконец, преодолев сопротивление земли, они достигли моря, соскользнули в воду и устремились прочь от Мелнибонэ, набирая скорость с каждым мгновением. Впереди за клубились облака пара — там лежало Кипучее Море. Элрик считал неразумным даже на волшебном корабле соваться в его жаркие воды и направил судно к берегам Лормира, самого прекрасного и мирного из Молодых Королевств, а если быть совсем уж точным — в порт Рамазац на западном побережье Лормира. Будь варвары, которых они недавно разгромили, из Лормира, Элрик, естественно, выбрал бы какой-нибудь другой порт, но все было за то, что атаковавшие Имррир пираты приплыли с юго-востока, из неведомых земель за Пикарейдом. Лормириане, которыми правил толстый и осторожный король Фадан, ни за что не ввязались бы в подобную авантюру, не будучи заранее уверенными в полном ее успехе.

Медленно введя корабль в гавань Рамазац, Элрик, чтобы не привлекать внимания, приказал поставить судно якобы на якорь. Однако красоты корабля он не мог скрыть при всем желании, как не мог отрицать и того факта, что приплыли они с Мелнибонэ. Мелнибонэйцев же в Молодых Королевствах не любили — и побаивались. Так что, по крайней мере внешне, с Элриком и его людьми обращались уважительно, довольно прилично накормили и поднесли вина.

В самом большом из прибрежных трактиров под названием «Уходи, но возвращайся» Элрик разговорился со словоохотливым хозяином, который прежде был удачливым рыбаком и неплохо знал южные края. Он, разумеется, слышал про земли оинов и ю, но отзывался об этих народах безо всякого почтения.

— По-вашему, они готовятся к войне, господин? — приподняв брови, трактирщик поглядел на Элрика и поднес к губам кружку с вином. Выпив, он отер губы и покачал своей рыжей головой. — Верно, собираются воевать с воробьями. Ведь оины и ю — это даже не племена, а так, не пойми что. Их единственный приличный городишко называется Дхоз-Кам. Он стоит на берегах реки Ар, и каждое из племен владеет половиной его. В основном в тех краях живут крестьяне, такие темные и суеверные, что никак не могут выбиться из бедности. Хорошего солдата среди них днем с огнем не найдешь.

— Ты не слышал ничего о мелнибонэйце, что покорила оинов и ю и подзуживает их к войне? — спросил Дайвим Твар, осторожно пробуя вино. — По имени принц Йиркун?

— Вот кто вам нужен, — трактирщик оживился. — Что, никак распря между Драконьими Принцами?

— Не твоё дело, — высокомерно произнес Элрик.

— Разумеется, господа, разумеется.

— Ты знаешь что-нибудь о большом зеркале, которое забирает у людей память? — спросил Дайвим Твар.

— Волшебное зеркало! — трактирщик расхохотался. — Да у них там и обычных-то наверняка нет! Простите, господа, но, по-моему, вас кто-то сбил с толку, если вы опасаетесь оинов и ю!

— Вероятно, ты прав, — сказал Элрик, глядя в свою кружку с вином, к которой он даже не прикоснулся, — но разумнее будет проверить самим. Да и Лормиру это может принести пользу.

— Не беспокойтесь за Лормир. Мы без труда справимся с любым, кому вздумается на нас напасть, особенно — с той стороны. Что ж, если вам так хочется увидеть все своими глазами, то слушайте. Идите вдоль побережья. Через три дня откроется большая бухта. В нее впадает река Ар, на берегах которой стоит Дхоз-Кам, убогий такой городишко, вовсе не тянет на столицу двух стран. Жители его грязные, лживые и поголовно больные, но притом ленивые и безвредные, в особенности когда погрозишь им мечом. Вам довольно будет провести в Дхоз-Каме всего час, чтобы понять: они способны лишь заразить вас какой-нибудь мерзостью, которых у них там хоть отбавляй!

Трактирщик снова громогласно расхохотался, радуясь собственному остроумию. Отсмеявшись, он закончил:

— Смотрите, не испугайтесь их флота. Он состоит из дюжины дырявых рыбацких лодок, годных только на то, чтобы барахтаться на мелководьях устья.

Элрик отодвинул кружку.

— Прими нашу благодарность, хозяин.

Он положил на стойку серебряную мелнибонэйскую монету.

— Сдачи-то у меня вряд ли наберется, — заметил трактирщик лукаво.

— Оставь ее себе, — сказал Элрик.

— Благодарствуйте, господа. Может, переночуете у меня? Лучших постелей вам не найти во всем Рамазаци!

— Нет, — сказал Элрик. — Мы будем спать на корабле, чтобы отплыть с первыми лучами солнца.

Мелнибонэйцы вышли. Трактирщик поглядел им вслед.

По привычке он попробовал серебряную монету на зуб. Что-то ему не понравилось, он вынул ее и повертел перед носом, рассматривая. А вдруг мелнибонэйское серебро — отравка для простого смертного? Лучше не рисковать. Он сунул монету в кошель, потом бросил взгляд на недопитые кружки с вином. Он терпеть не мог расставаться со своим добром, но, пожалуй, придется выкинуть эти кружки, а то еще беды не оберешься.

Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше достиг бухты к середине следующего дня и стоял теперь неподалеку от берега; за небольшим горным краем, густо поросшим почти тропической растительностью, виднелся город. Элрик с Дайвином Тваром вброд добрались до берега и вошли в лес. Они решили поостеречься и не открывать своего присутствия до тех пор, пока не подтвердится правдивость слов трактирщика насчет убожества Дхоз-Кама. Поодаль они заметили сравнительно высокий холм, на котором росло несколько подходящих деревьев. Прорубая дорогу мечами, Элрик и Дайвим Твар взобрались на холм. Элрик выбрал дерево, ствол которого сначала изгибался, а потом круто уходил вверх. Сунув меч в ножны, он вскарабкался на это дерево и устроился на толстой ветке. Тем временем Дайвим Твар, последовав примеру императора, влез на соседнее. Город Дхоз-Кам с высоты виден был как на ладони. Приземистые, мрачные хибары — нет, трактирщик явно не преувеличивал. Вероятно, Йиркун направился сюда потому, что с помощью маленького отряда хорошо обученных имрририанских солдат покорить оинов и ю — пустяковое дело для человека, который сведущ в колдовстве. И потом, ну, кому придет в голову обращать воинственный взор на земли, лишённые всякого богатства и стратегической значимости? Йиркун не мог найти лучшего места, чтобы скрыться с глаз людских.

Но вот что касается флота Дхоз-Кама — тут трактирщик ошибся. Даже с того места, где они находились, Элрику с Дайвимом Тваром было видно, что в городской гавани стоит не меньше тридцати довольно крупных боевых кораблей, а взглядевшись попристальнее, вверх по реке можно разглядеть целый лес мачт. Однако их заинтересовали не столько корабли, сколько сверкавший над городом предмет. Массивные колонны поддерживали ось, к которой крепилось большое круглое зеркало. Рама его своей красотой ничуть не уступала кораблю, на котором приплыли мелнибонэйцы.

Вот оно, Зеркало Памяти, отбирающее воспоминания у всякого, кто отважится поглядеть в него.

— Мой повелитель, — произнес Дайвим Твар, который примостился на ветке в нескольких ярдах от Элрика, — с нашей стороны будет неразумно идти напрямик в гавань Дхоз-Кама. Слишком уж велика опасность. Нам с тобой сейчас ничего не угрожает только потому, что зеркало направлено в другую сторону. Но обрати внимание: оно может поворачиваться куда угодно — кроме как в глубь страны! Видишь? Они, видно, полагают, что оттуда могут заявиться лишь их соплеменники, ибо какой завоеватель рискнет преодолеть пустыни, что отделяют земли оинов и ю от границ Молодых Королевств.

— Так-так, Дайвим Твар. Ты предлагаешь воспользоваться волшебными свойствами нашего корабля и...

— И подойти к Дхоз-Каму по суше, нанести внезапный и быстрый удар, разогнать новоявленных союзников принца, захватить его самого! Не забудь про наших ветеранов, Элрик. Времем в город, возьмем в плен Йиркуна, освободим Киморил и стрелой помчимся обратно!

— Что ж, поскольку у нас все равно мало людей для нападения в открытую, я думаю, мы так и поступим, хотя это опасно. Они нас не ждут. Если с первого раза ничего не получится, вторая попытка будет много труднее. Можно попробовать пробраться в город ночью и разыскивать Йиркуна и Киморил, однако в темноте от нашего чудесного корабля мало проку... Решено, Дайвим Твар. Поворачиваем корабль на сушу и будем надеяться на милость Грома. Мне кажется, он не оставит попыток завладеть судном.

И Элрик начал спускаться с дерева.

Взойдя на полуют прекрасного корабля, Элрик приказал рулевому взять курс на сушу. Развернув половину парусов, корабль грациозно двинулся вперед, и росшие на побережье кусты расступились перед его гордым носом. Мгновение — и они уже в зеленом сумраке джунглей. Вспугнутые птицы с криками взвивались, а маленькие зверьки застыли в изумлении, глядя на Корабль-что-Плывет-по-Морю-и-Суше. Судно величаво скользило сквозь лес, обходя лишь самые крупные из деревьев.

Так они вступили на землю оинов, что лежит к северу от реки Ар, которая отмечает границу между территориями двух племен, оинов и ю. Земля оинов представляла собой большей

частью густые джунгли и неплодородные равнины, на которых аборигены ухитрялись выращивать кое-какие злаки. Они боялись леса и старались не приближаться к нему, пусть даже под его деревьями рассыпаны несметные сокровища.

Корабль скоро миновал лес и поплыл над равнинами. Вдалеке замерцало озеро. Дайвим Твар сверился с грубой картой, которой обзавелся в Рамазаце, и предложил повернуть к югу, чтобы подойти к Дхоз-Каму по большой дуге. Элрик согласился, и рулевой взялся за рычаг.

В это самое мгновение земля заколебалась. Над бортами судна вознеслись травянистые волны. Корабль начало бросать из стороны в сторону. Двое воинов рухнули с мачты и разбились о палубу. Боцман закричал, ибо, несмотря на качку, все происходило в полной тишине, и тишина делала положение еще более грозным. Ругаясь на чем свет стоит, боцман велел матросам привязать себя к мачтам.

— Остальные — марш вниз! — гаркнул он.

Затянув один конец шарфа на запястье, Элрик обмотал другой вокруг поручня. Дайвим Твар проделал то же самое, используя для этой цели длинный пояс. Но их по-прежнему швыряло туда-сюда, и палуба то и дело уходила у них из-под ног. Элрику казалось, что кости его вот-вот треснут, что все тело покрыто синяками. Корабль скрипел и стонал, угрожая развалиться от непомерного напряжения.

— Громова работа, Элрик? — выдохнул Дайвим Твар. — Или Йиркун наколдовал?

Элрик помотал головой.

— Йиркун тут ни при чем. Это Гром. И я не знаю, чем его умиловить. Его считают ничтожнейшим среди королей духов, а он, пожалуй, самый могучий из них.

— Но разве, нападая на нас, он не нарушает мир с братом?

— Не думаю. Король Страаша ведь предупреждал нас, что подобное может произойти. Остается только надеяться, что корабль выстоит. В конце концов, чем тебе не шторм на море?

— Это куда хуже, чем шторм, Элрик!

Элрик кивнул, но промолчал — вернее, не смог ответить, ибо палуба накренилась вдруг под сумасшедшим углом и императору пришлось обеими руками ухватиться за поручень, чтобы не потерять равновесие.

Прежней тишины как не бывало. Грохот и рев отдаленно напоминали грубый смех.

— Король Гром! — закричал Элрик. — Король Гром! Пропусти нас! Мы не делали тебе ничего плохого!

Но в ответ — только смех. Корабль затрясся всем корпусом; земля вздымалась и опадала вокруг; деревья, холмы и скалы то поднимались над палубой, то исчезали из виду. Гром добивался судна.

— Гром! Какое зло причинили тебе смертные? — воскликнул Элрик. — Пропусти нас! Окажи нам милость, и мы отблагодарим тебя!

Элрик выкрикивал все слова, которые только приходили ему на ум. В глубине души он и не надеялся быть услышанным. Но что еще оставалось делать?

— Гром! Гром! Гром! Услышь меня!

Единственным ответом был громкий смех, от которого внутри у Элрика все дрожало. Земля вздымалась круче и круче, корабль вращался, точно в гигантском водовороте. Элрик понял, что постепенно сходит с ума.

— Король Гром! Король Гром! Разве справедливо губить тех, кто не чинил тебе зла?

Медленно, очень медленно вращение прекратилось, корабль застыл, и над ним поднялась гигантская бурая фигура, похожая на большой древний дуб. Волосы и борода ее были зелеными, как листва, глаза — золотыми, зубы — цвета гранита. Ноги ее напоминали корни; кожу покрывало множество зеленых чешуек. От фигуры исходил пряный аромат. Это был король Гром, повелитель земляных духов.

Он прищохался, нахмурился и произнес низким могучим голосом, хрипло и раздраженно:

— Отдайте мой корабль.

— Он не наш, чтобы отдавать его, король Гром, — сказал Элрик.

— Отдайте мой корабль, — повторил Гром сварливо. — Отдайте. Он мой.

— Зачем он тебе, король Гром?

— Зачем? Он мой. Он мой! — Гром топнул ногой, и земля заколыхалась.

— Это корабль твоего брата, король Гром. Это корабль короля Страаши. Он отдал тебе часть своих владений, а ты передал ему корабль. Разве не так?

— Я ничего не знаю. Корабль мой.

— Но если ты заберешь корабль, король Страаша отнимет у тебя земли, которые отдал когда-то.

— Мне нужен корабль.

Огромная фигура пошевелилась, с нее посыпались комья земли, которые с глухим чмоканьем падали на траву и на палубу судна.

— Чтобы завладеть им, тебе придется убить нас, — сказал Элрик.

— Убить? Гром не убивает смертных. Он никого не убивает. Гром строит. Гром дает жизнь.

— Ты уже погубил троих из нас, — сказал Элрик. — Трое людей, король Гром, погибло из-за того, что ты поднял бурю на суше.

Лоб Грома пересекли морщины. Дух почесал затылок. Звук был такой, точно ветер шелестит в кронах деревьев.

— Гром не убивает, — повторил он.

— Однако убил, — резонно заметил Элрик. — Король Гром убил троих людей.

— Мне нужен мой корабль, — проворчал Гром.

— Корабль одолжил нам твой брат. Мы не можем отдать его тебе. И потом, он должен помочь нам в благородном деле. Мы...

— Мне наплевать на всякие дела и на вас тоже! Мне нужен мой корабль. Моему брату ни к чему было одалживать его вам. Я почти забыл про него, но теперь вспомнил и хочу вернуть себе!

— А не устроит ли тебя что-нибудь другое? — спросил внезапно Дайвим Твар. — Что-нибудь взамен корабля, король Гром?

Гром покачал своей чудовищной головой.

— Что может предложить мне смертный? Всегда бывает наоборот: смертные не дают, а берут. Крадут мои кости, мою кровь, мою плоть. Ты в силах вернуть мне все это?

— Значит, никак? — спросил Элрик.

Гром закрыл глаза.

— Драгоценные металлы? Бриллианты? — предлагал Дайвим Твар. — На Мелнибонэ много сокровищ.

— У меня своих хватает, — сказал король Гром.

Элрик пожал плечами.

— Нет смысла торговаться с богом, Дайвим Твар.

Он горько улыбнулся.

— Чего желает Владыка Почв? Больше света, больше влаги? Тут мы бессильны.

— Да, бог я грубоватый, — признал Гром, — если бог вообще. Но я не хотел убивать ваших товарищей. Слушайте, отдайте мне их тела. Похороните их в моей земле.

Сердце Элрика заколотилось.

— Больше ты от нас ничего не требуешь?

— Мне кажется, что и этого много.

— И ты позволишь нам плыть дальше?

— По воде, — буркнул Гром. — Не вижу, чего ради мне разрешать вам плыть по земле. Дойдя вон до того озера, корабль сохранит только те свойства, которыми наделил его мой брат Страаша. По земле же, по моей земле, ему отныне не ходить!

— Но, король Гром, у нас важное дело. Мы спешим в город, — Элрик указал в направлении Дхоз-Кама.

— Дойдя до озера, корабль утратит способность двигаться по суше. А теперь отдайте мне то, о чем я просил.

Элрик подозвал боцмана, который впервые за весь поход выглядел изумленным.

— Пусть принесут тела погибших.

Когда тела моряков вынесли на палубу, Гром протянул одну из своих огромных землистых рук и подобрал их.

— Благодарю, — буркнул он. — Прощайте.

Тело его начало медленно погружаться в землю, сливаться с ней, превращаться в нее. Наконец Гром исчез.

И корабль тут же пришел в движение. Неторопливо поплыл он к озеру, в свой последний короткий поход по суше.

— Вот и строй планы, — сказал Элрик.

Дайвим Твар бросил печальный взгляд на приближающийся водоем.

— Да. А мы так надеялись. Мне боязно предлагать тебе это, Элрик, но, как видно, снова придется колдовать.

Элрик вздохнул.

— Похоже, что так, — согласился он.

8 Принц Йиркун был доволен. Все шло, как было задумано. Он стоял на плоской крыше своего дома в три этажа, самого приличного здания в Дхоз-Каме, и глядел на гавань, где стоял плененный флот. Всякий корабль, который заходил в порт и над которым не развевался флаг могущественной державы, попадал в руки принца, стоило морякам поглядеть на огромное зеркало, укрепленное на массивных колоннах. Колонны те выстроили демоны, с которыми принц Йиркун расплатился за работу душами оинов и ю, не пожелавших ему подчиниться. Еще немного — и можно отправляться завоевывать Мелнибонэ.

Принц повернулся к сестре. Киморил лежала на деревянной скамье, глядя в небо. Тело принцессы едва прикрывали лохмотья того платья, которое было на девушке, когда Йиркун похитил ее.

— Взгляни на наш флот, Киморил! Пока золотые барки шныряют по свету, никто не помешает нам проникнуть в Имррир и объявить город нашим! Элрику против нас не устоять. Как легко он попался в мою ловушку, глупец! И ты глупа, раз отдала ему свое сердце.

Киморил не ответила. Начиная с самого первого дня, Йиркун подсыпал ей в еду и питье всяческие порошки, и теперь состояние ее мало чем отличалось от слабости Элрика. Йиркун выглядел немногим лучше: колдовство иссушило его, подточило организм, лишило лицо былой привлекательности. Впрочем, привлекательность заботила сейчас принца меньше всего. Нынешняя же Киморил была лишь бледной тенью, призраком прежней красавицы принцессы. Казалось, будто убожество Дхоз-Кама наложило на брата с сестрой свой отпечаток.

— За себя ты можешь быть спокойна, — Йиркун хихикнул. — Ты станешь императрицей и воссядешь на Рубиновый Трон рядом с императором. Только императором буду я, а Элрик умрет медленной смертью. Я ему припомню то, что он собирался сделать со мной!

Голос Киморил был еле слышен. Заговорив, она даже не повернула головы.

— Ты безумец, Йиркун.

— Безумец? Скажи-ка, сестра, разве может настоящая мелнибонэйка произнести такое слово? Мы, мелнибонэйцы, не судим, кто безумен, а кто — в здравом уме. Человек таков, каков он есть. Он поступает, как поступает. Наверно, ты слишком много времени провела в Молодых Королевствах и набралась там всякой ерунды. Ну, ничего, это мы поправим. Мы с триумфом возвратимся на Драконий Остров, и ты про все забудешь, словно поглядев в Зеркало Памяти. — Он тут же нервно посмотрел вверх, будто опасаясь, что зеркало повернется к нему.

Киморил зажмурила глаза. Дыхание ее было тяжелым и редким. Девушка изо всех сил старалась не поддаваться, надеясь, что Элрику удастся освободить ее. Надежда — единственное, что мешало ей покончить с собой. Если бы не надежда, Киморил давно наложила бы на себя руки.

— Я говорил тебе, что прошлой ночью у меня получилось?

Я призвал демонов, Киморил! Могучих, темных демонов! Я узнал у них то, чего мне недоставало. Я наконец смогу отпереть Ворота Теней! Скоро я пройду в них и отыщу то, чего взыскую. Я стану самым могущественным смертным на Земле. Я говорил тебе об этом, Киморил?

Сказать по правде, он хвастался своим успехом уже не в первый раз за нынешнее утро, но Киморил упорно не обращала на него внимания. Чувствуя себя бесконечно усталой, она пыталась заснуть.

Девушка пробизнесла медленно:

— Я ненавижу тебя, Йиркун.

— Ничего, ты полюбишь меня, Киморил. Полюбишь.

— Придет Элрик...

— Элрик? Ха! Он сидит в своей башне и грызет ногти, дожидаясь вестей, которых никогда не получит. Разве что я принесу их ему!

— Элрик придет, — проговорила девушка.

Йиркун фыркнул. Служанка-оинка с туповатым лицом поднесла ему вино. Йиркун схватил кубок и пригубил напиток, а потом выплюнул его в служанку. Та убежала, трясясь всем телом. Принц вылил вино из кувшина на белую от пыли крышу.

— Гляди! Это Элрикова кровь! Вот так, вот так она потечет!

Киморил неотреагировала. Она пыталась вспомнить возлюбленного, мысленно вернуть те счастливые дни, которые они проводили вдвоем, начиная с детских лет.

Йиркун швырнул кувшин в голову служанке, но та сумела увернуться. Выпрямившись, она пробормотала слова, которыми обычно встречала подобные его выходки:

— Благодарю тебя, Князь-Демон. Благодарю тебя.

Йиркун рассмеялся.

— То-то. Князь-Демон! Твой народ недаром прозвал меня так, ибо в моем подчинении больше демонов, чем людей. И сила моя возрастает с каждым днем!

Оинка побежала за вином. Она знала, что принц вскоре его потребует. Йиркун снова подошел было к парапету, чтобы полюбозаться на корабли, но тут внимание его привлек какой-то переполох в городе. Неужели оины и ю передрались между собой? Где имрририанские сотники? Где капитан Вальхарик?

Он бегом пересек крышу — Киморил спала или притворялась спящей — и посмотрел вниз.

— Огонь? — пробормотал он. — Пожар?

Происходило что-то непонятное. Над городскими улицами, поджигая все, что могло гореть, проплывали огненные шары. Соломенные крыши домов, деревянные двери и стены вспыхивали в мгновение ока.

Йиркун нахмурился. Быть может, он не был достаточно осторожен с заклинаниями и одно из них обратилось против него? Но, проследив пожар взглядом до речного берега, он заметил вдруг странный корабль, величественный и прекрасный, творение скорее природы, чем рук человеческих, и понял, что на них напали. Но кто? Кому понадобился Дхоз-Кам? Здесь и вши-то стоящей не найдешь. А может, это — меллибонэйцы?.. И Элрик?..

— Только не Элрик! — взревел он. — Зеркало! Надо развернуть его в ту сторону!

— На самих себя, братец? — Киморил неуверенно села и оперлась на стол локтями. Она улыбалась. — Ты излишне самоуверен, Йиркун. Элрик пришел.

— Какой еще Элрик? Чушь! Наверняка кучка варваров из глубины материка. Едва они доберутся до центра города, мы наведем на них Зеркало Памяти.

Он подбежал к люку, который вел внутрь дома.

— Вальхарик! Капитан Вальхарик, где ты?

Вальхарик ворвался в комнату под крышей. Он весь вспотел. Судя по его виду, он пока еще не участвовал в сражении, хотя сжимал в руке меч.

— Приготовь зеркало, Вальхарик. Поверни его на этих бандитов.

— Но, господин мой...

— Поторопись! Делай, как я сказал. Скоро наша армия пополнится варварами, а флот — их кораблями.

— Какие же они варвары, господин мой, если им повинуются духи огня? С ними нет никакого сладу; все равно, что пытаться убить сам огонь.

— Огонь можно залить водой, — напомнил Йиркун своему военачальнику. — Водой, капитан Вальхарик. Или тебе сие неизвестно?

— Принц, мы пробовали обливать шары водой, но вода не выливалась из наших ведер. Варварам помогает могучий чародей. Ему служат духи воздуха и огня.

— Ты сошел с ума, капитан Вальхарик, — сказал Йиркун сурово. — Ты сошел с ума. Подготовь зеркало и избавь меня от своих домыслов.

Вальхарик облизал пересохшие губы.

— Слушаюсь, господин мой.

Поклонившись, он отправился выполнять поручение.

Йиркун вернулся к парпету. Он увидел, что люди его сражаются с кем-то на городских улицах, но дым пожара мешал принцу как следует разглядеть атакующих.

— Радуйтесь, радуйтесь, — хихикнул Йиркун, — скоро зеркало заберет вашу память и вы станете моими рабами.

— Это Элрик, — сказала Киморил тихо и улыбнулась. — Элрик пришел, чтобы отомстить тебе, братец.

Йиркун усмехнулся.

— Да ну? Ты так считаешь? Что ж, будь это даже он, я ускользну от него, а тебя он найдет в состоянии, которое его не очень-то обрадует, скорее, наоборот. Но это не Элрик. Это какой-нибудь неотесанный шаман из степей к востоку отсюда. Он скоро будет в моей власти.

Киморил поглядела через парпет.

— Элрик, — сказала она. — Я вижу его шлем.

— Что? — Йиркун оттолкнул сестру. Да, сомнений быть не могло, на городских улицах мелнибонэйцы сражались с мелнибонэйцами. Люди Йиркуна отступали. Теснящую их армию возглавлял воин в драконьем шлеме, который мог принадлежать только одному человеку на свете. Шлем Элрика. И меч Элрика. Былая слава графа Обока из Маладора, он поднимался и опускался, рдяный от крови, сверкающий в лучах утреннего солнца.

На миг Йиркуном овладело отчаяние. Он застонал.

— Элрик! Элрик, Элрик. Ах, все время мы недооцениваем друг друга. Что за проклятье лежит на нас?

Киморил запрокинула голову, лицо ее порозовело.

— Я говорила тебе, братец, что он придет!

Йиркун обернулся к девушке.

— Да, он пришел — на свою погибель. Зеркало лишит его разума, он обратится в моего раба и поверит всему, что бы я ни утверждал. Я и не мечтал о такой возможности, сестра. Ха!

Он поглядел вверх, потом быстро прикрыл глаза рукой, вспомнив, где стоит.

— Скорее вниз! В дом! Зеркало поворачивается!

Застучали шестерни, зазвенели цепи, закрипели шкивы. Ужасное Зеркало Памяти пришло в движение.

Согнав сестру с крыши, Йиркун спустился следом и закрыл за собой люк.

— Элрик поможет мне завладеть Имрриром. Он сам себя погубит. Он сам уступит мне Рубиновый Трон!

— А ты не думаешь, братец, что Элрик знает про Зеркало Памяти? — насмешливо спросила Киморил.

— Пускай. Противостоять ему он все равно не сможет. Он не в состоянии сражаться вслепую. Либо тебя зарубят, либо открывая глаза. А когда он откроет глаза, ему никуда не деться от зеркала.

Принц оглядел бедно обставленную комнату.

— Где Вальхарик? Где этот пес?

Вальхарик появился на пороге.

— Мой господин, зеркало поворачивается, но как бы оно не задело наших воинов.

— Ну и что, если наши люди попадут под него? Мы быстро научим их тому, что они должны знать, — их и побежденных врагов. Нельзя быть таким слабонервным, капитан Вальхарик.

— Но с ними Элрик.

— У Элрика тоже есть глаза, хоть они и похожи на головешки. Ему не избежать общей судьбы.

Тем временем Элрик, Дайвим Твар и их мелнибонэйцы подходили все ближе и ближе к дому принца Йиркуна. В их рядах потерь почти не было, тогда как трупы оинов, ю и предателей из Имррира густо устилали улицы. Духи огня, которых не без труда призвал на помощь Элрик, начали исчезать, ибо не могли долгое время оставаться в плоскости Земли. Но главное было сделано, и в том, чья возьмет, не осталось никаких сомнений. По всему городу полыхали пожары, в гавани загорелись суда.

Дайвим Твар первым заметил, что зеркало разворачивается. Он указал на него товарищам, потом обернулся, протрубил в свой боевой рог и приказал ввести в дело свежие отряды, которые до сих пор не принимали участия в сражении.

— Ведите нас! — крикнул он, опуская забрало шлема. Глазницы в забрале были заделаны, так что он ничего не видел.

Элрик медленно последовал примеру друга. Но битва продолжалась: мелнибонэйские ветераны выдвинулись в первые ряды атакующих. Глазницы на забралах их шлемов были обычными. Элрик всей душой пожелал, чтобы затея удалась.

Йиркун, который посматривал на улицу из-за занавеси, сказал недовольно:

— В чем дело, Вальхарик? Почему бой продолжается? Зеркало не разладилось?

— Нет, господин мой.

— Смотри сам. Наши люди уже не выдерживают, а Элрикивы воины идут как ни в чем не бывало. Что не так, Вальхарик? Что не так?

Бросив взгляд на наступающих мелнибонэйцев, Вальхарик со свистом втянул в себя воздух. Когда он ответил, в голосе его слышалось невольное восхищение.

— Они слепы. Они наносят удары наугад — по звуку, по запаху. Они слепы, мой повелитель, и они ведут за собой Элрика и других, чьи шлемы устроены так, что они ничего не видят.

— Слепы? — воскликнул Йиркун, отказываясь понимать. — Слепы?

— Да. Слепые воины, израненные в прежних битвах, но все еще отменные бойцы. Элрику не страшно наше зеркало, господин мой.

— Тыфу! Нет, не может быть, — Йиркун тяжело оперся на плечо Вальхарика; капитан отпрянул. — Элрик лишен хитрости, лишен. Значит, ему помогает какой-то могучий демон.

— Наверное, господин мой. Но разве его демоны сильнее тех, которые поддерживают тебя?

— Нет, — отозвался Йиркун, — не сильнее. О, если бы я только мог призвать их! Но я израсходовал все силы на то, чтобы отпереть Ворота Теней. Я должен был предвидеть... нет, я не мог предвидеть... О, Элрик! Ты падешь, когда в моих руках окажутся колдовские клинки!

Йиркун нахмурился.

— Но кто подучил его? Какой из демонов? Неужто сам Эриох? Но откуда у него силы, чтобы призвать Эриоха? Я и то не сумел этого сделать.

И словно отвечая Йиркуну, над улицами раскатился боевой клич Элрика.

— Эриох! Эриох! Кровь и души для князя Эриоха!

— Мне нужны колдовские клинки. Я должен пройти сквозь Ворота Теней. Там у меня есть друзья — друзья-духи, которые, если понадобится, легко расправятся с Элриком. Но времени мало, — бормотал себе под нос Йиркун, меряя шагами комнату. Вальхарик продолжал следить за ходом битвы.

— Они приближаются, — сказал капитан.

Киморил улыбнулась.

— Слышишь, Йиркун? Так кто из вас глупец? Элрик? А может, ты?

— Молчи! Я думаю... думаю... — Йиркун ухватил пальцами губу. Вдруг глаза его просветлели. Он искоса поглядел на Киморил, потом повернулся к капитану Вальхарiku.

— Вальхарик, ты должен разбить Зеркало Памяти.

— Разрушить? Но ведь это наше единственное оружие, господин мой!

— Я знаю, но какой нам от него теперь толк?

— Вообще-то да.

— Разрушив зеркало, мы заставим его служить нам снова, — Йиркун указал пальцем на дверь. — Иди. Разбей зеркало.

— Но, принц Йиркун... я хотел сказать, император... мы останемся беззащитными!

— Делай, что приказано, Вальхарик! Ну!

— Но чем я его разобью, господин мой?

— Мечом. Поднимись по колонне с задней стороны зеркала. Не глядя в него, ударь по нему мечом. Оно разобьется в момент. Ты помнишь, как я над ним трясся.

— И все?

— Да. После этого ты свободен от моей службы. Хочешь беги, хочешь — оставайся.

— Разве мы не поплывем на Мелнибонз?

— Разумеется, нет. Я придумал другой способ захватить Драконий Остров.

Вальхарик пожал плечами. На лице у него было написано, что он никогда особо не верил словам Йиркуна. Но после смертного приговора, который вынес ему Элрик, что еще оставалось делать капитану, как не бежать вослед за принцем?

Сторбившись, Вальхарик пошел выполнять приказ своего повелителя.

— Что ж, Киморил, — обхватив сестру за плечи, Йиркун как хорек оскалил зубы. — Надо подготовить тебя к встрече с возлюбленным.

Один из слепых воинов воскликнул:

— Они больше не сопротивляются, господин. Одни дают себя зарубить. Что с ними?

— Зеркало лишило их памяти, — отозвался Элрик, поворачиваясь в ту сторону, откуда до него донесся голос. — Ведите нас в здание, где мы сможем укрыться от него.

Сняв шлем, Элрик огляделся. Они находились в каком-то амбаре. По счастью, он оказался достаточно большим, чтобы вместить весь отряд, и когда все очутились внутри, Элрик приказал запереть двери. Надо было решить, как действовать дальше.

— Нужно найти Йиркуна, — сказал Дайвим Твар. — Может, допросим кого-нибудь из пленных?

— Бесполезно, мой друг, — сказал Элрик. — Они лишились рассудка и ничего не помнят. Совсем ничего — ни кто они, ни как их зовут. Выгляни вон через те ставни — их зеркало вроде не задевает — и посмотри, где, по-твоему, может отсиживаться мой кузен.

Дайвим Твар быстро подошел к прикрытому ставнями окну и осторожно выглянул на улицу.

— Неподалеку стоит здание. Оно больше всех остальных, и в нем заметно какое-то движение, как будто оставшиеся в живых перегруппировывают силы. Это, наверно, и есть крепость Йиркуна. Мы без труда ее возьмем.

Элрик присоединился к нему.

— Согласен с тобой. Там мы найдем Йиркуна. Но надо поспешить, пока ему не вздумалось убить Киморил. Посмотри внимательно, сколько улиц, переулков и домов нам предстоит миновать, а потом растолкуй все это нашим слепым воинам.

— Что за странный звук? — поднял голову один из слепцов. — Словно где-то звонят в колокол.

— Я тоже слышу, — поддержал его товарищ по несчастью.

Постепенно зловещий звук стал слышен всем. Он доносился откуда-то сверху, он пронизывал воздух.

— Зеркало! — Дайвим Твар посмотрел вверх. — Может, оно обладает неведомыми нам свойствами?

— Вероятно... — Элрик попытался вспомнить, что говорил ему Эрнх. Демона трудно было понять, но он ни словом не упомянул про ужасный, могучий звук, про раздирающий уши звон, будто...

— Он разбил зеркало! — вскричал Эрик. — Но зачем?

К звуку добавилось еще что-то, и это что-то настойчиво стучалось в мозг императора.

— Если Йиркун мертв, тогда, наверно, его колдовство умирает, — предположил Дайвим Твар. И со стоном рухнул на пол. Звук становился все громче, все настырнее.

И тут Элрик понял. Он зажал уши руками. Памяти из зеркала — они пытались прорваться в его мозг. Зеркало

разбилось, и все памяти, которые оно хранило в себе веками, тысячелетиями, вырвались на свободу. Памяти, многие из которых не были памятьми смертных. Памяти зверей и разумных существ, что жили задолго до возникновения Мелнибонз. Памяти, которые рвались в мозг Элрика, в мозг каждого мелнибонзйца, в бедные, лишенные рассудка головы людей на улицах, чьи крики доносились снаружи.

Но мозг капитана Вальхарика был им уже недоступен, ибо изменник, потеряв равновесие, не удержался на колонне и полетел вниз следом за осколками зеркала.

Элрик не слышал вопля капитана, не слышал, как тело Вальхарика ударилось сперва о крышу, а потом о мостовую, где и осталось лежать среди битого стекла. Элрик катался по полу амбара, натываясь на товарищей, изо всех сил стараясь не потерять рассудка под напором чужих памяти. Там было все: любовь, ненависть, повседневные заботы, войны и путешествия, лица чужих родственников, мужчин, женщин и детей, животные, корабли, города, битвы, любовные игры, страхи и желания. Памяти сражались друг с другом за место в его переполненном мозгу, угрожая подавить собственные Элриковы воспоминания. Корчась на полу, прижимая руки к ушам, он твердил одно только слово, всего одно:

— Элрик, Элрик, Элрик...

Наконец усилием, с которым могло сравниться разве что то, каким он призвал Эрихоа, императору удалось изгнать чужие памяти. Весь дрожа от изнеможения, он сел, опустил руки, перестал выкрикивать свое имя. Потом встал и огляделся.

Более двух третей его воинов были мертвы. Неподдалеку лежал боцман: на губах застыл предсмертный вопль, лицо искажено гримасой, из пустой правой глазницы сочится кровь — видно, в беспамятстве он вырвал себе глаз. Все трупы лежали в неестественных позах, и глаза у всех были широко раскрыты. Многие сами себя изувечили, других вывернуло наизнанку, третьи размозжили головы о стены. Дайвим Твар был жив, но забился в угол и что-то бормотал, и Элрик подумал, что друг его спятил. Обезумевших было несколько: они сидели тихо и не пытались подняться. Только пятерым, считая Элрика, посчастливилось сохранить мозг в неприкосновенности. Император переходил от мертвеца к мертвецу; ему показалось, что большинству просто не хватило мужества.

— Дайвим Твар? — Элрик положил руку на плечо другу. — Дайвим Твар?

Дайвим Твар поднял голову. В его взгляде Элрик увидел опыт тысячелетий и горькую насмешку над самим собой.

— Я живой, Элрик.

— Немногие из нас могут похвастаться тем же...

Чуть погодя они вышли из амбара, ибо зеркала отныне можно было не опасаться, и увидели, что на улицах города полно трупов тех, кто принял в себя чужие памяти. Скрыщенные тела протягивали к ним руки. С мертвых губ как будто слетали призывы о помощи. Элрик шагал, стараясь не смотреть по сторонам. Желание отомстить кузену снесало его душу.

Они добрались до замеченного здания. Дверь была раскрыта, и весь первый этаж представлял собой громадную покойнищю. Принца Йиркуна не было и следа. Маленький отряд поднялся по лестнице, едва ли не на каждой ступеньке которой валялся мертвец. И в комнатке под крышей они отыскивали Киморил.

Девушка лежала на кушетке, совершенно обнаженная. На коже ее чья-то рука изобразила руны, которые выглядели просто отвратительно. Глаза у нее слипались, и поначалу она не узнала вошедших. Элрик бросился к ней, заключил в объятия. Тело ее было странно холодным.

— Он... он погрузил меня в сон, — выговорила Киморил.

— В колдовской сон... только он может разбудить меня...

Она зевнула.

— Я держусь... силой воли... потому что придет Элрик...

— Он пришел, — нежно проговорил император. — Элрик тут, Киморил.

— Элрик? — тело девушки обмякло. — Ты... ты должен найти Йиркуна... только ему под силу разбудить меня...

— Куда он делся? — лицо Элрика посуровело, алые глаза засверкали. — Где он?

— Отправился за двумя черными клинками... колдовскими... мечами наших... наших предков...

— Бурезов и Злотворец, — произнес Элрик угрожающе. — На них лежит проклятье. Но куда он делся, Киморил? Как он сбежал от нас?

— Через... через... через Ворота Теней... Он расколдовал их... связался с самыми мерзкими демонами... другая комната... Киморил заснула — с улыбкой на устах.

Дайвим Твар подошел к двери в дальнем конце комнаты, крепче сжал в руке меч и распахнул ее. За дверью был мрак — и страшная вонь. Изредка в темноте что-то поблескивало.

— Да, это колдовство, — признал Элрик. — Йиркун ускользнул от меня. Через Ворота Теней он проник в какой-то из призрачных миров. В какой именно, мы никогда не узнаем, ибо число их бесконечно. О, Эриох, многое я отдал бы, чтобы последовать за своим кузеном!

— Значит, последуешь, — раздался вдруг в ушах Элрика приятный насмешливый голос.

Император сперва подумал было, что это какая-нибудь заблудшая память из зеркала, но потом догадался, что с ним говорит Эриох.

— Отошли своих людей, чтобы они нам не мешали, — сказал демон.

Элрик заколебался. Он хотел бы остаться наедине — но не с Эриохом, а с Киморил, от беспомощности которой у него на глаза наворачивались слезы.

— То, что я скажу, позволит Киморил обрести себя, — продолжал голос. — А еще поможет тебе победить Йиркуна и отомстить ему. И сделает тебя могущественнейшим из смертных.

Элрик поглядел на Дайвима Твара.

— Ты не мог бы оставить меня на некоторое время одного?

— О чем речь, — Дайвим Твар сделал знак своим солдатам, вышел за ними из комнаты и прикрыл дверь.

В тот же миг у двери возник Эриох, как и прежде — в обличье прекрасного юноши. Улыбка его была дружелюбной и открытой, и лишь глаза, бездонные колодцы веков, выдавали, кто он такой на самом деле.

— Тебе пора отправляться на поиски черных клинков, Элрик, — сказал Эриох, — пока Йиркун тебя не опередил. Помни: завладев клинками, Йиркун окажется в силах мановением руки уничтожить полмира. Вот почему твоего кузена не устрасили опасности краев за Воротами Теней. Если Йиркун опередит тебя — конец вам с Киморил, конец Молодым Королевствам и, вполне возможно, конец Мелнибонз. Я помогу тебе вступить в призрачные миры.

— Меня часто убеждали, что нет ничего хуже, чем пытаться разыскать эти мечи и завладеть ими, — задумчиво проговорил Элрик. — Не предложишь ли ты чего другого, князь Эриох?

— Нет. Если тебе клинки и ни к чему, то Йиркун жаждет

обладать ими. Взяв в одну руку Бурезов, а в другую — Злотворец, он станет непобедимым, ибо мечи сообщат своему владельцу силу, великую силу.

Эриох помолчал.

— Ты должен повиноваться мне. Для своей же пользы.

— И для твоей тоже, князь Эриох?

— И для моей тоже. Я вовсе не бескорыстен.

Элрик покачал головой.

— Не знаю, что и думать. Слишком много уж во всем этом от того, что не подчиняется законам природы. Мне кажется, мы — игрушки в руках богов.

— Боги помогают только тем, кто готов им служить. И потом, боги тоже не властны над судьбой.

— Не знаю, не знаю. Одно дело — остановить Йиркуна, а совсем другое — завладеть клинками самому.

— Такова твоя судьба.

— Разве я не в силах изменить ее?

Эриох покачал головой.

— Не больше, чем я.

Элрик погладил спящую Киморил по голове.

— Я люблю ее. Мне не надо ничего другого.

— Если Йиркун опередит тебя с мечами, ты ее никогда не разбудишь.

— Да как я найду их?

— Пройди через Ворота Теней. Йиркун полагает, что закрыл их, но он позабыл про меня. Потом отыщи Туннель-под-Болотом, который ведет к Пульсирующей Пещере. Там, в пещере, лежат мечи. Они лежат там с тех самых пор, как твои предки лишились их.

— Почему они их лишились?

— Твои предки утратили смелость.

— Смелость для чего?

— Чтобы взглянуть на самих себя.

— Ты говоришь загадками, князь Эриох.

— Владыке Высших Миров не пристало вести себя иначе. Торопись. Даже мне не под силу долго держать Ворота Теней открытыми.

— Хорошо, я иду.

Эриох исчез.

Хриплым, срывающимся голосом Элрик позвал Дайвима Твара. Воин тут же появился на пороге комнаты.

— Элрик, что здесь произошло? У тебя такой вид...

— Дайвим Твар, я отправляюсь вдогонку за Йиркуном.

Один. Ты возвратишься на Мелнибонэ с теми, кто остался в живых. И возьмешь с собой Киморил. Если я не вернусь, объявишь ее императрицей. В случае, если она по-прежнему будет спать, станешь править сам от ее имени, пока она не проснется.

— Ты знаешь, что делаешь, Элрик? — спросил тихо Дайвим Твар.

Элрик покачал головой.

— Нет, Дайвим Твар.

Он встал с колен и нерешительно направился в другую комнату, где его поджидали Ворота Теней.

Книга третья

Теперь о возврате назад не могло быть и речи. Долго Элрика предопределили точно так же, как долю магических клинков много тысячелетий назад. Неужели никак нельзя сойти с этой дороги к отчаянью, проклятью и гибели? Или он обречен от рождения? Обречен на то, чтобы познать лишь печаль и муку, одиночество и борьбу, обречен на вечное пребывание в заложниках у Судьбы?

1 Элрик очутился среди теней. Он обернулся, но призрачная завеса, сквозь которую он прошел, исчезла у него на глазах.

Облаченный в черные доспехи и черный же шлем, император сжимал в руке меч Обока. Место, где он оказался, выглядело мрачным и тоскливым. Больше всего оно походило на огромную сумрачную пещеру, сама мысль о стенах которой, невидимых в темноте, может привести в отчаяние. Элрик посетовал было, что послушался демона. Но поняв, что сожаления уже бесполезны, отогнал эти мысли.

Иркуна нигде не было видно. Или Элрикова кузена поджидал тут конь, или, что гораздо вероятнее, он вступил в призрачный мир под немного другим углом (ведь все плоскости обращаются одна вокруг другой) и, значит, сейчас едва ли ближе к цели, чем Элрик.

Воздух был соленым — до такой степени, что Элрику показалось, будто ноздри у него забиты солью. Впечатление было такое, словно плывешь в море под водой и вдруг понимаешь, что можешь через нее дышать. В самом деле, похоже, — трудно что-либо рассмотреть сквозь сплошные тени, и небосвод кажется кисеей под сводом пещеры. Опасности как будто не предвидится. Элрик вложил меч в ножны и огляделся, пытаясь сориентироваться.

На востоке — если, конечно, это восток, — чернели остроконечные пики гор, а на западе маячил лес. Без солнца, без луны, без звезд расстояние до них определить было затруднительно. Элрик стоял посреди каменистой равнины, по которой гулял холодный пронизывающий ветер; он так и норовил сорвать с плеч императора плащ. Поодаль виднелось несколько чахлах, без единого листочка деревьев. За ними

над равниной вздымалась большая, причудливой формы скала. Мир этот казался лишенным всякой жизни, как будто здесь некогда сошлись в битве Порядок и Хаос и в ярости своей сокрушили все живое.

Да, таких плоскостей поискать, подумал Элрик. На мгновение ему представилось, будто он стоит на руинах Земли. Отринув эту мысль, он двинулся вперед.

Не останавливаясь, он миновал деревья и зашагал дальше, к скале. Мимоходом полой плаща он зацепил веточку. Она обломилась и тут же превратилась в пыль. Элрик поежился и плотнее запахнул плащ.

Приблизившись к скале, он понял внезапно, что слышит какой-то звук. Замедлив шаг, он положил ладонь на рукоять меча. Звук был тихим и ритмичным и исходил словно из самой скалы. Элрик вгляделся в полумрак.

И тут звук умолк. Послышался шорох, затем наступила тишина. Элрик обнажил меч. Первый звук был шумом дыхания спящего человека, второй — свидетельствовал, что человек этот проснулся и готов защитить себя.

— Я Элрик Мелнибонэйский. Я тут чужак.

Зазвенела тетива — и почти в тот же миг над головой Элрика просвистела стрела. Он бросился на землю, ища, где бы укрыться. Но на всей равнине не было ни единого укромного местечка, не считая скалы, за которой притаился неведомый лучник.

Раздался голос, холодный и твердый:

— Врасплох тебе меня не застать. Я уже хлебнул в здешних краях горя с демонами, а ты, белолицый, кажешься мне самым опасным из них.

— Я смертный, — отозвался Элрик поднимаясь. Если умирать, так уж с достоинством.

— Ты упомянул Мелнибонэ. Я слышал о нем. Остров Демонов.

— Значит, ты слышал, да не то. Я смертный, как и все мои сородичи. Только невежды считают нас демонами.

— Я вовсе не невежда, приятель. Я жрец-воин из Фама, с рождения принадлежащий к этой касте. Я изучил все их тайны, и до недавних пор мне покровительствовали сами Владыки Хаоса. Но я отказался служить им, и они изгнали меня сюда. Тебя, верно, постигла та же участь? Как я слышал, жители Мелнибонэ служат Хаосу?

— Да. Фам я знаю. Он лежит на востоке, за Плачущей Пустошью, за Вздыхающей Пустыней, дальше даже, чем

Элуэр. Это одно из самых древних Молодых Королевств. Он так далек, что его не стали наносить на карту.

— Ты прав, разве вот насчет карты... Впрочем, чего еще ожидать от дикарей с запада? Значит, тебя тоже изгнали.

— Ты ошибаешься. У меня здесь дело. Выполнив его, я возвращусь в свой мир.

— Возвратишься? Интересно, интересно. Сказать по правде, мой бледный друг, я полагал возвращение невозможным.

— Быть может, так оно и есть и меня одурачили. Если ты не сумел отыскать проход в другую плоскость, наверно, и я не преуспею в том. Вряд ли мне достанет сил там, где не хватило их тебе.

— Сил? Я лишился всяких сил с тех пор, как отказался служить Владыкам Хаоса. Ты хочешь сразиться со мной, приятель?

— Лишь с одним человеком в этой плоскости я ищу битвы, и ты — не он, жрец-воин из Фама.

Элрик вложил меч в ножны, а из-за скалы вышел мужчина, он засовывал стрелу с алым оперением в алый колчан.

— Я зовусь Ракхир Алый Лучник, — сказал он. — Меня прозвали так за мое красное платье. У жрецов-воинов из Фама существует обычай выбирать для одежды какой-нибудь один цвет. Лишь в этом я придерживаюсь традиций.

На Ракхире была ярко-красная куртка, алые брюки, алые башмаки, алая шляпа с рдяным пером. Красным был его лук... и красным отливала рукоять его меча. Высокий, худощавый, мускулистый; лицо худое, смуглое и обветренное. Глаза его глядели насмешливо, на губах играла улыбка, но весь облик Алого Лучника говорил о том, что пережить ему пришлось немало.

— Какие дела могут быть в этом захолустье? — хмыкнул Ракхир, упирая руки в боки и оглядывая Элрика с головы до ног. — Ну да ладно. Я предлагаю тебе сделку.

— Если она окажется выгодной для меня, Лучник, я соглашусь, ибо ты, похоже, знаешь здешние места лучше моего.

— Так вот, ты намерен что-то тут разыскать и отправиться восвояси, а мне здесь совершенно нечего делать, и я изнываю от желания уйти. Если я помогу тебе, возьмешь ли ты меня с собой обратно в нашу общую плоскость?

— Сделка вроде бы честная, но я не могу обещать того, что зависит не от меня. Скажу только: если представится

возможность захватить тебя с собой в нашу плоскость, я сделаю это.

— Хорошо, — произнес Алый Лучник. — А теперь расскажи, что ты ищешь.

— Я ищу два клинка, выкованных тысячелетия назад бессмертными, они принадлежали моим предкам, а потом были отобраны у них и спрятаны где-то здесь. Клинки эти большие, тяжелые, черные. На них нанесены руны. Мне сказали, что я найду их в Пульсирующей Пещере, путь к которой лежит через Туннель-под-Болотом. Ты слышал такие названия?

— Нет. И о двух черных клинках тоже не слышал.

Ракхир потер острый подбородок.

— Но что-то такое я читал в Книгах Фама. Да, читал и, помнится, встревожился.

— Это легендарные клинки. Во многих книгах упоминается про них, и почти всегда — весьма бегло. Говорят, есть один манускрипт, где подробно изложена история мечей и всех тех, кто владел ими, и всех тех, кто будет владеть, манускрипт, в котором заключено само время. Некоторые именуют его «Хроникой Черного Клинка». По слухам, в нем можно прочесть свою судьбу.

— Я про него не слышал и среди Книг Фама он мне не попадался. Боюсь, друг Элрик, придется нам с тобой заглянуть в город Эмирон да порасспросить тамошних жителей.

— В город?

— Да, в город. Я предпочитаю вольные просторы, но иногда ненадолго захожу туда. Вдвоем, пожалуй, можно будет задержаться и подольше.

— Чем Эмирон тебе не угодил?

— Его жители несчастны. Они — самые печальные существа на свете, ибо все они — изгнанники, беглецы, перекачиполе. Есть среди них и такие, кто сбился с пути и не в силах теперь вернуться в свой мир, а потому вынужден оставаться в Эмироне.

— Истинный Город Проклятых...

— Да ты поэт, — усмехнулся Ракхир. — Для меня, по правде сказать, почитай что все города на одно лицо.

— Что такое эта плоскость? Насколько я понимаю, тут нет ни солнца, ни луны, ни звезд. Мне она напоминает громадную пещеру.

— Одни утверждают, что она — сфера, погребенная в бесконечности камня. Другие говорят, что она лежит в

будущем Земли, в том будущем, где умирает Вселенная. Чего я только не наслушался, пока торчал в Эмироне! По-моему же, все домыслы одинаково верны. Почему бы и нет? Ведь есть люди, которые верят, будто все — ложь. Значит, может быть и наоборот.

Настал черед Элрика поиронизировать.

— Да ты не только лучник, а еще и философ, друг Ракхир из Фама?

Ракхир засмеялся.

— Пожалуй, что так. Беспокойные мысли заставили меня нарушить верность Хаосу и привели в конце концов сюда. Я слышал про город под названием Танелорн; будто бы он возникает порой на границах Вздыхающей Пустыни, которые тоже не стоят на месте. Если я вернусь когда-нибудь в наш мир, друг Элрик, я отправлюсь на поиски того города, потому что, как я слышал, там можно обрести покой, ибо в нем никто не ведет споров, скажем, о природе истины. Жители Танелорна довольствуются тем, что просто живут.

— Я завидую им, — сказал Элрик.

Ракхир фыркнул.

— Я опасаясь только разочароваться, когда найду его. Легенда должна оставаться легендой, в реальности она чаще всего не приживается. Пойдем. Эмирон лежит вон в той стороне. Как это ни печально, он самый обычный городишко, каких пруд пруди в любой плоскости.

И двое высоких мужчин — каждый изгнанник в своем роде — пустились в путь.

2 Увидев Эмирон, Элрик подумал, что по сравнению с ним Дхоз-Кам — самый чистый и богатый город на свете. Расположен Эмирон был в неглубокой долине, над которой постоянно клубился дым — мерзкое покрывало, предназначенное для того, чтобы укрыть город от взглядов людей и богов.

Дома здесь в большинстве своем были наполовину или совсем разрушены, и на развалинах стояли шалаши и палатки. В городской архитектуре смешалось столько различных стилей, знакомых и неизвестных, что Элрик затруднился бы отыскать два хоть немного похожих друг на друга здания. Каких домов там только не было: лачуги, избы, замки, укрепления, башни, простые квадратные особняки и деревянные домики, украшенные резьбой. Были там и иные

сооружения, кучи камней с дырой посредине внизу, обозначающей вход. Однако ни одно из зданий нельзя было назвать красивым. Ни одно из зданий и не могло быть красивым под этим вечно хмурым небом.

В полумраке поблескивали огоньки костров.

Они добрались всего лишь до окраин, а Элрик уже едва не задохнулся от вони.

— Многим и многим жителям Эмирона присуща не гордость, а гордыня, — проговорил Ракхир, морща орлиный нос.

— Пожалуй, это единственная черта характера, которая у них осталась.

Улицы завалены были всяким мусором, отбросами и объедками. Меж тесными рядами домов шныряли какие-то тени.

— Есть здесь трактир, где мы могли бы разузнать про Туннель-под-Болотами?

— Нет, трактиров тут не водится. Эмироны предпочитают одиночество.

— Все поголовно?

— Да. Тут каждый сам по себе, живет, где вздумается или где найдет местечко. Народ здешний — из разных плоскостей и из разных эпох. Отсюда суматоха, тоска, всякие странности. Отсюда грязь, безнадежность, обреченность.

— Как же они живут?

— По большей части за счет друг друга. А еще ведут торговлю с демонами, которые изредка заглядывают в Эмирон.

— С демонами?

— Да. А самые отважные охотятся на крыс, которые обитают в пещерах под городом.

— А что тут за демоны?

— Так, мелкота всякая, которой нужно как раз то, что могут предложить эмиронцы, — ну там, парочку украденных душ или ребенка (правда, тут редко кто рождается) и все такое прочее. Ты, верно, и сам можешь продолжить, коли знаешь, что демоны требуют с чародеев.

— Да, знаю. Значит, Хаос свободно перемещается в этой плоскости?

— Вряд ли уж так свободно, но как будто гораздо легче, чем у нас дома.

— А ты видел кого-нибудь из здешних демонов?

— Видел. Самые обычные твари. Тупые, грубые и могущественные. Многие из них раньше были людьми, а потом

сторговались с Хаосом. Теперь они и душой и телом — отвратительные демоны.

Слова Ракхира не очень-то пришлись Элрику по душе.

— И что, такая участь ожидает всех, кто служит Хаосу? — спросил он.

— Тебе лучше знать, ведь ты с Мелнибонэ. У нас в Фаме подобное случалось редко. Но чем выше ставки, тем заметнее изменения в человеке, который соглашается на сделку с Хаосом.

Элрик вздохнул.

— Где же нам узнать про Туннель-под-Болотом?

— Есть тут один старик, — начал было Ракхир — и замолчал, услышав за спиной рычание.

Рычание повторилось. Из темноты возле разрушенного дома высунулась морда с бивнями. И снова зарычала.

— Ты кто? — воскликнул Элрик, обнажая меч.

— Свинья, — ответила морда с бивнями. Элрик не понял — то ли его оскорбили, то ли эта тварь представилась.

— Свинья.

Еще две морды с клыками вынырнули из темноты.

— Свинья, — сказала одна.

— Свинья, — сказала другая.

— Змея, — рыкнул голос позади. Элрик обернулся, оставив Ракхира наблюдать за свињьями. Перед ним стоял высокий юноша. На плечах его вместо головы извивался клубок здоровенных змей. И все змеи до единой свирепо глядели на Элрика. Мелко дрожали язычки. Они дружно раскрыли рты и произнесли снова:

— Змея.

— Тварь, — раздался еще один голос.

Искоса поглядев в ту сторону, Элрик судорожно вздрогнул и взмахнул мечом, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Свињья, Змея и Тварь набросились на них.

Первая из Свиней не успела сделать и трех шагов. Ракхир одним движением сорвал со спины лук, наложил стрелу с алым оперением и спустил тетиву. Он подстрелил вторую Свињью, а потом бросил лук и схватился за меч. Встав с Элриком спина к спине, они приготовились обороняться. Пятнадцать голов Змей шипели и плевались, из раскрытых ртов капал яд. Тварь постоянно меняла форму: то рука, то лицо возникали вдруг из бесформенного куска плоти, который неотвратимо подкрадывался все ближе и ближе.

— Тварь!

Два меча сверкнули в воздухе, и Элрик, теснивший третью Свинью, пригнулся и вместо того, чтобы поразить чудище в сердце, пронзил ему легкое. Свинья шатаясь отступила и рухнула в навозную лужу. Дернувшись раз-другой, она затихла. В руке Твари появилось копьё, и Элрик едва успел мечом отвести удар. Ракхир сцепился со Змеей. Демоны надвигались на людей, явно решив покончить с ними. Половина голов Змеи валялась на земле; Элрик ухитрился отсечь Твари одну из рук — правда, всего их было четыре. Тварь казалась не единым существом, а симбиозом нескольких чудовищ.

Неужели, подумал Элрик, и я, связавшись с Эрихом, превращусь в такого вот монстра? А разве ты уже не чудовище? — спросил он себя. Разве тебя не принимают за демона?

Эти мысли придали ему сил. Нанося очередной удар, он громко крикнул:

— Элрик!

— Тварь! — гаркнул его противник, вне всякого сомнения, гордый своим именем.

Меч Обака отсек Твари еще одну руку. Тут же чудище извлекло из себя секиру — Элрик отбил удар, но одновременно на шлем его обрушился меч. Голова у Элрика пошла кругом, он натолкнулся на Ракхира, и тот промахнулся и еле-еле увернулся от укуса четырех голов Змеи. Кое-как придя в себя, Элрик обрубил руку Твари, державшую меч. Она было отвалилась, но через какой-то миг снова пристала к телу Твари. К горлу вновь подступила тошнота. Элрик вонзил клинок в бесформенную плоть. Раздался вопль:

— Тварь! Тварь! Тварь!

Элрик ударил снова — в полумраке навстречу мечу Обака взметнулись четыре меча и два копьё.

— Тварь!

— Наверняка Йиркун постарался, — пробормотал Элрик.

— Прослышал, видно, что я преследую его, и послал демонов задержать меня. — Заскрежетав зубами, он прибавил: — Если только сам он — не один из них. Скажи, Тварь, ты не мой кузен Йиркун?

— Тварь! — взвизгнуло чудище почти жалобно. Клинки все еще колыхались в воздухе, но больше не угрожали поразить Элрика.

— Или ты другой мой хороший знакомый?

— Тварь... — чудище слабело на глазах.

Элрик раз за разом вонзал в монстра свой клинок. Густая

вонючая кровь забрызгала его доспехи. Он никак не мог сообразить, что такое стряслось с Тварью.

— Пора! — крикнул кто-то над головой Элрика. — Давай!

Элрик поглядел вверх и увидел багровое лицо, белую бороду и машущую руку.

— Да не на меня смотри, глупец! Рази!

Ухватив обеими руками меч, Элрик глубоко погрузил его в тело Твари. Та застонала, запричитала — и издохла, произнеся тихим голосом одно только слово:

— Фрэнк...

Почти в тот же самый миг Ракхир изловчился и ударил: слетели наземь последние змеиные головы, клинок пронзил грудь и сердце юноши.

С демонами было покончено.

Седовласый старик спустился к воинам, покинув полуразрушенную арку, с которой наблюдал за боем. Он посмеивался.

— Колдовство старого Нуина еще на что-то годится даже тут, а? Я слышал, как высокий подговаривал своих дружков напасть на вас. Мне это показалось нечестным — пятеро на двоих, я уселся вон туда и тишком-молчком лишил многорукого демона сил. Можем еще, коли надо. И теперь его сила во мне — пускай не вся, но большая часть. Я чувствую себя так, как не чувствовал уже на протяжении многих лун, — узнать бы, кстати, что это такое.

— Оно сказала «Фрэнк», — произнес Элрик хмурясь. — Как по-твоему, это имя? Может, его так звали раньше?

— Может быть, — отозвался старый Нуин, — может быть. Бедняга. Ну да ладно, теперь он мертв. А вы двое, вы не из Эмираона. Хотя тебя я встречал здесь, красный, было дело.

— И я тебя видел, — сказал Ракхир с улыбкой. Подобрал одну из голов Змеи, он вытер о нее свой меч.

— Ты Нуин-Который-Знал-Все.

— Гляди-ка, узнал. Да, я знал все, а теперь почти ничего не знаю. Скоро я позабуду последние крохи, и тогда кончится срок моего ужасного изгнания. Так мы уговорились, я и Орланд-с-Посохом. Я был глупцом и хотел знать все на свете, и мое любопытство свело меня с этим самым Орландом. Он разъяснил мне, как я ошибался, и отправил сюда — обрести забвение. Вы видели, я иногда вспоминаю кое-что из прежних своих познаний, и это очень плохо. Я знаю, что ты ищешь Черные Клинки. Я знаю, что ты Элрик Мелнибонзэский. Я знаю, какова твоя судьба.

— Ты знаешь мою судьбу? — воскликнул Элрик. — Поведай же мне ее, Нуин-Который-Знал-Все.

Нуин открыл было рот, но потом крепко его сжал.

— Не могу, — сказал он, — забыл.

— Лжешь! — Элрик рванулся к старику. — Лжешь! Ты помнишь, я вижу, что ты помнишь!

Нуин понурил голову.

— Я забыл.

Ракхир взял Элрика за руку.

— Он на самом деле забыл, Элрик.

Элрик кивнул.

— Ладно. А помнишь ты, где находится Туннель-под-Болотом?

— Да. От Эмираона до Болота рукой подать. Идите вон туда. Как придете на место, отыщите статую орла из черного мрамора. У ее основания расположен вход в туннель.

Нуин словно попутай повторил всю фразу, а потом поднял голову и спросил:

— Что я вам говорил? Только что?

— Ты объяснил нам, как найти вход в Туннель-под-Болотом, — ответил Элрик.

— Правда? — Нуин хлопнул в ладоши. — Вот здорово. А я этого не помню. Кто вы?

— Про нас лучше забыть, — сказал Ракхир улыбаясь. — Прощай, Нуин, и спасибо тебе.

— Спасибо? За что?

— За то, что вспомнил и что забыл.

Они повернулись и пошли прочь от старого чародея, вдоль по улочкам жалкого города Эмирон, замечая гнусные рожи в дверных и оконных проемах, стараясь дышать так, чтобы как можно меньше нахвататься здешнего отвратительного воздуха.

— Пожалуй, я завидую только одному человеку среди всех жителей этого городка, — сказал Ракхир.

— Мне жаль его, — проговорил Элрик.

— Почему?

— Да мне пришло в голову, что, когда он позабудет все окончательно и бесповоротно, может случиться так, что он и не вспомнит, что волен покинуть Эмирон.

Ракхир засмеялся и хлопнул Элрика по скрытой черными доспехами спине.

— Ну и угрюм же ты, друг Элрик! У тебя что, все мысли такие?

— Боюсь, что да, — ответил Элрик с подобием улыбки на лице.

3 Долгим был их путь по печальному и сумеречному миру. Наконец они вышли к болоту. Болото было черным. Тут и там на его поверхности виднелись черные же колючие растения. Вода в болоте была холодной; над нею низко-низко нависал туман, от которого отделялись порой какие-то призрачные силуэты. Над туманом возвышалась черная фигура — наверняка та самая статуя, про которую говорил Нуин.

— Статуя есть, — Ракхир остановился и оперся на лук. — Она посреди болота, и тропинки, ведущей к ней, я не вижу. Что будем делать, друг Элрик?

Элрик осторожно опустил одну ногу в болото. Холод тут же пробрал его до костей. Мало того — от самого берега начиналась трясина. Кое-как Элрик освободился.

— Однако твой кузен как-то перебрался, — проговорил Ракхир.

Элрик оглянулся на Алого Лучника и пожал плечами.

— Кто знает, вдруг его спутниками были духи, которым нипочем любое болото?

Внезапно Элрик понял, что не стоит уже, а сидит на сыром камне. Исходящая от болота вонь пропитала его насквозь. Он чувствовал себя ослабевшим. Последний раз он пил свои отвары перед тем, как ступить в Ворота Теней, и теперь их действие понемногу начало проходить.

Ракхир подошел к Элрику. Он добродушно улыбался.

— А разве тебе, о Чародей, не под силу обзавестись такими же спутниками?

Элрик покачал головой.

— Я редко связывался с мелкими демонами и мало что знаю про них. Другое дело Йиркун: у него были и колдовские книги, и подходящие заклинания... Нет, жрец-воин из Фама, если мы хотим добраться до статуи, нам придется разыскать обычную тропу.

Алый Лучник извлек из-за пазухи красный платок и вытер пот со лба. Потом помог Элрику встать, и они пошли вдоль края болота, стараясь не терять из виду черную статую.

Тропу они все-таки нашли. Это была не естественная тропинка, а дорожка из черного мрамора, убегавшая во мрак, скользкая и покрытая пленкой болотной жижи.

— Не нравится она мне, — заявил Ракхир, стоя рядом с Элриком и глядя на дорожку, — однако выбора у нас нет.

— Идем, — сказал Элрик. Он поставил на мрамор сперва одну ногу, затем другую, а потом осторожными шажками двинулся вперед. В руке он держал факел — пучок камышовых стеблей, которые горели неприятным желтым пламенем и нещадно дымили.

Ракхир, насистывая себе под нос какой-то мотивчик, двинулся за ним, всякий раз тыкая в мрамор одним концом лука, прежде чем поставить ногу. Любой из его соплеменников сразу признал бы мотив: это была «Песнь Сына Героя Вышнего Ада, который готов пожертвовать своей жизнью», весьма популярная в Фаме, особенно среди членов касты жрецов-воинов.

Элрика раздражал свист товарища, но он ничего не сказал, сосредоточив все внимание на том, чтобы не поскользнуться. Между тем осклизлая мраморная дорожка начала слегка покачиваться, как будто она плавала на поверхности болота.

Они прошли уже примерно половину пути до статуи, которая была теперь отчетливо видна, — огромная фигура орла, вонзившего когти в добычу, вырубленная из того же черного мрамора, что все сильнее раскачивался под ногами путников. Элрику подумалось вдруг, что статуя эта — надгробный памятник. Быть может, под ней гробница какого-нибудь героя прежних лет? Или склеп выстроили для того, чтобы не выпустить Черные Клинки обратно в мир людей?

Элрик покачнулся, факел заплесал у него в руке. Дорожка ушла из-под ног, он рухнул в болото и почти мгновенно по колени погрузился в жижу. Трясина чавкнула. Каким-то образом он ухитрился не выронить факел и при его свете разглядел красное платье лучника.

— Элрик?

— Я тут, Ракхир.

— Ты тонешь?

— Да, болото явно вознамерилось проглотить меня.

— Ты можешь лечь?

— Я могу наклониться вперед, но вот ноги у меня засосало, — Элрик сделал попытку пошевелиться. Что-то мелькнуло у него перед глазами и с глухим хохотом скрылось во мраке. К сердцу Элрика волной подкатил страх.

— Оставь меня тут, друг Ракхир.

— Что? А как же я тогда выберусь из этого мира? Ты зря считаешь меня бескорыстным, друг Элрик. Ну-ка...

Ракхир осторожно улегся на мрамор дорожки и протянул Элрику руку. Оба воина дрожали от холода, одежда обоих была в слизи. Элрик весь подался вперед, пытаясь ухватить руку друга, но не сумел. С каждой секундой он все глубже погружался в вонючую трясину.

Тогда Ракхир протянул ему лук.

— Хватайся за него, Элрик. Дотянешься?

Еле-еле, страшным напряжением мышц, Элрику удалось ухватиться за конец лука.

— Теперь моя... Ах! — Ракхир потянул было за лук, но внезапно поскользнулся сам, и дорожка под ним бешено закачалась. Одной рукой он вцепился в мрамор, а другой крепко сжал лук.

— Скорее, Элрик! Скорее!

Перехватываясь руками, Элрик умудрился вытащить из трясины одну ногу. Дорожка по-прежнему раскачивалась, и лицо Ракхира, старавшегося одновременно удержать лук и не упасть в болото, было почти таким же бледным, как и у Элрика. Наконец, весь в вонючей жиже, Элрик выполз на мрамор, все еще сжимая в руке факел. Он никак не мог отдышаться.

Ракхир, у которого тоже перехватило дыхание, сумел рассмеяться.

— Какую рыбку я, однако, поймал! — хмыкнул он. — Какую рыбищу!

— Благодарю тебя, Ракхир Алый Лучник. Благодарю тебя, жрец-воин из Фама. Я обязан тебе жизнью, — выговорил Элрик. — Клянусь сделать все, что в моих силах, чтобы ты мог пройти через Ворота Теней и вернуться обратно в тот мир, из которого мы оба родом!

Ракхир ответил тихо:

— Ты настоящий мужчина, Элрик Мелнибонэйский. Поэтому я спас тебя. Таких, как ты, немного ныне в любом из миров.

Он пожал плечами и ухмыльнулся.

— Я думаю, нам лучше продолжать путь на четвереньках. Поза, конечно, не ахти, но так безопаснее. И потом: дороги-то осталось всего ничего.

Элрик согласился.

В скором времени они добрались до маленького, поросшего мхом островка, над которым возвышалась массивная Статуя Орла. Ее темный силуэт сливался вверх с мраком небосвода — или потолка пещеры. У подножия статуи виднелась дверца. Она была приоткрыта.

— Ловушка? — проговорил Ракхир.

— Или Йиркун был так уверен, что мы стигнем в Эмироне, — отозвался Элрик, соскабливая с себя болотную слизь. Он вздохнул.

— Не будем ломать головы. Идем.

Они протиснулись в дверцу и очутились в небольшой комнатке. В слабом свете факела Элрик разглядел еще один дверной проем. Стены комнатки были все из того же поблескивавшего черного мрамора. Стояла мертвая тишина.

Молча, решительным шагом подошли воины к дверному проему. Факел высветил ступеньки, и по этим ступенькам они начали спускаться все дальше и дальше в непроглядный мрак. Спуск был долгим, но в конце концов лестница закончилась, и они увидели, что стоят перед входом в туннель, узкий и такой причудливой формы, что он казался творением скорее природы, чем разума. С потолка туннеля срывались капли влаги и с глухим стуком ударялись об пол — в такт далекому, куда более низкому звуку, который доносился из туннеля.

Ракхир кашлянул.

— Вот тебе и туннель, — сказал Алый Лучник, и идет он, разумеется, под болотом.

Элрик чувствовал, что Ракхир разделяет его нежелание входить в туннель. Высоко подняв факел, он прислушался к доносящемуся из отверстия звуку, пытаясь распознать его.

А потом заставил себя сделать шаг и почти вбежал в туннель, и его едва не оглушил громовый рев, который существовал то ли на самом деле, то ли был всего лишь обманом слуха. Элрик обнажил меч, меч Обека, и вздрогнул, услышав, как собственное его дыхание отражается эхом от стен туннеля и смешивается со множеством других звуков. Но не остановился.

В туннеле было тепло. Пол пружинил под ногами. Воздух был соленым. Стены туннеля стали более гладкими, и Элрик заметил вдруг, что они подрагивают, быстро и равномерно. Он услышал за спиной приглушенный возглас — Ракхир тоже увидел это.

— Точно плоть, — пробормотал жрец-воин из Фама. — Ну точно плоть.

Элрик не ответил. Ему приходилось напрягать все силы, чтобы заставлять себя идти дальше. Он был охвачен страхом. Его била дрожь. Пот лил с него градом, ноги подкашивались. Меч каждую секунду угрожал выпасть из ослабевшего кула-

ка. Мысли лихорадочно перескакивали с одного на другое. Что-то ему смутно припоминалось. Не был ли он здесь раньше?

Он задрожал еще сильнее. Его чуть не вывернуло наизнанку. Но Элрик не останавливался. Он шел вперед, по-прежнему сжимая в вытянутой руке факел.

Один звук перекрыл собой все остальные. Элрик увидел впереди стену и в ней — маленькое, почти идеально круглое отверстие. Он остановился.

— Туннель закончился, — прошептал Ракхир. — Дальше дороги нет.

Маленькое отверстие то сжималось, то расходилось.

— Пульсирующая Пещера, — прошептал Элрик в ответ. — Туннель должен был привести нас к ней, Ракхир. Значит, это вход.

— Отверстие слишком мало для человека, — заметил Ракхир.

— Посмотрим.

Элрик подошел к стене. Вложил в ножны меч. Отдал Ракхиру факел. И прежде чем жрец-воин из Фама успел остановить его, бросился в отверстие головой вперед, извиваясь всем телом. Стенки прохода разошлись, пропуская его, и снова сомкнулись. Ракхир остался один.

Элрик медленно встал. Стены светились слабым розоватым светом. Вдали виднелось еще одно отверстие, немногим больше того, через которое он только что проскользнул. Воздух был плотным, теплым и соленым. Элрику показалось, что он задыхается. Голова у него была тяжелой, все тело болело, думать он не мог — мог только действовать. На негнущихся ногах он подковылял ко второму отверстию. В ушах у него отдавался глухой ритмичный перестук.

— Элрик! — окликнул его Ракхир, бледный и мокрый от пота. Бросив факел, он последовал за другом.

Элрик облизал пересохшие губы.

Ракхир подошел ближе.

— Ракхир, — тонким голосом произнес Элрик, — тебе лучше уйти.

— Я же сказал, что помогу тебе.

— Верно, однако...

— Раз сказал, значит, сделаю.

Не имея сил спорить, Элрик кивнул, раздвинул обеими руками мягкие стенки второго отверстия и увидел, что оно ведет в пещеру, круглую и дрожащую мелкой дрожью. А

посреди пещеры висели в воздухе два меча. Одинаково огромные, прекрасные, черные.

Подле мечей с довольной ухмылкой на лице стоял принц Йиркун Мелнибонэйский. Руки его протянуты были к клинкам, губы шевелились, но ни единого слова слышно не было.

Не задумываясь, Элрик прыгнул в отверстие, вскочил и крикнул только:

— Нет!

Йиркун услышал и в ужасе обернулся. Увидев Элрика, он зарычал от ярости и тоже гаркнул:

— Нет!

С неимоверным усилием Элрик обнажил меч Обека. Но тот вдруг стал очень тяжелым и потянул руку к полу. Элрик тяжело дышал. Зрение его затуманилось. Йиркун превратился в тень. Отчетливо видны были лишь Два Черных Клинка, висающие в воздухе посреди пещеры. Элрик скорее ощутил, чем увидел, как Ракхир пробрался в пещеру и стал рядом.

— Йиркун, — проговорил Элрик наконец, — эти клинки мои.

Йиркун усмехнулся и сделал попытку достать мечи. Они внезапно застонали. Застонали и засветились слабым черным светом. Элрик увидел руны на них, и ему стало страшно.

Ракхир наложил на тетиву стрелу. Потом поднял лук и нацелил его на принца Йиркуна.

— Если хочешь, чтобы он умер, Элрик, скажи мне.

— Убей его, — проговорил Элрик.

Ракхир спустил тетиву. Но стрела словно застыла в воздухе, а потом рухнула на пол, не пролетев и половину расстояния между лучником и принцем.

Йиркун обернулся с отвратительной ухмылкой на лице.

— Оружие смертных тут бессильно, — сказал он.

— Наверно, он прав, — сказал Элрик Ракхиру. — Твоя жизнь в опасности, Ракхир. Иди.

Ракхир кинул на него озадаченный взгляд.

— Нет, я должен остаться и помочь тебе.

Элрик покачал головой.

— Ты погибнешь, если останешься. Уходи!

С явной неохотой Алый Лучник перекинул лук через плечо, недоверчиво поглядел на два черных клинка, протиснулся сквозь отверстие и исчез.

— Ну что ж, Йиркун, — сказал Элрик, роняя меч Обека на пол, — придется нам выяснять отношения вдвоем.

4 И тут колдовские клинки Бурезов и Злотворец сорвались со своих мест. Бурезов прыгнул в правую руку Элрика, Злотворец очутился в правой руке Йиркуна.

Двое мужчин изумленно застыли в разных концах Пульсирующей Пещеры, глядя то друг на друга, то на клинки у себя в руках.

Мечи запели. Голоса их были тихими, но слышались очень ясно. Элрик легко поднял огромный клинок и повернул его туда-сюда, любуясь неземной красотой.

— Бурезов, — проговорил он. И снова испугался. Ему показалось вдруг, что он родился вновь и клинок родился вместе с ним. Ему показалось, будто они всегда были заодно.

— Бурезов.

Клинок протяжно застонал и плотнее прильнул к руке.

— Бурезов! — крикнул Элрик и прыгнул к кузену.

— Бурезов!

Ему было страшно — очень, очень страшно. Но страх принес с собой необузданный восторг, демоническую жажду убивать, стремление погрузить клинок глубоко в сердце Йиркуна. Отомстить. Пролить кровь. Отправить душу кузена в ад.

И принц Йиркун завопил так, что голос его перекрыл песнь мечей и ритмичное бормотанье пещеры.

— Злотворец!

И Злотворец поднялся навстречу Бурезову и отразил его удар. И сам ударил.

Элрик увернулся и попробовал достать Йиркуна сбоку. Тот отскочил, парировал выпад, еще один, еще... И соперники, и клинки, которые словно обладали собственной волей, хотя вроде бы подчинялись воле меченосцев, были достойны друг друга.

Звон металла о металл превратился в дикую песнь мечей. Дикую и радостную — после долгих лет заточения они наслаждались битвой, пусть даже между собой.

Элрик едва различал кузена. Лишь иногда мелькало его смуглое, искаженное гримасой лицо. Внимание Элрика полностью захватили два черных клинка, ибо казалось, они не успокоятся, не заполучив жизнь хотя бы одного из бойцов. Соперничество между Элриком и Йиркуном выглядело пустяком по сравнению с братским соперничеством мечей.

И эта мысль позволила Элрику, пока он сражался за свою жизнь и за свою душу, задуматься над его ненавистью к

Йиркуну. Да, он готов убить кузена, но не по чужой воле, не на потеху демонам!

Злотворец нацелился ему в глаза, и Бурезов мгновенно ринулся навстречу брату.

Элрик уже не сражался с кузеном. Он сражался с волей двух Черных Клинков. Бурезов устремился к оставшемуся на миг неприкрытым горлу Йиркуна, но Элрик удержал меч, пощадив принца. Бурезов жалобно заскулил, точно пес, которому не дали укусить чужака.

Стиснув зубы, Элрик пробормотал:

— Я не буду твоим рабом, клинок! Если нам суждено быть вместе, давай договоримся.

Меч как будто заколебался, забыл про бой, и Элрику пришлось туго — Злотворец обрушился на него с удвоенной силой.

И вдруг живительная энергия влилась в правую руку Элрика и пропитала все его тело. Неужели меч? Но тогда — тогда не нужны больше напасты и можно забыть про слабость! Значит — победы в битвах, уверенность в себе, мужество и бесстрашие!

Меч снова взялся за дело, и Злотворец отступил.

Да, но что клинок потребует взамен? Элрик знал что. Клинок сказал ему об этом без слов. Бурезов должен сражаться — вот в чем смысл его существования. Бурезов должен убивать, ибо вот откуда его силы, должен забирать жизни и души людей, демонов и даже богов.

Элрик задумался, и тут Йиркун рывкнул что-то, и Злотворец снес с головы Элрика шлем. Император рухнул навзничь. Йиркун схватил свой стонущий меч обеими руками, готовый вонзить его в тело Элрика.

Элрик вовсе не стремился к тому, чтобы отдать душу Злотворцу, а силы — Йиркуну. Он рывком откатился в сторону, привстал на колени, одной рукой ухватил Бурезов за лезвие, второй крепко сжал рукоять и подставил меч под удар Йиркуна. Оба клинка вскрикнули словно от боли и задрожали, и черное сияние изошло от них, как кровь вытекает из ран утыканного стрелами человека. Элрика повлекло прочь от сияния. Задышавшись, обливаясь потом, он оглядывался в поисках кузена. Йиркун куда-то исчез.

Тут Элрик осознал, что Бурезов снова обращается к нему. Если Элрик не хочет погибнуть от Злотворца, он должен согласиться на условия Черного Клинка.

— Он не умрет! — рявкнул Элрик. — Я не стану убивать его для того, чтобы развлечь тебя!

И в круге черного сияния возник Йиркун; рычащий, плюющийся, он размахивал мечом.

Опять Бурезов отыскал прореху в его защите, и опять Элрик удержал клинок, и тот лишь слегка задел Йиркуна.

Бурезов задержался в руках Элрика.

— Ты мне не хозяин, — сказал тот.

И Бурезов как будто понял, успокоился и смирился. Элрик рассмеялся. Отныне он будет повелевать колдовским клинком, а не наоборот.

— Мы разоружим Йиркуна, — сказал Элрик. — Мы не станем его убивать.

Он поднялся с колен.

Бурезов перемещался с невероятной быстротой. Он колот, он парировал, он нападал. Йиркун, который собрался было торжествовать победу, отступил, и улыбка сползла с его лица.

Бурезов подчинялся Элрику. Он вел себя так, как того хотел Элрик. И Йиркун и Злотворец никак не могли поверить в это. Злотворец вскрикнул, будто изумляясь поведению брата.

Элрик нанес удар по правой руке Йиркуна. Бурезов прошел через ткань — через мясо — через мышцу — и вонзился в кость. Из раны хлынула кровь. Она залила рукоять Йиркунова меча, сделав ее скользкой, и Злотворец чуть не выпал из руки принца. Йиркун ухватил меч обеими руками, но клинок так и норовил выскользнуть.

Элрик воздел Бурезов над головой и с размаху, преисполненный неземной силы, обрушил его на Злотворца, на то место, где лезвие соединяется с рукоятью. Меч вырвался из рук Йиркуна и отлетел к стене Пульсирующей Пещеры.

Элрик улыбнулся. Он одолел волю своего собственного меча и волю его брата. Злотворец лежал у стены. Песня его смолкла.

Вдруг он издал стон. Душераздирающий вопль потряс пещеру. Тьма поглотила странное розовое свечение.

Когда мрак рассеялся, Элрик увидел у своих ног ножны, черные и прекрасные, как сам клинок. Потом Элрик заметил Йиркуна. Тот стоял на коленях, по щекам его текли слезы. Он оглядывал пещеру, разыскивая Злотворца и время от времени бросая испуганные взгляды на Элрика.

— Злотворец? — позвал Йиркун безнадежно, ощущая приближение смерти.

Его клинок исчез.

— Ты безоружен, — сказал Элрик тихо.

Йиркун заскулил и пополз к выходу из пещеры. Но отверстие съежилось до размера маленькой монетки. Йиркун зарыдал.

Бурезов задрожал, словно ему не терпелось завладеть душой принца. Элрик нагнулся.

— Не убивай меня, Элрик, не убивай меня этим мечом, — быстро заговорил Йиркун. — Я сделаю все, что ты хочешь. Убей меня, но не им.

— Мы с тобою, кузен, жертвы, — отозвался Элрик, — игрушки в руках богов, демонов и колдовских мечей. Они желают смерти одного из нас. Мне кажется, им больше хочется видеть мертвым тебя, а не меня. И поэтому я не стану убивать тебя тут.

Он подобрал ножны и заставил Бурезов войти в них, и клинок мгновенно затих. Элрик снял с пояса свои старые ножны и огляделся, ища меч Обока, но тот тоже пропал. Тогда он бросил старые ножны на пол пещеры и прицепил новые к поясу. Положив ладонь на рукоять Бурезова, он не без симпатии поглядел на того, кто был его кузеном.

— Ты червяк, Йиркун. Но разве это твоя вина?

Йиркун изумленно уставился на него.

— Хотел бы я знать, перестанешь ли ты быть червяком, кузен, удовлетворив все свои желания?

Йиркун сел на колени. Он понял вдруг, что может остаться в живых.

Элрик улыбнулся и глубоко вздохнул.

— Посмотрим, — сказал он. — Ты должен разбудить Киморил.

— Ты пристыдил меня, Элрик, — пробормотал Йиркун жалобно. — Я разбужу ее. Я постараюсь...

— Ты что, забыл собственные заветы?

— Нам не выйти из Пульсирующей Пещеры. Мы опоздали.

— То есть?

— Я не думал, что ты последуешь за мной. А потом решил, что без труда прикончу тебя. Мы опоздали. Вход в пещеру можно держать открытым очень недолго. Внутри может забраться кто угодно, а вот наружу после того, как пало заклятье, не выбраться никому. Я многое бы отдал бы за то, чтобы узнать это заклинание.

— И не только за него, — сказал Элрик. Подойдя к

отверстии, он поглядел в него. Ракхир стоял с той стороны; на лице его была тревога.

— Жрец-воин из Фама, — позвал Элрик, — похоже на то, что мы с моим кузеном угодили в ловушку. Пещера не хочет нас выпускать.

Элрик потрогал теплую влажную стену, ударил по ней кулаком — она подалась лишь чуть-чуть.

— Возвращайся один или присоединяйся к нам. Если выберешь второе, поделишь нашу участь.

— Возвращаться мне особых причин нет, — сказал Ракхир. — Ты на что-то рассчитываешь?

— Да, — ответил Элрик. — Я призову своего демона-хранителя.

— Владыку Хаоса? — с кривой улыбкой осведомился Ракхир.

— Его самого, — сказал Элрик, — Эриоха.

— Эриоха? Так-так, вообще-то он не очень жалует отступников из Фама...

— Что ты выбираешь?

Ракхир сделал шаг вперед. Элрик отошел. Из отверстия показалась голова Алого Лучника, затем плечи и все остальное. Стенки отверстия немедленно сошлись. Ракхир встал, отвязал тетиву от лука и аккуратно ее смотал.

— Я согласен разделить твою судьбу и попробовать удрать отсюда.

Тут он заметил Йиркуна, и глаза его широко раскрылись.

— Твой враг жив?

— Да.

— Ты и в самом деле милосерден!

— Наверное. А может, упрям. Я не убил его лишь потому, что он — марионетка в руках демонов. Другими словами, если мне суждено победить, то ему — умереть. Однако Владыки Вышних Миров не сумели подчинить меня себе до конца — и не сумеют, коль мне достанет сил противостоять им.

Ракхир усмехнулся.

— Я согласен с тобой, хотя, вполне возможно, нас сочтут глупцами. У тебя на поясе, я вижу, висит один из этих Черных Клинков. Почему бы не прорубить им выход?

— Бесполезно, — подал голос Йиркун. — Никакое оружие не справится с плотью Пульсирующей Пещеры.

— Я верю тебе, — сказал Элрик, — ибо вовсе не хочу слишком часто обнажать свой новый меч. Сперва мне надо научиться повелевать им.

— Значит, будем призывать Эриоха, — вздохнул Ракхир.
— Если получится, — отозвался Элрик.
— Он убьет меня, — сказал Алый Лучник и посмотрел на Элрика, надеясь, видно, что тот возразит.

Элрик нахмурился.

— Я попробую с ним договориться. Заодно и проверю кое-что.

Он повернулся спиной к Ракхиру и Йиркуну. Он сконцентрировал свои мысли. Он вверг свой разум в хитроумные лабиринты и повел его сквозь бескрайние просторы.

Он воскликнул:

— Эриох! Эриох! Помоги мне, Эриох!

Ему почудилось, будто к его зову прислушиваются.

— Эриох!

Нечто шевельнулось в той плоскости, где странствовал его разум.

— Эриох!

И демон услышал его. Элрик понял это.

Ракхир сдавленно вскрикнул. Йиркун взвизгнул. Элрик обернулся и увидел у дальней стены пещеры нечто отвратительное. Черное, мерзкое, осклизлое, чужеродное. Неужели это Эриох? Не может быть. Эриох прекрасен. А вдруг, подумал Элрик, таково истинное обличье демона? Вдруг тут, в пещере, Эриох не в силах принять иной облик?

Однако чудище исчезло, и перед тремя смертными появился прекрасный юноша с древними глазами.

— Ты добыл меч, Элрик, — сказал Эриох, не обращая внимания на остальных. — Я поздравляю тебя. Но ты пощадил своего кузена. Почему?

— Тому несколько причин, — ответил Элрик. — Скажем, потому, что лишь он способен разбудить Киморил.

На губах Эриоха мелькнула загадочная улыбка, и Элрик понял, что избежал ловушки. Убей он Йиркуна, Киморил никогда бы не проснулась.

— А что здесь делает этот отступник? — спросил Эриох, холодно глядя на Ракхира.

Тот закусил губу, но не отвел взгляда.

— Он мой друг, — сказал Элрик. — Мы с ним договорились, что, если он поможет мне добыть Черный Клинок, я возьму его с собой в нашу плоскость.

— Ты поторопился. Ракхир изгнан сюда в наказание.

— Он вернется вместе со мной, — сказал Элрик. Отцепив

с пояса ножны, в которых покоился Бурезов, он протянул их Эриоху.

— Иначе я не возьму меч. И мы втроем останемся тут навсегда.

— Это неразумно, Элрик. Вспомни о своем предназначении.

— Я помню про него.

В голосе Эриоха слышались нотки недовольства.

— Ты должен взять клинок. Тебе так суждено.

— Вроде бы да. Но я знаю, что только я могу носить его. Только я, Эриох, и никто другой. Только мне — или другому смертному, похожему на меня, — под силу забрать его из Пульсирующей Пещеры. Разве не так?

— Ты неглуп, Элрик Мелнибонзский, — признал Эриох ворчливо. — И ты достойно служишь Хаосу. Ну что ж, бери с собой этого изменника. Но предупреди его, чтобы был поосторожней. По слухам, у Владык Вышних Миров долгая память...

— Я знаю, князь Эриох, — сказал Ракхир хрипло.

Демон не удостоил его ответом.

— В конце концов, человек из Фама ничего не меняет. И если ты хочешь пощадить кузена — быть посему. Пара новых волокон в нити Судьбы не способна ее изменить.

— Хорошо, — сказал Элрик. — Унеси же нас отсюда.

— Куда?

— На Мелнибонз, если ты не против.

Эриох улыбнулся, ласково поглядел на Элрика и мягко погладил его по щеке.

— Ты лучший из моих рабов, — сказал князь Хаоса, вырастая вдруг до исполинских размеров.

Все завертелось, закружилось. И трое усталых мужчин очутились в тронной зале императорского дворца в Имррире. Она была пуста, лишь в одном углу мелькнула черная тень и пропала.

Ракхир пересек залу и осторожно уселся на первую ступеньку лестницы, что вела к Рубиновому Трону. Йиркун и Элрик остались стоять на месте, глядя друг другу в глаза. Потом Элрик рассмеялся и похлопал ладонью по спрятанному в ножны мечу.

— Выполний же свое обещание, кузен. Сделаешь — договоримся, как быть с тобой дальше.

— Одно слово — рынок, — хмыкнул Ракхир. Опершись на локоть, он разглядывал перо на собственной шляпе. — Сплошные сделки!

5 Йиркун отошел от ложа сестры. Лицо его осунулось, под глазами проступили темные круги.

— Готово, — сказал он.

Потом повернулся и уставился в окно — на башни Имррира, на гавань, где стояли на якоре вернувшиеся золоченные барки и корабль, одолженный Элрику королем Страшей.

— Она вот-вот проснется, — прибавил он рассеянно.

Дайвим Твар и Ракхир Алый Лучник вопросительно поглядели на Элрика, который, стоя на коленях у ложа, смотрел в лицо Киморил. Девушка лежала так спокойно, что на какое-то мгновение императору показалось, что принц Йиркун одурачил его и убил Киморил. Но — затрепетали ресницы, открылись глаза... Девушка увидела его и улыбнулась.

— Элрик, это ты? Что мне снилось! Ты в порядке?

— Да, Киморил. Как и ты.

— А Йиркун?

— Он разбудил тебя.

— Но ведь ты поклялся убить его.

— Меня заколдовали наравне с тобой. Мой рассудок пришел в смятение, от которого до сих пор еще полностью не избавился. Йиркун стал другим. Он не рвется больше к престолу. Он побежден.

— Ты милосерден, — девушка откинула со лба прядь иссиня-черных волос.

Элрик переглянулся с Ракхиром.

— Вряд ли мной двигало милосердие, — сказал он. — Уж скорее я поступил так из-за привязанности к Йиркуну.

— Что? Ты в самом деле...

— Мы оба смертны. Мы оба — жертвы игры, затеянной Владыками Вышних Миров. Я верен своему роду-племени — и потому перестал ненавидеть Йиркуна.

— Это и есть милосердие, — сказала Киморил.

Йиркун тем временем подошел к двери.

— Дозволь мне уйти, мой император.

Элрику почудилось, будто глаза его кузена как-то странно сверкнули. Да нет, показалось. Он кивнул. Принц вышел и плотно прикрыл за собой дверь.

— Йиркуну нельзя доверять, Элрик, — предостерег Дайвим Твар. — Он снова изменит тебе.

Правителя Драконьих Пещер снедало беспокойство.

— Нет, — сказал Элрик. — Он боится: не меня, так меча, который я ношу.

— Ты бы тоже поостерегся этого клинка, — заметил Дайвим Твар.

— Зачем? — спросил Элрик. — Разве я не хозяин ему?

Дайвим Твар раскрыл было рот, но передумал, печально покачал головой, поклонился и вышел из комнаты вместе с Ракхиром Алым Лучником, оставив Элрика наедине с Киморил.

Девушка обняла Элрика. Они поцеловались. И заплакали.

Празднества на Мелнибонэ длились целую неделю. Домой возвратились почти все корабли, драконы и люди. Домой возвратился и Элрик, так решительно доказав свое право на престол, что население острова перестало обращать внимание на странности его характера (из которых самой, пожалуй, непонятной было это диковинное милосердие).

В тронной зале устроили бал, равного которому по роскоши придворные не могли вспомнить, как ни старались. Элрик развлекался наравне со всеми и танцевал с Киморил. Йиркун предпочел укрыться в уголке под галереей рабов-певцов. К нему никто не подошел. Ракхир Алый Лучник танцевал то с одной знатной мелнибонэйкой, то с другой, напропалую назначая свидания и не встречая отказа. Дайвим Твар тоже танцевал, но частенько с задумчивым видом поглядывал на принца Йиркуна.

Закончив танцевать, придворные уселись за пиршественные столы. Элрик и Киморил сидели вместе на Рубиновом Троне. Тогда-то Элрик и заговорил с девушкой.

— Согласна ли ты стать императрицей, Киморил?

— Ты же знаешь, что я хочу выйти за тебя замуж, Элрик. Нам обоим это давно известно, правда?

— Значит, ты станешь моей женой?

— Да, — она засмеялась, подумав, что Элрик шутит.

— А императрицей? Хотя бы на год?

— Что ты хочешь сказать, мой повелитель?

— Я должен покинуть Мелнибонэ, Киморил, самое малое на год. Знания, которые я приобрел в последние месяцы, зовут меня побродить по Молодым Королевствам, повидать свет. Понимаешь, мне кажется, Мелнибонэ надо измениться, если мы хотим выжить. У нас еще достаточно сил, и нам нужно обратить их на добро.

— На добро? — удивилась Киморил, удивилась и немного встревожилась. — Но мелнибонэйцы никогда не думали о добре и зле — лишь о себе и об удовлетворении собственных желаний.

— То-то и оно.

— Ты намерен изменить все на свете?

— Я намерен побродить по свету и посмотреть, есть ли смысл что-либо менять. Владыки Хаоса зарятся на наш мир. Хотя они и помогли мне не так давно, я их боюсь. По-моему, будет гораздо лучше, если люди будут разбираться со своими делами сами.

— Значит, ты уходишь, — в глазах Киморил заблестели слезы. — Когда?

— Завтра, вместе с Ракхиром. Мы возьмем корабль короля Страаши и направимся на Остров Пурпурных Городов, где у Ракхира есть друзья. Не хочешь с нами?

— Не могу представить... не могу... Ох, Элрик, зачем тебе понадобилось портить праздник?

— Потому что я не в силах радоваться, не зная наверняка, кто я такой на самом деле.

Девушка нахмурилась.

— Что ж, иди, пытай Судьбу, — произнесла она медленно. — Но в одиночку, Элрик, ибо я ничего такого знать не хочу. Плыви один к варварам.

— Ты отказываешься?

— Да. Я... я мелнибонэйка... — она вздохнула. — Я люблю тебя, Элрик.

— Я люблю тебя, Киморил.

— Когда ты вернешься, мы поженимся. Через год.

Элрик опечалился, но отказываться от принятого решения не стал, чувствуя, что поступает правильно. Останься он, и скоро душу его начнет терзать тоска. Чего доброго, со временем он возненавидит Киморил за то, что она якобы обманом задержала его.

— До моего возвращения ты будешь править как императрица, — сказал он.

— Нет, Элрик, я не возьму на себя такую ответственность.

— Тогда кто? Дайвим Твар?

— Я знаю Дайвима Твара. Он откажется. Вот Магум Колим...

— Нет.

— Значит, тебе придется остаться, Элрик.

Император поглядел на придворных. Его взгляд задержался на одинокой фигуре в углу под галереей рабов-певцов. Элрик довольно улыбнулся.

— Значит, императором будет Йиркун.

Киморил пришла в ужас.

— Нет, Элрик! Только не это!

— Но почему? Он единственный, кто хотел быть императором. Он так стремился им стать, что будет только справедливо, если он им и станет — пускай всего лишь на год. Если он будет править хорошо, я подумаю, не отречься ли мне в его пользу. Если же он будет править плохо, то раз и навсегда докажет свою порочность.

— Элрик, — сказала Киморил, — я люблю тебя. Но ты сделаешь большую глупость, коль снова доверишься Йиркуну.

— Нет, — ответил император спокойно, — я не глупец. Я Элрик. Ну что тут поделаешь, Киморил?

— Я люблю Элрика! — вскричала девушка. — Но Элрик обречен. Все мы обречены, если ты покинешь нас.

— Я не могу остаться, Киморил. Я люблю тебя и потому должен уйти.

Киморил встала. Она плакала. Она гневалась.

— А я — Киморил, — сказала она. — Ты погубишь нас.

Голос ее стал мягче; она погладила императора по голове.

— Ты погубишь нас, Элрик.

— Нет, — отозвался он. — Я создам новый мир, лучше прежнего. Я многое узнаю. Когда я вернусь, Киморил, мы поженимся и будем жить долго и счастливо.

Сам того не подозревая, Элрик трижды солгал возлюбленной. Первый раз — про Йиркуна. Второй раз — про Черный Клинок. И третий — про Киморил.

Именно эта тройная ложь определила его дальнейшую судьбу, ибо по поводу того, что нас особенно сильно заботит, мы лжем наиболее охотно и самым убедительным образом.

ЭПИЛОГ

На Острове Пурпурных Городов есть порт под названием Мений, дома там в большинстве своем выстроены из красного камня, как и во всех других портах этого острова. Красные крыши домов, яркие паруса лодок в гавани — такая картина представилась глазам Элрика и Ракхира, когда ранним утром друзья сошли на берег.

Чудесный корабль короля Страаши стоял на якоре неподалеку от волнолома. Чтобы переправиться на берег, друзья воспользовались маленьким лодчонкой. Выйдя из нее, они обернулись и поглядели на корабль, на котором приплыли сюда — вдвоем, безо всякой команды.

— Значит, я отправляюсь искать покой и таинственный Танелорн, — проговорил Ракхир с усмешкой. Он зевнул, потянулся — лук и колчан со стрелами заплясали у него на спине.

На Элрике было самое обычное платье, ничем не выделявшее его из сотен других искателей приключений в Молодых Королевствах. Он выглядел веселым и довольным. Он улыбался. От простого солдата удачи его отличал только огромный черный меч на поясе. Пока Элрик носил этот меч, ему не нужны были никакие настои и отвары для поддержания сил.

— А я пойду искать знаний в землях, отмеченных на моей карте, — сказал Элрик. — Мне многое надо узнать, чтобы было с чем возвращаться через год на Мелнибонэ. Жалко, Киморил не пошла со мной, но я понимаю ее.

— Ты действительно намерен вернуться? — спросил Ракхир.

— Меня притянет к ней! — рассмеялся Элрик. — Иногда мне кажется, что я не выдержу и вернусь на Мелнибонэ раньше, чем через год.

— Я пошел бы с тобой, — сказал Ракхир, — я бывал во многих землях и как проводник пригодился бы тебе ничуть не меньше, чем в призрачном мире. Но я поклялся найти Танелорн, хотя не знаю даже, существует ли он на самом деле.

— Надеюсь, ты отыщешь его, жрец-воин из Фама, — сказал Элрик.

— Ну, им мне уже никогда не стать, — отмахнулся Ракхир. Внезапно глаза его расширились.

— Гляди! Твой корабль...

Элрик обернулся. Судно, звавшееся некогда Кораблем-что-Плывет-по-Морю-и-Суше, медленно уходило под воду. Король Страаша забирал обратно свой дар.

— Духи — наши друзья, — сказал Элрик. — Но, похоже, могущество их в прошлом, как и могущество Мелнибонэ. Народы Молодых Королевств считают нас колдунами и дурными людьми за то, в чем мы схожи с духами Воздуха, Земли, Воды и Огня.

Мачты корабля исчезли с поверхности моря. Ракхир сказал:

— Я завидую тебе, Элрик. У тебя есть друзья, которым можно доверять.

— Да.

Ракхир поглядел на меч, висящий на поясе Элрика.

— Но вот никому другому я бы тебе доверять не советовал, — добавил он.

Элрик рассмеялся.

— Не бойся за меня, Ракхир. Я сам себе хозяин — по крайней мере на год. И потом я хозяин этого меча.

Клинок как будто шевельнулся, когда Элрик положил ладонь на его рукоять. Император хлопнул Ракхира по спине. Засмеялся, тряхнул головой так, что белые волосы рассыпались по плечам.

Элрик возвел свои странные алые глаза к небу.

— Я вернусь на Мелнибонэ совсем другим, — сказал он.

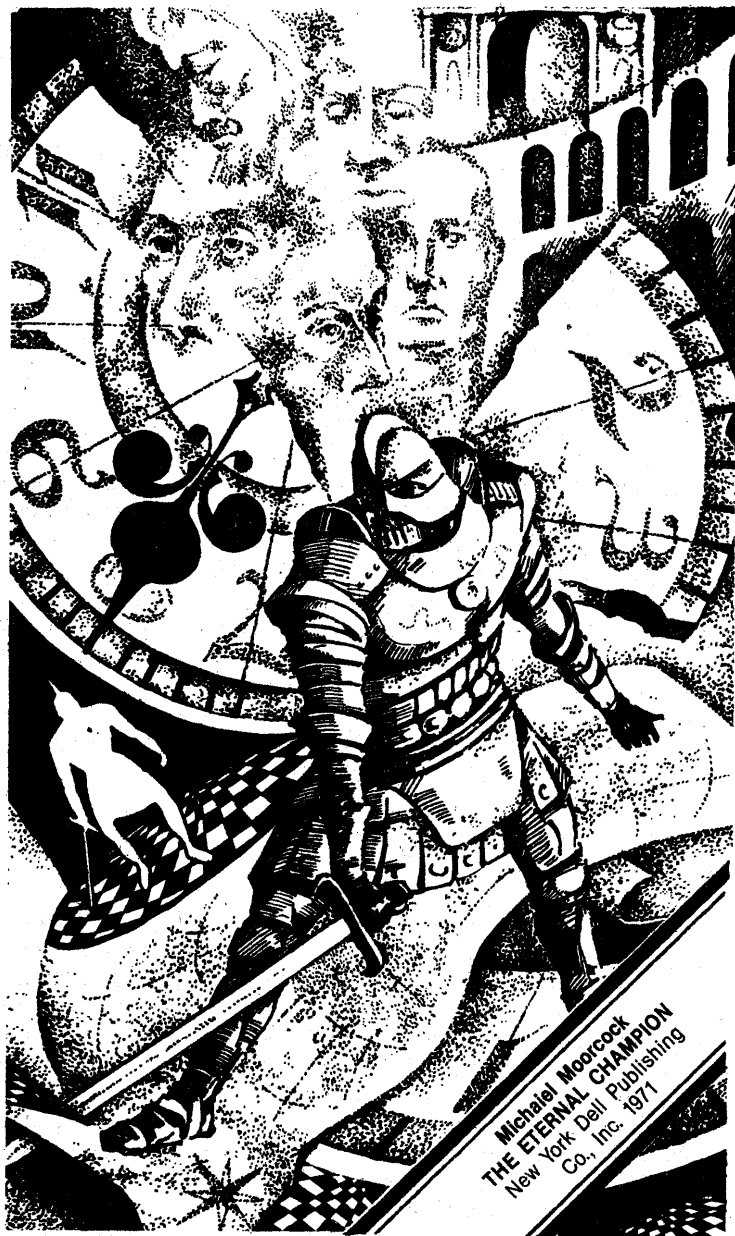
ВЕЧНЫЙ ВОИТЕЛЬ

Перевод
К. Королева

Посвящается
Майку Гаррисону:
читай и отдыхай

© перевод на русский
язык, Королев К.М.,
1992

Michael Moorcock
THE ETERNAL CHAMPION
New York Dell Publishing
Co., Inc. 1971

ПРОЛОГ

Они призвали меня.

Это все, что мне известно.

Они призвали меня, и я откликнулся на зов. Я не мог поступить иначе. Слитая воедино воля человечества — могучая сила. Она преодолела время и пространство и увлекла меня за собой.

Почему их выбор пал на меня? Я до сих пор не знаю ответа, хотя они уверены, что все мне объяснили. Как бы то ни было, я очутился тут и, похоже, останусь тут навсегда. Правда, мудрецы утверждают, что время циклично, и потому вполне возможно, что однажды я вернусь в тот цикл, с которого начались мои испытания, который известен мне, как двадцатый век эпохи Людей. Ибо получилось так, что я обрел бессмертие.

1. Призыв сквозь время

Когда мы пребываем на грани между бодрствованием и сном, многих из нас одолевают наваждения. Нам кажется, будто мы слышим голоса, обрывки разговоров, случайно оброненные фразы. Порой мы пытаемся к ним прислушаться, но удача редко сопутствует нам. Подобные наваждения называются «гипнагогическими галлюцинациями»; они предшествуют сну, в которые мы погружаемся потом.

Женщина. Ребенок. Город. Какое-то дело. Имя: Джон Дейкер. Чувство безысходности. Томление. Хотя я любил их. Я знаю, что любил их.

Это случилось зимой. Я лежал, кутаясь в холодное одеяло, и глядел в окошко на луну. Я думал о чем-то; кажется, о

смерти и тщете человеческих усилий. И тут случилось это: на грани бодрствования и сна я услышал голоса.

Сначала я не обратил на них внимания, думая, что вот-вот засну, но они не умолкали, и я поневоле начал прислушиваться, гадая, что за шуточки выкидывает мое подсознание. Я разобрал одно только слово, которое постоянно повторялось:

— Эрекозе... Эрекозе... Эрекозе...

Абсолютно непонятный, но все же смутно знакомый язык. Помнится, я подумал, что больше всего он похож на язык индейцев сиу. Правда, на языке сиу я знал всего лишь несколько слов.

— Эрекозе... Эрекозе... Эрекозе...

Из ночи в ночь прислушиваясь к голосам, я потихоньку погружался все глубже в гипнагогические галлюцинации. Однажды мне даже привиделось, будто я полностью отрешился от собственного тела.

Я висел в воздухе. Я пробыл в таком положении целую вечность. Мертвый или живой, я не знаю. Я видел мир то ли далекого прошлого, то ли не менее далекого грядущего. И другой, который был как будто ближе. И имена. Кто я, Джон Дейкер или Эрекозе? Может, вообще никто? Кором Бэннан Флурани, Обек, Элрик, Ракхир, Саймон, Корнелиус, Асквиносль, Хоукмун — призрачной чередой проносились в моем мозгу все эти имена. Я висел в темноте, лишенный тела. Послышался мужской голос. Где его обладатель? Я хотел посмотреть на него, но у меня не было глаз...

— Эрекозе-Воитель, где же ты?

Другой голос:

— Отец, легенды зачастую лгут...

— Нет, Иолинда. Я чувствую, что он слышит меня. Эрекозе...

Я попытался ответить, но не смог.

Внезапно я обрел зрение и увидел громадный город, полный чудес. По улицам его двигались выкрашенные в унылые цвета механизмы, на многих из них сидели люди. Здания, покрытые сажей и копотью, но все равно прекрасные. Иные дома, уже не такие красивые, хотя и более чистые; строгие пропорции, множество окон... Крики, шум, грохот...

По холмистой равнине промчалась кавалькада. Сверкающие позолотой доспехи, разноцветные флажки на концах длинных пик. Лица конников были серыми от усталости...

Новые лица, новые люди. Кто-то казался мне знакомым,

кого-то я никогда не встречал. Многие весьма странно одеты. Я увидел седовласого человека средних лет. На голове его была украшенная драгоценными камнями железная корона с высокими зубцами. Его губы шевельнулись. Он что-то произнес...

— Эрекозе, это я, король Ригенос, Защитник Человечества...

Ты снова нам нужен, Эрекозе. Третий мир томится под властью Псов Зла, и человечество изнемогает в борьбе с ними. Приди к нам, Эрекозе. Поведи нас к победе. Их территория простирается от Равнин Тающего Льда до Гор Печали, и, я боюсь, вскоре они захватят и другие наши земли.

Приди к нам, Эрекозе. Поведи нас к победе. Приди к нам, Эрекозе. Поведи нас...

Женский голос:

— Отец, ты же видишь — гробница пуста. Тут нет даже мумии Эрекозе. Она давно обратилась в пыль. Давай вернемся в Некраналь и соберем живых воителей!

Я ощущал себя человеком, который вот-вот упадет в обморок; чем усердней он старается сохранить ясность рассудка, тем хуже себя чувствует. Я еще раз попытался ответить, но опять не смог.

Впечатление было такое, словно я плыву назад сквозь Время, тогда как каждая частичка моей души и моей плоти рвется вперед. Мне почудилось, будто я превратился в каменного гиганта; мои необъятные гранитные веки упорно не желали подниматься.

Потом вдруг я обернулся крохотной песчинкой посреди бескрайней Вселенной. Однако я чувствовал себя сопричастным Космосу куда сильнее, чем в бытность каменным великаном.

Воспоминания приходили и уносились прочь.

Перед моим мысленным взором промелькнуло двадцатое столетие с его открытиями и обманами, его прелестями и гнусностями, развлечениями и войнами. Я припомнил суеверия и предрассудки, которые почему-то именовали наукой.

А в следующую секунду я переместился в иное место. Я очутился на Земле, которая не была Землей Джона Дейкера и чем-то неуловимо отличалась от Земли Эрекозе.

Три громадных материка: первые два расположены довольно близко друг к другу, а третий отделен от них океаном, в котором разбросаны большие и малые острова.

Моему взгляду открылся грандиозный ледник, которому, казалось, не было ни конца и ни края. Я узнал Равнины Тающего Льда.

Я увидел третий континент: густые леса, голубые озера, высокие хребты Гор Печали на севере. Я узнал владения элдренов, которых король Ригенос назвал Псами Зла.

Бросив взгляд на два других материка, я различил пшеничные поля Завара, ее прекрасные многоцветные города из камня, богатые и процветающие — Сталахо, Калодемию, Мурос, Найнадун, Дратарду.

Мой взор привлекли морские порты — Шайлаал, Уэдма, Сайнена и Таркар. Я увидел Нунос, чьи башни сверху донизу отделаны были драгоценными камнями.

Потом я разглядел города-крепости Некралалы, главный из которых, Некраналь, выстроен был у подножия гигантской горы. Вершину ее венчал королевский дворец.

Мне показалось, я снова слышу голос:

— Эрекозе, Эрекозе, Эрекозе...

Воинственные короли Некраналы, которые вот уже в течение двух тысячелетий правили человечеством, вновь вступили в бой. Нынешним королем Некраналы был Ригенос, пожилой, уставший от жизни человек. Он жил ненавистью, ненавистью к нелюдям, которых звал Псами Зла, давним врагам рода людского, беспечным и дерзким. В преданиях говорилось, что, будучи отпрысками союза одной королевы и Верховного Злодея Азмбааны, они связаны с человечеством тонкой ниточкой. Они звались элдренами, эти рабы прихотей Азмбааны, ненавидимые королем Ригеносом за бессмертие и отсутствие души.

Подталкиваемый ненавистью, обратился Ригенос к Джону Дейкеру, величая его Эрекозе. Обратился к нему, ибо не уверен был в собственных силах и не имел сына, на которого мог бы положиться. Единственным его ребенком была дочь по имени Иолинда.

— Эрекозе, прошу, ответь мне. Готов ли ты прийти?

Голос его громом прогремел у меня в ушах. Я вдруг понял, что могу говорить. Слова мои эхом отдались в пространстве.

— Я готов, но меня что-то держит.

— Держит? — испуганно переспросил он. — Неужели тебя захватили мерзкие приспешники Азмбааны? Неужели тебя заперли в Призрачных Мирах?

— Может быть, — сказал я, — но, скорее, меня удержива-

ют Пространство и Время. Нас с тобой разделяет пучина, у которой нет ни формы, ни протяженности.

— В силах ли мы перекинуть через нее мост?

— Не знаю. Может, подспорьем тут способна стать единая воля всего человечества.

— Мы непрестанно молимся о твоём приходе.

— Продолжайте, и я приду, — сказал я.

Я снова куда-то падал. Мне чудилось, я припоминаю смех, печаль, торжество. Внезапно из темноты проступили лица. Передо мной промелькнули все те люди, кого я знал, промелькнули и исчезли. Однако одно лицо осталось; оно принадлежало изумительной красоты женщине, чьи светлые волосы перехвачены были диадемой из бриллиантов. Сверкание драгоценных камней придавало неповторимое очарование ее слегка вытянутому личику.

— Иоланда, — произнес я.

Теперь я видел ее отчетливей. Она держала за руку высокого изможденного мужчину в короне — короля Ригеноса.

Они стояли у вырубленного из цельного куска камня и отделанного золотом помоста, на котором, рядом с пригоршней праха, лежал меч. Они не смели прикоснуться к оружию. Они не смели даже подойти поближе, ибо от клинка исходило сияние, которое могло убить их.

Они стояли в гробнице.

В гробнице Эрекозе. У моего смертного ложа.

Я придвинулся к помосту и повис над ним.

Сюда много лет назад положили мое тело. Я посмотрел на меч. Он бессилён был причинить мне зло, однако я не мог подхватить его. Ведь в темноте гробницы пребывал только мой дух, правда, весь целиком, ибо воссоединился с частичкой, которая оставалась тут на протяжении тысячелетий. Именно она услывала короля Ригеноса и помогла Джону Дейкеру откликнуться на призыв.

— Эрекозе! — воскликнул король, вглядываясь во мрак так, будто заметил меня. — Эрекозе, мы ждем тебя!

Тело мое пронизала ужасная боль — сродни, наверно, той какую испытывает роженица. Она терзала мой организм и в то же время сама себя уничтожала. Я корчился в воздухе, крича во весь голос.

Конец, подумал я, но такой, в котором есть начало.

Я вскрикнул. Но в крике моем была радость.

Я застонал. Но в стане моем был восторг.

Я ощутил свой вес. Я перевернулся. Я становился все тяжелее. Я судорожно вздохнул, раскинув руки в стороны, чтобы не потерять равновесия.

Я обрел плоть, я обрел мышцы, я обрел кровь, я обрел силу. Тело мое налилось силой, и я глубоко вздохнул.

Я поднялся. Я встал перед ними на помосте. Я был их Богом, и я пришел к ним во плоти.

— Вот он я, король Ригенос, — сказал я. — Мне не пришлось ничем жертвовать, но смотри, чтобы я не пожалел, что отозвался на твою мольбу.

— Ты не пожалеешь, Воитель, — ответил он. На его бледном от испуга лице заиграла слабая улыбка.

Я поглядел на Иолинду. Девушка сперва было опустила глаза, но потом, словно зачарованная, уставилась на меня.

Я повернулся направо.

— Мой меч, — сказал я, протягивая руку.

Король Ригенос облегченно вздохнул.

— Теперь эти собаки у нас попляшут! — проговорил он.

2. «Воитель с нами!»

Сказав, что принесет ножны для меча, король Ригенос вышел из гробницы, оставив меня наедине со своей дочерью.

Очутившись тут, я вовсе не собирался задаваться вопросом, как такое могло случиться. Иолинде, по всей видимости, тоже не было до этого дела. Я пришел к ним потому, что не мог не прийти.

Мы молча разглядывали друг друга, пока не вернулся король с ножнами.

— Они защитят нас от твоего меча, — сказал он.

Я немного помедлил, прежде чем принять их.

Король нахмурился и скрестил руки на груди.

Я посмотрел на ножны: матовые, точно старое стекло, из какого-то неизвестного мне — вернее Джону Дейкеру — металла, они были легкими и прочными.

Я взял в руки меч. Рукоять его, украшенная золотой резьбой, завибрировала от моего прикосновения. Круглая головка рукояти была выточена из темно-красного оникса; от нее к лезвию шли полосы из серебра и черного оникса. Само лезвие было длинным, прямым и острым, однако бле-

стело оно не как сталь, а скорее как свинец. Меч лег мне в ладони. Я взмахнул им и расхохотался, и он словно рассмеялся вместе со мной.

— Эрекозе! Вложи его в ножны! — встревоженно крикнул Ригенос. — Вложи его в ножны! Он убивает своим светом!

Мне не хотелось убирать меч. Коснувшись его, я словно что-то вспомнил.

— Эрекозе! Пожалуйста! Прошу тебя! — взмолилась Иолинда. — Вложи его в ножны!

С неохотой я повиновался. Почему свет меча смертелен для всех, кроме меня?

Быть может, перейдя в другое измерение, я изменился физически? Быть может, организмы древнего Эрекозе и еще не родившегося Джона Дейкера (или наоборот) как-то приспособились к смертоносному излучению меча?

Я пожал плечами. Какая разница? К чему доискиваться причин? Мне было все равно. Я как будто понял в этот миг, что больше не властен над собой, что стал орудием в руках Судьбы.

Знай я тогда, к чему меня предназначают, я бы отбивался и сопротивлялся изо всех сил. Быть может, мне удалось бы остаться безобидным интеллектуалом Джоном Дейкером. Впрочем, навряд ли я сумел бы устоять, — уж слишком могучей была воля, которая перенесла меня в иной мир.

Во всяком случае в тот миг я готов был слепо повиноваться Судьбе. Я стоял в гробнице Эрекозе и радовался силе, переполнявшей меня, и доброму старому клинку.

Прозревать я начал гораздо позже.

— Мне нужна одежда, — сказал я, стоя перед королем в чем мать родила. — И доспехи. И хороший конь.

— Одежда для тебя приготовлена, — ответил Ригенос и хлопнул в ладоши. — Эй, там!

В гробницу вошли рабы. Первый из них нес платье, второй — плащ, третий — кусок белой ткани, которая тут, видимо, заменяла исподнее. Обернув тканью мое тело ниже пояса, рабы через голову надели на меня платье. Материал приятно охлаждал кожу. Голубого цвета, платье расшито было золотыми, серебряными и алыми нитями. Алый плащ украшали узоры из золотых, серебряных и голубых ниток. Меня обули в мягкие сапоги из оленьей кожи и подпоясали широким песочного цвета ремнем с железной пряжкой, усеянной рубинами и сапфирами. Я прицепил к ремню ножны.

— Готов, — сказал я, положив левую руку на рукоять меча.

Иолинда вздрогнула.

— Пойдемте из этого мрачного места, — пробормотала она.

Бросив последний взгляд на помост с горсткой праха, я вслед за королем и принцессой Некраналей вышел из собственной гробницы на свежий воздух. Снаружи было ветрено, но тепло. Древняя гробница из черного кварца, переживавшая на своем веку немало бурь, стояла на невысоком холме. На крыше её высилась изуродованная временем статуя: воин в доспехах на огромном боевом коне. Дождь и ветер сгладили черты лица статуи, но я узнал ее. Я узнал себя.

Я отвернулся.

У подножия холма нас поджидали воины в точно таких же золотистых кирасах, какие я видел во сне. Правда, приснившиеся мне конники выглядели куда более измотанными. И потом, кирасы встречавших нас солдат короля Ригеноса были, как подсказывали мне пробуждающаяся память Эрекозе и собственные добытые из книг познания, совершенно непригодны для боя. Ведь чем богаче украшены доспехи, тем легче головке копья или острию меча отыскать в них слабое место.

Солдаты восседали на массивных боевых конях. Животные же, которые при нашем приближении опустились на колени, больше всего напоминали верблюдов. Единственное отличие заключалось в том, что в них начисто отсутствовало верблюжье уродство. Они были прекрасны. На своих высоких спинах они несли паланкин из черного дерева, слоновой кости и перламутра, окошки которых задернуты были переливчатыми шелковыми занавесями.

Спускаясь с холма, я вдруг обратил внимание, что на пальце у меня сохранилось кольцо, которое я носил в бытность Джоном Дейкером, витое серебряное кольцо, подаренное мне женой. Моя жена... Я не мог вспомнить ее лица. Наверно, мне следовало оставить кольцо там, вместе с прежним телом. Однако вполне может быть, что никакого тела там не осталось.

Едва мы спустились, солдаты, приветствуя нас, застыли в седлах. Многие с любопытством разглядывали меня.

Король Ригенос указал на одно из животных.

— Вот твой паланкин, Воитель.

Призвав меня по собственной воле, он тем не менее как будто старался держаться от меня подальше.

— Благодарю, — по плетеной шелковой лесенке я взобрался в паланкин. Она была устлана мягкими подушками самых разных цветов.

Верблюды поднялись на ноги и скорым шагом отправились в путь по узкой долине, густо поросшей вечнозеленым кустарником, названия которому я не знал. Он чем-то напоминал араукарию, но листья были крупнее, а веток больше.

Положив меч на колени, я внимательно рассмотрел его. Это был простой боевой клинок, безо всяких рун или рисунков на лезвии. Он пришелся мне точь-в-точь по руке. Хороший меч. Но почему он смертелен для других людей, я не имел ни малейшего представления. Наверно, и те, кого король Ригенос называл Псами Зла, элдрены, тоже не в силах противостоять ему.

Меня сморила непонятная усталость, и я проспал почти всю дорогу; разбудил меня громкий крик. Приподнявшись на подушках, я раздвинул занавеси и выглянул наружу.

Взгляду моему открылся Некраналь, город, который я видел в своих снах.

Далеко впереди, купаясь в лучах солнца, возносились к небу его башни. Горы, на которой он стоял, не видно было из-за великого множества минаретов, шпилей, куполов, колоннад; над ними возвышался величественный силуэт королевского дворца. Я вспомнил его название — Дворец Десяти Тысяч Окон.

Король Ригенос выглянул из своего паланкина и крикнул:

— Катори! Скачи вперед и извести людей, что Воитель Эрекозе вернулся и готов загнать злодеев обратно в Горы Печали!

Мрачноватый человек, к которому обращены были эти слова, был, вне всякого сомнения, капитаном Имперской стражи.

— Слушаюсь, сир, — отозвался он.

Пустив коня в галоп, он помчался вперед по покрытой белой пылью дороге, которая вела к Некраналю. Я какое-то время глядел ему вслед, а потом устремил взгляд на чудесный город.

Пожалуй, Лондон, Нью-Йорк или Токио превосходили его площадью, но ненамного. Некраналь привольно раскинулся у подножия горы, которую венчала цитадель. Его окружала высокая стена со сторожевыми башенками.

Наконец мы добрались до огромных главных ворот Некраналья, и наш караван остановился.

Раздавался мелодичный звук. Створки ворот разошлись. Мы въехали в город. Нас встречали толпы людей. Я то и дело прижимал руки к ушам, опасаясь за барабанные перепонки. Шум стоял просто невообразимый.

3. Грозящая беда

Караван по извилистой дороге поднимался все выше к Дворцу Десяти Тысяч Окон, и приветственные крики постепенно стихали. Наступившую тишину нарушало лишь цоканье лошадиных копыт, позвякивание упряжи да поскрипывание моего паланкина. Мне стало не по себе. Город произвел на меня странное впечатление, которое трудно было выразить в словах. Разумеется, жители опасались нападения врагов; разумеется, они были утомлены войной. Однако мне показалось, что их радость от моего прибытия была какой-то нездоровой. Лишь однажды довелось мне столкнуться с подобным сочетанием истерического восторга и угнетенности, когда я единственный раз в жизни посетил сумасшедший дом.

Но, быть может, все дело в моем собственном настроении? В конце концов, ведь я оказался в классической шизофренически-параноидальной ситуации! Человек с раздвоившимся сознанием, которого здесь вдобавок считают грядущим спасителем человечества! На какой-то момент мне даже почудилось, что я на самом деле спятил, что все происходящее со мной — чудовищная галлюцинация, что я нахожусь в том самом сумасшедшем доме, в котором когда-то побывал.

Я прикоснулся к занавесям, к вложенному в ножны мечу; я бросил взгляд на город внизу; я уставился на огромный Дворец Десяти Тысяч Окон. Я попытался посмотреть через него, ожидая вот-вот увидеть стены больничной палаты или знакомую обстановку квартиры. Но Дворец Десяти Тысяч Окон не желал становиться прозрачным. И город Некраналь отнюдь не походил на призрачный мираж. Я опустил на подушки. Надо было собраться с духом и признать очевидное: каким-то образом, преодолев Пространство и Время, я перенесся на эту Землю, о которой не упоминается ни в одном

учебнике по истории (а я прочитал их достойно), о которой почти ничего не говорится в легендах и мифах.

Я больше не Джон Дейкер. Я — Эрекозе, Вечный Воитель, легенда, воплотившаяся в жизнь.

Я засмеялся. Пускай все это лишь бред сумасшедшего — я никогда не предполагал, что способен придумать такое!

Наконец наш караван достиг вершины горы. Распахнулись отделанные драгоценными камнями ворота, и мы въехали на внутренний двор, где росли деревья и били фонтаны, питая ручьи, через которые переброшены были резные мостки. В ручьях плескалась рыба, а на деревьях пели птицы. Навстречу нам бросились пажи. Животные опустились на колени, и мы сошли на землю.

Король Ригенос довольно улыбнулся:

— Как тебе, Эрекозе? Едва сев на трон, я распорядился все тут переделать. До меня никто не обращал внимания, как мрачно выглядит двор по сравнению с дворцом.

— Красиво, — сказал я и поглядел на подошедшую Иолинду. — Ты воистину творишь прекрасное, король. И вот самое великолепное украшение твоего дворца!

Ригенос хохотнул.

— Я вижу, из тебя не только воин, но и придворный хоть куда.

Взяв нас с Иолиндой за руки, он направился к двери, что вела во внутренние покои дворца.

— Конечно, сейчас мне недосуг заниматься этим. Приходится думать о другом и планировать не сады, а грядущие сражения, — он вздохнул. — Быть может, тебе удастся навсегда покончить с элдренами, Эрекозе. Тогда у нас появится время, чтобы радоваться прелестям жизни.

На миг мне его стало жаль. Он котел того, чего хочет всякий разумный человек, — жить без страха и воспитывать детей с уверенностью в завтрашнем дне, строить планы на будущее, не опасаясь, что однажды они могут быть нарушены по чьей-то злой воле. И потому его мир немногим отличался от того, который я недавно покинул.

Я положил руку ему на плечо.

— Будем надеяться, король Ригенос. Я сделаю все, что в моих силах.

Король прокашлялся.

— Значит, дела пойдут на лад, Воитель. Скоро мы забудем о страхе перед элдренами!

Мы вступили в прохладный холл. Стены его отделаны были чеканным серебром, поверх которого висели шпалеры искусной работы. Холл потрясал своими размерами. Широкая лестница вела из него в верхние помещения, и по этой лестнице навстречу нам спускалась целая армия рабов, слуг и придворных. У подножия лестницы они выстроились в несколько рядов и, преклонив колена, приветствовали короля.

— Вот князь Эрекозе, — сказал Ригенос. — Он великий воин и мой почетный гость. Служите ему так, как служите мне; повинуйтесь ему так, как повинуетесь мне. Выполняйте все его желания.

К немалому моему смущению, они вновь упали на колени и хором возгласили:

— Приветствуем тебя, князь Эрекозе!

Я жестом попросил их подняться. Они повиновались. Я заметил, что начинаю воспринимать такое отношение к себе как нечто само собой разумеющееся. Я знал, кому этим обязан.

— Думаю, на сегодня с тебя хватит церемоний, — сказал Ригенос. — Отдохни в покоях, которые мы тебе приготовили, а о делах поговорим позднее.

— Хорошо, — согласился я, поворачиваясь к Иолинде. После секундного колебания она вложила свою ручку в мою ладонь и я поцеловал ее.

— С нетерпением жду нашей следующей встречи, — пробормотал я, глядя в ее прекрасные глаза. Она потупилась и выдернула руку. Я позволил слугам проводить меня наверх в приготовленные покои.

В мое распоряжение отвели двадцать больших комнат. Там были и помещения для десяти приставленных ко мне рабов и слуг. По большей части комнаты обставлены были куда как богато, я бы даже сказал — изысканно, с той роскошью, которой, по-моему, недостает людям двадцатого века. Вернее всего, пожалуй, было бы назвать обстановку пышной. Стоило мне только пошевелиться, как тут же подбегал раб и снимал с меня надетое поверх доспехов платье или наливал вина, или поправлял подушки на диване. Роскошь начала утомлять меня, и я почувствовал облегчение, когда, продолжая осмотр своих покоев, очутился в анфиладе более скромно обставленных комнат. Вместо мягких диванов в них стояли жесткие скамьи, а шелка и меха уступали место развешанным по стенам клинкам, булавам, пикам и стрелам.

Я довольно долго оставался в оружейных палатах, а потом вернулся в столовую. Рабы принесли кушанья и вино, и я от души поел.

Покончив с едой, я почувствовал себя освеженным, как будто проснулся после долгого сна. Я отправился осматривать дальше отведенные мне покои, интересуясь больше оружием, нежели обстановкой, которая привела бы в восторг и самого изнеженного сибарита. Я вышел на один из балконов. Взору моему открылся великий город Некраналь. Солнце уже садилось, и на городские улицы легли глубокие тени.

Небо полыхало всеми оттенками багрового, оранжевого, желтого и голубого, отражаясь в куполах и шпилях Некранали, и стены домов словно истончались и становились прозрачными.

Тени стали гуще. Солнце село, окрасив напоследок багрянцем самые высокие из куполов, и наступила ночь. Внезапно на крепостных стенах Некранали вспыхнули огни; это стражники разожгли костры. Зажглись огоньки в домах. Я услышал крики ночных птиц и жужжание насекомых. Я повернулся спиной к городу и увидел, что мои слуги зажгли в покоях лампы. Холодало, однако я медлил уходить. Я задумался над тем, в какой угодил переплет, и попытался прикинуть истинные размеры грозящей человечеству опасности.

Сзади слышались шаги. Оглянувшись, я увидел короля Ригеноса, которого сопровождал Каторн, хмурый капитан Имперской стражи. Волосы его перехвачены были платиновым обручем, на плечи он накинул кожаную куртку с золотым узором. Даже без шлема и нагрудника в нем с первого взгляда чувствовался отважный и решительный воин. Король Ригенос был облачен в белый меховой плащ; на голове у него по-прежнему была украшенная алмазами корона.

Они встали рядом со мной на балконе.

— Ты отдохнул, Эрекозе? — спросил король Ригенос нервно, как будто ожидал, что я испарюсь без следа за время его отсутствия.

— Благодарю тебя, король.

— Хорошо, — он замялся.

— Время уходит, — проворчал Каторн.

— Верно, Каторн. Верно, — король Ригенос поглядел на меня так, словно надеялся, что я знаю, о чем пойдет речь. Но я не знал и потому ответил ему вопросительным взглядом.

— Прости нас, Эрекозе, — произнес Каторн, — но время

на самом деле не ждет. Король расскажет тебе, что тут у нас творится и чего мы от тебя ждем.

— Слушаю, — ответил я. — Мне не терпится это узнать.

— У нас есть карты, — проговорил король. — Где карты, Каторн?

— Остались внутри.

— Не согласишься ли ты..?

Я кивнул, и мы вернулись в мой покои. Миновав по дороге две комнаты, мы прошли в большую парадную залу, посреди которой стоял массивный дубовый стол. Подле него нас ожидали рабы короля Ригеноса с пергаментными свитками в руках. Каторн выбрал несколько свитков и расстелил их на столе, один поверх другого. С одной стороны он придавил их своим тяжелым кинжалом, а с другой — поставил металлическую, отделанную рубинами и изумрудами вазу.

Я с любопытством посмотрел на карты. Очертания земель были мне знакомы. Я помнил их по сновидениям той поры, когда меня только начали достигать призывы короля Ригеноса.

Король наклонился над столом и заводил по картам длинным и бледным костлявым пальцем.

— Как я уже сказал тебе, Эрекозе, в твоей... э-э... в твоей гробнице, элдрены владычествуют надо всем южным континентом. Они называют его Мернадин. Вон он, — палец Ригеноса скользнул по побережью земли элдренов. — Пять лет назад они захватили нашу единственную крепость в Мернадине — свой древний морской порт Пафанааль. Битва была недолгой.

— Твои армии бежали? — спросил я.

Снова вмешался Каторн.

— Мы просто отвыкли воевать. Мы не готовы были к тому, что их орды отважатся покинуть свои берлоги в Горах Печали. Они, должно быть, годами готовились к нападению. Откуда нам было знать их планы — ведь им помогало колдовство!

— Насколько я понимаю, вам удалось эвакуировать людей? — перебил я.

Каторн пожал плечами.

— В крепости находился только гарнизон. Простые люди отказывались селиться в Мернадине, считая, что его земля опоганена Псами Зла. Те края прокляты, и обитают там лишь демоны из преисподней!

Я потер подбородок и с невинным видом спросил:

— Если вам не нужны их земли, почему вы так рветесь загнать элдренов обратно в горы?

— Потому, что, владея континентом, они непрерывно угрожают человечеству!

— Понятно, — я сделал правой рукой неопределенный жест. — Прости, что перебил тебя. Продолжай, я слушаю.

— Постоянная угроза... — начал было Каторн, но тут вмешался король. Глаза его полны были страха и ненависти. Тонким, дрожащим голосом он воскликнул:

— Они вот-вот высадятся на берегах Завары или Некралы!

— Вам доподлинно об этом известно? — спросил я. — И сколько нам потребуется времени, чтобы собрать войско?

— Они обязательно нападут! — холодные глаза Каторна метали молнии. Редкая борода, обрамлявшая его бледное лицо, угрожающе встопорщилась.

— Они нападут, — согласился Ригенос. — Мы ведем с ними непрерывный бой, а иначе они давно бы нас одолели.

— Нужно покончить с ними! — прибавил Каторн. — И если мы промедлим, нам несдобровать.

Король вздохнул.

— Люди устали от войны. Чтобы справиться с элдренами, нам необходимы либо свежие силы, либо полководец, который сумеет вдохнуть надежду в сердца утомленных воинов, а лучше — и то и другое.

— Разве некого призвать под королевские знамена? — спросил я.

Каторн издал горлом короткий гортанный звук. Я решил, что он рассмеялся.

— Увы! Мужчины и женщины, старики и дети — все они сражаются против элдренов. Война никого не обошла стороной.

Король кивнул.

— Потому-то мои мысли обратились к тебе, Эрекозе, хотя мне казалось, что я выставляю себя на посмешище, пытаюсь оживить горстку праха.

При этих словах Каторн отвернулся. Наверно, он считал, что король просто-напросто обезумел от отчаяния. Моя материализация была для него, как гром с ясного неба. По-моему, он затаил на меня злобу, как будто я пришел в их мир по собственной воле.

Король расправил плечи.

— Ты стоишь передо мной во плоти, и я хочу, чтобы ты исполнил свою клятву.

Я изумился.

— Какую клятву?

Пришла очередь удивляться королю.

— Как какую? Ты же обещал, что если элдрены снова овладеют Мернадином, ты вернешься и вмешаешься в битву между ними и людьми.

— Ясно, — я сделал рабу знак принести мне кубок с вином. Получив желаемое, я принялся разглядывать карты. Для Джона Дейкера это была бессмысленная война, бессмысленная и жестокая, которую вели друг против друга ослепленные взаимной ненавистью нации. Однако выбора у меня не было. Я — человек, а потому обязан всеми силами защищать своих сородичей. Род людской должен быть спасен!

— Элдрены, элдрены, — пробормотал я. — Чем им так досадили люди? Неужели они на самом деле такие злодеи?

— Что? — прорывал Каторн. — Ты смеешь подвергать сомнению слова нашего короля?

— Вовсе нет, — ответил я. — Мне лишь хочется узнать, чем сами элдрены объясняют свою воинственность. Чего они добиваются?

Каторн пожал плечами.

— Они стремятся уничтожить нас, — сказал он. — Этого тебе недостаточно?

— Нет, — отозвался я. — Раз война, должны быть и пленные. Что они говорили на допросах? — Я взмахнул руками. — И что говорят вожди элдренов?

Король Ригенос покровительственно улыбнулся.

— Ты многое забыл, Эрекозе, если ты не помнишь элдренов. Они — не люди. Они умы и расчетливы. У них языки без костей. Они забалтывают человека до неподвижности, а потом когтями вырывают у него из груди сердце. Хотя, надо признать, в отваге им не откажешь. Под пытками они умирали, так и не открыв нам своих истинных планов. Они хитры. Они хотят, чтобы мы поверили в их болтовню о мире, о взаимном доверии и помощи; они надеются усыпить наше внимание, а потом покончить с нами одним ударом, навести на нас порчу и сглаз. Не будь наивным, Эрекозе! Не пытайся говорить с элдреном так, как говорил бы с человеком, ибо иначе ты обречен. В нашем понимании у них нет души. Они лишены любви, если не считать их расчетливой верности своему хозяину Азмобаане. Пойми, Эрекозе, элдрены — это демоны. Они — чудовища, которым Азмобаана на потеху аду даровал подобие челове-

ческого облика. Но пусть тебя не обманет их внешность! Внутри элдрены не люди, внутри они — нелюди!

Лицо Каторна исказила гримаса.

— Не доверяй элдренским собакам! Они насквозь лживы, лживы и злы! Мы не будем знать покоя, пока не уничтожим их всех до единого. Раз и навсегда — так, чтобы на Земле не осталось ни кусочка их плоти, ни капли их крови, ни косточки и ни волоска! Я не преувеличиваю, Эрекозе. Если в нашем мире останется хоть частичка тела хотя бы одного элдрена, Азмбаана сможет воссоздать своих прислужников и снова натравить их на нас. Потому нужно сжечь это демонское отродье — всех: мужчин, женщин, детей! Сжечь, а пепел развеять по ветру! Вот что нам предстоит, Эрекозе, вот что предстоит человечеству. И Добрые Силы благословили нас на подвиг!

Тут раздался еще один голос, мягче и нежнее прежних. Обернувшись к двери, я увидел Иолинду.

— Ты должен повести нас к победе, Эрекозе, — сказала она прямо. — Каторн не лгал тебе; правда, он мог бы выбирать выражения. Дела обстоят именно так. Ты должен повести нас к победе.

Я посмотрел ей в глаза. И глубоко вздохнул, чувствуя, как застывает и холодеет лицо.

— Я поведу вас, — сказал я.

4. Иолинда

На следующее утро меня разбудили рабы, которые готовили мне завтрак. Рабы ли? Или жена, которая расхаживала по комнате, собираясь будить сына?

Я открыл глаза, ожидая увидеть ее.

Но не обнаружил ни жены, ни квартиры, в которой я жил в бытность Джоном Дейкером.

Рабов тоже не было.

Мне улыбнулась Иолинда. Оказывается, это она, своими собственными руками, готовила мне завтрак.

На мгновение я ощутил слабую вину, как будто я каким-то образом предал свою жену. Но потом я понял, что мне нечего стыдиться. Я стал жертвой Судьбы — или сил, сущность которых мне не дано уяснить. Я больше не Джон Дейкер. Я — Эрекозе. Я понял, что лучше всего будет поскорее свык-

нуться с этой мыслью. Тот, с кем случилось раздвоение личности, — просто-напросто больной человек. Я пообещал себе как можно скорее забыть о Джоне Дейкере. Раз я стал Эрекозе, значит, надо быть им. В определенной степени я был фаталистом.

Иолинда подошла ко мне с подносом, на котором лежали фрукты.

— Откушай, князь Эрекозе.

Я выбрал странный, мягкий на ощупь плод с желтовато-красной шкуркой. Иолинда протянула мне маленький нож. Я взял его, но плод был мне незнаком, и я не знал, с какого бока к нему подступиться. Иолинда с улыбкой забрала у меня нож и, усевшись на край моей постели, принялась за дело сама. Мне показалось, что она уж очень старается.

Разрезав плод на четыре части, Иолинда положила его на тарелку и подала мне, все так же избегая глядеть мне в глаза, но при этом загадочно улыбаясь. Я проглотил кусочек плода; он был одновременно острым и сладким на вкус и хорошо освежал.

— Благодарю, — сказал я. — Никогда раньше такого не пробовал.

— Разве? — изумилась Иолинда. — Но ведь в Некралале нет фрукта более распространенного, чем экрекс.

— Ты забываешь, что я чужой в Некралале, — заметил я.

Она наклонила головку и, слегка нахмурясь, поглядела на меня. Она откинула легкую голубую ткань, которая покрывала ее волосы; она тщательно расправила свое голубое платье. Она выглядела смятенной.

— Чужой... — пробормотала она.

— Чужой, — согласился я.

— Но, — тут она сделала паузу, — но ты же великий герой человечества, князь Эрекозе. Ты знал Некраналь в дни его славы и могущества, ты правил в нем тогда, тебя именовали Победителем. Ты знал древнюю пору Земли, ты освободил ее от цепей элдренов. Тебе известно о нашем мире больше, чем мне, Эрекозе.

Я пожал плечами.

— Да, многое тут мне знакомо и становится ближе с каждой минутой. Но до вчерашнего дня меня звали Джоном Дейкером и я жил в городе, вовсе не похожем на Некраналь, и я отнюдь не был воином. Я не отрицаю, что я — Эрекозе; помимо всего прочего, мне нравится это имя. Однако я не

знаю, кем был Эрекозе. Во всяком случае знаю не больше твоего. Он был великим героем древних времен и перед тем, как умереть, поклялся, что если понадобится, он вернется, чтобы вмешаться в распрю между элдренами и людьми. Его положили в довольно, надо сказать, мрачную гробницу на холме вместе с мечом, который мог носить он один.

— И который звался Канайана, — прошептала Иолинда.

— Значит, у него есть имя?

— Да. Канайана — это больше, чем просто имя. Произнося это слово, ты называешь истинную сущность клинка, мистическую природу тех сил, которые в нем заключены.

— А есть какая-нибудь легенда, которая объясняла бы, почему только я могу носить мой меч? — спросил я.

— Их несколько, — ответила девушка.

— Расскажи мне ту, которая тебе нравится больше всего, — попросил я.

Иолинда в первый раз за все утро взглянула прямо мне в глаза и, понизив голос, проговорила:

— Мне нравится та из легенд, в которой говорится, будто ты — избранный сын Всеблагого, Всевышнего, будто твой меч — клинок Богов, будто он повинуетя тебе потому, что ты и сам — бессмертный Бог.

Я расхохотался.

— Ты веришь в подобную чепуху?

Иолинда потупилась.

— Если ты скажешь мне, что легенда лжет, я поверю тебе, — произнесла она. — Да, так.

— Разумеется, я здоров и исполнен сил, — сообщил я. — Однако я вовсе не ощущаю себя богом. И потом, будь я им, я бы, наверно, о том знал. Я бы обитал в той плоскости, где обитают боги, я бы знал с другими богами, среди моих друзей были бы богини...

Бросив взгляд на Иолинду, я умолк. Она казалась обеспокоенной.

Я легонько дотронулся до ее руки и сказал:

— Может, ты и права. Может, я и вправду бог, ибо имею счастье разговаривать с богиней.

Она оттолкнула мою руку.

— Ты смеешься надо мной, господин.

— Нет. Клянусь, что нет.

Иолинда поднялась.

— Такому великому воину, как ты, я, должно быть, кажусь дурочкой. Прости, что донимала тебя своей болтовней.

— Ты вовсе меня не донимала, — возразил я. — Сказать по правде, ты помогла мне.

Она от удивления приоткрыла рот.

— Помогла?

— Ну да. Ты рассказала мне обо мне. Я не помню себя как Эрекозе, но теперь по крайней мере я знаю о своем прошлом столько же, сколько любой другой. Что отнюдь не плохо!

— Наверно, твой вековой сон лишил тебя памяти, — произнесла девушка.

— Может быть, — согласился я. — А может, за время этого сна появилось множество других памятей, памятей о других жизнях.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, что помимо Джона Дейкера и Эрекозе, я был еще многими другими людьми. Мне на память приходят чужие имена, странные имена на незнакомых языках. Мне думается — может быть, совершенно напрасно, — что пока я, будучи Эрекозе, спал, мой бессонный дух, так сказать, гулял по свету.

Я замолчал. Разговор уводил меня в дебри метафизики, в которой я никогда не был особенно силен. Откровенно говоря, я считал себя прагматиком. Я всегда потешался над предрассудками вроде идеи о перевоплощении; даже сейчас, несмотря на мой недавний опыт, при мысли об этом меня разобрал смех.

Но Иолинде явно хотелось, чтобы я продолжил свои никчемные размышления вслух.

— А дальше? — спросила она. — Продолжай же, князь Эрекозе, прошу тебя.

Чтобы подольше задержать красавицу возле себя, я согласился на ее просьбу.

— Ну что ж, — сказал я, — в то время, когда вы с твоим отцом пытались призвать меня к себе, мне как будто вспомнились иные жизни, отличные от жизней Эрекозе и Джона Дейкера. Перед моим затуманенным мысленным взором проносились картины других цивилизаций, хотя я не могу сказать тебе каких — прошлых или будущих. Если быть честным, то прошлое и будущее мне теперь безразличны, поскольку я не имею представления, находится ли, скажем, ваш мир в грядущем по отношению к миру Джона Дейкера или в прошедшем. Он тут, и я тут. Мне кое-что предстоит сделать. Вот все, что я знаю.

— А те, другие воплощения? — спросила Иолинда. — Ты помнишь хоть что-нибудь о них?

Я пожал плечами.

— Ничего. Я пытаюсь описать тебе смутное чувство, а не точное впечатление. Имена, которые я уже забыл. Лица, которые исчезли из памяти при пробуждении. Может быть, и не было ничего — одни только сны. Может быть, моя жизнь в бытность Джоном Дейкером, подробности которой, кстати сказать, тоже начинают потихоньку стираться из памяти, — это просто сон. Имена сверхъестественных существ, о которых упоминали Каторн и твой отец, для меня — пустой звук. Я не знаю никакого Азмобааны, никакого Всеблагого или Всевышнего, никаких демонов или, если уж на то пошло, ангелов. Я знаю лишь, что я — человек и что я существую на самом деле.

Лицо Иолинды было серьезным.

— Верно, ты человек. Ты существуешь. Я видела, как ты материализовался.

— Но откуда я пришел?

— Из Иных Краев, — ответила она. — Из места, куда после смерти уходят все великие воины, где они ожидают своих жен, чтобы наслаждаться вместе с ними счастьем без конца.

Я улыбнулся, но тут же согнал улыбку с лица, испугавшись оскорбить девушку.

— Такого места я не помню, — сказал я. — Я помню только битвы. Если я где-то и обитал, то не в краю вечного счастья, а во многих землях, в землях, где ведется бесконечный бой.

Внезапно я ощутил себя подавленным и утомленным.

— Бесконечный бой, — повторил я и вздохнул.

Иолинда сочувственно поглядела на меня.

— По-твоему, такова твоя судьба — вечно сражаться с врагами человечества?

Я нахмурился.

— Не совсем так. Я помню времена, когда я не был человеком в том смысле, в каком ты понимаешь это слово. Если, как я сказал, мой дух перебивал во многих оболочках, то надо признать, что порой оболочки были... ги... чужими.

Я решил не додумывать мысль до конца. Она была слишком сложной, чтобы ухватить, слишком страшной, чтобы жить с ней.

Иолинда встревожилась. Встав с постели, она метнула на меня недоверчивый взгляд.

— Но не... не...

Я улыбнулся.

— Элдреном? Не знаю. Вряд ли, ибо это слово ничего мне не говорит.

Она облегченно вздохнула.

— Так тяжело верить... — проговорила она.

— Верить чему? Словам?

— Чему угодно? Когда-то, видно по молодости, я считала, что понимаю мир. Теперь же я ничего не понимаю. Я не знаю даже, доживу ли до следующего утра.

— Твои страхи не новы, они терзают всех смертных, — сказал я тихо. — Мы, к сожалению, не вечны.

— Мы? — недобро усмехнулась Иолинда. — Ты бессмертен, Эрекозе!

Мои мысли до сих пор обращены были на другое. А вдруг и в самом деле? В конце концов, почему бы и нет? Я рассмеялся.

— Скоро мы это узнаем, — сказал я, — в первой же схватке с элдренами.

С уст девушки сорвался еле слышный стон.

— О! — вскричала она. — Не говори так!

Иолинда повернулась к двери.

— Ты бессмертен, Эрекозе! Ты... ты вечен! Только в тебе могу я быть уверенной, только тебе могу доверять. Не шути так. Я умоляю тебя, не шути так!

Ее волнение привело меня в замешательство. Не будь я под одеялом абсолютно голым, я бы поднялся с постели, обнял девушку и постарался бы ее утешить. Правда, она уже видела меня нагишом, когда я возник из ничего в гробнице Эрекозе, но я недостаточно разобрался в здешних обычаях и потому не в состоянии был сказать, шокировал ее тогда мой вид или нет.

— Прости меня, Иолинда, — проговорил я, — я не думал...

О чем я не подумал? О том, как сильно бедняжка напугана? Или о чем-то более серьезном?

— Не уходи, — попросил я.

Она остановилась у двери и обернулась ко мне; в ее огромных, прекрасных глазах стояли слезы.

— Ты вечен, Эрекозе. Ты бессмертен. Ты никогда не умрешь!

Я промолчал.

Насколько я мог судить, в первой же стычке с элдренами меня поджидает смерть.

Внезапно я осознал, какую ношу согласился на себя взвалить. Иолинда вышла из комнаты, и я, обессиленный, рухнул на подушки.

Я судорожно сглотнул. Сдюжу ли?

Хочу ли я нести такую ношу?

Нет. Особой уверенности в себе у меня не было, так же как и причин считать себя отменным военачальником. Взять того же Каторна, так у него куда больше опыта в подобных делах. Он вправе таить на меня злобу. Я перебежал ему дорогу, лишил его того, чего он вполне заслуживал. Неожиданно я понял Каторна и посочувствовал ему.

Какое у меня право вести человечество в битву, которая решит его судьбу?

Никакого.

Потом пришла другая мысль.

По какому праву человечество ждет от меня подвига? — подумал я, охваченный жалостью к самому себе.

Они пробудили меня ото сна, прервав спокойную, размеренную жизнь Джона Дейкера. А теперь они требуют, чтобы я вернул им надежду и силы, которые они растеряли.

Я лежал в постели и ненавидел их всех — короля Риггоса, Каторна и людей вообще, в том числе — прекрасную Иолинду, которые вынудили меня задуматься над этим.

Эрекозе-Воитель, Защитник Человечества, Величайший из Витязей, а в сущности — несчастный человек, лежал в постели, трясаясь от страха и оплакивая свою участь.

5. Каторн

Со смущением и досадой позволил я рабам вымыть меня и побрить. Потом встал и облачился в простую тунику. Пройдя в оружейную палату, я снял со стены ножны, в которые был запрятан мой меч.

Я обнажил клинок, и прежний восторг пронизал мое тело. Я начисто забыл про недавние страхи и громко рассмеялся, размахивая мечом над головой и ощущая, как наливаются силой мышцы.

Я сделал выпад, и мне почудилось, будто меч превратился в часть моего тела, будто он стал еще одним членом, о существовании которого я до сих пор не догадывался. Я воздел клинок над собой, затем с силой опустил вниз,

закрутил им в воздухе... Мне радостно было держать его в руках.

Он сотворил из меня того, кем я никогда раньше не был. Он сотворил из меня мужчину. Воина. Победителя.

В бытность мою Джоном Дейкером мне лишь пару раз случалось сжимать в ладони меч. Если верить тем моим друзьям, которые считали, что они на этом деле собаку съели, то вид у меня тогда был не ахти.

Увидев боязливо жмущегося к стене раба, я с неохотой убрал клинок обратно в ножны. Я вспомнил, что только Эрекозе может не опасаться меча.

— Что там? — спросил я.

— Пришел князь Каторн, господин. Он хочет говорить с тобой.

Я повесил ножны на стену.

— Зови, — приказал я рабу.

В палату быстрым шагом вошел Каторн. Как видно, ему пришлось некоторое время дожидаться у двери, и потому настроение у него было ничуть не лучше, чем в нашу первую встречу. Его сапоги с металлическими набойками звонко процокали по каменному полу оружейной палаты.

— Доброго утра, князь Эрекозе, — сказал он.

Я поклонился.

— Приветствую тебя, князь Каторн. Извини, если заставил тебя ждать. Я пробовал меч.

— По имени Канайана, — проговорил Каторн, задумчиво глядя на оружие.

— Он самый, — сказал я. — Не хочешь ли подкрепиться, князь Каторн?

Я изо всех сил старался быть с ним любезным, и не только потому, что глупо в канун грандиозной битвы заводить себе врага в лице столь опытного воина, но из-за того еще, что, как я уже говорил, я ему сочувствовал.

Однако Каторн, очевидно, не собирался идти на мировую.

— Я позавтракал на рассвете, — бросил он. — У нас есть более срочные дела, князь Эрекозе.

— Какие же? — я решил не замечать его дерзости.

— Дела войны, князь. Других нет.

— Разумеется, разумеется. И о чем же ты хочешь говорить со мной, князь Каторн?

— Мне кажется, нам нужно упредить элдренов и напасть первыми.

— Нападение — лучшая форма защиты, так что ли?

Он как будто удивился. По всей видимости, ему не доводилось слышать этой фразы.

— Хорошо сказано. Красиво ты говоришь, не хуже элдренов.

Он явно пытался вывести меня из равновесия. Но я проглотил намек, не моргнув глазом.

— Значит, — сказал я, — мы нападаем на них. Где?

— Вот это нам как раз надо обсудить, да и кое-какие другие вопросы тоже. Вообще-то я уже выбрал место.

— Какое?

Все тем же быстрым шагом он сходил в соседнюю комнату, принес карту и расстелил ее на скамье. На карте изображен был третий континент, которым безраздельно владели элдрены, Мернадин. Острием кинжала Каторн ткнул в точку, на которую мне показывали прошлым вечером.

— Пафанааль, — проговорил я.

— Самая подходящая цель для первого удара, тем более что элдрены, как мне кажется, не ждут от нас активных действий, зная, как нас мало и как мы устали.

— Но если так, — сказал я, — не лучше ли захватить сперва городок поменьше?

— Ты забываешь, князь, что наших воинов вдохновила весть о твоём появлении, — сухо ответил Каторн.

Я усмехнулся. Каторн, увидев с моей стороны такую реакцию, нахмурился.

Я сказал спокойно:

— Нам придется научиться сотрудничать, князь Каторн. Я высоко ценю твой опыт военачальника. Я признаю, что ты куда лучше моего знаком с элдренами. Мне нужна твоя помощь не меньше, чем королю Ригеносу, как он полагает, — моя.

Каторн вроде бы слегка смягчился. Откашлявшись, он продолжил:

— Захватив Пафанааль и его окрестности, мы получим плацдарм, с которого можем организовывать рейды в глубь материка. Овладев Пафанаалем, мы окажемся в чрезвычайно выгодном положении. Мы сможем действовать по собственному усмотрению, а не плестись в хвосте у элдренов. Нам надо загнать их обратно в горы; вот что самое главное. На выкуривание их оттуда могут уйти годы, но по сравнению с нашей задачей это — сущие пустяки.

— Пафанааль сильно укреплен? — поинтересовался я.

Каторн улыбнулся.

— Элдрены полагаются в основном на свои корабли. Если

мы одолеем их флот, можно считать, что Пафанааль в наших руках.

Он обнажил зубы — как я понял, в усмешке. Внезапно во взгляде его мелькнуло подозрение; он словно сожалел, что столько мне наговорил.

Молчать было нельзя.

— Что у тебя на уме, князь Каторн? — спросил я. — Или ты не доверяешь мне?

Он уже овладел собой.

— Я⁴вынужден доверять тебе, — произнес он ровным голосом. — Мы все вынуждены доверять тебе, князь Эрекозе. Разве ты вернулся не за тем, чтобы сдержать давнишнюю клятву?

Я настороженно поглядел на него.

— Ты в это веришь?

— Я вынужден в это верить.

— Веришь ли ты, что я — на самом деле Эрекозе-Воитель?

— Опять-таки я вынужден верить.

— Ты веришь в это, ибо считаешь, что если я не Эрекозе — не тот Эрекозе, о котором говорится в легендах, то человечество обречено?

Он наклонил голову, соглашаясь.

— А что, если я не Эрекозе, князь?

Каторн посмотрел на меня.

— Ты должен быть им... князь. Если бы не одна вещь, я сказал бы...

— Что бы ты сказал?

— Ничего.

— Что я — переодетый элдрен? Правильно, князь Каторн? Хитрый нелюдь, принявший человеческий облик? Верна ли моя догадка, князь?

— Да, — подтвердил Каторн, сдвинув мохнатые брови и облизывая побелевшие губы. — Ходят слухи, что элдрены могут читать мысли, а вот за людьми такого не водится.

— Уж не боишься ли ты, князь Каторн?

— Кого, элдренов? Клянусь Всеблагим, сейчас я тебе...

Массивная ладонь Каторна легла на рукоять его меча.

Я поднял руку и указал на висевший на стене клинок.

— Вот деталь, которая опрокидывает все твои построения, не правда ли? Если я не Эрекозе, то как мне удастся совладать с его оружием?

Он не вытащил меч, однако ладонь с рукояти не убрал.

— Ведь правда, что ни одно живое существо, будь оно

человеком или элдреном, не смогло бы коснуться клинка и остаться в живых? — спросил я тихо.

— Так гласит легенда, — согласился он.

— Легенда?

— Я никогда не видел, чтобы элдрен пытался взять в руки Канайану.

— Тем не менее ты должен признать, что это так. Иначе...

— Иначе человечеству не на что больше надеяться, — сами собой сорвались с его губ страшные слова.

— Верно, князь Каторн. Значит, ты признаешь, что я — Эрекозе, призванный королем Ригеносом для того, чтобы вести человечество к победе?

— Мне не остается ничего другого.

— Вот и ладно. А теперь моя очередь.

— Твоя?

— Я признаю, что ты будешь сотрудничать со мной, что не станешь плести за моей спиной заговоров, не утаишь от меня никаких мало-мальски важных сведений, не попытаешься объединиться с теми, кто окажется обиженным или недовольным мной. Сам видишь, князь Каторн, твоя недоверчивость может привести к крушению наших планов. Воин, который завидует своему командиру и держит на него зло, способен причинить больше вреда, чем самый страшный враг.

Каторн кивнул и расправил плечи, убрав руку с меча.

— Я уже думал над этим, князь. Не стоит считать меня глупцом.

— Я знаю, что ты не глупец, князь Каторн. Будь ты глупцом, я не заводил бы с тобой такого разговора.

Он поиграл желваками, переваривая мой ответ, потом сказал:

— И ты тоже не глупец, князь Эрекозе.

— Благодарю за лестное мнение.

Хмыкнув, он снял шлем и провел пятерней по густым волосам, как видно, все еще пребывая в сомнениях.

Я ждал, когда он заговорит. Однако Каторн решительным движением нахлобучил на голову шлем, сунул в рот палец и поскреб ногтем зуб. Вынув палец, он внимательно его оглядел, бросил взгляд на карту и пробормотал:

— Что ж, по крайней мере мы друг друга поняли. Пожалуй, так нам будет легче в этой поганой войне.

Я кивнул.

— Думаю, что гораздо легче.

Он фыркнул.

— А в каком состоянии наш флот? — спросил я.

— В довольно приличном. Он, правда, не столь велик, как раньше, но, я думаю, это поправимо. Верфи работают день и ночь; число кораблей растет, и новые крупнее старых. А в литейных мастерских льют для них могучие пушки.

— Людей хватает?

— Мы набираем в экипажи кого только можем, даже подростков и женщин. Тебе не солгали, князь Эрекозе: воистину все человечество поднялось на войну против элдренов.

Я промолчал, начиная втайне восхищаться величием духа моих соплеменников. Меня уже меньше тревожили заботы насчет того, что я делаю так, а что — не так. Я ощутил непонятно в каком месте и непонятно в каком времени; но здешний народ сражался не за что-нибудь, а за собственное выживание.

Тут мне в голову пришла другая мысль. А вдруг то же самое можно сказать про элдренов?

Я подавил сомнение.

Хоть в этом мы с Каторном сходились. Мы отказывались брать в расчет мораль и прочие сантименты. Перед нами стояла задача, которую мы должны были выполнить. Нас облекли ответственностью, и мы обязаны были приложить все силы, чтобы не подвести человечество.

6. Подготовка к войне

Я говорил с генералами и адмиралами. Мы сидели над картами и обсуждали стратегию и тактику, подсчитывали количество воинов, животных и кораблей. Флот рос прямо на глазах. По обоим континентам забирали в армию всех, кто мог держать оружие, — от десятилетних мальчишек до мужчин пятидесяти лет или старше, от двенадцатилетних девочек до шестидесятилетних женщин. Люди собирались под знамя человечества с гербами Завары и Некралалы, под штандарты короля Ригеноса и полководца Эрекозе.

Мы тщательно готовились к вторжению с моря в крупнейшую гавань Мернадина Пафанааль, мы строили планы по захвату города и провинции, которая носила то же название.

В часы, свободные от советов с военачальниками, я практиковался в обращении с оружием и верховой езде, чтобы приобрести необходимые навыки.

Я не столько учился, сколько вспоминал. Едва сев на коня, я понял, что нужно делать. Я знал, как наложить на тетиву стрелу и как пустить ее в цель на полном скаку, ничуть не хуже, чем то, что меня зовут Эрекозе. Кстати, имя мое на одном из древних языков человечества означало, как мне сказали, «тот, кто всегда тут».

Но Иолинда... Здесь все было по-другому. Хотя некая частичка меня способна была путешествовать сквозь пространство и время, переживая множество воплощений, воплощения эти всякий раз оказывались различными. Я не то чтобы проживал заново эпизод из своей жизни, нет; мне приходилось жить иначе, совершать иные поступки. В определенных границах я обладал свободой воли. Я не чувствовал себя игрушкой Судьбы. Но как знать? Быть может, я слишком оптимистично смотрю на мир. Быть может, Каторн ошибся, и я — самый настоящий глупец. Вечный глупец.

Разумеется, мне хотелось разыграть из себя дурака перед Иолиндой. Ее красота ослепляла. Однако я не в силах был так поступить. Она видела во мне бессмертного героя и никого больше. Потому, ради ее спокойствия, мне приходилось изображать героя; в обычной жизни я предпочитал вести себя легкомысленно, где-то даже развязно, и потому зачастую оказывался теперь в затруднительном положении. Порой я чувствовал себя с ней скорее как отец, нежели как кандидат в возлюбленные, и, исходя из представлений двадцатого века о человеческих мотивациях, задумывался, не заменяю ли я ей строгого родителя, которого она отчаялась найти в Ригеносе.

Подозреваю, что в глубине души она презирала Ригеноса, считая, что он мог бы быть повойнственной; однако я сочувствовал старику (старик-то, пожалуй, я сам, причем глубокий-глубокий; ну да хватит об этом), ибо Ригенос нес на плечах тяжелое бремя, нес, на мой взгляд, достаточно уверенно. В конце концов, он был из тех, кто предпочитает планировать сады, а не битвы. Не его вина, что он родился в королевской семье и что у него нет сына, на которого, сложись обстоятельства по-иному, он мог бы переложить ответственность. Я слышал, что в сражениях он проявил себя неплохо и никогда не совершал деяний, противных королевскому сану. Ему подошла бы жизнь поспокойнее, однако он умел и ненавидеть. Как он ненавидел элдренов!

Мне отводилась роль героя, которым он стать не сумел. С таким раскладом я был согласен. Но мне вовсе не хотелось

заменять его в качестве отца. Как я частенько говорил сам себе: либо наши с Иолиндой отношения станут менее противостественными, либо мне придется их прекратить.

По правде сказать, я не уверен, был ли у меня выбор. Иолинда меня зачаровала. Наверно, я согласился бы на что угодно, лишь бы не разлучаться с ней.

Все время, какое оставалось у меня после военных советов и моих собственных занятий, мы проводили вместе. Мы бродили рука в руке по балконам, что лианой опоясывали Дворец Десяти Тысяч Окон сверху донизу. На балконах разбиты были клумбы и садики, по их извилистым коридорам летали птицы. Птиц вообще было множество — всяких, в клетках и без; сидя на ветках деревьев или на плетях Хустов, они пели нам свои песни. Я узнал, что птицы и растения на балконах — тоже идея короля Ригеноса.

Тогда он еще не опасался элдренов и мог думать о другом.

Медленно, но верно приближался день, когда обновленный флот поднимет паруса и направится к далеким берегам Мернадина. Раньше я торопил время, с нетерпением ожидая схватки с элдренами, однако теперь меня обуревали совершенно противоположные чувства. Я не хотел расставаться с Иолиндой, любимой и такой желанной.

С немалым облегчением я узнал, что, хотя на поведение людей в обществе с каждым годом налагалось все больше малоприятных и зачастую ненужных ограничений, для незамужней женщины вовсе не считалось зазорным делить постель с возлюбленным, если только он был ей ровней по своему социальному положению. И в самом деле, разве Бессмертный, за которого меня принимали, не пара принцессе? Тем не менее наши с Иолиндой отношения сильно меня беспокоили. В них присутствовало то, что начисто опрокидывало всякие домыслы насчет «вольности нравов» или, как любят выражаться старые сплетники, «распушенности». Я имею в виду понятие, бытовавшее среди людей двадцатого столетия. Интересно, знают ли те, кто читает мои записи, что означает это словосочетание? Существует мнение, будто, когда перестают соблюдаться придуманные человеком законы и моральные предписания, особенно — в отношениях между полами, начинается всеобщая вакханалия! И мало кому приходило в голову, что люди в общем и целом довольно разборчивы в своих привязанностях и влюбляются по-настоящему лишь раз или два на протяжении всей жизни. А потом существует много других причин, по которым влюбленные,

даже убедившись в искренности чувств друг друга, не могут насладиться телесной близостью.

Я колебался, ибо, как уже говорил, мне хотелось лишь заменять Иолинде отца; она проявляла нерешительность потому, что искала доказательств того, что может полностью «доверять» мне. Джон Дейкер назвал бы сложившуюся ситуацию невротической. Быть может, она такой и была; но, с другой стороны, посудите сами, как еще вести себя девушке, чей ухажер совсем недавно материализовался из воздуха у нее на глазах?

Однако хватит. Добавлю только, что, любя и будучи любимы, спали мы раздельно и в разговорах старались не касаться этой темы, хотя я порой с трудом сдерживал себя.

А затем случилось нечто неожиданное — вожделение стало ослабевать. Моя любовь к Иолинде осталась прежней — пожалуй, даже возросла; а вот желание физической близости отошло куда-то на задний план, что было вовсе на меня непохоже — вернее сказать, непохоже на Джона Дейкера.

Между тем приближался день отплытия. Я ощущал необходимость открыться Иолинде в своих чувствах. Однажды вечером, когда мы прогуливались по балконам, я остановился, погладил Иолинду по волосам, нежно провел рукой по тыльной стороне ее шеи и мягко повернул девушку лицом к себе.

Она с улыбкой поглядела на меня; ее алые губки чуть разошлись. Я нагнулся к ней, и наши уста слились в поцелуе. Сердце мое бешено заколотилось. Я прижал девушку к себе, ощущая сквозь ткань одежды, как вздымается и опадает ее грудь. Не отрывая взгляда от личика Иолинды, я взял ее руку и приложил к своей щеке. Мои пальцы перебирали ее волосы. Мы снова поцеловались; ее дыхание было сладким и ароматным. Она вложила свою ручку мне в ладонь и открыла глаза. Я увидел, что она счастлива — счастлива на самом деле. Мы оторвались друг от друга.

Ее дыхание было уже не таким прерывистым. Она проговорила что-то, но я замкнул ей уста еще одним поцелуем. Ее взгляд выражал радость и нежность.

— Когда я вернусь, — произнес я тихо, — мы поженимся.

Она сначала как будто не поняла, но потом осознала, что я сказал, — осознала значение моих слов. Я пытался убедить ее, что она может доверять мне. Иного способа проделать это я придумать не сумел. И виной тому, быть может, неуклюжесть мышления Джона Дейкера.

Иолинда кивнула и сняла с пальца чудесной работы

золотое кольцо, украшенное жемчугом и розовых тонов цветами. Она надела его мне на мизинец.

— Залог моей любви, — промолвила она, — и знак моего согласия. А еще — талисман, который, я надеюсь, принесет тебе удачу в битвах. Когда тебя будут искушать и зачаровывать элдренские красотки, он напомнит тебе обо мне.

Последнюю фразу она произнесла с улыбкой.

— Какое, однако, полезное колечко, — хмыкнул я.

— Вот такое, — отозвалась она.

— Благодарю.

— Я люблю тебя, Эрекозе, — сказала Иолинда просто.

— Я люблю тебя, Иолинда, — ответил я и, помолчав немного, прибавил: — Но в нежные воздыхатели я, увы, не гожусь. Мне нечего подарить тебе, и оттого я чувствую себя не в своей тарелке.

— Мне довольно будет твоего слова, — сказала она. — Поклянись, что возвратишься ко мне.

Я даже растерялся. Куда же я могу деться?

— Поклянись, — повторила она.

— Клянусь, конечно, клянусь.

— Снова.

— Я готов поклясться тысячу раз, если одного недостаточно. Клянусь. Клянусь возвратиться к тебе, Иолинда, любимая, счастье мое.

Она как будто удовлетворилась этим.

В отдалении послышались торопливые шаги. Спустя какой-то миг из-за угла выбежал человек, в котором я узнал своего раба.

— О, хозяин, я насилу вас нашел. Король Ригенос послал меня за вами.

Час был поздний, и потому я слегка удивился.

— Чего хочет от меня король Ригенос?

— Не знаю, хозяин, он не сказал.

Я улыбнулся Иолинде и взял ее за руку.

— Ну что ж, идем.

7. Доспехи Эрекозе

Раб привел нас в мои собственные покои. Там никого не было, если не считать слуг.

— Где же король Ригенос? — спросил я.

— Он приказал привести вас сюда, хозяин.
Я улыбнулся Иолинде и получил улыбку в ответ.
— Что ж, подождем.

Ждать нам пришлось недолго. Сначала в моих покоях появились королевские рабы. Они принесли с собой странного вида металлические предметы, завернутые в промасленный пергамент, и сложили их в оружейной палате. Я был сильно озадачен, но старался не показывать вида.

Наконец порог переступил король Ригенос. Он казался взволнованным больше обычного. Как ни странно, Каторн его не сопровождал.

— Здравствуй, отец, — проговорила Иолинда. — Я...

Король взмахом руки остановил ее и повернулся к рабам.

— Снимайте покровы, — распорядился он. — Живее!

— Король Ригенос, — сказал я, — я хотел бы сообщить тебе, что...

— Прости, князь Эрекозе, однако взгляни сперва на то, что принесли мои рабы. Эти вещи на протяжении долгих лет хранились в сокровищнице дворца, ожидая твоего прихода.

— Моего прихода?

Когда был сорван последний кусок промасленного пергамента, взору моему открылось великолепное, захватывающее зрелище.

— Это, — произнес король, — доспехи Эрекозе. Мы освободили их из каменной темницы, что расположена глубоко под дворцом, дабы ты, Эрекозе, мог снова надеть их.

Черные и блестящие, доспехи выглядели так, словно их выковали не далее, как вчера, и руку к ним приложил величайший кузнец, какого когда-либо знало человечество. Сработаны они были на диво.

Я нагнулся, взял нагрудник и провел по нему ладонью.

В отличие от лат Имперской стражи, на моих доспехах не было никаких украшений. В наплечниках выбраны были канавки с таким расчетом, чтобы отвести удар меча, копья или пики. Подобные же канавки имелись на шлеме, нагруднике, наголенниках и всем остальном.

Металл доспехов был легким, но очень прочным, и напоминал сталь клинка; правда, он не светился тусклым черным светом, а сверкал ярко, даже ослепительно. Простые и незатейливые, доспехи красивы были красотой, которая сопутствует всякому искусному творению рук человеческих. Гребень шлема венчал алый плюмаж из конского волоса, ниспадавший по гладким боковинам. Я прикасался к доспе-

хам с благоговением, какое человек испытывает перед произведением искусства. К тому же они должны были оберегать меня в бою, так что переполнявший меня восторг нес в себе кое-что еще помимо радостного возбуждения ценителя прекрасного.

— Благодарю тебя, король Ригенос, — сказал с я искренней признательностью. — Я надену их в тот день, когда мы отправимся в поход на элдренов.

— Значит, завтра, — тихо проговорил король.

— Что?

— Корабли снаряжены, экипажи набраны, пушки расставлены по местам. Завтра будет высокая вода. Грешно упускать такой случай.

Я искоса поглядел на короля. Неужели Каторн нарушил слово и вел за моей спиной нечестную игру, убедив Ригеноса до последнего не открывать мне даты отплытия? Вряд ли; в выражении лица короля не было и намека на подобные мысли. Решив не забивать голову всякой ерундой, я перевел взгляд на Иолинду. Она казалась ошеломленной.

— Завтра, — пробормотала она.

— Завтра, — подтвердил король.

Я закурил губу.

Тогда мне надо собираться.

— Отец, — позвала Иолинда.

— Что, дочь моя? — повернулся к ней король.

Я раскрыл было рот, но что-то меня остановило. Иолинда тоже не проронила ни слова, а лишь молча смотрела на меня. Мне показалось вдруг, не знаю уж почему, что нам следует сохранить свою любовь в тайне.

Король вывел нас из затруднения, собравшись уходить.

— Остальное, князь Эрекозе, мы с тобой обсудим позже.

Я поклонился, и он вышел.

Мы с Иолиндой какое-то время без слов глядели друг на друга, а потом обнялись и заплакали.

Джон Дейкер не написал бы такого. Он посмеялся бы над подобной сентиментальностью, равно как поднял бы на смех любого, кто взялся бы доказывать полезность обучения ратному искусству. Да, Джон Дейкер не написал бы такого, но я должен это сделать.

Я с радостным волнением предвкушал грядущие сражения. Ко мне начало возвращаться прежнее восторженное состояние. Правда, мой восторг утихомиривала любовь к Иолинде. Мне представлялось, что я люблю принцессу Не-

кранала любовью чистой и возвышенной, а вовсе не плотской. Нет, мое чувство не имело с плотью ничего общего. Быть может, я испытывал куртуазную любовь, которую, если верить книгам, пэры христианского мира ставили превыше всего на свете*.

Джон Дейкер, пожалуй, упомянул бы о подавлении сексуальной энергии в том смысле, что я ищу битв, чтобы восполнить отсутствие сексуальных контактов.

Вполне возможно, что Джон Дейкер оказался бы прав. Но мне не было дела до его правоты, хотя я отдавал себе отчет, что в подкрепление подобной точки зрения можно привести множество рационалистических аргументов. Между тем дело заключалось в том, что каждый период истории характеризуется собственными нормами поведения. Общество, в котором я жил раньше, и то, в котором оказался теперь, во многом отличались друг от друга — правда, зачастую различия лежали не на поверхности. И по отношению к Иолинде я вел себя так, как было принято у них тут. Вот все, что я могу сказать. Да и последующие события, как мне кажется, тоже соответствовали духу здешнего общества.

Я взял лицо Иоланды в свои ладони, наклонился и поцеловал девушку в лоб; она на миг прильнула устами к моим губам и высвободилась.

— Мы увидимся до отплытия? — спросил я, когда она взялась за ручку двери.

— Да, любимый мой, — ответила Иолинда, — если только нам ничто не помешает.

Признаться, я расстался с Иолиндой не в печали. Еще раз осмотрев доспехи, я спустился в парадную залу, где король Ригенос в окружении военачальников изучал карту Мернадина и морского простора между землей элдренов и Некралалой.

— Завтра мы отплываем отсюда, — сказал мне король, ткнув пальцем в кружок, обозначающий Некраналь. В устье реки Друнаа, которая несла свои воды через Некраналь к морю, находился порт Нунос. Там нас поджидал остальной флот. — Боюсь, Эрекозе, без торжественных проводов нам не обойтись. Надо соблюдать обычаи. Помнится, я рассказывал тебе про них.

* Имеется в виду воспетая средневековыми трубадурами любовь рыцаря к «далекой даме». — Здесь и далее примечания переводчика.

— Да, — подтвердил я. — По правде сказать, от всяких церемоний устаешь сильнее, чем от битвы.

Военачальники рассмеялись. Они держались со мной настороже, однако в целом относились ко мне с приязнью, так как я, к своему собственному изумлению, доказал им за те долгие вечера, которые мы вместе проводили над картами, что знаю толк в ратном деле.

— Увы, от них никуда не денешься, — сказал Ригенос. — Они веселят сердца простолюдинов. И потом, провожая нас с почестями, люди скорее проникнутся важностью момента.

— Нас? — переспросил я. — Я не ослышался? Неужто король идет в поход вместе с нами?

— Да, — отозвался Ригенос тихо. — Я решил, что это необходимо.

— Необходимо?

— Да.

Я понял, что он не хочет вдаваться в объяснения, особенно в присутствии военачальников.

— Давайте вернемся к насущным делам. Завтра будет некогда, ибо подняться нам предстоит очень и очень рано.

Пока в последний раз обговаривались стратегия и тактика и обсуждались вопросы снабжения, я украдкой поглядывал на короля.

Никто не требовал от Ригеноса самолично возглавить армию. Он мог спокойно остаться в Некранале, не потеряв при этом уважения подданных. Однако он принял решение, которое подвергало его жизнь опасности и которое требовало от короля совершенно несвойственных ему деяний.

Что подтолкнуло его принять такое решение? Может, ему хотелось доказать самому себе, что он способен сражаться? Вряд ли; ведь он участвовал во многих сражениях. Потому, что завидовал моей славе? Или потому, что не до конца доверял? Я бросил взгляд на Каторна, но на лице того не было написано удовлетворения. Каторн оставался прежним Каторном, угрюмым и молчаливым.

Я мысленно пожал плечами. Такого рода размышления никуда меня не приведут. Как бы там ни было, король, хотя он отнюдь не пышет здоровьем, отправляется в поход вместе с нами. Его присутствие вдохновит воинов и в какой-то мере поможет мне справиться с амбициями Каторна.

Закончив совет, мы разошлись. Вернувшись в свои покои, я прямиком отправился в постель. Прежде чем заснуть, я некоторое время лежал с открытыми глазами, думая об

Иолинде и о плане битвы, который помогал составлять, гадая, каковы в бою элдрены, — я до сих пор не имел представления ни о том, как они сражаются (не считая того, что они «коварны и злы»), ни о том, как они выглядят (не считая того, что они напоминают «демонов из преисподней»).

Ничего, скоро я получу ответы хотя бы на часть своих вопросов. С этой мыслью я заснул.

В ночь перед отплытием мне снились странные сны.

Мне снились озера и болота, крепости и войска, пики, которые изрыгали пламя, и металлические летающие машины, чьи крылья двигались наподобие крыльев гигантских птиц. Мне снились чудовищных размеров фламинго и причудливые шлемы-маски в виде морды того или иного животного.

Мне снились драконы, огромные ящеры со жгучими жа-лами, устремившие свой полет к угрюмому, сумрачному небу. Мне снился прекрасный город, охваченный пламенем пожаров. Мне снились нелюди, которые, как я знал, были богами. Мне снилась женщина, которую я не мог назвать по имени; мне снился низкорослый мужчина с рыжими волосами, который как будто был моим другом. И меч — громадный черный клинок, превосходивший могуществом оружие, которым я владел ныне; меч, который каким-то непонятным образом был мной!

Мне снилась ледяная равнина, по которой мчались большие корабли с раздутыми парусами. Черные, похожие на китов животные перемещались по бескрайней белой пустыне.

Мне снился мир — или то была вселенная? — без горизонта, зато с мозаичной атмосферой из драгоценных камней, которая изменяла время. Люди и предметы возникали из нее лишь затем, чтобы тотчас исчезнуть. Я был уверен, что это не Земля. Я находился на борту звездолета, который бороздил просторы неизвестного человеку Пространства.

Мне снилась пустыня: я брел по ней в слезах, ощущая одиночество, равного которому не испытывал никто и никогда.

Мне снились джунгли, джунгли первобытных деревьев и гигантских папоротников. А за папоротниками проглядывали высокие, странного вида здания. В руке моей было оружие, не меч и не пистолет, но куда более грозное.

Я скакал на диковинных животных и встречался с диковинными людьми. Я видел ландшафты, что потрясали своей красотой, и те, что вызывали отвращение и омерзение. Я пилотировал летающие машины и звездолеты и был возничим колесницы. Я ненавидел, и я любил. Я создавал империи и нес гибель народам; я убивал и сам был убит несчетное количество раз. Я торжествовал победу и терпел унижения. У меня было много имен. Память моя не в состоянии была вместить их все. Их было слишком много. Слишком...

И не было ни дня покоя. Непрерывный, вечный бой.

8. Отплытие

Настроение у меня, когда я проснулся поутру, было после таких снов не из лучших. Больше всего мне хотелось одного. Мне хотелось сигары «Коронас Майор» фирмы «Аппман».

Я постарался прогнать наваждение. Насколько я помнил, Джон Дейкер никогда в жизни не курил аппмановской сигары. Он вообще не в состоянии был отличить один сорт сигар от другого! Откуда взялось это воспоминание? На память мне пришло новое имя — Джеремиа. Оно показалось мне смутно знакомым.

Я сел в постели и огляделся, и понял, где нахожусь. Имена из снов растаяли, словно их и не было. Я встал и прошел в соседнюю комнату. Там рабы готовили мне ванну. С облегчением я препоручил себя их заботам и, совершая омовение, начал потихоньку припоминать, что у нас тут происходит. Однако чувство угнетенности осталось, и я вновь задал себе тот же вопрос: не сошел ли я с ума и не переживаю ли сейчас сложную шизофреническую галлюцинацию?

Рабы внесли мои доспехи, и я почувствовал себя много лучше. И снова меня восхитила красота доспехов и искусство выделки.

Пришло время облачаться в них. Сперва я одел исподнее, на него — нечто вроде стеганого комбинезона, а уже сверху — латы. Я ни разу не запутался в завязках и застежках. Впечатление было такое, словно я носил доспехи с первого дня своей жизни. Они были удобными, закрывали все тело и почти ничего не весили.

Затем, пройдя в оружейную палату, я снял со стены свой

клинок, перетянул себя в талии поясом из металлических колец и прицепил к нему ножны с мечом так, чтобы они находились у меня на левом бедре. Потом мотнул головой, откидывая назад алый плюмаж шлема, и поднял забрало.

Рабы проводили меня вниз, в Приемную залу дворца, где собрались пары человеческого мира перед отплытием из Некранала.

Шпалеры, что раньше покрывали стены из чеканного серебра, убрали; их место заняли сотни боевых знамен. Там были знамена маршалов, военачальников, знатных рыцарей, что присутствовали здесь. Воины стояли в торжественном построении: самые знатные впереди, за ними чуть менее знатные и так далее.

На специально воздвигнутом подиуме высился королевский трон. Подиум покрыт был тканью изумрудно-зеленого цвета; трон осеняли боевые штандарты двух континентов. Я занял свое место рядом с подиумом. Установилась напряженная тишина: все ждали короля. Меня предварительно проинструктировали, как мне надлежит себя вести во время церемонии.

Взрвели фанфары, на галерее наверху загрохотали войсковые барабаны. В дверях залы появился король.

Ригенос облачен был в сверкающие позолотой доспехи, поверх которых он набросил белый с красным плащ. Шлем венчала железная корона с драгоценными камнями. В этом одеянии он словно стал выше ростом. Царственной походкой он пересек залу, поднялся на подиум и уселся на трон, положив руки на подлокотники кресла.

Мы отсалютовали ему.

— Славься, король Ригенос! — раздался громовый клич.

Затем мы преклонили колена. Первым это сделал я. Моему примеру последовали немногочисленные маршалы, сотня военачальников и пять тысяч рыцарей. У дверей застыли в почетном карауле стражники. Вдоль стен выстроились вельможи преклонных лет, придворные дамы, оруженосцы, рабы, управители всех кварталов Некранала и всех провинций обоих континентов.

И все взгляды обращены были на Ригеноса и его полководца Эрекозе.

Король встал и сделал шаг вперед. Лицо его было жестким и суровым. Я и не предполагал, что он может выглядеть так величественно.

Я ощутил, что оказался в центре внимания. Люди знали,

что я, Эрекозе-Воитель, Защитник Человечества, пришел, чтобы спасти их.

И я разделял их веру в себя.

Король Ригенос воздел руки, развел их в стороны и заговорил:

— Слушайте меня, Эрекозе-Воитель, маршалы, военачальники и рыцари! Мы выступаем на битву с нелюдью. Нам предстоит сражаться за собственное выживание. Мы должны сохранить наши прекрасные земли от поругания. Тот, кто победит в этой войне, станет властелином всей Земли. А прах побежденных развеет по ветру, чтобы самая память о них стерлась. Наш поход решит судьбу войны. Ведомые Эрекозе, мы захватим порт Пафанааль и его окрестности. Вот наша первая задача.

Король помолчал немного, потом заговорил снова. Его голос был отчетливо слышен в почти мертвой тишине, которая установилась в Приемной зале.

— Нам нельзя успокаиваться. За первой битвой последуют вторая и третья. С ненавистными Псами Зла надо покончить раз и навсегда. Не шадите никого, даже детей! Однажды мы уже загнали их обратно в Горы Печали, но теперь мы должны извести их под корень! Пусть только память о них сохранится, да и то ненадолго — чтобы мы не забывали, каково зло!

По-прежнему стоя на коленях, я поднял обе руки над головой и потряс сжатыми кулаками.

— Эрекозе! — продолжал король. — Повинуясь своей бессмертной воле, ты снова обрел плоть и пришел к нам в час тревог. Под твоим началом мы уничтожим элдренов. Ты — Серп Человечества, который скосит полчища элдренов как сорную траву. Ты — Заступ Человечества, который откроет их из-под земли. Ты — Огонь Человечества, который выжжет их берлоги. Ты — ветер, который развеет их пепел, Эрекозе! Ты искоренишь элдренов!

— Я искореню элдренов! — воскликнул я, и голос мой, гулким эхом отразившийся от стен Приемной залы, показался мне самому голосом Господа. — Я сокрушу врагов человечества! Сжимая в руке меч Канайану, я нападу на них с жаждой мести, ненавистью и злобой в сердце и покончу с элдренами!

За моей спиной раздался могучий крик:

— **МЫ ПОКОНЧИМ С ЭЛДРЕНАМИ!**

Король поднял голову. Глаза его сверкали, губы были плотно сжаты.

— Клянитесь! — приказал он.

Атмосфера ненависти и ярости, царившая в Приемной зале, проникла в наши сердца.

— Клянемся! — проревели мы. — Клянемся сокрушить элдренов!

Ненависть отразилась во взгляде короля, придавала звучности его голосу:

— Ступайте же, паладины человечества! Ступайте, чтобы покончить с элдренами! Очистьте нашу планету от нечисти!

Мы разом поднялись с колен, не ломая строя, повернулись и, возглашая боевые кличи, вышли из Приемной залы Дворца Десяти Тысяч Окон на двор, где нас поджидали толпы простолюдинов.

Мне не давала покоя мысль об Иолинде. Где она? Почему не пришла? Да, церемониал начался рано утром, но могла бы, в конце концов, хотя бы прислать записку.

Торжественная процессия вышла за стены цитадели и по извилистым улочкам Некранала направилась к гавани. Доспехи, клинки и копья сверкали в лучах утреннего солнца. Ветер шевелил флаги бесчисленных цветов и оттенков.

Я шел впереди, я возглавлял войско — я, Эрекозе, Вечный Воитель, Полководец, Мститель. Руки мои воздеты были в воздух, как будто я заранее торжествовал победу. Меня переполняла гордость. Я познал славу и теперь наслаждался ею. Это была жизнь, которой стоило жить, — жизнь воина, восначальника, солдата.

Наш путь лежал к гавани, где наготове стояли корабли. Внезапно на память пришли слова песни, маршевой песни, сочиненной, должно быть, в глубокой древности. Я запел, и тут же все те, кто шагал следом за мной, подхватили песню. Застучали барабаны, загудели трубы; тысячи глоток славили кровавую жатву на полях Мернадина.

Вот так мы и шли, чеканя шаг. Вот таковы были наши чувства.

Подождите судить меня, пока не узнаете, что случилось потом.

Процессия достигла излучины реки, где была гавань и где нас поджидали корабли — пятьдесят кораблей, над которыми развевались пятьдесят штандартов пятидесяти славных паладинов.

Да, всего лишь пятьдесят кораблей. Основные силы флота находились в Нуносе, Городе Сверкающих Башен.

Речные берега густо усеяны были жителями Некраналья. Шум стоял невообразимый, однако мы вскоре привыкли к нему. Это как грохот прибоя: постепенно свыкаешься с ним настолько, что перестаешь слышать.

Я окинул взглядом корабли. На палубах поставлены были богато украшенные каюты; разноцветные паруса, в которых пока не было надобности, скатали и привязали к стенам. Весла вставили в уключины и опустили в спокойную воду реки. Гребцы расселись по скамьям, по трое на весло. Как я заметил, они были не рабами, а свободными воинами.

Ближе всех к выходу из гавани стояла королевская боевая ладья. Имея восемьдесят пар весел и восемь высоких мачт, она подавляла своими внушительными размерами. Её борта выкрашены были в красный, золотистый и черный, палубы отсвечивали багрянцем, на парусах соседствовали желтый, темно-голубой и оранжевый, а фигура богини с мечом в вытянутых руках на носовой части была серебристо-алой. Изысканно украшенные палубные каюты сверкали свежена-несенным лаком; с их стенок взирали на торжество древние герои рода человеческого, среди которых я узнал себя, хотя сходство было весьма отдаленным; еще там нарисованы были эпизоды былых сражений, мифические животные, демоны и боги.

Оставив войско маршировать по набережной, я по укрытым ковром сходням поднялся на борт королевской ладьи. Мне навстречу устремились моряки.

Один из них сказал:

— Ваше высочество, принцесса Иолинда ожидает вас в Парадной каюте.

Перед тем как войти внутрь, я постоял немного у входа, любясь красотой сооружения и с улыбкой поглядывая на собственную физиономию на стене.

Потом отворил дверь и, пригнувшись, прошел во внутренние покои. Пол, стены и даже потолок обиты были ворсистыми коврами с темно-красными, золотистыми и черными узорами. С потолка свисали фонари. В полумраке я разглядел Иолинду. На ней было простое платье и легкий темный плащ.

— Я не хотела отвлекать тебя утром, — сказала она. — Отец говорил, что вам всем будет некогда. Поэтому я решила не докучать тебе.

Я улыбнулся.

— Ты мне по-прежнему не веришь, Иолинда? Ты не

веришь моим словам о любви, не веришь, что ради тебя я готов на любой подвиг. Ведь так?

Я обнял девушку.

— Люблю тебя, Иолинда, и буду любить до конца своих дней.

— И я, Эрекозе. Ты будешь жить вечно, однако...

— Почему ты в этом так уверена? — спросил я тихо. — Не надо считать меня неуязвимым, Иолинда. Если хочешь, я могу показать тебе царапины и синяки, которые получил, практикуясь с оружием.

— Ты не умрешь, Эрекозе.

— Мне бы твою уверенность.

— Не смейся надо мной, Эрекозе. Я не желаю, чтобы ко мне относились покровительственно!

— Я вовсе не смеюсь над тобой, Иолинда, не говоря уж обо всем остальном. Просто ты должна взглянуть в лицо правде, понимаешь?

— Хорошо, — проговорила она. — Я поступлю так, как ты советуешь. Но я чувствую, что ты не умрешь. Порой у меня бывают такие странные предчувствия. Мне кажется, нас ожидает нечто худшее, чем смерть.

— Твои опасения естественны, но необоснованны. Не надо печалиться, милая. Взгляни на мои чудесные доспехи, на клинок, который висит у меня на поясе, на войско, которым я команду, наконец!

— Поцелуй меня, Эрекозе.

Я выполнил ее просьбу. Мы долго не могли оторваться друг от друга, потом Иолинда высвободилась и выбежала из каюты.

Я устался на захлопнувшуюся за девушкой дверь. Меня подмывало броситься следом, найти Иолинду, постараться ее успокоить. Но я знал, что не сумею этого сделать. Ее страхи были не то чтобы иррациональными, однако они возникли не на пустом месте; причиной их, как я подозревал, было недавнее Иолинду чувство незащищенности. Я пообещал себе, что как-нибудь выберу время и попробую втолковать ей, что опасаться нечего. Я научу ее верить и доверять.

Зазвучали фанфары. На борт корабля поднимался король.

Спустя несколько секунд он вошел в каюту, на ходу стягивая с себя увенчанный короной шлем. За ним следовал вечно мрачный Каторн.

— Народ ликует, — заметил я. — Похоже, церемония удалась на славу, король Ригенос.

Он устало кивнул.

— Да.

Торжественные проводы, по всей видимости, сильно утомили его; он опустился на стул в углу и приказал принести вина.

— Скоро уже отплываем. Когда точно, Каторн?

— В пределах четверти часа, государь, — Каторн принял из рук раба кувшин с вином и наполнил кубок Ригеноса, даже не поглядев в мою сторону.

Король шевельнул рукой.

— Не хочешь ли выпить вина, князь Эрекозе?

Я отказался.

— Твои слова, король, запали мне в душу, — проговорил я. — Ты разбудил в нас зверей.

Каторн фыркнул.

— Будем надеяться, они не заснут до встречи с врагом. В наших рядах хватает новобранцев. Половина войска знает, что такое настоящий бой, только понаслышке. Через одного — молокососы, а, по слухам, в отдельные части набирали даже женщин.

— Мрачновато ты настроен, князь Каторн, — подколот его я.

— Какие дела, такой и настрой, — проворчал он. — Можно устроить показуху, чтобы повеселить простолюдинов, но вовсе не обязательно верить в нее самим. Уж кому, как не тебе, знать это, Эрекозе; уж кому, как не тебе, знать, что война — это боль, страх и смерть, и больше ничего.

— Ты забываешь, что я смутно помню свое прошлое, — сказал я.

Каторн хмыкнул и одним глотком опустошил кубок с вином. Со стуком поставив его на стол, он вышел из каюты, проронив лишь:

— Пойду прослежу за отплытием.

Король кашлянул.

— Вы с Каторном, — начал было он и остановился. — Вы...

— В приязни друг к другу нас не упрекнешь, — согласился я. — Мне не по нраву его угрюмость и недоверчивость, а он считает меня жуликом, изменником, быть может, лазутчиком.

Король кивнул.

— Он не раз заводил со мной такие разговоры, — Ригенос отпил вина. — Я сказал ему, что собственными глазами

видел, как ты материализовался, что ты, без сомнения, Эрекозе, что у нас нет причин не доверять тебе, однако он продолжает упорствовать. Как ты думаешь, почему? Ведь он отважный воин и мыслит всегда весьма здраво.

— Завидует, — ответил я. — Я перебежал ему дорогу.

— Но он же был заодно со всеми на том совете, где решено было, что нам нужен новый полководец, чтобы вдохновить людей на войну против элдренов!

— Быть может, он не ожидал от меня такой прыти. Какая, впрочем, разница? — заметил я, пожимая плечами. — Думаю, мы с ним нашли общий язык.

Погруженный в размышления, король не обратил внимания на мои слова.

— Вот оно, наверно, что, — пробормотал он. — Боюсь, к ратным делам ваше соперничество не имеет никакого отношения.

— То есть?

Он посмотрел мне в глаза.

— Пожалуй, всему виной любовь, Эрекозе. Раньше Иолинда явно выделяла Каторна.

— В этом, похоже, что-то есть. Но опять же, я тут ни при чем. Иолинда сама предпочла меня ему.

— Каторн, скорее всего, считает, что она воспылала страстью не к конкретному человеку, а к придуманному образу.

— А твое мнение?

— Не знаю. Мы с Иолиндой об этом не говорили.

— Что ж, — сказал я, — подождем возвращения из похода. Тогда, надеюсь, все прояснится.

— Неизвестно, вернемся ли мы, — возразил король. — Тут я согласен с Каторном. Переоценка собственных сил часто приводила к поражению в битве.

Я кивнул.

— Быть может, ты прав.

Снаружи послышались громкие крики. Корабль качнуло — видно, матросы обрубили швартовы и выбрали якорь.

— Идем, — сказал король. — От нас ждут, что мы поднимемся на палубу.

Торопливо допив вино, он водрузил на голову шлем. Мы вместе вышли из каюты. Завидев нас, толпа на берегу загомонил громче.

Мы стояли на палубе, прощаясь с жителями Некраналя; тем временем барабаны начали выстукивать медленный ритм

для гребцов. Внезапно я увидел Иолинду: она сидела в своем экипаже, вполоборота к реке, не отрывая глаз от нашего корабля. Я помахал ей, и она ответила мне тем же.

— Прощай, Иолинда, — прошептал я.

Проходивший мимо Каторн метнул на меня циничный взгляд.

Прощай, Иолинда.

Ветер утих. В безоблачном небе ярко пылало солнце, и я совсем запарился под доспехами.

Стоя на корме раскачивающегося корабля, я продолжал махать рукой Иолинде, пока мы не миновали излучину реки. Поворот скрыл от нас гавань, но еще долго маячили позади высокие шпили Некраналья и слышался отдаленный шум множества людских голосов.

Мы быстро двигались вниз по течению реки Друнаа, направляясь к Нуносу, Городу Сверкающих Башен, где ждал нас весь остальной флот.

9. В Нуносе

О, эти жестокие, кровавые войны...

— На самом деле, епископ, вы просто никак не поймете, что дела человеческие делаются не словами, а поступками.

Спорные доводы, неубедительные мотивы, цинизм под маской прагматизма.

— Не желаешь ли отдохнуть, сын мой?

— Как я могу отдыхать, отец, если орда язычников уже вышла к Данубе?

— Мир...

— Неужели они согласятся?

— Кто знает?

— Они не удовлетворятся Вьетнамом. Они не успокоятся, даже завладев всей Азией... а потом и всем миром.

— Мы не звери.

— Мы должны ими стать. С волками жить — по-волчьи выть.

— Однако если мы попробуем...

— Пробовали.

— Разве?

— С пламенем надо бороться огнем.

— А иного пути нет?

— Дети...

— Иного пути нет.

Ружье. Меч. Бомба. Лук. Вибропистолет. Пика-огнемет.
Топор. Булава.

— Иного пути нет.

В ту ночь на борту флагманского корабля я спал плохо. С мерным плеском погружались в воду весла, неумолчно рокотали барабаны, поскрипывали тимберсы, ударяли в борт волны. Усталый мозг терзали галлюцинации, которые никак не хотели оставить меня в покое. Обрывки разговоров. Случайные фразы. Лица. Тысяча моментов времени. Миллион лиц. Но ситуация неизменно повторялась: суть спора, который велся на бесчисленном множестве языков, сохранялась в неприкосновенности.

Лишь когда я встал с койки, голова моя прояснилась. Поразмыслив, я решил подняться на палубу.

Кто я такой? Откуда это ощущение, будто я навеки обречен скитаться из эпохи в эпоху, возрождаясь к жизни всякий раз для одного и того же? Какую шутку, какую злую шутку сыграли со мной космические силы?

Ночной ветерок охлаждал лицо. Прорехи в легком облачном слое располагались столь причудливым образом, что проникавшие сквозь них лучи луны выглядели спицами некоего гигантского колеса. Казалось, Господня колесница, прорвав покров облаков, нашла опору в более плотном воздухе ниже.

Я бросил взгляд на реку и увидел, что в воде отражаются облака; я увидел, как они разошлись, освобождая дорогу луне. Эта луна ничуть не отличалась от той, за которой я наблюдал в бытность Джоном Дейкером. Бледная и холодная, она с довольной усмешкой взирала на выходы и выкрутасы обитателей той планеты, вокруг которой обращалась. Сколько она видела катастроф, бессмысленных крестовых походов, войн, сражений и смертей?

Облака снова сомкнулись, и воды реки потемнели, словно говоря, что мне никогда не найти ответа на мои вопросы.

Я перевел взгляд на берег. С обеих сторон нас окружал густой лес. Темные верхушки деревьев вырисовывались на фоне чуть более светлого неба. Изредка подавали голос ночные животные. В их жалобных криках мне слышались страх и тоска одиночества. Вздохнув, я оперся на поручень и усталился на воду. Весла поднимали фонтаны серых брызг.

Надо свыкаться с мыслью, что мне вновь предстоит бой. Вновь? Разве я сражался когда-либо прежде? Что скрывают мои размытые воспоминания? Что означают мои сны?

Проще всего было бы предположить (как наверняка поступил бы Джон Дейкер), что я сошел с ума. Моя фантазия разгулялась. Быть может, Джон Дейкер — еще один фантом, порожденный больным сознанием?

Мне вновь предстоит сражаться.

Тут, ничего не поделаешь. Я смирился с отведенной мне ролью и потому должен доиграть ее до конца.

Лишь когда закатилась луна и небо на востоке посветлело, смятенные мысли отступили.

У меня на глазах встало солнце: огромный алый диск торжественно поднялся над горизонтом, как будто пожелал узнать, откуда исходят звуки, что потревожили его покой, — рокот барабана и скрип весел в уключинах.

— Не спится, князь Эрекозе? Ждешь не дождешься битвы?

Только Каторна с его насмешками мне сейчас и не хватало.

— Интересно, кому я мешаю, наблюдая за восходом солнца? — бросил я.

— И за закатом луны, — прибавил Каторн. Тон, каким он произнес эти слова, заставил меня насторожиться. — Я погляжу, тебе по нраву ночная пора, князь Эрекозе.

— Не спорю, — отозвался я важно. — Лишь ночью мы можем без помех предаваться размышлениям.

— Да, ты прав. Кстати сказать, в тебе есть нечто общее с нашими врагами.

Я резко повернулся и окинул его гневным взглядом.

— Что ты имсешь в виду?

— По слухам, элдрены тоже предпочитают ночь дню.

— Значит, нам повезло, князь, — проговорил я, — ведомые мною, наши воины будут крушить элдренов и при свете, и в темноте.

— Надеюсь, что так.

— Почему ты не доверяешь мне, князь Каторн?

Он пожал плечами.

— С чего ты взял? Мы же дали друг другу слово.

— Я помню.

— И я не забываю. Не беспокойся, в битве мы будем заодно. Подозрения подозрениями, но ты — мой командир, и я повинуюсь тебе.

— Тогда я прошу тебя: оставь свои подковырки. С их помощью ты ничего не добьешься.

— Ты зря так думаешь, князь Эрекозе. Никого особо не задевая, я между тем облегчаю душу.

— Я принес обет служить человечеству, — воскликнул я.
— Я буду биться за короля Ригеноса. Мое бремя, князь Каторн, и без того тяжело.

— Искренне тебе сочувствую.

Я отвернулся. Кажется, я чуть было не сморозил глупость. Подумать только, я собрался просить Каторна о снисхождении, жалуясь на бесчисленные заботы!

— Благодарю, князь Каторн, — холодно проговорил я. Река сделала очередной поворот, и, мне показалось, впереди мелькнуло море. — Приятно, когда тебя понимают.

Я хлопнул себя по щеке. На корабль опустилось облако мошканы.

— Откуда их столько, таких кусачих?

— На твоём месте, князь, я бы избавил себя от их домогательств, — заметил Каторн.

— Пожалуй, так и сделаю. Пойду вниз.

— Доброго утра, князь.

— Доброго утра, князь Каторн.

Он остался стоять на палубе.

Сложись обстоятельства по-иному, подумалось мне, я бы его убил.

Судя по всему, Каторн будет лезть вон из кожи, чтобы покончить со мной. Неужели Ригенос был прав, неужели Каторн, завидуя моей воинской славе, еще ревнует ко мне Иолинду?

Умывшись и надев доспехи, я немного успокоился и решил не изводить себя никчемными домыслами. Услышав крик рулевого, я поднялся на палубу — посмотреть, что случилось.

Показался Нунос. Мы столпились на носу корабля, торопясь увидеть воочию прославленный в сказаниях город. От блеска башен, которые на самом деле были сверкающими, у нас заболели глаза. Город лучился светом; его окружала серебристая аура, испещренная сотней других цветов и оттенков, начиная от зеленого с фиолетовым и кончая розовым, лиловым, желтым и красным. Цвета перемеживались между собой в ярком свечении, которое возникало из сияния мириадов самоцветов.

А за Нуносом раскинулось море. Тихое и спокойное, оно нежилось в лучах утреннего солнца.

Город приближался, и речные берега расходились все шире. Наш корабль вошел в устье реки. Мы старались держаться правого берега, — того, на котором стоял Нунос. Среди лесистых прибрежных холмов изредка попадались деревушки. Некоторые из них являли собой очаровательное зрелище, но не шли ни в какое сравнение с великолепием Нуноса.

Над головами слышались крики чаек. Шумно хлопая крыльями, птицы расселись на мачтах и тут же затеяли свару — наверно, из-за того, кому где сидеть.

Барабанный бой стал реже; войдя в гавань, мы потихоньку начали табанить. Остальные корабли не пошли за нами, а бросили якорь. Они присоединятся к нам позже, когда лоцман определит им место стоянки.

Медленно продвигаясь вперед, мы подняли над нашей ладьей штандарты короля Ригеноса и мой собственный — серебряный меч на черном поле.

Толпа на берегу, которую сдерживали солдаты в стеганых кожаных куртках, заволновалась и зашумела. Мы пришвартовались и бросили сходни. Едва я ступил на берег, толпа загудела, произнося нараспев одно и то же слово. Разобрав, что они поют, я почувствовал себя неловко.

— ЭРЕКОЗЕ! ЭРЕКОЗЕ! ЭРЕКОЗЕ! ЭРЕКОЗЕ!

Правитель Нуноса принц Бладах торжественно приветствовал нас, но слов его речи совсем не было слышно. Я поднял руку в салюте и даже пошатнулся — так оглушительно взревела толпа. Я едва удержался от того, чтобы заткнуть уши. По заполненным народом городским улицам мы отправились во дворец принца, где нам приготовлены были покои.

Сверкающие башни поражали красотой и пышностью, особенно в сравнении с низенькими, приземистыми домиками горожан, многие из которых нельзя было назвать иначе как лачугами. Единого взгляда на них было достаточно, чтобы понять, откуда взялись деньги на отделку башен рубинами, жемчугами и изумрудами.

Будучи в Некранале, я как-то не замечал столь явного контраста между богатством и бедностью. То ли меня пленила новизна впечатлений, то ли кварталы бедноты в столице королевства, если таковые существовали вообще, были прибраны к моему появлению в городе.

А на улицах Нуноса мне то и дело бросались в глаза люди в лохмотьях вместо одежды. Правда, они радовались и шумели не меньше своих хорошо одетых сограждан. Быть может, они видели источник всех несчастий в элдре-нах.

Принц Бладах был человеком лет порока пяти с желтоватым лицом, длинными обвислыми усами и бледными водянистыми глазами. Повадкой он напоминал раздражительного, но привередливого хищника. Выяснилось, чему я ни в малой степени не удивился, что он не присоединится к нам, а останется «защищать город» — вернее сказать, свои сокровища.

— О, сир, — проговорил он, когда нам навстречу распахнулись сверкающие ворота дворца (которые, кстати сказать, не мешало бы почистить), — мой дворец в распоряжении короля Ригеноса и князя Эркозе. Если вам что-нибудь нужно...

— Еды, погорячей и попроще, — перебил король, вторя моим невысказанным мыслям. — И никаких пиров. Я же предупреждал тебя, Бладах, чтобы ты не устраивал больших торжеств.

— Я так и поступил, сир, — на лице Бладаха отразилось облегчение. Он не производил впечатление человека, которому нравится тратить деньги. — Я так и поступил.

Поданные кушанья и в самом деле оказались простыми — и не слишком хорошо приготовленными. Принц Бладах разделил с нами трапезу вместе со своей пухленькой и глуповатой женой, принцессой Ионанте, и двумя заморенного вида детьми. Я развеселился, подумав о том, в каком разительном несоответствии находится образ жизни правителя Нуноса со сверкающим великолепием городских башен.

Чуть погода для совета с королем и со мной прибыли военачальники, которые дожидались нас в Нуносе уже несколько недель. Среди них оказался и Каторн, который весьма толково и сжато изложил план ведения войны, разработанный пами в Некранале.

На том совете присутствовало немало славных воинов — граф Ролдеро, дородный мужчина, чьи доспехи, наравне с моими, лишены были всяких украшений; принц Малихар и его брат, герцог Эзак, не раз обнажавшие клинки в битвах; граф Шанура из Каракоа, одной из самых отдаленных и варварских провинций. Длинные волосы Шануры заплетены были в три косицы, бледное и худое лицо вдоль и поперек

исполосовали шрамы. Рот он открывал редко — обычно для того, чтобы задать какой-нибудь конкретный вопрос.

Разнообразие одежд и лиц поначалу меня удивило. Похоже, подумал я с иронией, здесь род людской разобщен вовсе не так сильно, как это было в мире, который покинул Джон Дейкер. Однако вполне возможно, что их объединило только наличие общего врага. Когда с ним покончат, всякому единению, пожалуй, придет конец. Граф Шанура, например, без особого, как мне показалось, восторга выслушивал приказы короля Ригеноса, который, скорее всего, казался варвару слишком уж мягкосердечным.

Мне оставалось лишь надеяться, что я сумею примирить их всех между собой на пользу грядущим сражениям.

Наконец обсуждение закончилось. Я успел перемолвиться словом с каждым из военачальников. Король Ригенос поглядел на стоявшие посреди стола бронзовые часы, циферблат которых имел шестнадцать делений.

— Время близится, — сказал он. — У нас все готово?

— Что касается меня, я был готов давным-давно, — проворчал граф Шанура. — Я даже начал бояться, что мои корабли так и сгниют тут на приколе.

Остальные подтвердили, что готовы будут сняться с якоря через час или около того.

Мы с Ригеносом поблагодарили Бладаха и его семью за гостеприимство. Они как будто немало обрадовались нашему уходу.

Мы поспешили в гавань. Я только сейчас заметил, что королевская ладья называлась «Иолинда». Раньше мне было не до названия корабля, ибо я поглощен был мыслями о женщине, которая носила то же имя. В порту мы увидели и другие корабли из Некранала. Моряки развлекались, торопясь напоследок урвать от жизни, что получится, а рабы грузили в трюмы продовольствие и снаряжение.

Я еще не совсем оправился от тех странных полуснов, которые мучили меня прошлой ночью, однако во мне зрело радостное возбуждение. Конечно, до Мернадина путь неблизкий, но на меня благотворно действовала сама перемена обстановки. По крайней мере я смогу забыть то, что меня гложет. Мне вспомнилась «Война и мир», где Пьер, обращаясь к Андрею, говорит, что все люди по-своему стараются забыть о смерти. Кто распутничает, кто играет, кто пьянствует, — а кто, как ни странно, воюет. Откровенно говоря, меня одолевали думы не о смерти, а, скорее, о бессмертии, о вечной жизни вечного солдата.

Узнаю ли я когда-нибудь правду? Я не был уверен, что мне этого хочется. Я боялся правды. Я не был божеством, чтобы, не моргнув глазом, принять ее, какой бы она ни оказалась. Я был человеком. Мои заботы, мои амбиции и чувства были чисто человеческими. Но оставался вопрос: как мне удалось переродиться, как я стал тем, кем стал? Неужели я и в самом деле бессмертен? Неужели моей жизни нет ни начала, ни конца? И потом, как быть тогда с природой времени? Я уже не в состоянии воспринимать Время как линейную протяженность, что с успехом делал в свою бытность Джоном Дейкером. Время лишилось пространственных очертаний.

Чтобы разобраться, мне нужна помощь философа, ученого, на худой конец, волшебника. Или само забудется? Забудется ли? Надо попытаться.

Чайки с криками взвились в воздух, когда паруса наполнились ветром. Якоря были выбраны, швартовы отданы. Под скрип тимберсов и плеск весел «Иолинда» устремилась в открытое море.

10. Первая встреча с элдренами

Наш флот представлял собой внушительное зрелище. В него входили боевые корабли многих разновидностей. Среди них были такие, которые напомнили бы Джону Дейкеру чайные клипперы девятнадцатого столетия; другие походили на джонки, на средиземноморские шхуны с треугольными парусами или на елизаветинские каравеллы. Разделенные на эскадры по провинциям, они символизировали, как мне казалось, различия и единство человечества. Я гордился ими.

Возбужденные, взволнованные, готовые ко всему и уверенные в победе, мы отплыли из Нуноса и взяли курс на морские ворота Мернадина — крепость Пафанааль.

Мне хотелось побольше узнать об элдренах. Смутные воспоминания о битвах против них и почему-то ощущение душевной боли — вот все, что я смог извлечь из памяти о прошлой жизни Эрекозе. Я слышал, что главное отличие элдренов от людей состоит в том, что глаза их лишены хрусталика. Говорили, что элдрены нечеловечески красивы, нечеловечески жестоки и просто невероятно похотливы. Говорили, что они чуть выше среднего роста, что головы у них

большие, лица скуластые, а глаза слегка косят. Мне приходилось верить на слово, ибо на обоих континентах изображений элдренов было днем с огнем не сыскать. Считалось, что подобные изображения приносят несчастье, особенно если на них прорисованы дурные глаза элдренов.

Во время нашего плавания, если позволяла погода, к флагманскому кораблю то и дело подваливали лодки с военачальниками. Мы выработали общую стратегию и составили план действий на случай непредвиденных обстоятельств. О надобности последнего заговорил я; мысли остальных никогда не обращались в эту сторону, но военачальники быстро ухватили основную идею. К настоящему времени мы обсудили все весьма подробно. День за днем воинам на каждом из кораблей втолковывали, как себя вести, когда покажется флот элдренов, если он, конечно, покажется. Если нет, то часть наших кораблей отправится напрямик к Пафанаалю и атакует крепость. Однако мы предполагали, что элдрены все-таки попытаются перехватить нас в море, и строили планы, основываясь на вероятности именно такого поворота событий.

Мы с Каторном, как могли, избегали друг друга. В первые дни плавания словесных дуэлей вроде тех, что происходили между нами в Некранале и на реке Друнаа, не возникало. Если нужно было, я его вежливо о чем-нибудь спрашивал, а он мрачно, но не менее вежливо мне отвечал, и наоборот. Король Ригенос был доволен и сказал мне, что рад тому, что мы уладили наши разногласия. На самом деле мы, разумеется, ничего не уладили. Мы просто выжидали. Я знал, что так или иначе мне придется сразиться с Каторном, что он не успокоится, пока не убьет меня или не погибнет сам.

Я привязался к графу Ролдеро из Сталако, несмотря на то, что, едва заходила речь об элдренах, он первым и громче всех начинал требовать их крови. Джон Дейкер, пожалуй, назвал бы его реакционером, но наверняка подружился бы с ним. Это был жесткий, решительный и честный человек, который не скрывал собственных мыслей и терпимо относился к мнению других, ожидая того же и от них. Я как-то заметил, что он слишком упрощенно смотрит на мир, различая лишь черный и белый цвет. Устало улыбнувшись, он ответил:

— Эрекозе, друг мой, повидав с мое, ты бы тоже начал видеть все в черно-белом свете. Людей надо судить не по словам, а по делам. Люди творят добро или зло, и те, кто творит зло, — плохие, а те, кто творит добро, — хорошие.

— Но ведь люди могут творить добро по случаю, хотя намерения у них были злые, и, наоборот, могут творить зло с самыми благими намерениями, — возразил я. Меня, признаться, позабавило его утверждение, будто он жил и видел больше моего.

— Правильно, — согласился Ролдеро. — Ты сказал то же самое, только другими словами. Мне все равно, что люди говорят. Об их деяниях я сужу по последствиям. Возьми, к примеру, элдренов...

Я рассмеялся, прерывая графа взмахом руки.

— Не трудись рассказывать, какие они злодеи. Я уже слышал об их хитрости, лживости и черном колдовстве.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я ненавижу элдренов как таковых. По слухам, они ласковы со своими детьми, любят жен и хорошо обращаются с животными. Я вовсе не считаю их чудовищами. Однако когда речь заходит о народе элдренов, это совсем другое.

— Каково же твое мнение о них? — спросил я.

— Они не люди, и их интересы не совпадают с интересами людей. Чтобы обезопасить себя, они пытаются уничтожить нас. Они угрожают нам одним тем, хотя бы, что вообще существуют на свете. Разумеется, верно обратное: наше существование — угроза для них. Потому-то они хотят покончить с нами. Но мы искореним их семя прежде, чем они соберутся выступить против нас. Понял?

Прагматику, каковым я себя мнил, доводы графа казались убедительными. Им противоречила лишь одна мысль, и я высказал ее вслух:

— Ловлю тебя на слове, граф Ролдеро. Ты говоришь, что элдрены — не люди, а сам приписываешь им побудительные мотивы, свойственные человеку.

— Они — существа из плоти и крови, — отозвался Ролдеро. — У нас с ними много общего, потому что они, как и мы, — животные.

— Однако ты забываешь, что животные зачастую мирно уживаются друг с другом, — сказал я. — Лев не всегда враждует с леопардом, а лошадь ничего не имеет против коровы. А уж на убийство сородичей они отваживаются лишь в крайних случаях, да и то через силу.

— Ну и что? — нимало не убежденный, откликнулся Ролдеро. — Обладай они даром предвидения, они бы начали убивать друг друга направо и налево. Да-да, направо и налево, если б только могли посчитать, сколько их соперники

съедают пищи, сколько у них детенышей и какая территория.

Я сдался. У меня было такое чувство, что мы оба не ощущаем под ногами твердой почвы.

Мы сидели в моей каюте, попивая вино и поглядывая в открытый иллюминатор на вечернее небо и умиротворенное море. Я подлил Ролдеро вина, подумав при этом, что запасы мои истощаются (я взял себе в привычку напиваться перед сном, чтобы ночью меня не посещали никакие видения).

Ролдеро залпом опорожнил свой кубок и поднялся.

— Время позднее. Пора мне возвращаться к себе на корабль, а то мои люди решат, что я утонул, и устроят по такому поводу праздник. Я заметил, что вино у тебя кончается. В следующий раз захвачу с собой пару мехов. Прощай, друг Эрекозе. Ты воин, что надо, вот только слишком сентиментален. И в обратном ты меня не убедишь.

Я ухмыльнулся.

— Доброй ночи, Ролдеро. Выпьем за мир, который установится после нашей победы! — я поднял полупустой кубок.

Ролдеро фыркнул.

— Ну да, за мир — как у коров с лошадьми. Доброй ночи, друг мой!

Посмеиваясь, он вышел из каюты.

Чувствуя, что нагрузился достаточно, я разделся и плюхнулся на койку, глуповато хихикая над последней фразой Ролдеро.

— Как у коров с лошадьми... А ведь он прав. Кому захочется жить этаким образом? Да здравствует война!

С этими словами я швырнул в открытый иллюминатор кубок из-под вина и заснул, едва успев сомкнуть глаза.

Мне приснился сон.

Сон про кубок, который я выкинул за борт. Мне снилось, как он покачивается на волнах, сверкая золотом и самоцветами. Мне снилось, что его подхватило течением и повлекло прочь — туда, куда никогда не заходят корабли и где кругом — вода, без конца и без края.

Наше плавание длилось уже почти месяц. Погода в целом нам благоприятствовала, море было спокойным, а ветер — ровным.

Считая, что нам сопутствует удача, мы веселились и радовались жизни. Один лишь Каторн оставался мрачен и ворчал, что море, мол, спокойнее всего перед штормом и что нам надо держать ухо востро.

— Элдрены хитры, — говорил он. — Лживые бестии! Они наверняка уготовили нам ловушку, о которой мы и не подозреваем. Быть может, погода — тоже их рук дело.

Я не выдержал и расхохотался. Каторн вспыхнул и ушел к себе в каюту, бросив на прощание:

— Рано смеешься, князь Эрекозе! Мы еще поглядим, кто был прав!

Следующим утром ему представилась возможность доказать свою правоту.

Согласно картам, мы приближались к берегам Мернадина. Увеличив число дозорных и расположив флот в боевом порядке — флагманский корабль впереди, мы легли в дрейф.

Взяв паруса на рифы и подняв весла, мы ждали. Ближе к полудню с мачты королевской ладьи раздался крик:

— Корабли на горизонте! Пять парусов!

Мы с королем Ригеносом и Каторном стояли на мостике. Услышав крик дозорного, я нахмурился.

— Пять? Всего лишь пять кораблей?

Король покачал головой.

— Быть может, это не элдрены.

— А кто же еще? — фыркнул Каторн. — Чьи еще корабли можно встретить в здешних водах? Ни один из наших купцов не станет торговать с нелюдьми!

— Десять парусов! — крикнул дозорный. — Двадцать! Целый флот, флот элдренов! Они быстро приближаются!

Мне показалось, на горизонте мелькнуло белое пятнышко. Может, я перепутал парус с гребнем волны? Да нет, вряд ли.

— Глядите, — сказал я, — вон там.

И показал пальцем.

Ригенос заслонил глаза рукой от солнца.

— Ничего не вижу. Тебе померещилось. Они не могут передвигаться так быстро.

Каторн, который тоже всматривался вдаль, воскликнул:

— Вон! Вижу парус! Летят, как на крыльях! Клянусь чешуей бога моря, не иначе как по воле колдовства.

Король скептически хмыкнул.

— Их корабли легче наших, и ветер дует им в корму, — сказал он.

Каторн не стал возражать.

— Посмотрим, сир, — проворчал он.

— А раньше они прибегали к колдовству? — спросил я. Я был готов верить чему угодно. То, что случилось со мной, превосходило всякое разумение.

— А то! — Каторн сплюнул. — Сколько раз бывало! Тьфу! Я волшебку нутром чую.

— Расскажи хотя бы об одном случае, — попросил я его.
— Вдруг окажется, что я сумею с ними справиться.

— Они могут становиться невидимыми. Говорят, именно так они захватили Пафанааль. Они могут ходить по воде и плавать по воздуху.

— Ты сам видел?

— Нет, но я слышал множество историй, причем из уст людей, которые не станут лгать.

— А они сами видели колдовство элдренов в действии?

— Нет, но они знавали людей, которые видели.

— Значит, колдовство элдренов — досужие сплетни, — заключил я.

— Думаешь, что хочешь! — огрызнулся Каторн. — Кто ты такой, чтобы не верить мне? Чему ты обязан своим существованием, разве не колдовству? Знаешь, почему я согласился, чтобы тебя призвали? Нам нужна была сила, способная одолеть колдовскую силу элдренов. Клинок, что висит у тебя на поясе, — не колдовской ли?

Я пожал плечами.

— Подождем, пока они начнут колдовать.

Король окликнул дозорного:

— Сколько ты насчитал кораблей?

— Примерно половина от нашего числа, не больше, — крикнул тот в ответ. — Похоже, это весь их флот, сир.

— Они как будто застыли на месте, — проговорил я, обращаясь к королю. — Спроси у него, движутся ли они.

— Эй, дозорный! — позвал король. — Что, элдрены легли в дрейф?

— Да, сир. Кажется, они убирают паруса.

— Они выжидают, — пробормотал Каторн. Они хотят, чтобы мы начали первыми. Что ж, мы не торопимся.

Я кивнул.

— Действуем по плану.

И мы принялись ждать.

Солнце закатилось, и наступила ночь. Порой в темноте мелькало что-то белое, но невозможно было определить, что это — гребень волны или парус. Наши корабли обменивались сообщениями, которые вплавь доставляли гонцы.

Ожидание продолжалось. Мы боялись сомкнуть глаза, гадая, нападут ли элдрены.

Я отправился в каюту и прилег на койку, убеждая себя,

что надо отдохнуть. Слышно было, как наверху рассказывает по палубе Каторн. Ему прямо-таки не терпелось схватиться с врагом. Если бы решения принимал он, мы бы очертя голову кинулись на элдренов, наплевав на с таким тщанием разработанные планы.

По счастью, командовал флотом я. Даже у короля Ригеноса не было власти — разве что при исключительных обстоятельствах — отменять мои приказы.

Я не мог заснуть. Я мельком взглядел корабль элдренов, но по-прежнему не представлял, каков их флот на самом деле и какое впечатление произведут на меня их моряки.

Я лежал и молил Бога, чтобы скорее началось сражение. У них кораблей наполовину меньше нашего! Я невесело улыбнулся. Я улыбнулся потому, что знал: победа достанется нам.

Когда же элдрены нападут?

Может быть, ночью. Каторн говорил, что они любят ночь.

Пусть будет ночь. Я готов.

Я жаждал битвы. Я рвался в бой.

II. Флоты сходятся

Миновал день, за ним — ночь, а элдрены все так же держались поодаль.

Чего они добиваются? Чтобы мы занервничали? Или испугались? Или, подумалось мне, с самого начала решили не нападать первыми?

На вторую ночь я заснул, но сон мой не был сном пьяницы. У меня не осталось вина, а графу Ролдеро не представилось возможности переслать мне обещанные мехи.

Сны были хуже некуда.

Мне снились охваченные войнами миры, которые уничтожали друг друга в бессмысленных сражениях.

Мне снилась Земля, но Земля, лишенная луны, Земля, которая не вращалась, и одна половина ее была светлой, а другая — темной, и ее освещали только звезды. И там шел бой, и мне предстоял поход, который не сулил ничего кроме гибели. Какое-то имя... Кларвис? Да, что-то наподобие. Я цеплялся за эти имена, а они так и норовили ускользнуть из памяти и были, наверно, наименее важной частью снов.

Мне снилась Земля — другая Земля, настолько древняя,

что на ней начали высыхать моря. Я ехал по мрачной равнине, а в небе сияло крошечное солнце. Я думал о Времени.

Я попытался удержать этот сон или, что оно там было, — галлюцинацию? воспоминание? Мне показалось, в нем скрыт намек на то, с чего все началось.

Всплыло другое имя. Хронарх. Всплыло и исчезло. Сон разочаровал меня: он ничем не отличался от остальных.

В мозгу возникла иная картина. Я стоял на городской улице рядом с большим автомобилем, держа в руке странного вида пистолет. Я смеялся, а над городом кружили самолеты и сбрасывали бомбы, которые уничтожали все вокруг. Я курил аппмановскую сигару.

Я проснулся было, но почти сразу погрузился обратно в сон.

Одинокий и безумный, я бродил по стальным коридорам, за стенами которых лежало космическое пространство. Земля осталась далеко позади. Стальная машина, внутри которой я был заключен, летела в глубины космоса. Я мучился. Мне не давали покоя мысли о семье. Джон Дейкер? Нет — просто Джон.

А потом, словно для того, чтобы запутать меня еще сильнее, началось перечисление имен. Я видел их, я слышал их — по-всякому написанные, изображенные разными иероглифами, пропеты на множестве языков.

Обек. Византия. Корнелиус. Колвин. Брэдбери. Лондон. Меллибонз. Хоукмун. Лайнис Лихо. Паувис. Марка. Элрик. Мэлдун. Дитрих. Арфлейн. Саймон. Кейн. Оллард. Корум. Трейзен. Райан. Асквиноль. Пепин. Сьюарт. Меннелл. Тэллоу. Холлнер. Кельн...

Перечисление продолжалось и продолжалось, и не было ему конца.

Я проснулся от собственного крика.

Было утро.

Весь в поту, я кое-как поднялся с койки и облился холодной водой.

Почему медлят элдрены? Почему?

Я знал, что стоит начать битву, сны оставят меня. Я был в этом уверен.

Дверь каюты распахнулась. Вбежал раб.

— Хозяин!

На палубе запела труба. Послышался топот бегущих ног.

— Хозяин, вражеские корабли приближаются!

Облегченно вздохнув, я оделся, торопливо застегнул пряжки на доспехах и перепоясался мечом.

На мостике меня уже поджидал хмурый король Ригенос. Грохотали барабаны, металлическими голосами ревели трубы, раздавались воинственные кличи; над кораблями звонились боевые вымпелы.

— Командиры знают свое дело, — проговорил Ригенос.

— Смотри, наши корабли меняют порядок.

Я порадовался тому, что муштра не пропала даром; теперь, если, конечно, элдрены не выкинут ничего неожиданного, победа наверняка будет за нами.

Вражеский флот приближался. Грациозные как дельфины, корабли элдренов легко перескакивали с волны на волну.

Хороши, однако, дельфины. Скорее уж акулы. Представляя им такая возможность, они растерзают нас в клочья. Теперь я начал понимать Каторна с его недоверием ко всему, что связано с элдренами.

Легкие и проворные, их корабли буквально зачаровывали своей красотой. Высокие изящные мачты, прозрачные паруса; морская пена казалась серой на фоне ослепительной белизны корабельных корпусов.

Я вгляделся попристальнее, стараясь рассмотреть их вооружение.

Пушек у них как будто было поменьше нашего. Тонкоствольные, серебристые, они тем не менее внушили мне невольный страх.

На мостик поднялся Каторн. Он довольно улыбался.

— Ага! — проворчал он. — Наконец-то! Видишь пушки, Эрекозе? Остерегайся их. Они заколдованы.

— Заколдованы? Что ты хочешь этим сказать?

Но ответить на мой вопрос было некому. Каторн покинул мостик, отправившись подгонять матросов, возившихся с такелажем.

Враги приблизились настолько, что на палубах кораблей можно было различить крошечные фигурки элдренов. Они поспешно заканчивали последние приготовления к бою.

Наш флот завершил маневр. Флагман занял отведенное ему место. Я приказал сушить весла. Покачиваясь на волнах, мы поджидали элдренов.

Следуя плану битвы, мы поставили корабли квадратом, обращенная к элдренам сторона его была слабее трех остальных. В глубине квадрата, оцетинившись пушками, вы-

строились в цепочку несколько сот кораблей; перпендикулярно им, разойдясь достаточно широко с тем, чтобы случайно не поразить друг друга, расположились еще два отряда, примерно по сотне кораблей в каждом. Четвертая же сторона насчитывала всего лишь двадцать пять судов. Мы надеялись обмануть элдренов, убедить их, что в центре нашего построения находится флагман со своим эскортом. Выбранный на роль флагманского корабль поднял королевский штандарт, а наша ладья, на которой находились мы с королем, скромно заняла место в правом от мнимого флагмана ряду.

Враги неумолимо приближались. У меня возникло впечатление, что Каторн ничуть не преувеличивал: корабли элдренов словно плыли по воздуху, а не по воде.

Мои ладони взмокли от пота. Схватят ли элдрены наживку? Предложенный мною план боя изумил других военачальников своей оригинальностью, а это означает, что выполненный нашим флотом маневр здесь основательно подзабыт. Если моя задумка не сработает, я потеряю всякое доверие Каторна и, хуже того, упаду в глазах короля, на дочери которого собирался жениться.

Но, похоже, беспокоиться не о чем.

Элдрены проглотили наживку.

Под рев орудий построенный треугольником флот элдренов прорвал хилый заслон — и оказался окруженным с трех сторон.

— Поднимай наши цвета! — крикнул я Каторну. — Поднимай выпела! Пусть увидят, кому обязаны поражением!

Каторн отдал приказ. В воздухе заплескались штандарты короля и мой — серебряный меч на черном поле, причем мое знамя подняли первым. Мы двинулись вперед, сжимая кольцо окружения.

Мне в жизни не доводилось видеть кораблей маневреннее, чем у элдренов. Уступая размерами нашим громадинам, они попытались этим воспользоваться; бросались то в одну сторону, то в другую, стремясь отыскать проход и вырваться на волю, но тщетно.

Их пушки изрыгали огненные шары. Вот что, наверно, подразумевал Каторн, утверждая, что они заколдованы. В отличие от нас, стрелявших болванками, элдрены применяли зажигательные снаряды. Кометами прочерчивали они полу-денное небо. На многих из наших кораблей вспыхнули пожары.

Кометами казались вражеские снаряды и акулами — корабли.

Но акулы угодили в сеть, порвать которую им было не под силу. Мы неумолимо стягивали кольцо, наши пушки выплевывали тяжелые чугунные болванки, которые оставляли в белых корабельных корпусах черные зияющие раны, которые крушили высокие мачты и разносили их в щепы; прозрачные паруса падали на палубы и тускнели, словно крылья умирающих мотыльков.

Наши огромные корабли, разрезая волны окованным медью носами, пеня веслами воду и распустив многоцветные паруса, надвигались на эдренов.

Вражеский флот, разделившись на два примерно равных отряда, атаковал нашу сеть в самых слабых местах — на стыках между сторонами. Многим удалось прорваться, но мы предвидели такой ход и тут же окружили их снова.

Теперь флот эдренов оказался разобщенным, что облегчало нам задачу. Всей нашей мощью мы обрушились на них.

Небеса потемнели от дыма; кругом полыхали пожары. Воздух сотрясали вопли, крики, боевые кличи, с визгом проносились огненные шары эдренов, ревели наши орудия. Лицо мое почернело от копоти; было так жарко, что я весь вспотел.

Порой мне удавалось различить на борту вражеского корабля фигуры эдренов, и всякий раз меня поражала красота этих существ, и я начинал опасаться, не рано ли мы обрадовались победе. Одетые в светлые доспехи, эдрены передвигались с грацией танцоров; их серебристые пушки осыпали нас градом огненных шаров. Стоило такому шару угодить в парус или приземлиться на палубу, как тут же вспыхивало всепожирающее пламя, зеленое с голубым, в котором стгорало дерево и плавился металл.

Ухватившись за поручень, я подался вперед, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь в едком дыме. И надо же — прямо впереди мелькнул изящный силуэт корабля эдренов!

— На таран! — крикнул я. — На таран!

Как и на многих других кораблях нашего флота, на «Иолинде», чуть ниже ватерлинии, имелся обитый железом таран. Нам представилась возможность применить его. Я видел, как капитан эдренов размахивает руками, подгоняя матросов. Но было уже поздно: как ни проворны были эдрены, им не удалось увернуться. Мы врзались им в борт. Захрустело дерево, взметнулась к небу пена. Удар был таким

сильным, что меня сбило с ног и швырнуло к подножию мачты. Кое-как поднявшись, я увидел, что мы раскололи корабль элдренов пополам. Я испытывал одновременно восторг и ужас. Я не подозревал прежде, какой мощью обладает «Иолинда».

Половинки вражеского корабля медленно уходили под воду. Написанный на моем лице ужас отразился в глазах капитана элдренов, который статуей застыл на погружающемся мостике, наблюдая за тем, как его матросы бросают оружие и прыгают в темное, бурливое море, полное обломков кораблекрушения. На волнах покачивались трупы.

Море поглотило остатки корабля элдренов. Король Ригенос рассмеялся за моей спиной.

Я повернулся к нему. Его изможденное лицо перепачкано было сажей; из-под косо сидящего шлема дико глядели на меня налитые кровью глаза. Продолжая смеяться, он воскликнул:

— Славно сработано, Эрекозе! Так и надо с ними обращаться, крушить их и топить! Пускай отправляются в пучину к своему повелителю, князю Ада!

На мостик взобрался радостный Каторн.

— Прими поздравления, князь Эрекозе. Ты показал всем, как надо поступать с элдренами.

— Жаль, что только с ними, — проговорил я тихо. Мне неприятна была их похвала. Меня восхитило мужество, с каким встретил смерть капитан элдренов. — Я просто воспользовался случаем. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы додуматься до этого.

Однако пререкаться было некогда. «Иолинда» медленно продвигалась вперед по обломкам устроенного ею кораблекрушения; плотную завесу дыма пронизывали оранжевые языки пламени, из-за борта доносились жалобные крики. Видимость была крайне ограниченной.

— Надо выбирать, — сказал я. — Надо показать другим кораблям, что с нами все в порядке. Распорядись, Каторн.

— Слушаюсь, — Каторн сбежал с мостика.

Голова у меня шла кругом. Грохот, дым, пламя — запах смерти.

Он не был для меня внове.

До сих пор я отдавал приказы, повинаясь скорее рассудку, чем интуиции. А теперь — словно пробудилось наитие. Мне ни к чему было задумываться: слова сами собой слетали с языка.

И распоряжения мои были толковыми. Даже Каторн не оспаривал их.

Приказывая идти на таран корабля элдренов, я действовал бессознательно, не тратя ни секунды на размышления.

Несколько мощных гребков — и «Иолинда» вырвалась из дымовой завесы. Ее трубы и барабаны возвестили нашему флоту об одержанной победе. На ближних к нам кораблях началось бурное ликование.

Отбившиеся от своих корабли элдренов оказались в незавидном положении: их брали на абордаж. Крючья и кошки цеплялись за белоснежные борта, разрывали паруса, впивались в тела моряков. Все это живо напоминало схватку китобоев с китом.

Лучники затеяли между собой перестрелку. Дротики вонзались в палубы и пробивали доспехи. Воины, люди и элдрены, валились как снопы. Пушки погромыхивали, но уже не так часто. На смену грохоту орудий пришел лязг мечей. Завязался рукопашный бой.

Над полем битвы клубился дым. Бросив взгляд на воду, я заметил, что пенные гребни волн утратили свою белизну. Море стало алым от крови.

Наш корабль спешил на соединение с основными силами флота. Я стоял на палубе, всматриваясь в обращенные ко мне лица плававших на поверхности воды мертвецов, элдренов и людей. На всех на них написано было недоумение и растерянность; они как будто винили меня в том, что погибли.

Не выдержав, я отвернулся.

12. Нарушенное перемирие

Мы таранили еще два корабля. «Иолинда» при этом ничуть не пострадала. Величественная и грозная, она без жалости крушила флот элдренов.

Первым углядел врага король. Прищурившись, он ткнул рукой вперед.

— Гляди, Эрекозе! — крикнул он, сверкая белыми зубами на черном от копоти лице. — Вон там! Видишь?

Сквозь просвет в дыму я увидел впереди грациозный элдренский корабль. Чем он показался Ригеносу?

— Нам повстречался их флагман, Эрекозе, — проговорил король. — Быть может, на борту у него сам предводитель

эдренов. Если мы покончим с этим проклятым прислужником Азмбааны, победа нам обеспечена. Молись, чтобы на том корабле оказался принц эдренов. Молись, Эрекозе!

Каторн, вынырнув у нас из-за спины, прорычал сквозь зубы:

— Я буду тем, кто подстрелит его.

В руках он держал тяжелый арбалет и поглаживал приклад оружия с видом человека, который ласкает пушистого котенка.

— О, только бы там был принц Арджевх, только бы он там был, — пробормотал король кровожадно.

Не обращая на них с Каторном внимания, я приказал приготовить abordажные крючья.

Нам по-прежнему сопутствовала удача. В самый нужный момент волна подхватила «Иолинду» и притерла ее к борту эдренского флагмана, так что мы смогли пустить в дело крючья и кошки. В мгновение ока корабль эдренов очутился у нас на привязи. Мы с ним стали одним целым точно влюбленные в объятьях друг друга.

Я довольно усмехнулся. О, пьянящий аромат победы! На свете нет ничего прекраснее его. Я, Эрекозе, сделал знак рабу: он подбежал и вытер мне полотенцем лицо. Я горделиво выпрямился. Справа от меня и чуть позади стоял король Ригенос, слева — Каторн. Я вдруг осознал, насколько они мне близки. Я поглядел на вражеский корабль. Воины, которые выстроились на его палубе, выглядели изможденными, однако, судя по всему, сдаваться не собирались: стрелы наложены были на тетивы, руки сжимали мечи. Они молча разглядывали нас, не делая попыток перерубить канаты и предоставляя, по-видимому, право первого хода нам.

Когда в бою сталкиваются флагманские корабли враждующих сторон, сражению всегда предшествует пауза, за время которой командиры могут выяснить отношения, заключить, если оба того желают, перемирие и обговорить его условия.

Король Ригенос перегнулся через поручни и закричал, обращаясь к эдренам, которые глядели на него слезящимися глазами, — дым, видно, досаждал им не меньше нашего:

— Я король Ригенос, а вот мой полководец, бессмертный Эрекозе! Ваш древний враг вернулся, чтобы покончить с вами! Мы хотим говорить с вашим командиром и предлагаем перемирие!

Из-под парусинового навеса, что стоял на полукоте, вышел высокого роста мужчина. Дым мешал мне разглядеть его как

следует, но я все же рассмотрел скуластое заостренное книзу лицо и голубоватые глаза.

— Я герцог Бейнан, командующий флотом элдренов, — слова он произносил нараспев, и голос его зачаровывал. — Мы не станем заключать с вами перемирия, но если вы позволите нам уйти, мы прекратим сражаться.

Ригенос улыбнулся.

— Ишь, какой благородный! — проворчал Каторн. — Знает ведь, что обречен.

Ригенос хихикнул.

— Ты, верно, считаешь нас глупцами, герцог Бейнан, — крикнул он.

Бейнан устало пожал плечами.

— Значит, разговор окончен, — вздохнул он и поднял руку в перчатке, давая, видимо, знак лучникам.

— Подожди! — воскликнул Ригенос. — У тебя есть еще одна возможность остаться в живых самому и сохранить жизнь другим.

Бейнан медленно опустил руку.

— Какая? — настороженно спросил он.

— Если твой господин, Арджевх Мернадинский, находится на борту своего флагманского корабля, как тому следует быть, пускай он сразится с князем Эрекозе, полководцем человечества, — Ригенос развел руки в стороны. — Если победит Арджевх, мы отпустим вас с миром. Если же победит Эрекозе, вы становитесь нашими пленниками.

Герцог Бейнан сложил руки на груди.

— Должен известить тебя, что наш повелитель, принц Арджевх, не успел вернуться в Пафанааль до отплытия флота. Он сейчас на западе — в Лус-Птокай.

Король повернулся к Каторну.

— Убей его, Каторн, — проговорил он тихо.

Герцог Бейнан между тем продолжал:

— Однако я готов сразиться с вашим полководцем, коль...

— Нет! — закричал я. — Остановись, Каторн! Король Ригенос, это бесчестно! Ты же сам предложил перемирие.

— Когда имеешь дело со всяким сбродом, о чести вспоминать не приходится. Ты скоро поймешь это. Убей его, Каторн!

Герцог Бейнан, хмурясь, пытался угадать, о чем мы спорим.

— Я буду сражаться с вашим Эрекозе, — сказал он. — Решено?

Каторн поднял арбалет. Тренькнула тетива. Мягко причмокнув, стрела вонзилась в горло Бейнану.

Его руки потянулись к горлу. Его глаза подернулись дымкой. Он упал.

Я был разъярен вероломством того, кто так часто распространялся о вероломстве врагов. Но выяснять отношения было некогда. В воздухе вокруг нас свистели элдренские стрелы. Надо было собрать людей и повести их в атаку.

Я ухватился за болтающийся конец веревки, обнажил меч и, затаив на короля с Каторном зло, позволил сорваться с губ боевому кличу.

— За человечество! — воскликнул я. — Смерть Псам Зла!

Я спрыгнул на палубу вражеского корабля. Воздух был таким горячим, что, пока я летел, мне едва не обожгло лицо. За мной с громкими криками последовали другие воины.

И началась битва.

Мои люди старались держаться от меня подальше, а клинок Канайана косил элдренов как сорную траву. По правде сказать, я, будучи преисполненным гнева на своих товарищей, не испытывал никакого воодушевления. К тому же элдрены, деморализованные вдобавок смертью командира, еле стояли на ногах от усталости.

Тем не менее сражались они мужественно. Прекрасно сознавая, что даже царапина, нанесенная моим мечом, смертельна, они раз за разом нападали на меня с храбростью отчаяния.

Многие из них вооружены были топорами на длинных рукоятках и старались нанести удар из-за пределов досягаемости моего клинка. А лезвие его было не острее лезвия обычного меча, и, как я ни пытался, мне никак не удавалось перерубить хотя бы одно топориче. Поэтому то и дело приходилось уворачиваться.

Молодой золотоволосый элдрен бросился на меня и ударил топором по наплечнику. Я пошатнулся и поскользнулся на заливной крови палубе. Новый удар пришелся в нагрудник и сбил меня с ног. Кое-как извернувшись, я поднырнул под топор и единым взмахом отсек элдрену кисть руки.

Он сдавленно пробормотал что-то, застонал — и умер. Яд клинка вновь сделал свое дело. Я, правда, до сих пор не в силах был понять, как металл может быть ядовитым, но убивал он моментально. Я выпрямился, ощущая боль во всем теле, посмотрел на труп отважного юноши у своих ног и огляделся.

Мы побеждали. Последние оставшиеся в живых эдрены сгрудились на главной палубе, у флагштока со знаменем Мернадина — серебряный василиск на алом поле.

Спотыкаясь, я направился туда. Эдрены дрались отчаянно, до последнего вдоха. Они знали, что на милосердие врагов им рассчитывать не приходится.

Я остановился. Похоже было, что мои воины обойдутся без меня. Я вложил меч в ножны. Эдрены, стоя спина к спине, все израненные, продолжали сражаться до тех пор, пока не пали мертвыми.

Я осмотрелся. Было очень тихо, лишь издали доносилось рывканье пушек.

Каторн, под началом которого воины расправились с последней кучкой эдренов, сорвал знамя с василиском, бросил его на мокрую от крови палубу и, как безумный, принялся прыгать на нем. Скоро знамя превратилось в окровавленную тряпку.

— Вот так мы поступим со всеми эдренами! — горланил он. — Всех перебьем! Всех! Всех!

Потом он отправился вниз — посмотреть, какая нам досталась добыча.

Нарушенная было тишина восстановилась. Дым начал рассеиваться и подниматься к небесам, закрывая от нас солнце.

Захватив флагманский корабль врагов, мы одержали тем самым общую победу. Пленных не брали. Судя по всему, ни одному из кораблей эдренов не удалось ускользнуть. Досталось и нам: часть кораблей была уничтожена, а часть сгорела. Насколько хватало глаз, повсюду на волнах покачивались обломки и трупы; казалось, уцелевшие корабли захватило в плен Саргассово море смерти.

Мне было не по себе. Я хотел как можно скорее выбраться на чистую воду. От запаха мертвечины мне сделалось дурно. Я ожидал вовсе не таких битв, а рассчитывал вовсе не на такую славу.

Каторн вновь появился на палубе. Он довольно ухмылялся.

— Ты вернулся с пустыми руками, — сказал я. — Чему же ты рад?

Он вытер губы.

— Герцог Бейнан, оказывается, взял с собой в море дочь.

— Она жива?

— Уже нет.

Котори потянулся и огляделся.

— Хорошо. Мы прикончили их. Я распоряжусь, чтобы подожгли те корабли, которые остались на плаву.

— Зачем переводить добро? — спросил я. — Возьмем их себе взамен потерянных.

— Ты думаешь, кто-нибудь согласится плавать на этих колдовских лодчонках? — бросил он, отвернулся от меня и крикнул воинам, чтобы они возвращались на «Иолинду».

Я с неохотой покинул корабль элдренов, оглянувшись напоследок на несчастного герцога Бейнана, в горле у которого по-прежнему торчала арбалетная стрела.

Приказав отцепить кошки и крючья и обрубить канаты, я поднялся на мостик «Иолинды».

Мне навстречу бросился король Ригенос, который в битве не участвовал.

— Молодцом, Эрекозе! Да ты бы мог справиться с ними в одиночку!

— Мог бы, — согласился я. — Я мог бы в одиночку захватить весь их флот.

Король рассмеялся.

— Однако! От скромности ты не умрешь!

— У меня была такая возможность.

Он нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы ты позволил мне сразиться с герцогом Бейнаном, как он предлагал, мы бы сохранили людей и корабли.

— Ты поверил ему? Элдрены частенько прибегают к таким уловкам. Согласившись на бой с ним, ты обрек бы себя на верную смерть. Ты же помнишь: их лучники стояли наготове. Не верь словам элдренов, Эрекозе. Наши предки имели глупость поверить им, а мы теперь расплачиваемся.

Я пожал плечами.

— Быть может, ты и прав.

— Разумеется, я прав.

Ригенос крикнул матросам:

— Поджигайте корабли! Спалим его дотла! Живей, недотепы!

Он шутил. Он был в прекрасном настроении.

Стрелки не промахнулись: зажженные стрелы вонзились в разбросанные по кораблю элдренов охапки горючего материала.

Занялось пламя. Огонь охватил тела убитых; к небу потянулся маслянистый дым. Корабль медленно отдалялся:

стволы серебристых пушек беспомощно задрались, паруса огненными лентами падали на пылающую палубу. Вдруг он содрогнулся от носа до кормы, словно прощаясь с жизнью.

— Всадите ему пару железок ниже ватерлинии! — крикнул Каторн пушкарям. — А то, кто его знает, потонет он или нет.

Рывкнули орудия. В образовавшиеся в бортах флагмана эддренов пробойны хлынула вода.

Корабль покачнулся, накренился, однако сумел выпрямиться. Он двигался все тише и тише и все глубже уходил под воду. Потом на мгновение застыл — и исчез.

Я подумал об эддренском герцоге и его дочери.

Где-то я завидовал им. Они познали вечный покой, а мне суждены вечные сражения.

Наш флот начал перегруппировку.

Мы потеряли тридцать восемь больших кораблей и сотню с лишним малых.

От флота эддренов не осталось вообще ничего.

Ничего, если не считать нескольких догорающих остонов.

Гордые одержанной победой, мы взяли курс на Пафанааль.

13. Пафанааль

Я старательно избегал короля Ригеноса вместе с Каторном. Быть может, они правы, и эддрепам на самом деле нельзя доверять. Но я хотел убедиться в этом на собственном опыте.

На вторую ночь пути меня навестил граф Ролдеро.

— Молодцом, — сказал он. — Твоя тактика себя оправдала. Мне говорили, тебе не было равных в рукопашной.

Он с мнимым испугом огляделся по сторонам и прошептал, указывая большим пальцем в потолок:

— Я слышал, Ригенос решил не подвергать свою коронованную особу опасности, дабы мы, то бишь воины, не утратили мужества.

— Брось, — отозвался я. — Оставь старика. В конце концов, его никто не принуждал идти с нами в поход, а он не пожелал отсиживаться дома. Тебе известно, какой приказ он отдал, ведя переговоры с неприятельским командиром?

Ролдеро фыркнул.

— Ну да. Велел Каторну застрелить его. Так?

— Так.

— Что ж, — ухмыльнулся Ролдеро. — Ты оправдываешь трусость Ригеноса, а я — его вероломство. Разве не справедливо?

Он расхохотался.

Я не мог не улыбнуться в ответ. Однако позже, когда он утихомирился, я спросил его:

— А ты, Ролдеро? Ты поступил бы также?

— Думаю, да. Война есть...

— Но Бейнан собирался сражаться со мной, хотя должен был понимать, что шансов выйти победителем у него немного. Он должен был понимать, что Ригенос не из тех, кто держит слово.

— Ну и что? Значит, он вел себя не лучше Ригеноса. Просто наш король опередил его. В вероломстве главное — уловить подходящий момент.

— Однако Бейнан вовсе не показался мне обманщиком.

— Откуда нам знать, каким он был в обычной жизни? Я же объяснял тебе, Эрекозе, дело заключается отнюдь не в характере Бейнана. Будучи воином, он наверняка попытался бы исполнить то, в чем преуспел Ригенос, — лишить врагов командира. Это ведь один из основных принципов ратного дела!

— Тебе виднее, Ролдеро.

— Да, мне виднее. Давай выпьем.

Я выпил. Я напился до бесчувствия, ибо меня донимали теперь не только сны, но и куда более свежие воспоминания.

Следующей ночью мы бросили якорь не далее как в лиге от входа в гавань Пафанааля.

На рассвете мы выбрали якоря и, поскольку ветра не было, на веслах пошли к городу.

Земля приближалась.

Я различил утесы и мрачные скалы.

Еще немного.

К востоку от нас что-то сверкнуло.

— Пафанааль! — раздался крик дозорного с мачты.

Еще немного.

И вот он, город Пафанааль.

Насколько мы могли судить, крепость никто не охранял. Все ее защитники остались лежать на дне морском, во многих лье отсюда.

В городе начисто отсутствовали купола и минареты, зато много было шпилей, башенок и бастионов. Они были расположены так близко друг к другу, что производили впечатление одного огромного дворца. А от материалов, которые пошли на их постройку, захватывало дух. Там был белый мрамор с розовыми, голубыми, зелеными и желтыми прожилками. Там был красный мрамор с черными прожилками. Там был мрамор с вкраплениями золота, базальта, кварца и голубоватого песчаника.

Город лучился светом.

Ни на набережных, ни на улицах, ни на крепостных стенах не было ни души. Я предположил, что город покинут.

И ошибся.

Мы высадились. Я построил войско и предостерег солдат, что нас могут завлекать в ловушку, хотя сам в это не верил.

Всю дорогу до Пафанаала мы чинили корабли, штопали одежду, начищали оружие и доспехи.

Корабли теснились в гавани. Легкий ветерок, который поднялся, едва мы ступили на булыжник набережной, шевелил вымпелы. Он нагнал облака, которые закрыли солнце.

Мы трое — король Ригенос, Каторн и я — стояли перед строем. Сверкали доспехи, лениво колыхались на ветру знамена.

Наша армия насчитывала семьсот дивизий. Каждой сотней дивизий командовал маршал, под началом которого состояли генералы, командовавшие двадцатью пятью дивизиями каждый; им подчинялись рыцари — командиры отдельных дивизий.

Вино помогло мне забыть об ужасной морской битве, и, разглядывая воинов, я ощутил в сердце былую гордость. Я произнес:

— Маршалы, генералы, рыцари и солдаты! Я привел вас к победе на море!

— Ура! — громыкнули они.

— Удача сопутствует нам. Отправляйтесь же на поиски элдренов, но будьте бдительны. Помните, что за каждым углом может прятаться враг!

Тут из первой шеренги подал голос граф Ролдеро:

— А как насчет трофеев, князь Эрекозе?

Король Ригенос махнул рукой.

— Берите все, что вам понравится. Но не забывайте слов Эрекозе. Пища может оказаться отравленной, а края винных

кубков — смазанными ядом. В этом проклятом городе все возможно!

Наблюдая, как маршируют по набережным Пафанаала наши дивизии, я подумал, что город, хоть и впустил нас в себя, однако отнюдь не принял.

Интересно, что мы обнаружим в Пафанаале? Ловушки? Засады? Отравленные колодцы?

Мы обнаружили, что Пафанааль — город женщин.

В нем не нашлось ни единого мужчины-элдрена.

В нем не осталось мальчишек старше двенадцати лет. В нем не осталось стариков любого возраста.

Мы всех их отправили на корм рыбам.

14. Эрмижад

Я не знаю, как они убивали детей. Я просил короля Ригеноса не отдавать приказа на их истребление. Я умолял Каторна пощадить их: изгнать, может быть, из города, но не убивать.

А они устроили резню. Сколько детей погибло — я не знаю.

Мы расположились во дворце, который раньше принадлежал герцогу Бейнану. Он, судя по всему, был правителем Пафанаала.

На улицах убивали, а я отсиживался в своих покоях, с горькой усмешкой думая о том, что, именуя элдренов «нечистью», наши славные воины вовсе не брезгуют их женщинами.

Я ничего не мог поделать. Я не знал, есть ли у меня право вмешиваться. Я пришел в этот мир по зову Ригеноса, чтобы сражаться за человечество, а не для того, чтобы его судить. Я согласился прийти, но почему — никак не мог вспомнить.

Я сидел в комнате, со вкусом обставленной красивой, изящной мебелью. Пол и стены покрывали ковры. Я разглядывал элдренскую мебель и потягивал ароматное элдренское вино, и старался не прислушиваться к крикам элдренских детей, которых убивали прямо в постелях. Дворцовые стены были слишком тонки, чтобы заглушить звуки с улицы.

Я смотрел на Канайану — вложенный в ножны меч стоял в углу. Я ненавидел его. Мои доспехи валялись на полу.

Я сидел в одиночестве и пил, пил и пил.

Но вино элдренов почему-то приобрело привкус крови, и я отшвырнул кубок, взял мех с вином, который передал мне граф Ролдеро, и не отрывался от него, пока не выпил подчистую.

Однако я не пьянел. С улицы по-прежнему доносились крики. Я занавесил окна, но на них металась черная тень. Я не в состоянии был напиться пьяным и потому даже думать не смел о сне, ибо знал, каковы будут мои сны, и боялся их ничуть не меньше, чем мыслей о том, что сулит наше пребывание в Пафанаале его оставшимся в живых жителям.

Почему я оказался тут? О, почему?

Снаружи послышался шорох. Затем в дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Видно, я отозвался слишком тихо. Стук повторился.

Я встал, покачиваясь подошел к двери и распахнул ее настежь.

— Почему меня не желают оставить в покое?

На пороге стоял испуганный солдат Имперской стражи.

— Князь Эрекозе, прости, что надоедаю тебе, но меня прислал король Ригенос.

— Что ему нужно? — спросил я равнодушно.

— Он хочет видеть тебя. Говорит, ему надо с тобой кое-что обсудить.

Я вздохнул.

— Ладно. Скажи, что скоро приду.

Солдат повернулся и заторопился прочь.

Преодолев себя, я отправился в королевские покои. Там я нашел всех семерых маршалов: развалясь в креслах, они праздновали победу. Еще там был король Ригенос, пьяный до такой степени, что мне стало завидно. Каторн, к немалому моему облегчению, отсутствовал.

Должно быть, он возглавлял погромщиков.

Увидев меня в дверях залы, маршалы обрадованно загудели и подняли кубки с вином.

Прогнорировав их, я подошел к сидящему в отдалении королю, который смотрел в пространство невидящим взглядом.

— Ты хотел обсудить со мной дальнейшие планы наших действий, — сказал я. Или я ошибаюсь?

— А, Эрекозе, друг мой. Бессмертный. Победитель. Спаситель человечества. Приветствую тебя, Эрекозе, —

пьяным жестом он положил мне на руку свою ладонь. — Я знаю, ты считаешь, что королю не к лицу напиваться.

— Ничего я не считаю, — отозвался я. — Сам пью как лошадь.

— Но ты... потому что бессмертный... остаешься... — он икнул, — ...остаешься трезвым.

Я через силу улыбнулся.

— Быть может, твое вино покрепче моего. Если угостишь, я не откажусь.

— Раб! — крикнул король. — Раб! Принеси вина моему другу Эрекозе!

Из-за ширмы появился дрожащий мальчишка-эдрен. Он тащил мех с вином, который был едва ли не больше его самого.

— Вижу, вы вырезали не всех детей, — заметил я.

Ригенос хихикнул.

— Да, кое-кого оставили. Пусть пока послужат.

Я взял у мальчишка мех и кивнул ему:

— Можешь идти.

Подняв мех, я приложился губами к отверстию и принялся жадно пить. Но вино по-прежнему отказывалось затуманить мой мозг. Я отшвырнул мех. Он тяжело плюхнулся на пол, обрызгав вином ковры и подушки.

— Хорошо! Отлично! — выдавил король, продолжая хихикать.

Варвары; какие же они варвары! Мне вдруг захотелось снова стать Джоном Дейкером. Прилежным и несчастным Джоном Дейкером, который жил тихой, отстраненной жизнью, изучая то, что никому не нужно.

Я повернулся, собираясь уходить.

— Подожди, Эрекозе. Я спою тебе песенку. Нечестивую песенку про нечестивых эдренов.

— Завтра.

— Завтра уже наступило!

— Мне надо отдохнуть.

— Я твой король, Эрекозе. Ты обязан мне своим воплощением. Не забывай этого!

— Я все прекрасно помню.

Двери залы распахнулись. Солдаты втащили девушку.

Впереди них шагал Каторн. Он ухмылялся ухмылкой обожравшегося волка.

У девушки были черные волосы и очаровательное личико. В глазах ее застыл ужас. Она была красива странной,

переменчивой красотой, которая оставалась при ней и в то же время как будто обретала с каждым вздохом нечто новое. Платье ее было разорвано; лицо и руки покрывали синяки.

— Эрекозе! — Каторн заметил меня. Он тоже еле держался на ногах. — Эрекозе и ты, Ригенос, мой господин и король, глядите!

Король моргнул и с отвращением посмотрел на девушку.

— Обычная эдренская шлюха. Убирайся отсюда вместе с ней, Каторн. Делай с ней, что захочешь — что только взбредет тебе в голову, лишь бы она была мертва, когда мы уйдем из Пафанаала.

— Ну нет! — расхохотался Каторн. — Да вы взгляните! Поглядите на нее как следует!

Король пожал плечами и принялся внимательно рассматривать содержимое своего бокала.

— Зачем ты привел ее сюда, Каторн? — спросил я тихо. Он зашелся смехом, широко раскрыв рот, а потом воскликнул:

— Э, да вы не знаете, кто она такая!

— Каторн! Убери свою шлюху с глаз долой! — в пьяном гневном завопил король.

— Господин мой, это — это Эрмижад!

— Что? — король подался вперед и пристально взглянул на девушку. — Что? Эта девка — Эрмижад? Эрмижад из Призрачных Миров?

Каторн кивнул.

— Она самая.

Король даже слегка протрезвел.

— Я слышал, она обольстила многих смертных и умертвила их. За все свои прелюбодеяния она умрет мучительной смертью. Сжечь ее заживо!

Каторн помотал головой.

— Подожди, король. Разве ты забыл, что она — сестра принца Арджевха?

Ригенос кивнул, тиснетно стараясь сохранить серьезность.

— Ах, ну да, сестра Арджевха!

— И что отсюда следует, господин? Нам надо оставить ее у себя, правильно? Сделаем из нее заложницу. Всегда полезно иметь заначку, а тем более такую!

— Ну да, ну да. Ты молодец, Каторн. Не спускай с нее глаз, — король глупо ухмыльнулся. — Нет, так нечестно. Ты заслужил награды. Иди, продолжай развлекаться. А кто у нас не хочет развлекаться?

Он поглядел на меня.

— Эрекозе! Эрекозе, который пьет и не пьянеет. Отдаю ее под твой присмотр, Победитель.

Я кивнул.

— Хорошо.

Мне было жаль девушку, каких бы преступлений она ни совершала.

Каторн посмотрел на меня с подозрением.

— Не тревожься, князь Каторн, — сказал я. — Поступай, как велел тебе король, — продолжай развлекаться. Убей кого-нибудь еще. Изнасилуй кого-нибудь еще. Ты наверняка не успел обшарить весь город.

Каторн нахмурился, потом его мрачное лицо слегка прояснилось.

— Может, кто и остался, — признал он. — Но мы не пропускали ни единого дома. А до рассвета доживет, небось, она одна.

Он ткнул пленницу пальцем под ребра и сделал знак своим людям.

— Пошли! Закончим то, что начали!

Пошатываясь, он вышел.

Граф Ролдеро выбрался из кресла и подошел ко мне.

Король поднял голову.

— Не спускай с нее глаз, Эрекозе. Теперь Арджевх в наших руках, сколько бы ни артачился, — цинично бросил он.

— Отведите ее в мои покои в восточном крыле, — приказал я стражникам. — Посадите ее под замок и рук не распускайте.

Едва девушку увели, Ригенос встал, покачнулся и рухнул на пол.

Граф Ролдеро позволил себе усмехнуться.

— Наш господин слегка перебрал, — заметил он. — А Каторн прав: девчонка нам пригодится.

— Похоже на то, — согласился я. — Однако причем тут Призрачные Миры? Я слышу про них уже не в первый раз. Что они такое, Ролдеро?

— Призрачные Миры? Разве ты не знаешь? Мы не любим говорить о них.

— Почему?

— Видишь ли, люди до смерти боятся колдовских союзников Арджевха. А если в разговоре упомянуть демонов, они могут услышать и прийти. Понимаешь?

— Нет.

Ролдеро прокашлялся и потер нос.

— Мы с тобой не из суеверных, Эрекозе, — сказал он.

— Знаю, но что все-таки такое Призрачные Миры?

В глазах Ролдеро мелькнуло беспокойство.

— Я скажу тебе, хотя мне вовсе не хочется делать этого здесь. Элдренам о Призрачных Мирах известно куда больше нашего. Мы сперва думали, что и ты пришел к нам оттуда, бежав из плена. Вот почему я удивился твоему вопросу.

Где находятся Призрачные Миры?

— Они лежат за краем Земли, за пределами Времени и Пространства, и с Землей их почти ничто не связывает.

Ролдеро понизил голос до шепота:

— Там, в Призрачных Мирах, обитают громадные змеи, гроза и ужас всех восьми измерений. Потом там живут призраки и люди, одни из которых похожи на нас, а другие лишены всякого сходства. Одни из них знают, что им уготовано судьбой существовать вне Времени, а другие не подозревают о своей участи. А еще там обитают родичи элдренов — половинники.

— Но что они такое, эти миры? — нетерпеливо перебил я.

Ролдеро облизал губы.

— Туда порой отправляются колдуны, которые ищут нечеловеческой мудрости; возвращаясь, они приводят с собой отвратительных, но могущественных помощников. Говорят, что в тех мирах посвященный может встретиться с давно погибшими товарищами и даже получить от них помощь, может столкнуться с умершими родичами или возлюбленными, или с врагами, в чьей смерти был виноват. А враги бывают разные: злобные и наделенные великими силами — и несчастные, у которых всего и осталось, что половинка души.

Быть может, под влиянием выпитого вина, однако я поверил Ролдеро. Кто знает, вдруг мои странные сны — порождение Призрачных Миров? Мне хотелось знать больше.

— Но что они собой представляют, Ролдеро? И как туда попасть?

Ролдеро покачал головой.

— Никогда не задумывался, Эрекозе. Я верю — и мне этого достаточно. Ни на один из твоих вопросов я не знаю ответа. В Призрачных Мирах царит полумрак, там все размыто и все нечетко. Их обитатели иногда отвечают призы-

ву какого-нибудь могучего колдуна и приходят на Землю помогать — или наводить страх. Мы думаем, что элдрены явились в наш мир оттуда, хотя тебе, верно, известна легенда, что их произвела на свет злая королева, подарившая Азмбаане свою девственность в обмен на бессмертие — бессмертие, которое унаследовали ее отпрыски. Правда, элдрены, пускай у них нет души, состоят все-таки из плоти и крови, а Призрачные Рати редко бывают материальны.

— Так кто же тогда Эрмижад?

— Блудница из Призрачных Миров.

— Почему ее так называют?

— Говорят, она любитя с призраками, — пробормотал Ролдеро, пожимая плечами и подливая себе вина. — А они за это наделили ее властью над половинниками, которые заодно с призраками. Мне говорили, половинники любят ее, насколько они вообще способны любить.

Девушка показалась мне юной и невинной. Я просто не в силах был поверить графу и так ему и сказал.

Он махнул рукой.

— Как определить на глаз возраст Бессмертного, Эрекозе? Взять хотя бы тебя. Сколько тебе лет? Тридцать? Выглядишь ты не старше.

— Но я отнюдь не вечен, — возразил я. — Вернее, тело мое не вечно.

— Откуда нам знать?

У меня не нашлось, что ему ответить.

— Ты утверждал, что не суеверен, Ролдеро, а сам такого мне нарасказывал, — заметил я.

— Хочешь верь, хочешь нет, — проворчал он, — однако до сих пор ты еще ни разу не поймал меня на лжи. Верно?

— Верно.

— Удивляюсь я тебе, Эрекозе, — сказал он. — Тебя возродило к жизни колдовское заклинание, но ты упорно не желаешь верить в иные чудеса.

Я улыбнулся.

— Увы, Ролдеро. Пожалуй, мне следует быть доверчивее.

Граф подошел к королю, который распростерся на полу, окунувши лицо в винную лужу.

— Надо отнести нашего господина в постель, пока он не утонул, — проговорил Ролдеро.

Кликнув на помощь стражника, мы с немалым трудом отволокли бесчувственного Ригеноса в его покои и швырнули на кровать. Ролдеро положил руку мне на плечо.

— Брось изводить себя, друг. Ни к чему это. Или ты думаешь, мне доставляет удовольствие, когда режут детей и насиляют девушек?

Он вытер губы тыльной стороной ладони, словно уничтожая мерзкий привкус последних слов.

— Однако не забывай, Эрекозе, что иначе подобная участь ожидала бы наших детей и наших девушек. Да, элдрены красивы. Но то же самое можно сказать о многих ядовитых змеях и о волках, которые загрызают овец. Куда честнее делать то, что надлежит, чем убеждать себя, что ты тут ни при чем. Понимаешь?

Мы стояли в королевской спальне и глядели друг на друга.

— Спасибо, Ролдеро, — сказал я.

— Я не даю плохих советов, — отозвался он.

— Знаю.

— Не ты решил вырезать детей, — сказал он.

— Да, но я решил ничего не говорить королю, — ответил я.

Видно, услышав, что речь зашла о нем, Ригенос пошевелился и что-то пробормотал.

— Пошли, — ухмыльнулся Ролдеро. — А то, неровен час, очухается и вспомнит про песенку, которую так порывался нам спеть.

В коридоре мы расстались. Ролдеро пристально поглядел на меня.

— Так было надо, — сказал он. — Так было угодно предкам. Пусть совесть тебя не мучает. Быть может, в глазах потомков мы будем мясниками, чьи руки по локоть в крови. Но мы знаем, что это не так. Мы люди. Мы воины. Мы сражаемся с теми, кто хочет уничтожить нас.

Я молча похлопал его по плечу, повернулся и направился к себе.

Лишь увидев у двери стражника, я вспомнил о девушке.

— Все в порядке? — спросил я солдата.

— Да вроде, — ответил он. — Человеку, князь Эрекозе, отсюда не сбежать. Но вот если она призовет на помощь своих дружков-половинников...

— Когда они появятся, тогда и решим, как быть, — оборвал его я. Он отпер дверь, и я вошел.

При свете одной-единственной лампы в комнате почти ничего не было видно. Взяв со стола вощенный фитиль, я зажег другую лампу.

Девушка лежала на кровати. Глаза ее были закрыты, щеки — мокры от слез.

Значит, они тоже плачут, подумал я.

Я старался ступать тихо, но девушка, видимо, услышала мои шаги. Она открыла глаза; мне показалось, в них мелькнул страх, но я не был уверен. Глаза у нее были странные — без зрачков, с золотистыми и голубыми искорками в глубине. Заглянув в ее глаза, я припомнил слова Ролдери и где-то даже поверил ему.

— Как ты? — спросил я глуповато.

Она не ответила.

— Я не причиню тебе зла, — проговорил я тихо. — Будь моя воля, я пощадил бы детей. Я пощадил бы воинов, которые пали в бою. Но у меня есть только власть вести людей на смерть. Я не в силах спасти им жизнь.

Она нахмурилась.

— Меня зовут Эрекозе, — сказал я.

— Эрекозе?

Она произнесла мое имя нараспев, и мне почудилось, для нее оно было привычнее, чем для меня самого.

— Ты знаешь, кто я такой?

— Я знаю, кем ты был прежде.

— Я возродился, — сказал я, — но не спрашивай меня как.

— Возродившись, ты как будто не особенно счастлив, Эрекозе.

Я пожал плечами.

— Эрекозе, — повторила она и тихо и печально рассмеялась.

— Чему ты смеешься?

Она промолчала. Я пытался продолжить разговор, но она закрыла глаза. Я вышел из комнаты и бросился на кровать, что стояла неподалеку от двери.

То ли, наконец, подействовало вино, то ли почему еще, но спал я неплохо.

16. Возвращение

Проснувшись поутру, я умылся, оделся и постучал в дверь Эрмижад.

Тишина.

Сбежала, подумалось мне. Которн, разумеется, решит, что я ее отпустил. Распахнув дверь, я ворвался в комнату.

Эрмижад никуда не сбежала. Она по-прежнему лежала на кровати, уставившись в потолок.

— Как тебе спалось? — спросил я. Ее глаза зачаровывали меня словно бездонная пучина звездного неба.

Ни слова в ответ.

— Тебе нехорошо? — ляпнул я, не подумав.

Она, видно, решила не обращать на меня внимания. Сделав последнюю попытку и натолкнувшись на ту же глухую стену молчания, я отступился и направился в парадную залу дворца. Там меня поджидал Ролдеро в компании с другими маршалами, на которых нельзя было смотреть без жалости. Король Ригенос и Каторн отсутствовали.

Глаза Ролдеро блеснули.

— Судя по твоему виду, голова у тебя не болит.

Он был прав. Я не испытывал никаких неприятных последствий от весьма изрядного количества выпитого накануне вечером вина.

— Я в полном порядке, — сказал я.

— Хорошо быть Бессмертным! — рассмеялся он. — Мне так легко отделаться не удалось, не говоря уж о короле с Каторном и остальных. Да, вчера мы погуляли на славу.

Придвинувшись поближе, он проговорил:

— Надеюсь, друг мой, ты сегодня в лучшем настроении.

— Да вроде как, — отозвался я. По правде сказать, я чувствовал себя опустошенным.

— Хорошо. А как наша пленница? Ничего?

— Ничего.

— Не пробовала обольстить тебя?

— Даже не пожелала со мной разговаривать!

— Тоже неплохо, — Ролдеро нетерпеливо огляделся. — Когда же они соизволят проснуться? Нам столько надо обсудить! Мы что, идем в глубь материка, или как?

— Помнится, мы решили, что лучше всего будет, оставив здесь сильный гарнизон, вернуться домой. Вдруг, пока наш флот был под Пафанаалем, враги высадились на берегах двух континентов?

Ролдеро кивнул.

— Да, так будет разумнее всего. Но мне, откровенно говоря, этот план не по душе, ибо я жду не дожусь новой схватки с элдренами.

Я согласился с ним.

— Мне неймется поскорее закончить войну, — сказал я. Однако мы слабо представляли себе расположение армии

элдренов. На Мернадине имелось еще четыре крупных города, главным из которых был Лус-Птокай. От него рукой было подать до Равнин Тающего Льда. Герцог Бейнан утверждал, будто Арджевх находится там. Однако сейчас, вполне вероятно, принц элдренов спешит на выручку Пафанаалю. Такое развитие событий представлялось нам наиболее правдоподобным, поскольку Пафанааль занимал ключевую позицию на морском побережье Мернадина. Захватив город, мы получили возможность беспрепятственно пополнять наши ряды и запасы провизии.

Если Арджевх на самом деле движется к Пафанаалю, значит, все идет так, как мы и предполагали. Оставив в городе основную часть нашего войска, мы вернемся в Тунос, примем на борт те дивизии, которые из-за малого количества кораблей не в состоянии были отправиться в поход вместе с нами с самого начала, и тронемся в обратный путь.

Однако у Ролдеро были иные планы.

— Нам не след забывать о колдовских крепостях Внешних Островов, — сказал он мне. — Они лежат на Краю Света. Надо как можно скорее завладеть ими.

— Что за спешка? Чем провинились перед тобой эти Внешние Острова? — спросил я. — И почему раньше про них никто не заговаривал?

— Да потому, — ответил Ролдеро, — что даже дома мы стараемся в разговорах избегать упоминания о Призрачных Мирах.

Я с деланным отчаянием всплеснул руками.

— Снова Призрачные Миры?

— На Внешних Островах находятся ворота в Призрачные Миры, — сказал Ролдеро. — Оттуда к элдренам на помощь могут прийти их мерзкие дружки. Теперь, когда Пафанааль в наших руках, нам нужно покончить с ними на западе — на Краю Света.

Быть может, я зря сомневаюсь в словах Ролдеро? Или он переоценивает все-таки могущество обитателей Призрачных Миров?

— Ролдеро, тебе доводилось видеть половинников? — спросил я.

— О да, мой друг, — отозвался он. — Ты ошибаешься, если считаешь их мифическими существами. Они реальны — правда, чуть по-иному, чем мы с тобой.

Он меня убедил. Признаться, я доверял Ролдеро как никому другому.

— Тогда мы слегка подправим наши планы, — решил я. — Основная часть войска останется отражать попытки Арджевха овладеть Пафанаалем с суши. Мы вернемся в Нунос, пополним число кораблей, возьмем на борт воинов, которые дожидаются нас там, и поплывем на Внешние Острова, пока Арджевх, если мы правильно все рассчитали, будет гробить свои силы под стенами Пафанааля.

Ролдеро кивнул.

— Неплохо задумано, Эрекозе. Но как быть с девушкой? Как нам с толком использовать такой козырь?

Я нахмурился. Мне претила сама мысль о том, чтобы как-то «использовать» Эрмижад. Я прикинул, где ей будет безопаснее всего.

— Мне кажется, оставлять ее тут ни в коем случае нельзя, — сказал я. — Отвезем ее в Некраналь. Там ей никто не придет на помощь, а если она ухитрится сбежать, ей придется ох как туго. Что ты скажешь?

Ролдеро вновь кивнул.

— Пожалуй, ты прав. Весьма разумно.

— Надо будет посоветоваться с королем, — проговорил я.

— Разумеется, — подмигнул мне Ролдеро.

— И с Каторном, — прибавил я.

— Да, согласился он. — Особенно с Каторном.

Возможность переговорить с королем и Каторном нам представилась уже ближе к вечеру. Бледные и измученные, они быстро согласились со всеми нашими предложениями. Они готовы были сказать «да» на что угодно, лишь бы только их оставили в покое.

— Закрепившись здесь, мы не должны терять времени, — сказал я, обращаясь к королю. — Нам следует отплыть из Нуноса самое позднее через неделю. У нас теперь есть все основания ожидать ответного нападения со стороны элдренов.

— Ага, — пробормотал Каторн, глядя на меня налитыми кровью глазами. Ты правильно сообразил: нельзя допустить, чтобы Арджевх призвал себе на помощь Призрачные Рати.

— Приятно слышать, князь Каторн, что ты одобряешь мою задумку, — бросил я.

Он криво улыбнулся.

— Ты начинаешь мне нравиться, Эрекозе. Еще бы тебе не быть таким мягким с врагами, ну да это пройдет.

— Там поглядим, — отозвался я.

Пока наши воины, опьяненные победой и вином, развлекались на улицах Пафанаала, мы обсудили мой план до мельчайших подробностей.

План был неплохой.

Он сработает, если элдрены поведут себя так, как мы ожидаем. Мы были уверены, что они поведут себя так и никак иначе.

Который оставался командовать гарнизоном Пафаанаала, а мы с Ригеносом возвращались в Нунос. Ролдеро вызвался составить нам компанию. Приходилось надеяться, что по пути домой нас не перехватит флот элдренов, ибо мы решили сократить экипажи кораблей до минимума с тем, чтобы, насколько возможно, усилить гарнизон крепости. Так что, столкнувшись с вражеским флотом, мы оказались бы в незавидном положении.

Несколько дней мы провели в приготовлениях. Наконец настал день отплытия.

На рассвете тяжелогруженные корабли вышли из гавани Пафанаала. Их трюмы были забиты сокровищами элдренов.

Поупиравшись, король согласился поселить Эрмижад в каюте рядом с моей. Его отношение ко мне после той веселой ночи в Пафанаале заметно изменилось. Он держал себя так, словно мое присутствие его смущало. Должно быть, он смутно помнил, на какое посмешище сам себя выставил. Быть может, он не забыл моего отказа отпраздновать вместе с ним победу, а быть может, завидовал моей воинской славе, — хотя, видит Бог, мне эта слава и даром была не нужна.

Или он почувствовал мое отвращение к войне, в которой я сражался за него, и испугался потерять полководца?

Возможности поговорить с королем откровенно мне никак не представлялось, а у графа Ролдеро нашлось единственное объяснение: дескать, устроенная в Пафанаале резня утомила Ригеноса ничуть не меньше, чем меня самого.

В этом я, признаться, сомневался, ибо король как будто ненавидел элдренов сильнее прежнего, что отчетливо проявлялось в том, как он обращался с Эрмижадом.

Девушка продолжала играть в молчанку. Она почти ничего не ела и редко покидала каюту. Но однажды вечером, прогуливаясь по палубе, я увидел ее: она стояла у борта и глядела на воду. Вид у нее был такой, словно она готовилась свести последние счета с жизнью.

Решив во чтобы то ни стало помешать ей, я прибавил шагу. Когда я приблизился, девушка искоса посмотрела на меня и молча отвернулась.

Тут на полуоткрытом вышел король. Он окликнул меня:

— Эй, князь Эрекозе! Хоть ветер дует тебе в спину, не стоит подходить так близко к элдренской шлюхе!

Я остановился. Сперва я даже не понял, на что он намекает. Я бросил взгляд на Эрмижад: девушка сделала вид, что не слышала оскорбительной реплики короля. Я отвесил неглубокий, но вежливый поклон.

Пройдя мимо Эрмижад, я встал у борта, повернувшись к королю спиной.

— Ты будто начисто лишен обоняния, князь! — крикнул король. Я стиснул зубы, но промолчал.

— Подумать только, чего ради мы скоблили палубу после битвы? Неужели для того, чтобы по ней рассказывала эта мерзавка? — продолжал Ригенос.

Не выдержав, я повернулся к нему, но на полуоткрытом уже никого не было. Я посмотрел на Эрмижад. Она по-прежнему наблюдала за тем, как весла королевской ладьи вспарывают поверхность моря. Ее словно зачаровал ритм их движения. А слышала ли она в самом деле насмешки короля, подумалось мне.

Король Ригенос не упускал возможности уязвить Эрмижад. В ее присутствии он говорил о ней так, как будто ее не было поблизости. Он обливал грязью и ее, и всех элдренов, вместе взятых.

Мне все труднее становилось сдерживать себя, но так или иначе я сохранял самообладание. Что касается Эрмижад, она ни словом, ни жестом не давала понять, что ее задевают королевские замечания,

Я видел Эрмижад реже, чем мне того бы хотелось, и чувствовал, что, несмотря на все предостережения короля, меня влечет к ней. Она была прекраснее любой из женщин, встреченных мною до сих пор. Ее красота разительно отличалась от холодной красоты моей нареченной, Иолинды.

Что такое любовь? Даже теперь, когда мне вроде бы открылось мое предназначение, я не могу дать ответа. Разумеется, я продолжал любить Иолинду, но, незаметно для себя, влюбился в Эрмижад.

Я отказывался верить тому, что о ней рассказывали, и относился к ней с симпатией, однако я был тюремщиком, а она — пленницей, и отнюдь не простой. Она была пленницей, от которой, быть может, зависел исход войны.

Несколько раз я задумывался над тем, годится ли она в заложницы. Если, как уверял король Ригенос, элдрены холодны и жестоки, с какой стати Арджевху беспокоиться о судьбе своей сестры?

Эрмижад вовсе не казалась мне способной на все те мерзости, о которых так вдохновенно вещал король. Наоборот, у меня сложилось впечатление, что она обладает удивительным благородством души, которое проявлялось еще отчетливее на фоне грубости короля.

Быть может, подумалось мне, король заметил мою привязанность к Эрмижад и испугался, что Вечный Воитель раздумает жениться на его дочери?

Но я оставался верен Иолинде. У меня не было никаких сомнений в том, что, когда я вернусь из похода, мы сыграем свадьбу.

Любить можно по-всякому, и форм любви существует бесчисленное множество. Какая из них, в конце концов, побеждает? Не знаю и не буду пытаться угадать.

В красоте Эрмижад было нечто нечеловеческое, однако она немногим отличалась от идеала женщины, который сложился у моего народа.

Лицо ее было удлинненным и заостренным книзу. Джон Дейкер назвал бы его «лицом эльфа» и наверняка отказался бы признать, что черты его исполнены благородства. Раскосые глаза казались слепыми из-за своей странной белизны. Слегка заостренные уши, высокие скулы, стройная, скорее мальчишеская, фигурка. Таковы все элдренские женщины: стройное тело, тонкая талия и маленькая грудь. Пухлые алые губы чуть загибались вверх, так что казалось, будто на устах Эрмижад постоянно играет легкая улыбка.

Первые две недели пути девушка отказывалась говорить, хотя я всячески подчеркивал свое уважение к ней. Я приказал стражникам, чтобы она ни в чем не испытывала нужды; она поблагодарила меня через них, и это было все. Но однажды, когда я стоял на палубе, глядя на серое море и низкое небо, я услышал за спиной шаги и, обернувшись, увидел Эрмижад.

— Приветствую тебя, Воитель, — поздоровалась она насмешливо.

Я несказанно удивился.

— Приветствую тебя, госпожа Эрмижад, — отозвался я. На ней было простое шерстяное платье светло-голубого цвета, поверх которого она накинула темно-синий плащ.

— День исполнен предзнаменований, — проговорила она, бросив взгляд на мрачное небо, где остались теперь только два цвета — свинцово-серый и бледно-желтый.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался я.

Она рассмеялась. У нее был чудесный, звонкий смех. Он воспринимался как музыка небес, а вовсе не ада.

— Прости меня, — сказала она. — Я хотела позлить тебя, но вижу, что ты не из тех, кого легко вывести из равновесия. Я усмехнулся.

— Спасибо на добром слове, госпожа. Должен признаться, мне порядком надоели всякие суеверия, не говоря уж об оскорблениях.

— Это не оскорбления, — ответила она. — Они мелки и ничтожны.

— Ты снисходительна.

— Таковы все элдрены.

— Я слышал иное.

— Догадываюсь.

— Между прочим, у меня все тело в синяках, улыбнулся я. — Ваши воины не особенно церемонились, когда мы сошлись с ними в битве.

Она наклонила голову.

— А твои воины не церемонились, войдя в Пафанааль. Верно ли, что выжила я одна?

Я облизал внезапно пересохшие губы.

— Кажется, да, — сказал я тихо.

— Мне повезло, промолвила она, чуть повысив голос.

Я промолчал, ибо что я мог ответить?

Мы стояли и смотрели на море.

Потом Эрмижад заговорила:

— Значит, ты Эрекозе. Ты не похож на других людей. В тебе есть что-то такое, что отличает тебя от них.

— Ну вот, — отозвался я, — теперь мне ясно, что ты мне враг.

— С чего ты взял?

— Все мои враги, а князь Каторн — в особенности, сомневаются в моей принадлежности к роду человеческому.

— А ты человек?

— Да, и никто не убедит меня в обратном! Мои заботы — заботы простого смертного в том смысле, что у меня от них голова идет кругом не хуже, чем у любого другого. Я не знаю, каким образом очутился тут. Мне говорят, что я — великий герой, который восстал из праха, дабы повести людей на твой

народ. Меня призывали сюда заклинаниями. А ночами мне снятся сны, в которых я оказываюсь многими героями сразу.

— И все они люди?

— Сомневаюсь. Однако характер мой, как мне кажется, из воплощения в воплощение остается тем же самым. Ни мудрости, ни умения у меня не прибавляется. А разве быть Бессмертным не означает обладать мудростью веков?

Она кивнула.

— Думаю, что так, князь.

— Я даже не имею представления о том, где нахожусь, — продолжал я. — Я не могу понять: то ли я пришел к вам из далекого будущего, то ли — из не менее далекого прошлого.

— Элдренов не заботит время, — сказала она. — Правда, некоторые из нас считают, что прошлое и будущее — одно и то же, что Время движется по кругу и прошлое становится будущим, а будущее прошлым.

— Интересная мысль, — заметил я. — Но уж очень все, по-моему, просто получается.

— Пожалуй, я соглашусь с тобой, — произнесла она. — Время многогранно. Даже мудрейшие из наших философов не могут похвалиться тем, что до конца постигли его природу. Элдрены редко задумываются нам тем, что такое Время, ибо нам незачем о нем беспокоиться. Разумеется, у нас есть своя история, но история — не Время, история — это перечень событий.

— Понятно, — сказал я.

Она подошла к борту и слегка оперлась на него одной рукой.

В тот момент я испытал чувство, с каким, наверно, смотрит на дочь отец, любящая невинной самоуверенностью юности. По внешности я бы ни за что не дал Эрмижад больше девятнадцати лет. Однако в голосе ее порой слышалась убежденность, которую дает только богатый жизненный опыт, да и в манере держаться было нечто, вовсе не свойственное застенчивой молодости. Похоже, граф Ролдеро был прав. Как, в самом деле, определить возраст Бессмертного?

— Сперва я решил, — сказал я, — что пришел к вам из будущего. Но теперь я засомневался. Быть может, я пришел из прошлого, и тогда ваш мир по отношению к тому, что я называю «двадцатым столетием», есть далекое будущее.

— Наш мир очень древний, — согласилась она.

— Сохранились ли сведения о тех временах, когда на Земле жили одни только люди?

— Мы ни о чем таком не слышали, — улыбнулась Эрмижад. — В давно позабытых мифах и преданиях говорится о том, что когда-то на Земле жили одни только элдрены. Мой брат изучал эти мифы. Он мог бы рассказать тебе больше моего.

Я вздрогнул. Не знаю откуда, но у меня возникло ощущение, будто я изнутри превратился в ледышку. Я не в силах был продолжать разговор, хотя мне очень того хотелось.

Девушка словно не замечала моего состояния.

Наконец я через силу выдавил:

— День и вправду исполнен предзнаменований, госпожа. Надеюсь вскоре побеседовать с тобой снова.

Поклонившись, я спешно ретировался к себе в каюту.

16. Столкновение с королем

Тем вечером, укладываясь спать, я нарочно, хотя и не без некоторого трепета, не стал напиваться.

— ЭРЕКОЗЕ...

Голос звал меня точь-в-точь как тогда, в мою бытность Джоном Дейкером. Только принадлежал он не королю Ригеносу.

— Эрекозе...

Этот голос был музыкальнее.

Я увидел густые зеленые леса, высокие зеленые же холмы, равнины и замки и красивых животных, названия которых я не знал.

— Эрекозе? Меня зовут вовсе не Эрекозе, — сказал я. — Меня зовут принц Корам. Да, принц Корам — принц Корам Бэннан Флуранн, Принц в Алой Мантии. Я ищу свой народ. О, где мой народ? Когда же прервется мой тяжкий путь?

Я скакал на лошади. Лошадь была укрыта желтой попоной; к седлу приторочены были несколько корзин, два копыа, простой круглый щит, лук и полный стрел колчан. На мне была двойная кольчуга: нижняя рубашка медная, а верхняя — из серебра. Голову защищал конический серебряный шлем. На поясе у меня висел длинный и острый клинок, который назывался иначе, чем Канайана.

- Эрекозе.
- Я не Эрекозе.
- Эрекозе!
- Я Джон Дейкер!
- Эрекозе!
- Я Джерри Корнелиус!
- Эрекозе!
- Я Конрад Арфлейн!
- Эрекозе!
- Чего ты хочешь? — спросил я.
- Нам нужна твоя помощь.
- Я вам помогаю!
- Эрекозе!
- Я Карл Глогауэр!
- Эрекозе!

Имена не имели значения. Я это осознал. Значение имело только то, что я не способен был умереть. Я был вечен. Я был обречен жить во множестве тел, носить множество имен, — и сражаться, сражаться без конца.

Быть может, я ошибался. Быть может, я лишь по чистой случайности оказался заключенным в человеческом теле.

Мне показалось, что я завыл от ужаса. Кто же я? Кто же я такой, если не человек?

Голос по-прежнему звал меня, но я к нему не прислушивался. Мне до безумия хотелось повернуть время вспять и очутиться в теплой постели в теле Джона Дейкера.

Я проснулся весь в поту. Я не узнал ничего нового ни о себе, ни о тайне своего существования. Похоже, я лишь еще сильнее запутался.

Я лежал в темноте, не смея заснуть.

Я вглядывался во мрак. Я видел занавески на окнах, белое одеяло на кровати, видел лежащую рядом жену.

Я закричал.

— ЭРЕКОЗЕ... ЭРЕКОЗЕ... ЭРЕКОЗЕ...

— Я Джон Дейкер! — взвизгнул я. — Смотрите: я Джон Дейкер!

— ЭРЕКОЗЕ...

— Я ничего не знаю об Эрекозе. Меня зовут Элрик, принц Мелнибонзэйский. Элрик Губитель Родичей. У меня много имен.

Много имен — много имен — много имен...

Неужели возможно существовать одновременно в десятках воплощений? Неужели возможно переходить по воле случая из эпохи в эпоху? Неужели возможно покинуть Землю, устремиться туда, где сверкают холодные звезды?

— Что-то зашелестело. Меня повлекло во тьму, в безвоздушную пустоту. Вниз, вниз, вниз. Во всей вселенной не было ничего, кроме медленно струящегося газа. Не было ни тяжести, ни цвета, ни воздуха. Я был единственным разумным существом. Правда, где-то далеко находился кто-то еще.

Я закричал.

И запретил себе воспринимать окружающее.

Какова бы ни была моя судьба, подумал я утром, мне никогда ее не понять. Быть может, это к лучшему.

Я вышел на палубу и натолкнулся на Эрмижад. Она стояла на том же самом месте, облокотившись на борт. А не провела ли она тут ночь? — мелькнула у меня шальная мысль. Небо слегка очистилось, из-за туч временами выглядывало солнце. Мир казался разделенным на две половины — светлую и темную.

Унылый день.

Я присоединился к девушке. В молчании мы смотрели, как пенится у бортов вода, как монотонно, в едином ритме, движутся весла.

Первой опять заговорила Эрмижад.

— Что они собираются делать со мной? — спросила она.

— Тебя будут держать в заложницах на случай, если твоему брату, принцу Арджесху, вздумается напасть на Некраналь, — ответил я, не открыв ей, впрочем, всей правды. Ей вовсе ни к чему было знать о том, какие козни строятся против ее брата. — Тебе ничто не угрожает. Король не посмеет причинить тебе зло. Ты нужна ему живая и здоровая.

Она вздохнула.

— Почему ты и другие женщины элдренов, почему вы не убежали, когда наш флот вошел в гавань Пафаналя? — спросил я. Этот вопрос занимал меня уже давно.

— Элдрены не убегают, — отозвалась она. — Элдрены не убегают из городов, которые сами построили.

— Однако как-то раз они убежали в Горы Печали, — заметил я.

— Нет, — покачала головой девушка. — Их загнали туда. Понимаешь, в чем разница?

— Понимаю.

— Что же ты понимаешь? — раздался за моей спиной хриплый голос. Король Ригенос неслышно вышел из своей каюты и остановился позади нас, широко расставив ноги, чтобы не потерять равновесия на покачивающейся палубе. Выглядел он неважно.

Король пристально смотрел на меня.

— Доброе утро, сир, — сказал я. — Мы обсуждали значение отдельных слов.

— Я*смотрю, ты прямо не можешь отлипнуть от этой элдренской шлюхи? — бросил он.

Что творит с человеком ненависть! Отважный воин и, в общем-то, мудрый правитель, король Ригенос, едва речь заходила об элдренах, становился грубым варваром.

— Сир, — проговорил я, чувствуя, что больше не в силах сдерживаться, — сир, не забывайте, что вы говорите о той, в чьих жилах течет благородная кровь!

Он язвительно усмехнулся.

— Благородная кровь? Как бы не так! Скажи лучше, навозная жижа! Остерегайся, Эрекозе! Память зачастую подводит тебя, и потому я говорю тебе: остерегайся! У нее язык без костей. Она обольстит тебя и обреет на страшные муки. Не слушай ее!

— Сир... — попытался я его прервать.

— Она заболтает тебя и заколдует, и ты превратишься в послушную собачонку. Берегись, Эрекозе! Я подумываю о том, не отдать ли ее гребцам: пускай позабавятся!

— Ты поручил мне охранять ее, господин, — воскликнул я, — а я поклялся защищать ее от любых опасностей.

— Глупец! Смотри, я предостерег тебя. Мне не хочется терять твоей дружбы, Эрекозе, а еще сильнее мне не хочется потерять нашего Победителя. Если она снова попытается обольстить тебя, я убью ее, и ничто меня не остановит!

— Послушай, король Ригенос, — сказал я, — ты попросил меня о помощи, и я согласился. Но не забывай — я Эрекозе. Я сражался во многих битвах под разными знаменами, но всегда — за человечество. Я не приносил клятвы верности ни тебе, ни какому другому королю. Я Эрекозе, Вечный Воитель, Слава Человечества — но вовсе не слава Ригеноса!

Его глаза сузились.

— Ты изменил мне, Эрикозе? — спросил он таким тоном, как будто рассчитывал на утвердительный ответ.

— Нет, король Ригенос. Разногласия одного человека с другим отнюдь не означают измены роду людскому.

Он промолчал. Мне показалось, он ненавидит меня наравне с Эрмижад. Он тяжело дышал.

— Смотри, чтобы я не пожалел, что призвал тебя, мертвец Эрекозе, — проговорил, наконец, он, круто развернувшись и скрывшись в своей каюте.

— Наверно, будет лучше, если мы прекратим наши разговоры, — сказала Эрмижад тихо.

— Значит, мертвец Эрекозе? — я ухмыльнулся. — Ты не находишь, что для трупа я слишком эмоционален?

Смех смехом, а, раз дела приняли такой оборот, Ригенос, пожалуй, не согласится отдать мне в жены Иолинду. Он ведь и не подозревает о нашей помолвке.

Эрмижад как-то странно поглядела на меня и сделала рукой неопределенный жест.

Быть может, он прав, — заметил я. — Тебе не случалось встречать подобных мне в Призрачных Мирах?

Она покачала головой.

— Нет.

— Так что, Призрачные Миры существуют на самом деле? — удивился я.

— Конечно! — рассмеялась Эрмижад. — Как можно быть таким недоверчивым!

— Расскажи мне о них, Эрмижад.

— Как мне тебе рассказать? — она тряхнула головой. — И потом, если ты не верил тому, что тебе говорили про них до сих пор, ты вряд ли поверишь мне. Правильно?

Я пожал плечами.

— Не знаю.

Я почувствовал, что она что-то скрывает, но не стал давить на нее.

— Ответь мне только на один вопрос, — попросил я. — Не в Призрачных ли Мирах таится разгадка моего существования?

Она сочувственно улыбнулась.

— Ну что я могу тебе ответить, Эрекозе?

— Не знаю. Я думал, элдрены больше нашего сведущи в колдовстве...

— Теперь и в тебе заговорили суеверия твоих сородичей, — укорила она. — Ты не веришь...

— Госпожа, — перебил я, — я не знаю, чему мне верить. Боюсь, мне просто не по силам понять, как устроен ваш мир.

17. Снова в Некранале

Хотя король воздерживался от стычек со мной и не оскорблял в открытую Эрмижад, между нами явственно ощущался холодок. Правда, когда впереди замаячили берега Некралалы, Ригенос слегка оттаял.

Флот остался в Нуносе — чиниться и готовиться к возвращению в Пафанааль, а мы на веслах пошли вверх по течению реки Друнаа, направляясь в Некраналь.

Весть об одержанной нами победе уже достигла города. Досужие языки поработали на славу. Если верить слухам, выходило, что я в одиночку отправил на дно морское несколько десятков вражеских кораблей вместе с экипажами.

Я не стал опровергать слухов, опасаясь, что король Ригенос начнет строить против меня козни. Но жители города превозносили меня до небес, а это означало, что короля пока можно не бояться. Мне оказывали всевозможные почести — ведь я совершил то, чего все от меня ждали.

Если король сейчас выступит против меня, ему несдобровать. Подобный шаг может стоить ему короны, а то и головы.

Разумеется, объясняться мне в любви его никто не заставлял, однако всю дорогу от пристани до Дворца Десяти Тысяч Окон он держался со мной любезно, даже почти приветливо.

Быть может, он начал видеть во мне претендента на трон, но приветствия подданных, вид королевского дворца и радость дочери убедили его в том, что он — король и королем останется. Мне нужна была его дочь, а на корону я и не думал заглядываться.

Стражники отвели Эрмижад в предназначенное ей помещение, так что с Иолиндой, которая встретила нас в Приемной зале, они не столкнулись. Прекрасная и радостная, Иолинда сперва бросилась на шею отцу, а потом расцеловала меня.

— Ты рассказал папе? — спросила она.

— Думаю, он догадался обо всем еще перед отплытием, — рассмеялся я, поворачиваясь к королю, лицо которого приобрело какое-то отстраненное выражение. — Мы хотели бы обручиться, сир. Вы не возражаете?

Король раскрыл рот, вытер лоб, сглотнул — и только тогда кивнул.

— Конечно, нет. Благословляю вас. Тем крепче будет наш союз.

Иолинда недоуменно нахмурилась.

— Папа, ты рад — или не рад?

— Кон... Естественно, я рад. Естественно. Просто я немного устал, милая. Мне надо отдохнуть. Не сердись на меня.

— Ой, папа, прости. Конечно, тебе надо отдохнуть. Ты прав. Ты выглядишь утомленным. Я прикажу рабам приготовить еду и принести ее тебе в постель.

— Да, — отозвался король, — да.

Когда он ушел, Иолинда вопросительно поглядела на меня.

— У тебя тоже нездоровый вид, Эрекозе. Ты не ранен?

— Нет. Просто мне претит, когда убивают ни в чем не повинных людей.

— Воины сражаются друг против друга, убивают и гибнут сами. Что здесь такого?

— Ничего, — голос мой от волнения сделался хриплым.

— Но скажи, Иолинда, разве воины убивают женщин? Разве они воюют с малолетками?

Облизнув губы, она сказала:

— Пойдем ко мне. Там мы сможем спокойно поговорить.

Поев, я почувствовал себя лучше, однако раздражение улеглось не совсем.

— Что случилось? — спросила Иолинда.

— Мы наголову разбили элдренов в морском сражении.

— Здорово!

— Да уж.

— Потом вы захватили Пафанааль. Вы взяли его штурмом.

— С чего ты так решила? — изумился я.

— Как с чего? Земля слухами полнится.

— Город не сопротивлялся, — проговорил я. — В Пафанаале были только женщины и дети, и наши славные воины обошлись с ними весьма круто.

— Когда город берут штурмом, женщинам и детям лучше не подворачиваться под горячую руку, — сказала Иолинда.

— Так что не терзай себя...

— Мы не штурмовали город, — ответил я. — Нам незачем было это делать. В нем не было мужчин. Они все нашли себе могилу на дне морском.

Иолинда пожала плечами. По-видимому, она никак не могла понять причину моего недовольства. Пожалуй, оно и к лучшему.

Признаться, меня так и подмывало рассказать ей о неблагоприятном поступке ее отца.

— Знаешь, — сказал я, — где-то мы обязаны победой вероломству, хотя, по-моему, вполне могли бы обойтись без него.

— Вероломству? — сверкнула глазами Иолинда. — О, недаром говорят, что коварство у элдренов в крови!

— Элдрены сражались храбро и честно. А мы предательски застрелили их командира.

— Ах, вот оно что, — отозвалась она. — Какой ужас!

И прибавила с улыбкой:

— Я постараюсь отвлечь тебя от твоих мрачных мыслей, Эрекозе.

— Уж пожалуйста, сделай милость, — попросил я.

На следующий день король объявил жителям Некраналья о нашей с Иолиндой помолвке. В городе началось бурное веселье.

Стоя втроем на балконе дворца, у стен которого собралась громадная толпа, мы улыбались людям и махали руками. Однако едва мы ушли с балкона, король, отрывисто попрощавшись, торопливо удалился.

— Мне кажется, папа, хоть он и дал согласие, не одобряет мой выбор, — озадаченно проговорила Иолинда.

— Мы с ним разошлись во мнениях по поводу тактических вопросов, вот он и дуется, — объяснил я. — Думаю, скоро все забудется.

Но меня снедало беспокойство. Я был героем; меня носили на руках; как и подобает герою, я обручился с дочерью короля, — однако меня не оставляло ощущение, что что-то тут не так. Подобное чувство у меня уже возникало, но я так и не смог определить, откуда оно взялось. С чем оно связано — с моими ли страшными снами, с покрытым ли мраком прошлым или с напряженностью в отношениях между мною и королем Ригеносом? Быть может, мое беспокойство вообще ничем не обосновано.

Как здесь было заведено, в постель мы с Иолиндой легли вместе.

Но в первую нашу брачную ночь нам не хотелось плотской любви.

Посреди ночи я проснулся от того, что кто-то тронул меня за плечо.

Сев на кровати, я облегченно улыбнулся.

— Это ты, Иолинда.

— Я, Эрекозе. Ты так стонал во сне, что я решила разбудить тебя.

— А, — я потер глаза. — Спасибо.

Судя по обрывкам воспоминаний, меня донимали мои обычные сны.

— Расскажи мне об Эрмижад, — попросила вдруг Иолинда.

— Об Эрмижад? — я зевнул. — Что тебе хочется знать?

— Говорят, ты часто виделся с ней и много разговаривал. Мне в жизни не доводилось говорить с кем-нибудь из элдренов. Мы предпочитаем не брать пленных.

Я улыбнулся.

— Наверно, ты рассердишься, но она показалась мне во многом схожей с нами.

— О! Не надо так шутить, Эрекозе. Говорят, она очень красива и обольстила не одного смертного. Она исполнена зла. На ее совести тысячи человеческих жизней.

— Об этом я ее не спрашивал, — ответил я. — Мы в основном беседовали на философские темы.

— Значит, она умна?

— Не знаю. Мне она показалась простушкой. Правда, — спохватившись, добавил я, — быть может, она пряталась от меня под личиной простушки.

Иолинда нахмурилась.

— Простушка? Ну-ну...

Я встревожился.

— Пойми, Иолинда, я всего лишь передаю тебе свое впечатление. Честно говоря, мне глубоко безразличны и Эрмижад, и все остальные элдрены.

— Ты любишь меня, Эрекозе?

— Что за вопрос!

— Ты... ты... не бросишь меня?

Я рассмеялся и обнял Иолинду.

— Глупенькая, нашла, чего бояться!

Прильнув друг к другу, мы заснули.

Собравшись утром в королевском кабинете, мы с Ригеносом и графом Ролдеро принялись обсуждать наши дальнейшие планы. С головой уйдя в ратные дела, король перестал косо посматривать на меня и даже немного повеселел. Между нами не было разногласий в том, что нам надлежит делать. Арджевх наверняка попытается вернуть

Пафанааль и наверняка потерпит неудачу. Быть может, он осадит город, но мы будем доставлять туда припасы и оружие морем, так что он лишь зря потратит время и усилия. Пока суд да дело, наш флот совершит набег на Внешние Острова, и тогда, как уверяли меня вдвоем Ригенос и Ролдеро, элдрены окажутся бессильны призвать на помощь половинников.

Все, разумеется, зависело от того, нападет ли Арджевх на Пафанааль.

— Когда мы готовились к отплытию, его войско уже двигалось к городу, — заметил король. — Чего ради ему поворачивать с полдороги обратно?

Ролдеро согласился с Ригеносом.

— Думаю, нам не о чем беспокоиться, — сказал он. — Через пару-тройку дней наш флот готов будет выйти в море. Разрушив крепости на Внешних Островах, мы возьмем курс на Лус-Птокай. Если Арджевх завязнет под Пафанаалем, то к концу года все твердыни элдренов будут у нас в руках.

Мне не понравилось его самомнение. Пожалуй, нам сейчас не хватало Каторна с его вечной подозрительностью. Несмотря на свой скверный характер, солдатом он был толковым.

А на следующий день мы узнали новость, которая повергла нас в изумление, опрокинула все планы и сделала наше положение весьма и весьма шатким.

Арджевх, принц элдренов и правитель Мернадина, не появился под стенами Пафанааля. Готовая устроить достойную встречу, там находилась большая часть нашей армии, однако он пренебрег оказанной ему честью.

Возможно, у него и в мыслях не было нападать на Пафанааль.

Возможно, он с самого начала задумал поступить так, как поступил. Он перехитрил нас, одурачил и оставил с носом.

— Что я тебе говорил! — вскричал король, когда мы узнали о случившемся. — Я предостерегал тебя, Эрекозе!

— Теперь я тебе верю, — ответил я тихо, пытаюсь осознать, как такое могло произойти.

— Ты по-прежнему колеблешься, друг мой? — спросил Ролдеро.

Я покачал головой.

Человечество видело во мне своего защитника. И потому терзаться угрызениями совести было некогда. Я недооценил элдренов, и теперь мне надо было сделать все, что в моих силах, чтобы спасти людей.

Корабли элдренов бросили якорь у восточного побережья

Некралалы. Элдренское войско двигалось к Некраналю, сметая все на своем пути.

Я выругался. Ригенос, Каторн, Ролдеро, Иолинда — все они были правы. Меня обольстила нечеловеческая красота элдренов, меня сбили с толку их красивые слова.

В Некранале воинов было раз-два и обчелся. Тем, кто сейчас в Пафанаале, потребуется не меньше месяца, чтобы прийти к нам на подмогу. А корабли элдренов пересекли оксан в половину этого срока! Мы уверены были, что пустили их флот на дно. На самом же деле мы расправились только с малой его частью!

Читая в глазах друг у друга страх, мы бросились составлять план действий. — Рассчитывать на пафанаальские дивизии не стоит, — сказал я. — Пока они сюда доберутся, все уже будет кончено. Однако отправь к Каторну гонца, Ролдеро. Пусть расскажет о наших делах и передаст Каторну, что тот волен поступать по собственному усмотрению. Я ему доверяю.

— Хорошо, — кивнул Ролдеро. — Воинов у нас, конечно, маловато. Надо спешно известить командиров тех дивизий, которые размещены в городах Завары. Они стоят в Сталако, Калодемии и Дратарде. Быть может, у них получится присоединиться к нам, ну, скажем, через неделю. Гарнизоны же Шайлала и Сайнены я советовал бы приберечь на крайний случай.

— Согласен, — сказал я. — Порты надо защищать любой ценой. Кто знает, сколько еще у элдренов флотов?

Я выругался.

— Если б мы вовремя сообразили подослать к ним лазутчиков...

— Не глупи, — отозвался Ролдеро. — Ну кому из людей под силу изобразить из себя элдрена? И потом назови мне хотя бы одного, кто в состоянии довольно долго делить с ними и пищу и кров?

— Больше всего у нас войск в Нуносе, — проговорил Ригенос. — Нужно послать за ними, молясь о том, чтобы на город не напали в их отсутствие.

Он поглядел на меня.

— Здесь нет твоей вины, Эрскозе. Не изводи себя. Мы слишком многого от тебя ожидали.

— Можешь ожидать от меня большего, король, — пообещал я. — Я прогоню элдренов.

Ригенос в задумчивости наморщил лоб.

— Мы кое о чем позабыли, — сказал он. — Ведь у нас есть элдренская шлюха, которая доводится Арджевху сестрой.

До меня как будто начало доходить. Сестра Арджевха. Мы были твердо уверены, что он постарается вернуть Пафанааль, и обманулись в своих расчетах. Мы вовсе не предполагали, что он отважится на вторжение в пределы Некралалы, и снова промахнулись. Сестра Арджевха...

— При чем тут она? — спросил я.

— Не сказать ли нам Арджевху, что если он не уберется из наших земель, мы прикончим ее?

— А он нам поверит?

— Это зависит от того, как сильно он любит свою сестру, — усмехнулся король. — Надо попробовать, Эрекозе. Но учти, что он даже не захочет тебя слушать, если ты выйдешь ему навстречу с пустыми руками. Возьми с собой все дивизии, какие тебе удастся собрать.

— Естественно, — ответил я. — Правда, у меня есть подозрение, что Арджевх не станет размениваться на такие мелочи, раз ему представляется возможность захватить главный город Некралалы.

Ригенос промолчал. Откровенно говоря, я и сам не особенно в это верил.

Ригенос положил руку мне на плечо.

— Забудем нашу размолвку, Эрекозе. Отныне между нами ничто не стоит. Отправляйся же на битву с Псами Зла, победи их и убей Арджевха. Отруби чудищу голову — и ты покончишь с элдренами. А если сражаться будет невозможно, расскажи ему про его сестру и про выкуп, который мы хотим получить. Будь мужествен, Эрекозе, будь тверд — и хитер.

— Постараюсь, — сказал я. — С твоего позволения, я немедленно отправлюсь в Нунос. Думаю, для обороны Некраналы хватит пехоты и артиллерии, так что конница пойдет со мной.

— Поступай, как сочтешь нужным, Эрекозе.

Заглянув на минутку к себе в покои, я простился с опечаленной Иолиндой.

Эрмижад я ничего говорить не стал.

18. Принц Арджевх

Я ехал во главе отряда, уперев в стремя пику, на которой развевалось мое знамя — серебряный клинок на черном поле. Конь подо мной гарцевал, но я уверенно держался в седле.

Под началом у меня было пять тысяч рыцарей, а о численности войска элдренов я не имел ни малейшего представления.

Наш путь лежал на восток от Нуноса. Мы хотели перехватить элдренов по дороге и не подпустить их к Некраналю.

Задолго до встречи с ратью Арджевха нам начали попадаться беглецы — крестьяне и городские жители. По их рассказам выходило, что элдрены движутся напрямик на Некраналь, не делая попыток захватить другие поселения на своем пути. Как ни странно, никто ни словом не упомянул об их зверствах. Очевидно, они решили не тратить время на расправы с мирным населением.

Арджевх, видимо, поставил себе целью как можно скорее достичь Некраналья. Мне мало что было известно об элдренском принце. Его называли сущим извергом, мучителем женщин и детоубийцей. Мне не терпелось сойтись с ним в битве.

Еще нам рассказали о том, что в войске принца Арджевха много половинников — существ из Призрачных Миров. Мои воины заволновались, и мне стоило немалых трудов убедить их, что это всего лишь слухи.

Меня не сопровождали ни Ролдеро, ни Ригенос. Они оба остались в Некранале: первый отвечал за оборону города, а второй просто не пожелал покидать столицу своего королевства.

Другими словами, я впервые оказался предоставленным самому себе. У меня не было советчиков — о чем я, кстати, совершенно не жалел.

Войско элдренов и рати человечества встретились на обширном плато, которое именовалось Равниной Оласа. Оласом назывался древний город, некогда стоявший на этой равнине. Плато окружали высокие горы. В свете заходящего солнца зеленая трава стала бурой, горы окрасились в багровые тона и, словно огневые, ярко засверкали знамена элдренских полчищ.

Мои маршалы и генералы настаивали на том, чтобы напасть на элдренов на рассвете. Судя по всему, воинов у них было даже меньше, чем у нас; так что, вполне вероятно, победа достанется нам малой кровью.

Осознав, что мне нет необходимости требовать с Арджевха выкуп за Эрмижад, я почувствовал облегчение. Я решил поступить так, как требовал того Кодекс Воина, который

люди свято соблюдали в сражениях между собой, отказываясь следовать ему в битвах против элдренов.

Услышав о моем решении, командиры пришли в ужас. Но я сказал им:

— Будем благородны и покажем Псам Зла, что мы — люди.

Со мной рядом не было ни Каторна, ни Ригеноса, ни Ролдеро. Никто не спорил со мной, никто не предостерегал меня от коварства элдренов. Побуждаемый инстинктами Эрекозе, я хотел сражаться так, как они мне велели.

Я отправил к элдренам герольда под белым благом. Некоторое время я глядел ему в спину, а потом вдруг прищипорил коня и погнал его следом.

— Куда ты, князь Эрекозе? — закричали мне вслед маршалы.

— В лагерь элдренов! — расхохотался я.

Заслышав стук копыт, герольд обернулся в седле.

— Князь Эрекозе? — изумился он.

— Скачи, герольд. Я поеду с тобой.

Вскоре нас окликнули дозорные элдренов.

— Что нужно вам, люди? — спросил какой-то офицер невысокого чина, сляясь разглядеть во мраке наши лица.

Взошла луна, залив все вокруг серебряным сиянием. Я развернул свое боевое знамя. Лучи луны высветили узор.

— Знамя Эрекозе! — проговорил офицер.

— Эрекозе перед тобой, — бросил я.

Его лицо исказила гримаса отвращения.

— Мы слышали о твоих подвигах в Пафанаале. Когда бы не белый флаг, я...

— Я не совершил ничего такого, за что мне было бы стыдно, — сказал я.

— Ну конечно, где уж тебе стыдиться!

— Слушай, элдрен, за все то время, пока мы были в Пафанаале, я ни разу не обнажил меч.

— Значит, ты убивал детей голыми руками.

— Думай, что хочешь, — ответил я. — Однако проводи нас к своему господину. Мне некогда тут препираться с тобой.

Палатка принца Арджевха стояла на другом конце лагеря. Подъехав к ней, мы остановились, а офицер прошел внутрь.

Из шатра донеслись приглушенные звуки, а потом отдернулся полог и глазам нашим предстал высокий и стройный мужчина. Одевался он, видно, второпях: из всех доспехов на нем были лишь стальной нагрудник поверх свободной зеле-

ной рубахи и стальные же наголенники, из-под которых виднелись лосины. Обут он был в сандалии. Длинным черным волосам не давал спадать на лоб золотой обруч с огромным рубином.

Лицо его было прекрасно. Я знаю, что не подобает говорить таких слов о мужчине, однако сказать иначе было попросту невозможно. Как и у Эрмижад, у него был заостренный подбородок и раскосые, без зрачков глаза. Но вот губы его вовсе не загибались кверху. Они были плотно сжаты; от носа к верхней губе пролегли две глубокие морщины.

Проведя рукой по лицу, мужчина взглянул на нас.

— Я Арджевх, принц Мернадина, — сказал он певучим голосом. — Что нужно тебе, Эрекозе, похититель моей сестры?

— Я явился с тем, чтобы лично передать тебе вызов на бой от рыцарей человечества, — ответил я.

Он огляделся.

— Очередная ловушка?

— Я никогда не лгу, — отозвался я.

Он невесело улыбнулся.

— Что ж, князь Эрекозе, от имени моих воинов я принимаю твой вызов. Значит, нам предстоит битва. Значит, завтра мы начнем убивать друг друга. Так?

— Тебе решать, — проговорил я, — ведь вызов был наш.

Он нахмурился.

— Минуло без малого миллион лет с тех пор, как люди сражались с элдренами, соблюдая Кодекс Воина. Как я могу доверять тебе, Эрекозе? Тем более что нам известно о кровавой расправе, учиненной вами в Пафанаале.

— Я никого и пальцем не тронул, — ответил я тихо. — Я просил пощадить детей. В Пафанаале со мной были король Ригенос и его военачальники, а теперь я командую армией. Я решил соблюсти Кодекс Воина, который, помнится, сам и установил.

— Да, — подтвердил Арджевх. — Порой его называют кодексом Эрекозе. Но ты не настоящий Эрекозе. Он был смертным, как и все люди. Бессмертны лишь элдрены.

— В чем-то я смертный, в чем-то — нет, — бросил я. — Давай перейдем к делу.

Арджевх развел руками.

— Ну как я могу доверять твоим словам? Не единожды мы соглашались поверить людям и всякий раз оказывались обманутыми. Откуда мне знать, на самом ли деле ты Эрекозе,

Слава Человечества, наш древний недруг, которого мы всегда уважали за благородство в бою? Я бы поверил тебе, человек, называющий себя Эрикозе, но боюсь это сделать.

— С твоего позволения, я спешусь, — сказал я. Герольд изумленно поглядел на меня.

— Как угодно.

Спрыгнув с коня, я отцепил от пояса меч и повесил его на луку седла. Потом, хлопнув коня по железному боку — животное тоже было одето в доспехи, я приблизился к принцу эдренов.

— Мы сильнее вас, — сказал я. — Скорее всего, победа завтра будет за нами. Те твои воины, кому удастся спастись, не проживут и недели, ибо где бы они ни прятались, их найдут и прикончат. Я предлагаю тебе, принц, сразиться в честном бою, когда враги шадят пленников, не добивают, а лечат раненых и опускают оружие, чтобы сосчитать живых и мертвых.

Слова сами собой слетали у меня с языка.

— Ты хорошо знаешь Кодекс Эрекозе, — заметил принц.

— Естественно.

Он отвернулся и поглядел на луну.

— Моя сестра жива?

— Да.

— Зачем ты прискакал в наш лагерь вместе с герольдом?

— Наверно, из любопытства, — ответил я. — Я много разговаривал с Эрмижад. Мне хотелось знать, впрямь ли ты дьявол во плоти, как утверждает молва, или такой, каким описала тебя мне твоя сестра.

— И каково же твое мнение?

— Если ты и дьявол, то здорово уставший.

— Мне достанет сил сражаться, — сказал он. — Мне достанет сил завладеть Некраналем.

— Мы думали, ты двинешься на Пафанааль, — проговорил я. — Мы считали, ты постараешься отбить свой главный порт.

— Сначала я так и собирался поступить — пока не узнал, что вы умыкнули мою сестру, — он помолчал. — Как она?

— Ничего, — отозвался я. — Мне поручили охранять ее, а я распорядился, чтобы ей оказывали всяческое уважение.

Он кивнул.

— Мы пришли освободить ее, — сказал он.

— Ой ли? — я позволил себе улыбнуться. — Откровенно говоря, ты застал нас врасплох. Однако должен тебя

известить: если ты не повернешь обратно, твоей сестре угрожает смерть.

Арджевх поджал губы.

— Ее все равно убьют, так или иначе. Замучают и убьют. Я знаю, как люди обходятся с пленными элдренами.

Мне нечего было ему возразить.

— Если моя сестра погибнет, — бросил принц Арджевх, — я спалю Некраналь дотла, хотя бы мне пришлось положить для этого всех своих воинов. Я убью Ригенюса, убью его дочь — словом, всех до единого!

— Пошло-поехало, — сказал я тихо.

Арджевх опомнился.

— Прости меня, Эрекозе. Ты приехал вовсе не за тем, чтобы выслушивать мои угрозы. Я верю тебе и соглашаюсь на все, что ты предложил, но хочу добавить одно условие.

— Какое?

— Если победим мы, вы освободите Эрмижад, сохранив тем самым жизнь многим воинам.

— Увы, — ответил я, — это не в моих силах. Я лишь охраняю твою сестру, принц Арджевх, а в плену ее держит король. Так что, победив, вам придется идти на Некраналь и осадить город.

Он вздохнул.

— Что ж, Победитель, встретимся завтра на рассвете.

— Мы превосходим вас числом, принц, — пробормотал я. — Уходите. Мы вас не тронем.

Он покачал головой.

— Мы будем сражаться.

— Тогда до утра, принц элдренов.

Он устало махнул рукой.

— Прощай, князь Эрекозе.

— Прощай.

Поворотив коня, я в сопровождении герольда поскакал обратно. Настроение у меня было подавленное.

Я снова запутался в своих симпатиях и антипатиях. Неужели элдрены настолько умны и хитры, что им не составляет труда одурачить меня?

Завтрашний день покажет.

Спал я, как обычно, плохо, не пытаюсь, впрочем, прогонять сны или доискиваться их смысла. Мне стало ясно, что это бесполезно. Я был тем, кем был, — Воителем на все

времена, вечным солдатом в вечной войне. А почему так, мне узнать не дано.

Незадолго до рассвета запели трубы. Я надел доспехи, прицепил меч и сорвал чехол с пика, обнажив длинный металлический наконечник.

Я вышел из шатра. Было очень холодно. Рассвет еще не наступил. В полумраке я разглядел своих конников, которые уже сидели в седлах.

На лбу моем проступил холодный пот. Я несколько раз вытирал лицо платком, но пот всякий раз выступал снова. Я надел шлем и прикрепил его к наплечникам. Я натянул поданные оруженосцами перчатки. На негнущихся ногах я подошел к коню. Мне помогли взобраться в седло, подали пика и щит. Я занял место во главе отряда.

Мы двинулись в полной тишине. Стальная волна устремилась к лагерю элдренов.

Небо окрасилось в бледные тона. Мы увидели друг друга. Элдрены пошли нам навстречу — медленно и неотвратно.

Я поднял забрало, чтобы лучше видеть. Земля казалась ровной и сухой. Засад и ловушек как будто можно не опасаться.

Гулом отдавался в ушах топот лошадиных копыт. С лязгом бились о доспехи клинки. Позвякивала конская сбруя. Однако впечатление было такое, будто над полем брани не раздается ни звука.

Ближе. Ближе. Ближе.

Стая ласточек, покружившись у нас над головами, унеслась к далеким горным пикам.

Я опустил забрало. Меня довольно чувствительно потряхивало в седле. Я истекал холодным потом. Пика удит оттягивали мне руки.

Ветерок доносил до меня запах конского пота вперемешку с людским. Скоро, подумалось мне, я почую запах крови.

Торопясь перехватить врага, мы не стали брать с собой пушек. Элдрены, видно, исходили из тех же соображений. Правда, их осадные машины вполне могут двигаться следом.

Ближе. Я различил знамя Арджевха и стяги его военачальников.

Я рассчитывал на кавалерию, которую разбил на три отряда. Первые два должны были обойти элдренов с флангов, а третьему предстояло рассечь вражеское войско надвое и завершить окружение.

Еще ближе. В желудке у меня заурчало. Я ощутил во рту привкус тошноты.

Пора. Я натянул поводья и воздел над головой пику, давая знак лучникам.

Наши лучники вооружены были не самострелами, а большими луками, которые били точнее и сильнее. Из них можно было стрелять очень быстро. Туча стрел взвилась в воздух и обрушилась на эдзренов. За ней последовала другая и тут же — третья.

Стрелы эдзренов были тоньше и коварнее наших. Раздались крики раненых, заржали от боли лошади. В наших рядах возникло было замешательство, но дисциплина сделала свое.

Я вновь поднял пику, на которой развевалось мое черное с серебром знамя.

— Конница! Вперед, во весь опор!

Взревели трубы, передавая мой приказ. Воины прищипорили коней. Часть рыцарей повернула налево, часть — направо, а оставшиеся устремились напрямик на врага. Они пригнулись к шеям лошадей, они выставили перед собой пики — одни держали оружие левой рукой, а другие правой. Ветер раздувал плюмажи на их шлемах, срывал с плеч плащи и яростно трепал флажки на пиках. В лучах утреннего солнца тускло сверкали доспехи.

Пустив своего скакуна в галоп, я едва не оглох от топота копыт. Во главе отряда из пятидесяти всадников я летел на эдзренов, выискивая среди них Арджевха, которого в тот момент ненавидел лютой ненавистью.

Я ненавидел его потому, что вынужден был сражаться с ним и, быть может, убить его.

Крича во все горло, мы врезались в ряды эдзренов. Восторг битвы опьянил меня: я помнил лишь, что должен убивать и не давать убить себя. Пика моя сломалась почти сразу, пронзив доспехи какого-то эдзрена. Я бросил ее и обнажил меч.

Я рубил и рубил и высматривал Арджевха. Наконец я заметил его: размахивая булавой, он отбивался от пехотинцев, которые стаскивали его с седла.

— Арджевх!

Полуобернувшись на оклик, он увидел меня.

— Подожди чуток, Эрекозе. Вот разберусь с этими...

— Арджевх!

В крике моем был вызов, и принц эдзренов услышал его.

Раскroив череп последнему пехотинцу, он поворотил коня ко мне. Его страшная булава отогнала двух конных рыцарей, которые преградили было ему путь. Воины отхлынули от нас, освобождая место для схватки.

И начался бой. Я замахнулся своим ядовитым мечом, но Арджевх отразил удар. Потом я вовремя пригнулся, едва не достав клинком до вытопанной земли, и булава принца элдренов просвистела у меня над головой.

Я попробовал достать его снизу, но мой меч натолкнулся на булаву. В течение нескольких минут мы обменивались ударами, и вдруг издалека донесся крик, который поверг меня в изумление:

— СЮДА, ПОД ЗНАМЯ! СЮДА, РЫЦАРИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Я понял, что моя задумка оказалась неудачной. Первые два отряда не смогли выполнить то, что им было поручено.

Арджевх улыбнулся и опустил булаву.

— Они и не подозревали, что окружают половинников! — расхохотался он.

— Мы еще встретимся, Арджевх! — воскликнул я и, прищипнув коня, погнал его туда, где развевалось на ветру знамя нашей армии.

Я вовсе не убегал с поля боя, и Арджевх это прекрасно понял. Мне надо было быть рядом с моими воинами. Вот почему Арджевх опустил булаву, не пытаясь остановить меня.

19. Исход сражения

Арджевх упомянул половинников, однако я что-то не заметил в рядах его войска призраков. Кто они такие? И почему их нельзя окружить?

Занимали меня не только половинники. Нужно было спешно придумывать новый план, иначе нам несдобровать.

Четверо моих маршалов угрозами и посулами собирали людей воедино. Получилось так, что не мы окружили элдренов, а они нас, и многие наши воины оказались отрезанными от своих.

Перекрывая голосом шум сражения, я крикнул одному из маршалов:

— Что случилось? Что произошло? Мы же превосходим их числом!

— Знать не знаю, ведать не ведаю, — ответил он. — Мы обошли элдренов, и вдруг половина из них исчезла и оказалась за нашими спинами. У них ведь не разберешь, где элдрен, а где половинник!

Человека, который отвечал мне, звали граф Мейбеда. Он был опытным и закаленным в битвах воином. И его голос дрожал, а сам он казался сильно напуганным!

— Так что там с половинниками? — спросил я.

— Они уязвимы для обычного оружия, князь Эрекозе, но, когда захотят, просто растворяются в воздухе, а там — ищи ветра в поле. С такими недругами никакой план не пройдет!

— Тогда, — решил я, — нам лучше собраться всем вместе и занять оборону. Мне кажется, нас по-прежнему больше, чем элдренов с их колдовскими союзниками. Пускай попробуют одолеть нас!

Мои воины почти начисто утратили боевой дух. Я понимал их: тяжело сознать, что ты на грани поражения, когда минуту назад до победы было рукой подать.

Элдрены наступали. Гордо трепетало на ветру их знамя с василиском. На нас устремились конники, во главе которых скакал принц Арджевх.

Снова началась сеча, и снова мы сошлись в поединке с предводителем элдренов.

Он знал о могуществе моего меча, знал, что клинку достаточно нанести ему крохотную царапину, чтобы отправить его на тот свет. И потому его смертоносная булава, с которой он обращался так же ловко, как кто другой — с мечом, пресекала все мои попытки достать его.

Наш поединок продолжался около получаса. Арджевх, судя по его виду, едва держался в седле от усталости. У меня ломило все тело.

И опять с нашей ратью случилось что-то странное. И опять я, будучи поглощен схваткой с Арджевхом, ничего не видел.

Мимо меня промчался граф Мейбеда. Его доспехи были расколоты, по лицу и рукам струилась кровь. В одной руке он сжимал изорванное боевое знамя. Глаза его полны были ужаса.

— Беги, князь Эрекозе! — крикнул он на скаку. — Беги! Все кончено!

Я не поверил ему, но тут заметил разбегающихся во все стороны воинов.

— Стойте! — воскликнул я. — Стойте, рыцари!

Они не обратили на меня внимания.
Арджевх опустил булаву.
— Мы победили, — сказал он.
Я уронил руку с мечом.
— Ты славный воин, принц Арджевх.
— Ты тоже, князь Эрекозе. Я помню наш уговор. Иди с миром. Ты нужен Некраналю.
Я помотал головой и глубоко вдохнул.
— Готовься защищаться, принц Арджевх! — бросил я.
Он пожал плечами, отразил булавой мой удар, а потом с силой обрушил свою дубину на мое запястье. Рука моя тут же отнялась. Я попытался удержать меч, но пальцы меня не слушались. Клинок выскользнул из моей руки и повис на ремешке.
Выругавшись, я прыгнул на элдрена, норовя схватить его здоровой рукой. Но он осадил коня, и я, пролетев мимо него, плюхнулся в кровавую жижу, которая покрывала землю.
Я приподнялся было, однако силы окончательно оставили меня. Я потерял сознание.

20. Уговор

КТО Я?

Ты Эрекозе, Воитель на все времена.

КАК МЕНЯ ЗОВУТ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Как придется.

ПОЧЕМУ Я СТАЛ ТАКИМ?

Потому что ты всегда им был.

ЧТО ЗНАЧИТ «ВСЕГДА»?

Всегда.

ОБРЕТУ ЛИ Я ПОКОЙ ХОТЬ КОГДА-НИБУДЬ?

Однажды ты обретешь покой.

НАДОЛГО?

На время.

ОТКУДА Я ВЗЯЛСЯ?

Ты был всегда.

КУДА ЛЕЖИТ МОЙ ПУТЬ?

Туда, где тебя ждут.

ЗАЧЕМ?

Чтобы сражаться.

СРАЖАТЬСЯ ЗА ЧТО?

Сражаться.
ЗА ЧТО?
Сражаться.
ЗА ЧТО?

Я вздрогнул и понял, что кто-то снял с меня доспехи. Я открыл глаза. Надо мной наклонился Арджевх.

— Почему он меня ненавидит? — пробормотал элдрен. Потом заметил, что я пришел в себя, и выражение лица его изменилось. Он усмехнулся.

— Однако ты крут в бою, Воитель.

Я заглянул в его белесые задумчивые глаза.

— Что с моими воинами? — спросил я.

— Те, кто выжил, бежали. Пленников мы освободили и отпустили. Все, как договаривались.

Я с усилием сел.

— Значит, меня ты тоже отпустишь?

— Я хотел было, но...

— Что но?

— Из тебя выйдет неплохой заложник.

Поняв, что он имеет в виду, я опустился обратно на жесткое ложе. Я глубоко задумался над мыслью, которая пришла мне в голову. Наконец, почти помимо своей воли, я выговорил:

— Обменяй меня на Эрмижад.

В его холодных глазах мелькнуло удивление.

— Ты серьезно? Ведь у вас были другие планы на Эрмижад.

— Разрази тебя гром, элдрен! Говорю тебе, обменяй меня на нее.

— Ты странный человек, друг мой. Что ж, раз ты просишь об этом, я так и поступлю. Благодарю тебя. Ты и в самом деле помнишь древний Кодекс Воина. Должно быть, ты действительно тот, за кого себя выдаешь.

Я закрыл глаза. У меня нестерпимо болела голова.

Он вышел из палатки, и я услышал, как он даст наказ гонцу.

— Пусть известит горожан! — крикнул я. — Король может не согласиться, но они его заставят. Я — их герой. Они с радостью обменяют меня на элдрена, кем бы тот элдрен ни был.

Наставив гонца, Арджевх вернулся в палатку и сел на скамью напротив меня.

— Скажи мне, — спросил я, — почему элдрены до сих пор не покончили с людьми? Ведь нам не устоять против половинников с их умением становиться невидимыми.

Он покачал головой.

— Мы редко призываем их. Что касается меня, я вынужден был это сделать. Я пошел бы на что угодно ради спасения сестры.

— Понятно, — сказал я.

— Если б не она, мы бы никогда не вторглись в ваши земли, — продолжал Арджевх. Я поверил ему, ибо знал, что он говорит правду.

Я глубоко вздохнул.

— Тяжело, — пожаловался я. — Меня заставили воевать, не растолковав, кто прав, кто виноват, не объяснив, кто населяет ваш мир и с чем вообще это едят. Очевидные факты здесь оборачиваются ложью, а то, что раньше представлялось мне неправдоподобным, — истиной. К примеру, кто такие половинники?

Арджевх улыбнулся.

— Колдовские призраки, — сказал он.

— Это я уже слышал от короля Ригеноса. Что это означает?

— Ты просто-напросто не поймешь меня, если я скажу, что они обладают способностью расщеплять свои атомные структуры и самовоссоздаваться в других местах. Для тебя единственное объяснение — колдовство.

Я поразился, услышав научные термины.

— Ты зря думаешь, что я не пойму, — проговорил я.

Его брови поползли вверх.

— Ты другой, — сказал он. — Ну так вот, половинники, как тебе известно, состоят в родстве с элдренами. Однако не все обитатели Призрачных Миров приходятся нам родичами. Некоторые из них гораздо ближе к людям. И потом существует немало иных форм жизни.

Призрачные Миры реальны, но находятся в параллельных по отношению к нашим измерениям. У себя дома половинники ничем особым не выделяются, но стоит им только очутиться здесь, как положение в корне меняется. Почему — не знаем ни мы, ни они. Похоже, что у них там действуют иные физические законы. Больше миллиона лет тому назад мы открыли способ перекинуть мост между Землей и Призрачными Мирами. В тех мирах мы встретились с похожими на нас существами, которые иногда, в крайних

случаях, приходят нам на помощь. Как сейчас, например. Порой, когда Призрачные Миры переходят в иную плоскость, их связь с Землей нарушается; тогда ни половинники, которые были в тот момент на Земле, ни элдрены, которым довелось оказаться в Призрачных Мирах, не могут возвратиться к себе. Как видишь, засиживаться в гостях довольно опасно.

— А правда ли, — спросил я, — что элдрены пришли на Землю из Призрачных Миров?

— Думаю, да, — согласился он, — хотя у нас не осталось никаких свидетельств.

— Вот почему, наверно, люди ненавидят вас. Вы для них — незваные пришельцы, — заметил я.

— Вовсе нет, — отозвался Арджевх. — Элдрены жили на Земле задолго до появления людей.

— Что?!

— Да, друг мой, — сказал он. — Я бессмертен, и дед мой тоже был бессмертным. Он погиб в одной из первых войн между элдренами и людьми*. Когда люди впервые появились на Земле, они обладали страшным оружием с громадным разрушительным потенциалом. В те дни мы пользовались этим оружием наравне с ними. И потому в итоге, когда последняя из войн закончилась поражением элдренов, Земля представляла собой выжженную пустыню. Мы поклялись никогда больше не прикасаться к тому оружию, пускай даже нам угрожает полное истребление. Нам не хотелось, чтобы нас потом обвиняли в уничтожении целой планеты.

— Ты хочешь сказать, что оружие это сохранилось?

— Да, но оно надежно спрятано.

— И вы знаете, как пользоваться им?

— Разумеется. Мы же бессмертны. Среди нас много тех, кто сражался в прошлых войнах и сам создавал такое оружие.

— Тогда почему...

— Я же сказал тебе: мы дали клятву.

— А что случилось с людским оружием — и с людскими знаниями? Неужели люди последовали вашему примеру?

— Нет. Человечество пришло в упадок. Наступила пора междоусобиц. Сначала они чуть было не уничтожили себя

* Подобно тому как, по древним повериям, эльфа можно убить, но в остальном он бессмертен.

самих, потом превратились в варваров, потом в душах у них как будто воцарился наконец мир. На какой-то из ступеней своего развития они утратили знания и то оружие, какое у них оставалось. Миллион лет назад люди были настоящими дикарями, и я уверен, они вскоре опустятся до прежнего состояния. Они словно не замечают, что сами роют себе могилу. Мы не раз задавались вопросом, похожи ли люди, которые наверняка обитают на других планетах, на тех, с кем приходится иметь дело нам. Хорошо, если нет.

— Надеюсь, что так, — сказал я. — Как по-твоему, что ожидает элдренов?

— Гибель, — отозвался Арджевх. — Людей вдохновило твое появление, а ворота в Призрачные Миры скоро закроются. До твоего прихода люди только и делали, что ссорились. Маршалы короля Ригеноса вечно препирались из-за пустяков, а он по натуре слишком слабохарактерен, чтобы принимать важные решения. Но теперь есть кому решать, теперь есть кому возглавить войско. Я думаю, вы одолеете нас.

— Ты фаталист, — сказал я.

— Я трезво смотрю на вещи, — ответил он.

— Разве нельзя заключить мир?

Он покачал головой.

— Что толку вести пустые разговоры? — бросил он горько.

— Мне жаль вас. Почему вы всегда приписываете нам собственные побуждения? Мы хотим мира и ничего больше. Но его не будет на этой планете до тех пор, пока человечество не вымрет само собой!

Я пробыл у Арджевха еще пару-тройку дней, а потом он отпустил меня под честное слово, и я поскакал в Некрапаль. Дорога была долгая, и у меня было время как следует поразмыслить.

Почестей мне почти никто не оказывал, потому что вид у меня был потрепанный, а лицо и доспехи покрывал толстый слой пыли; да к тому же жители Некраналья не особенно жаловали одиноких рыцарей из числа тех, что осрамилась перед элдренами.

Я подъехал ко Дворцу Десяти Тысяч Окон. Над внутренним двориком нависла угрюмая тишина. Короля в Приемной зале не было; Иолинда тоже отсутствовала.

Пройдя в свои старые покои, я сбросил доспехи.

— Когда уехала принцесса Эрмижад? — спросил я у раба.

— Разве она должна была уехать, хозяин?

— Что? Где она?

— В своей комнате, наверно.

Поправив нагрудник, который не успел снять, и прицепив к поясу меч, я выбежал в коридор. Оттолкнув стражника, я ворвался в комнату Эрмижад.

— Эрмижад! Почему ты здесь? Где король? Ведь он обещал отпустить тебя в обмен на мою свободу.

— Я ничего не знаю, — ответила она. — Я подозревала, что Арджевх так близко, иначе...

Я перебил ее.

— Пошли. Надо найти короля и потребовать от него ответа, а потом отправить тебя к брату.

Я чуть ли не силой вытащил девушку из комнаты. Мы обшарили дворец сверху донизу и наконец отыскивали короля в его личных покоях. Он совещался с Ролдеро.

— В чем дело, король Ригенос? Я дал слово принцу Арджевху, что Эрмижад отпустят на свободу. Я поручился ему в том своим честным словом! И вот я вернулся, а принцесса Эрмижад — по-прежнему пленница. Я требую, чтобы ты немедленно освободил ее!

Король и Ролдеро расхохотались.

— Опомнись, Эрекозе! — воскликнул Ролдеро. — Ну кто, скажи на милость, держит слово, данное элдренскому псу? Ты возвратился, и заложница осталась в наших руках. Так радуйся же! Сколько раз тебе повторять, что элдрены — не люди?

Эрмижад улыбнулась.

— Не тревожься, Эрекозе. У меня много друзей.

Она закрыла глаза и начала что-то вполголоса напевать. Сперва слов было не разобрать, но голос девушки поднимался все выше, выводя причудливые рулады.

Ролдеро рванулся к ней, вытаскивая из ножен меч.

— Колдовство!

Я заступил ему дорогу.

— Отойди, Эрекозе! Эта шлюха призывает демонов!

Я обнажил клинок и выставил его перед собой, не подпуская Ролдеро к Эрмижад. Я не имел ни малейшего представления о том, что она делает, но намеревался помочь ей.

Ее голос вдруг понизился до шепота. Она замолчала, а потом воскликнула:

— Братья! Братья из Призрачных Миров! На подмогу!

21. Клятва

Откуда ни возьмись в помещении появилась добрая дюжица элдренов. Их лица чем-то неуловимо отличались от лиц Арджевха и Эрмижад. Я понял, что это и есть половинники.

— Вот оно! — вскричал Ригенос. — Колдовство! Она ведьма! Я говорил тебе. Ведьма!

Половинники молча окружили Эрмижад, соприкасаясь телами с ней и друг с другом.

— Прочь отсюда, братья! — крикнула девушка. — Назад в лагерь элдренов!

Очертания их тел сделались размытыми, как будто они одновременно находились в нашем измерении и в каком-то еще.

— Прощай, Эрекозе! Надеюсь, мы встретимся при иных обстоятельствах!

— Обязательно! — отозвался я.

Эрмижад пропала.

— Изменник! — гаркнул король. — Ты помог ей бежать!

— Ты умрешь в мучениях! — добавил Ролдеро, глядя на меня с отвращением.

— Никакой я не изменщик, — возразил я. — Изменники вы! Вы изменили своему слову, нарушили заповеди предков. Не вам обвинять меня, тупые вы...

Не dokonчив фразы, я развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

— Ты проиграл сражение, Воитель! — крикнул мне вслед король Ригенос. — А люди не щадят побежденных!

Я отправился на поиски Иолинды.

Как выяснилось, когда я заглядывал к ней, она гуляла по балконам. Я поцеловал ее, надеясь встретить у нее понимание и сочувствие. Мне показалось, я приложился губами к каменной глыбе. Она, по-видимому, отнюдь не собиралась сочувствовать мне. Разомкнув объятия и отступив на шаг, я пристально поглядел на нее.

— Что-нибудь не так?

— Ну что ты, — ответила она. — С чего бы? Ты жив и здоров, а я боялась, что ты погиб.

Значит, дело во мне? Во мне?

Я постарался отогнать беспокойную мысль. Но может ли мужчина принудить себя любить женщину? И может ли он любить двух женщин одновременно?

Я в отчаянии цеплялся за воспоминания о моей любви к Иолинде, любви с первого взгляда.

— Эрмижад в безопасности, — выпалил я. — Она призвала себе на помощь братьев-половинников. Теперь, когда она возвратилась к брату, войско элдренов покинет наши края. Так что радуйся.

— Я радуюсь, — ответила она. — А ты, должно быть, счастлив, что нашей заложнице удалось бежать!

— Что ты имеешь в виду?

— Отец сказал мне, что эта мерзавка околдовала тебя. Ты чуть ли под ноги ей не стелился!

— Что за чепуха!

— И вообще ты предпочитаешь элдренов людям! Погостил, так сказать, у нашего злейшего врага...

— Прекрати! Что за бред!

— Разве? По-моему, отец сказал правду.

На последних словах ее голос надломился. Она отвернулась от меня.

— Иолинда, я люблю тебя, тебя одну.

— Я не верю тебе, Эрекозе.

Что подтолкнуло меня тогда, что заставило дать клятву, которая определила наши судьбы? Неужели, видя, что моя любовь к Иолинде слабеет, и поняв, что она — истинная дочь своего папаша, я попытался спастись в придуманной любви?

Не знаю. Но я сделал то, что сделал.

— Я люблю тебя больше жизни, Иолинда! — вскричал я.

— Я выполняю любое твоё повеление.

— Не верю!

— Я люблю тебя! И докажу это!

Она повернулась ко мне. В глазах ее были боль и попрек. И тоска — горькая, бездонная тоска. А еще — гнев и жажда мести.

— И как ты докажешь мне свою любовь, Эрекозе? — спросила она вкрадчиво.

— Я клянусь тебе, что покончу с элдренами.

— Со всеми?

— Со всеми до единого.

— И никого не пощадишь?

— Никого! Никого! Я хочу скорее разделаться с этим, а для того мне нужно покончить с элдренами. Лишь тогда я обрсту покой — лишь тогда!

— А принц Арджевх и его сестра?

— Я убью их!

— Клянешься? Ты клянешься?

— Клянусь! А когда умрет последний элдрен и весь мир будет принадлежать нам, я брошу его к твоим ногам, и мы поженимся.

Она кивнула.

— Хорошо, Эрекозе. Увидимся вечером.

И выскользнула из комнаты.

Я отцепил меч и с размаху швырнул его на пол.

Следующие несколько часов обернулись для меня мучительнейшей пыткой.

Однако я дал клятву.

Постепенно я успокоился. Я не собирался отказываться от данного слова. Я покончу с элдренами. Я избавлю от них мир и избавлюсь тогда сам от беспрестанной свистопляски в мыслях.

22. Бойня

Я превратился в автомат, и сны и смутные воспоминания перестали доносить меня. Впечатление было такое, что они своим отсутствием вознаграждали меня за превращение, которое произошло со мной. А останься я человеком, подверженным угрызням совести, они попросту докончили бы меня.

Так я думал. Кто знает, насколько соответствовали мои домыслы истине? И потом, где подтверждение тому, что катарсис, которого я ждал и к которому стремился, принесет мне успокоение?

В месяц, занятый подготовкой к великой войне с элдренами, я редко виделся с Иолиндой, а под конец совсем забыл про нее и полностью сосредоточился на разработке планов предстоящей кампании.

Мне удалось дисциплинировать мозг. Я не позволял эмоциям, будь то любовь или ненависть, отвлекать меня от дела.

Я обрел силу, а обретя ее, потерял человечность. Люди много судачили об этом. Однако, избегая моей компании, они почитали меня как воина и потому рады были, что Эрекозе — с ними.

Арджеvh с сестрой давно уже вернулись к себе в Мер-надин. Теперь они наверняка поджидали нас и готовились к битве.

Мы решили не отказываться от давешней задумки и совершить набег на Внешние Острова — ворота в Призрачные Миры на Краю Света. Мы намерены были закрыть их раз и навсегда.

Плавание было долгим и многотрудным, но наконец впереди показались лишенные растительности холмы Внешних Островов. Мы настороженно приглядывались к ним.

Со мной был Ролдеро, угрюмый и молчаливый, вовсе не похожий на прежнего графа. Подобно мне, он заставил себя забыть обо всем, кроме ратных дел.

С опаской мы вошли в гавань. Однако элдрены, должно быть, загодя прознали о наших планах. Их города оказались брошенными. В них не было ни женщин, ни детей — никого, если не считать горсточку воинов, которых мы убили на месте. И ни следа половинников. Видно, Арджевх не солгал, говоря о том, что ворота в Призрачные Миры скоро закроются.

Не испытывая особого воодушевления, мы разграбили города, разобрали их по камешку и спалили дотла. Стремясь доискаться причин, по которым элдрены покинули свои дома, мы, прежде чем убить захваченных в плен солдат, подвергли их допросу с пристрастием. Они ничего нам не сказали, но я в глубине души знал и так, в чем тут дело.

Наши воины, давая волю чувствам, не оставили от зданий камня на камне. Однако люди не могли избавиться от ощущения, что их одурачили. Так мнит себя одураченным пылкий любовник, получив по рукам от своей излишне скромной подружки.

И оттого, что элдрены не пожелали принять бой, наши ратники возненавидели их сильнее прежнего.

Разрушив колдовские крепости Внешних Островов, мы снова вышли в море и взяли курс на Мернадин. В Пафанаале нас встретили Каторн и король Ригенос, который оказался там раньше нашего.

Из Пафанаала начался наш победный сухопутный марш.

Я мало что помню в подробностях. Каждый последующий день неотличим был от предыдущего. Мы чинили расправу над элдренами, не щадя никого. Одно за другим переходили в наши руки вражеские укрепления.

Будучи не в силах утолить жажду крови, я не знал усталости. Я превратился в волка, одержимого стремлением убивать. Люди получили от меня то, чего давно добивались. Они остерегались меня, но шли за мной в огонь и в воду.

Полыхали пожары, стелился над землей черный дым. Временами Мернадин буквально захлебывался в крови. Боевой дух придавал нашим утомленным воинам сил и вел их к победам.

Год страданий, год смерти. Всюду, где рати человечества сходились в битве с войсками элдренов, штандарты с изображением василиска клонились к земле и втапывались в грязь.

Мы все предавали огню и мечу. Безжалостно карая дезертиров, мы добились беспрекословного повиновения от остальных.

Мы четверо — король Ригенос, князь Каторн, граф Ролдерио и я сам — были всадниками смерти. Голодными собаками набрасывались мы на элдренов, разрывая их на куски и жадно лакая кровь. Нас снедала неистощимая злоба. Свирепые псы с острыми клыками, мы безумными глазами выискивали себе новых жертв.

Пылали города, рушились крепости, оставались за спиной горы трупов, кружились в воздухе стервятники. Нас неотступно сопровождали шакалы, шкуры которых лоснились от избытка пропитания.

Год кровавых сражений. Год беспредела. У меня не получилось принудить себя к любви, но зато к ненависти я себя вынудил. Меня боялись и элдрены и люди. Смятенный и исполненный скорби, я превратил прекрасный Мернадин в погребальный костер, на котором сжег остатки своей человечности.

В долине Калакита, где стоял город-сад Лах, смерть настигла короля Ригеноса.

Город выглядел покинутым, и потому мы не приняли обычных мер предосторожности. По правде сказать, с дисциплиной у наших с головы до ног покрытых пылью и кровью воинов было слабовато. Испустив громкий крик, мы послали коней в галоп и, размахивая клинками, устремились к городу-саду Лах.

Нас заманили в ловушку.

Элдрены использовали свой прекрасный город как приманку. Громыкнули пушки, выплевывая заряды картечи. На нас обрушился град стрел.

Элдренские лучники, равно как и артиллерия, прятались в окружавших город холмах.

Нападение ошеломило нас своей внезапностью. Но мы

быстро опомнились. И вот уже наши лучники вступили в дело. Подстрелив добрый десяток канониров, они заставили замолчать вражеские орудия.

Эldreны отступили. Им было еще куда отступать.

Я повернулся к королю Ригеносу. Он сидел на копе, как-то неестественно запрокинув голову. И тут я увидел стрелу: она пронзила бедро Ригеноса и пригвоздила его к седлу.

— Ролдеро! — крикнул я. — Королю нужен лекарь!

Граф занимался тем, что подсчитывал наши потери. Услышав мой оклик, он подскочил к нам, поднял забрало королевского шлема — и пожал плечами. Потом многозначительно поглядел на меня.

— Судя по его виду, он мертв.

— Ерунда. Рана в бедро не бывает смертельной. По крайней мере она не убивает так скоро. Найди лекаря.

Мрачное лицо Ролдеро осветилось хитровой улыбкой.

— Я думаю, он умер от испуга.

Грубо расхохотавшись, граф толкнул облаченный в доспехи труп. Тот рухнул в грязь. Стрела выпала из раны.

— Твоя нареченная стала королевой, Эрекозе, — проговорил Ролдеро, продолжая улыбаться. — поздравляю.

Я взглянул на труп Ригеноса, передернул плечами и поворотил коня.

У нас в обычае было оставлять мертвецов, кем бы они ни были при жизни, на месте гибели.

Лошадь Ригеноса мы забрали с собой, поскольку таким добром не бросаются.

Смерть короля никто не оплакивал, разве что Катори казался слегка обеспокоенным — быть может, потому, что с гибелью Ригеноса, на которого он имел громадное влияние, его собственное положение становилось довольно непрочным. Однако, откровенно говоря, королем Ригенос был кукольным, и особенно отчетливо это проявилось за последний год. У людей был иной кумир, перед которым они преклонялись.

Они называли меня Мертвецом Эрекозе, Разящим Клинком Человечества.

Мне наплевать было на то, какими меня награждают прозвищами, будь то Душегуб, Кровопийца и Берсеркер, ибо сны мои перестали доносить меня, а конечная цель неотвратимо приближалась.

Под нашим натиском пала последняя крепость эldreнов, после чего мне пришлось тащить за собой воинов чуть ли не на веревке. Я потащил их к главному городу Мерпадина,

расположенному неподалеку от Равнин Тающего Льда, — к столице Арджевха Лус-Птокай.

Мы подошли к нему на закате. Его могучие башни и стены из мрамора и черного гранита выглядели неприступными. Но я знал, что мы возьмем Лус-Птокай.

Я помнил слова Арджевха, который утверждал, что победа будет за нами.

В ту ночь, когда мы стали лагерем под стенами Лус-Птокай, я никак не мог заснуть. Лежа в темноте, я предавался раздумьям. Это не входило в мои привычки: обычно я плюхался на постель и, утомленный дневными схватками, тут же крепко засыпал.

А в ту ночь размышления отогнали сон.

На рассвете же я в сопровождении герольда, развернув свое знамя, поспешил к городу.

Достигнув главных ворот Лус-Птокай, мы остановились. Со стены на нас уставились элдрены.

Герольд поднес к губам золотую трубу и протрубил вызов, который эхом пошел гулять меж черно-белых городских башен.

— Принц элдренов! — позвал я. — Арджевх Мернадинский! Я пришел, чтобы убить тебя.

У парапета над воротами показался Арджевх. В его обращении на меня взгляде читалась печаль.

— Приветствую тебя, старый недруг, — сказал он. — Вам не взять город без долгой осады.

— Осада так осада, — ответил я, — но рано или поздно мы его возьмем.

Помолчав, Арджевх проговорил:

— Однажды мы согласились сражаться по Воинскому Кодексу Эрекозе. Ты снова хочешь предложить это?

Я покачал головой.

— Мы будем биться до тех пор, пока не погибнет последний элдрен. Я поклялся избавить Землю от тебя и твоих сородичей.

— Тогда, — сказал Арджевх, — я приглашаю тебя в Лус-Птокай. Будь моим гостем и отдохни перед битвой. Отдых тебе не помешает.

Я фыркнул. Герольд не сдержал усмешки.

— За кого они тебя принимают, повелитель? Должно быть, они спятили, раз думают, что тебя так легко проведсти! Мысли мои вдруг перепутались. Я глубоко вдохнул.

- Молчи! — бросил я герольду.
- Ну? — спросил Арджевх.
- Согласен, — отозвался я. Потом прибавил:
- Принцесса Эрмижад с тобой?
- Да, и очень хочет вновь увидеть тебя, — ответил он.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться и заколебаться. А вдруг герольд прав?

Скорее всего, Арджевх догадался о моей привязанности к его сестре, привязанности, в которой я не признавался даже самому себе, но которая вынудила меня, в конечном счете, принять приглашение принца элдренов.

— Господин мой, неужели ты не шутишь? — изумился герольд. — Да ведь тебя убьют, едва ты окажешься за воротами! Если верить молве, вы с принцем Арджевхом были когда-то чуть ли не друзьями, однако после разорения, которое ты учинил в Мерпадине, он не задумается убить тебя. И кто бы поступил иначе?

Я покачал головой. Вся моя свирепость куда-то пропала.

— Он и пальцем ко мне не притронется, — сказал я. — А побывав в городе, я разужнаю, каковы силы элдренов.

— Но если ты погибнешь, нам грозит страшная беда.

— Я не погибну, — ответил я. Злоба, ненависть, безумный запал битвы — все эти чувства внезапно оставили меня. Я отвернулся, чтобы герольд не увидел слезы в моих глазах.

— Открывай ворота, принц Арджевх! — крикнул я слабым голосом. — Твоим гостем вступаю я в Лус-Птокай.

23. В Лус-Птокай

Я медленно въехал в город. Я был безоружен, ибо передал меч и пику герольду, который отправился обратно в наш лагерь, чтобы сообщить маршалам невероятную новость.

На улицах Лус-Птокай царила скорбная тишина. Мне навстречу со стены спустился Арджевх. Разглядев его поближе, я заметил, что у нас с ним похожее выражение лиц. Ступал он довольно тяжело, а голос его в значительной мере утратил музыкальность, которая была присуща ему год назад.

Я спешился. Арджевх сжал мою руку в своих ладонях.

— Так ты не бесплотен! — воскликнул он с деланным весельем. — Надо будет рассказать моим воинам, а то они

начали было сомневаться в том, что предводитель варваров — человек.

— Они, верно, ненавидят меня, — сказал я.

Арджевх как будто удивился.

— Эldreны не умеют ненавидеть, — проговорил он, увлекая меня за собой.

Во дворце Арджевха мне отвели небольшую комнату с кроватью, столом и креслом. Я сперва решил было, что они изготовлены из драгоценного металла, но потом разобрался, что все предметы обстановки — деревянные и весьма искусно обработанные. В углу комнаты стояла вделанная в пол ванна, над которой поднимался пар.

Когда Арджевх ушел, я сбросил с себя пропыленные и окровавленные доспехи и исподнее, которое не снимал чуть ли не целый год, и с наслаждением окунулся в горячую воду.

С момента эмоциональной встряски, вызванной приглашением Арджевха, мой мозг словно оцепенел. А теперь, едва ли не впервые за весь год, я расслабился духовно и физически. Соскребая с тела грязь, я словно смывал вместе с ними ненависть и тоску.

Надев приготовленную для меня одежду, я только что не улыбался. В дверь постучали. Я крикнул, чтобы входили.

— Приветствую тебя, Эрекозе, — промолвила Эрмижад.

— Госпожа, — я поклонился.

— Как тебе живется, Эрекозе?

— Ты знаешь, что воюется мне неплохо. А что до меня самого, то ваше гостеприимство исцелило мою душу.

— Арджевх приглашает тебя откусать с нами.

— Я готов. Однако сперва скажи мне, как живется тебе, Эрмижад?

— Не болею, — ответила она и сделала шаг ко мне. Я невольно чуть отклонился назад. Поднеся руки к горлу и не глядя на меня, она спросила:

— Королева Иолинда твоя жена?

— Мы с ней помолвлены, — сказал я.

Взглянув Эрмижад в глаза, я прибавил, стараясь, чтобы голос мой не дрожал:

— Мы поженимся, когда...

— Когда?

— Когда будет взят Лус-Птокай.

Она промолчала.

Я шагнул к ней. Нас разделяла теперь какая-то пядь.

— У меня не было выбора, — объяснил я. — Я должен

покончить с элдренами. Ваши втоптанные в грязь знамена будут моим свадебным подарком Иолинде.

Эрмижад кивнула и кинула на меня странный, печальный и одновременно насмешливый взгляд.

— Значит, такова твоя клятва, таков обет, который ты принес. Покончить с элдренами, не пощадив никого из них.

— Да, — отозвался я хрипло.

— Пойдем, — сказала она, а то еда остынет.

За обедом мы с Эрмижад сидели рядом. Арджевх рассказывал много интересного об экспериментах, которые проводили его ученые предки, и на короткий срок нам удалось отрешиться от мыслей о предстоящем сражении. Однако позднее, беседуя вполголоса с Эрмижад, я увидел в глазах Арджевха страдание и муку. Внезапно принц вмешался в наш разговор:

— Мы побеждены, Эрекозе.

Мне совершенно не хотелось говорить об этом. Пожав плечами, я снова повернулся к Эрмижад, но Арджевху, по-видимому, надо было выговориться.

— Мы обречены, Эрекозе, обречены на гибель под клинками твоих могучих воинов.

Глубоко вздохнув, я взглянул ему в лицо.

— Да, принц Арджевх, вы обречены.

— Взятие Лус-Птокай — всего лишь вопрос времени.

Избегая смотреть на него, я просто кивнул.

— И тогда ты...

Он не докончил фразу.

Мне было не по себе, и я ощутил нарастающее раздражение.

— Я дал клятву, — напомнил я ему. — Я должен исполнить то, в чем клялся, Арджевх.

— Я боюсь не за себя... — начал было он.

— Я знаю, чего ты боишься.

— Быть может, элдрены признают себя побежденными? Быть может, они покорятся людям, Эрекозе? Ведь один город...

— Я дал клятву.

Меня обуревала печаль.

— Но ведь ты не можешь... — Эрмижад сделала рукой неопределенный жест. — Мы твои друзья, Эрекозе. Нам нравится общество друг друга. Мы — мы друзья.

— Мы с вами разного роду-племени, — ответил я, — и мы воюем между собой.

— Я прошу не о жалости, — бросил Арджевх.

— Знаю, — сказал я. — Мне известно мужество элдренов. Я не однажды был тому свидетелем.

— Ты держишься клятвы, которую дал в гневе, которая принуждает тебя убивать тех, кого ты любишь и уважаешь, — в голосе Эрмижад послышалось удивление. — Разве ты не устал убивать, Эрекозе?

— До смерти, — сказал я.

— Так почему же...

— Да все потому же! — не выдержал я. — Порой мне приходит в голову мысль: в самом ли деле я веду воинов за собой — или это они выталкивают меня вперед? Быть может, я — только их порождение, порождение единой воли человечества, герой, так сказать, на час. Быть может, когда я выполню то, чего от меня требуют, я попросту растаю в воздухе.

— Думаю, что нет, — задумчиво сказал Арджевх.

Я пожал плечами.

— Ты не я. Тебя не изводили мои странные сны.

— Они тебе по-прежнему снятся? — спросила Эрмижад.

— Сейчас нет. Они отстали от меня с началом похода. Они донимают меня, лишь когда я начинаю бороться за свою индивидуальность. А если я слепо повинуюсь, их нет как нет. Другими словами, я самый настоящий призрак, и ничего больше.

Арджевх вздохнул.

— Не понимаю. По-моему, Эрекозе, ты страдаешь от жалости к себе. Ты можешь поставить на своем — но боишься этого, предпочитая топить тоску в крови! Тебе плохо оттого, что ты не делаешь то, чего тебе по-настоящему хочется. Сны вернутся, Эрекозе. Попомни мои слова: сны вернутся и будут ужаснее всего, что снилось тебе до сих пор!

— Прекрати! — воскликнул я. — Не порть нашу последнюю встречу. Я пришел к вам потому...

— Почему? — приподнял тонкие брови Арджевх.

— Потому что устал от общества варваров!

— Потому что соскучился по родичам, — поправила Эрмижад тихо.

Я вскочил как ужаленный.

— Вы мне не родичи! Мои родичи там, за городскими стенами. Она дожидается меня, чтобы покончить с вами!

— Мы близки по духу, — сказал Арджевх. — Нас связывают узы прочнее кровных.

Я обхватил ладонями голову. Лицо мое исказила гримаса.

— НЕТ!

Арджевх положил руку мне на плечо.

— Зачем ты сдерживаешь себя, Эрекозе? Докажи свою силу, найди в себе смелость отказаться от заблуждений.

Я уронил руки на колени.

— Ты прав, — проговорил я. — Но смелости во мне нет. Я лишь меч, который держит кто-то другой. И все — иного мне не дозволено...

— Ты должен сделать это, хотя бы ради себя самого! — перебила меня Эрмижад. — Забудь о своей клятве! Ты не любишь Иолинду. У тебя нет ничего общего с шайкой убийц, которая следует за тобой. Никто из них и из тех, кто сражался против тебя, не равня тебе.

— Замолчи!

— Она говорит правду, Эрекозе, — вмешался Арджевх. — Мы беспокоимся не о собственных жизнях, но о твоём духе.

Я тяжело опустился на стул.

— Я искал покоя. Вот почему я вел себя так, а не иначе. Ты права: я не ощущаю родства с теми, кого веду в бой, с теми, кто выпихивает меня вперед. Тем не менее они — мои сородичи. Мой долг...

— Пускай обходятся, как хотят, — прервала меня Эрмижад. — У тебя долг не перед ними, а перед самим собой.

Пригубив вина, я сказал тихо:

— Я боюсь.

Арджевх покачал головой.

— Ты отважный воин. Здесь нет твоей вины.

— Кто знает? — возразил я. — Быть может, когда-то я совершил серьезное преступление. А теперь расплачиваюсь за него.

— Ты снова поддался жалости к себе, — укорил меня Арджевх. — Это... это не по-мужски, Эрекозе.

Я глубоко вдохнул.

— Наверно. Но если Время циклично, тогда вполне может быть, что я еще не успел совершить того преступления.

— Хватит бросаться словами! — в тоне Эрмижад сквозило нетерпение. — Что подсказывает тебе твое сердце?

— Сердце? Я давно к нему не прислушивался.

— Ну так послушай!

Я покачал головой.

— Я забыл, как это делается, Эрмижад. Мне нужно закончить то, что я начал, то, зачем меня сюда призвали.

— Ты уверен, что тебя призвал король Ригенос?

— Конечно.

Арджевх улыбнулся.

— Тогда ладно. Поступай, как должен, Эрекозе. Я не стану больше просить за своих подданных.

— Хорошо, — отозвался я, поднимаясь из-за стола. Покачнувшись, я сощурил глаза.

— Боги, как же я устал!

— Проведи у нас ночь, — предложила Эрмижад тихо. — Проведи ее со мной.

Я усталился на нее.

— Со мной, — повторила она.

Арджевх раскрыл было рот, но, как видно, передумал и молча вышел из залы.

Я понял вдруг, что мне хочется именно того, о чем сказала Эрмижад, однако отрицательно помотал головой.

— Это будет слабостью.

— Нет, — ответила она. — Это придаст тебе сил. Быть может, тогда ты поймешь, что тебе делать.

— Я уже решил, что мне делать. А клятва, которую я дал Иолинде...

— Ведь ты не клялся ей в верности, правда?

Я развел руками.

— Не помню.

Приблизившись ко мне, Эрмижад погладила меня по щеке.

— Это поможет тебе, Эрекозе, — сказала она. — Может быть, в тебе воскреснет любовь к Иолинде.

Боль душевная обернулась физической. На миг я испугался даже, что меня отравили.

— Нет.

— Я знаю, что это поможет, — убеждала меня Эрмижад. — Не знаю только как. Если ты спросишь меня, хочу ли я того сама, я затруднюсь с ответом, но...

— Я не могу, Эрмижад.

— Ты вовсе не проявишь этим слабости, Эрекозе.

— Все равно...

Отвернувшись от меня, она промолвила тихо:

— Так или иначе, проводи ночь с нами. Отдохни в постели, наберись сил перед завтрашней битвой. Я люблю тебя, Эрекозе. Я люблю тебя больше всего на свете. Я помогу тебе, как бы ты ни решил поступить..

— Все уже решено, — повторил я. — И ты не в силах мне помочь.

У меня закружилась голова. Мне вовсе не хотелось возвращаться в лагерь в таком состоянии, ибо солдаты наверняка подумают, что меня одурманили, и утратят всяческое доверие ко мне. Лучше переночевать тут, а поутру вернуться к ним.

— Что ж, пожалуй, я останусь, — сказал я. — Но спать буду один.

— Как хочешь, — она направилась к двери. — Слуга проводит тебя в спальню.

— Нет, — возразил я. — Прикажи, пускай принесут кровать сюда.

— Как тебе угодно.

— Ночь в настоящей постели! — проговорил я мечтательно. — Проснусь завтра со свежей головой.

— Надеюсь. Спокойной ночи, Эрекозе.

Откуда им было известно, что той ночью ко мне вновь придут сны? Неужели я стал жертвой нечеловечески утонченного коварства элдренов?

Я лежал на постели в крепости элдренов и видел сон.

Но этот сон был не из тех, в которых я пытался узнать, как же меня зовут на самом деле. Здесь у меня вообще не было имени. Оно было мне не нужно.

Я видел вращающуюся вокруг своей оси планету, обитатели которой сновали по ее поверхности точно муравьи в муравейнике, точно жуки в навозной куче. Я наблюдал за тем, как они воюют и разрушают, заключают мир и отстраивают разрушенное — только для того, чтобы было что крушить в следующей войне. И мне показалось, что существа эти немногим отличаются от зверей, и что благодаря некоему повороту в судьбе они обречены на бесконечное повторение одних и тех же ошибок. И я понял, что для них нет надежды, что как и мне, им — полуживым и полубогам — суждено вести непрерывный, вечный бой и никогда не знать покоя. Парадоксы моего существования обернулись парадоксами существования целого народа. Вопросы, на которые я не мог найти ответов, попросту их не имели. Искать ответ было бесполезно: либо ты принимаешь то, что есть, либо отвергаешь; результат же всегда одинаков. О, их за многое можно было бы полюбить и совершенно не за что было ненавидеть. Да и как их ненавидеть, если ошибками своими они обязаны повороту

судьбы, который превратил и в неполноценных существ — наполовину слепых, наполовину глухих, наполовину немых?

Проснувшись, я ощутил спокойствие. А потом мною овладел ужас: до меня начало доходить, что означал мой сон.

Неужели его своим колдовством наслали на меня элдрены?

Вряд ли. Этот сон открыл мне то, что старались затемнить другие сны. Именно так. Вот где истина.

Истина потрясла меня.

Непрестанно разжигать пожар войны — такова была не моя доля, но участь моего народа. Будучи его частичкой, я обязан был разделить общую судьбу.

Но как раз этого мне хотелось избежать. Я не желал смириться с мыслью о вечном исполнении чужой воли. Однако пока все мои попытки прервать цикл не имели успеха. Мне оставалось лишь одно.

Я остерегся додумывать до конца.

Но есть ли у меня иной выход?

Заключить перемирие? Потребовать его соблюдения? Оставить элдренов в живых?

Пустые фантазии. Человечество поклялось уничтожить элдренов. Покончив с ними, люди затеют свару между собой. Война, конца которой не предвидится.

Однако не стоит ли мне попытаться достичь компромисса?

Или лучше не отступать от начатого, погубить элдренов и развязать тем самым братоубийственную бойню между людьми? Ведь пока на земле живет хоть один элдрен, люди будут держаться друг друга. Пока существует общий враг, они будут сохранять хотя бы видимость единства. Надо спасти элдренов во благо человечества.

Я понял вдруг, что раздиравшие меня противоречия на самом деле таковыми не являются. Они — всего лишь две половинки целого. Сон помог мне объединить их и увидеть все в нужном свете.

Нашел ли я разумное объяснение? Не знаю и, быть может, не узнаю никогда. Но я чувствовал, что стою на правильном пути, пусть даже последующие события докажут, что я ошибался. В конце концов, попытка — не пытка.

Слуга принес мне воду для умывания и свежевывиранную одежду. Я умылся и оделся. В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул я.

Это оказалась Эрмижад. Она принесла мне завтрак на

подносе, который и поставила на стол. Я поблагодарил ее. Она как-то чудно поглядела на меня.

— Ты не такой, каким был вечером, — сказала она. — Ты словно обрел внутренний покой.

— Думаю, что да, — ответил я, поглощая пищу. — Мне снился очередной сон.

— Он был страшным, как и все остальные?

— Пожалуй, еще страшнее, — отозвался я. — Но он не поставил передо мной вопросов, а, наоборот, подсказал ответ.

— Теперь тебе легче будет сражаться?

— Не то. Думаю, мои сородичи только выиграют, если мы заключим мир с элдренами. Или по крайней мере объявим долговременное перемирие.

— Ты осознал наконец, что мы не представляем для вас опасности.

— Напротив, опасность, которую вы представляете, делает необходимым ваше выживание на благо моего народа, — я улыбнулся, припомнив слышанный когда-то афоризм: — Если б вы не существовали, вас следовало бы выдумать*.

В глазах Эрмижад мелькнуло понимание. Ее лицо озарилось улыбкой.

— Кажется, я догадываюсь, что ты хочешь сказать.

— Я намерен сообщить обо всем королеве Иолинде, — продолжал я. — Я надеюсь убедить ее, что прекращение войны с элдренами будет в наших же интересах.

— А на каких условиях?

— Зачем осложнять дело? — удивился я. — Мы просто прекратим сражаться и отправимся воссоединиться.

Эрмижад рассмеялась.

— Как все легко на словах.

Я пристально поглядел на нее и покачал головой.

— Пожалуй. Но попытаться надо.

— Ты сделался вдруг таким рассудительным, Эрекозе. Я рада за тебя. Ночь, проведенная под нашим кровом, принесла тебе пользу.

— И элдренам тоже.

Она снова улыбнулась.

— Наверно.

— Я сегодня же отправлюсь в Некраналь, чтобы переговорить с Иолиндой.

*Имеется в виду известное высказывание Вольтера: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать».

— А если она согласится, ты женишься на ней?

Я мысленно застонал.

— Я должен буду это сделать. Все пойдет прахом, если я откажусь. Понимаешь?

— Конечно, — ответила она с улыбкой, однако в глазах ее стояли слезы.

Вскоре пришел Арджевх. Я рассказал ему о том, что собирался предпринять. Он отнесся к моим словам с изрядной долей скептицизма.

— Ты что, не веришь мне? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Я доверяю тебе целиком и полностью, Эрекозе. Но я не уверен, что элдрены выживут.

— Почему? Или вы больны неизлечимой болезнью? Ваши организмы...

Он отрывисто рассмеялся.

— Нет, нет. Я думаю, люди не согласятся на перемирие, которое ты им предложишь. Твои сородичи успокоятся, лишь когда падет мертвым последний элдрен. Ты говоришь, что они обречены сражаться без конца. Быть может, они потому ненавидят элдренов, что наше существование мешает им заниматься обычными делами, то бишь вести междоусобные войны? Быть может, они решили стереть нас с лица земли, чтобы чем-то заполнить передышку между боями? И потом, если они не покончат с нами сейчас, значит, сделают это в недалеком будущем, причем неважно как — под твоим началом или без тебя.

— Я должен попытаться, — проговорил я.

— Разумеется. Однако я убежден, они припомнят тебе твою клятву.

— Иолинда умна. Если она прислушается к моим доводам...

— Она одна из них. Сомневаюсь, чтобы она стала тебя слушать. Помнишь, вчера вечером я упрасивал тебя о снисхождении? Так вот, я просто потерял голову от страха. На деле же я понимаю, что мира меж нами быть не может.

— Я должен попытаться.

— Надеюсь, что у тебя получится.

Возможно, я попал под власть колдовских чар элдренов. Возможно. Однако я так не думаю. Я собирался приложить все силы, чтобы принести мир на выжженную землю Мер-надина, хотя это означало, что мне никогда не придется

больше увидаться со своими друзьями, не придется встретиться с Эрмижад.

Я отогнал беспокойную мысль.

В комнату вошел слуга. К главным воротам Лус-Птокай подскочил в сопровождении других маршалов и герольда граф Ролдеро и потребовал, чтобы элдрены предъявили им Эркозе, живого или мертвого.

— Тебе надо показаться, — пробормотал Арджевх. Я был согласен с ним.

Поднимаясь на крепостную стену, я слушал, что кричит герольд.

— У нас зародилось опасение, что вы сотворили великое зло. Покажите нам нашего предводителя — или его труп, — он сделал паузу, тогда мы решим, что с вами делать.

Мы с Арджевхом встали за парапетом на стене. Во взгляде герольда, когда он увидел, что со мной все в порядке, отразилось облегчение.

— Я много разговаривал с принцем Арджевхом, — сказал я, — и еще больше размышлял. Наши воины дошли до последней степени усталости, а элдренов осталась всего лишь горстка. Мы можем овладеть городом, но я не вижу в этом смысла. Давайте проявим благородство, рыцари. Давайте объявим перемирие.

— Перемирие, князь Эркозе? — Ролдеро, по-видимому, подумал, что ослышался. — Ты хочешь отобрать у нас победу? Ты хочешь лишить нас величайшего триумфа? Перемирие!

— Да, ответил я, — перемирие. Возвращайтесь в лагерь. Расскажите воинам, что со мной ничего не случилось.

— Мы без труда овладеем городом, Эркозе! — крикнул Ролдеро. — С какой стати заводить разговор о мире? Мы можем покончить с элдренами раз и навсегда. Или они снова тебя околдовали? Неужели они вновь зачаровали тебя красивыми речами?

— Нет, — сказал я, — я сам предложил им мир.

Не скрывая отвращения, Ролдеро повернул коня.

— Мир! — бросил он, как сплюнул. — Наш полководец сошел с ума!

Арджевх потер подбородок.

— Неприятности начинаются, — проговорил он.

— Они боятся меня, — сказал я, — и потому послушаются. Они послушаются меня — по крайней мере поначалу.

— Будем надеяться, — отозвался он.

24. Расставание

Новости о моем возвращении, как обычно, опередили меня, но восторженного приема горожане Некранала мне не оказали. Они не одобряли моего поступка. По их мнению, я высказал неподозрительную слабость.

Я не видел Иолинду с тех самых пор, как наш флот отправился в набег на Внешние Острова. Ее короновали в мое отсутствие.

При встрече она показалась мне кичливой и высокомерной. Откровенно говоря, в глубине души я посмеивался над ней. Я ощущал себя отвергнутым воздыхателем, который, возвратясь после многолетней разлуки, находит, что его пассия давно вышла замуж и превратилась в жуткую мегеру. Так что я даже обрадовался.

Но радоваться было нечему.

— Что ж, Эрекозе, — сказала она, — я знаю, зачем ты явился и почему бросил на произвол судьбы войско и нарушил данное мне слово. Каторн рассказал мне все.

— Каторн здесь?

— Едва услышав твои речи со стен Лус-Птокай, он кинулся в гавань, чтобы успеть предупредить меня.

— Иолинда, — воскликнул я, — эдрены устали от войны. Мы ошибались, думая, что они угрожают нам. Они хотят только мира.

— Мир наступит лишь тогда, когда на Земле не останется ни одного эдрена.

— Иолинда, если ты меня любишь, так хотя бы выслушай!

— Что? Если я люблю тебя? А как насчет князя Эрекозе? Любит ли он свою королеву?

Я раскрыл рот, но не смог произнести ни звука.

Ее глаза вдруг наполнились слезами.

— О, Эрекозе, — проговорила она тихо, — неужели это правда?

— Нет, — ответил я еле слышно. — Я люблю тебя, Иолинда. Мы скоро поженимся.

Однако она знала. Ее подозрения превратились в уверенность. Но я, чтобы добиться мира, готов был лгать и дальше и даже взять ее в жены.

— Я хочу быть с тобой, Иолинда, — сказал я.

— Нет, — отозвалась она, — не хочешь.

— Хочу, — упрямо повторил я. — Если мы заключим перемирие с элдренами...

Ее глаза сверкнули.

— Ты оскорбляешь меня, князь. Я не стану твоей женой, Эрекозе. Никогда. Ты повинен в измене. Люди в открытую называют тебя предателем.

— Я же завоевал для них Мернадин!

— Оставив элдренам Лус-Птокай, где, кстати сказать, поджидает тебя твоя шлюха!

— Иолинда! Это ложь!

Однако я знал, что ложью тут и не пахнет.

— Нечестно так... — начал было я.

— Изменник! Эй, стража!

В тронную залу ворвались стражники. Их было человек десять, а впереди всех бежал капитан — князь Каторн. В его глазах было выражение торжества, и я понял, что он всегда ненавидел меня как соперника в делах любви.

А еще я понял, что обнажу я меч или нет, Каторн все равно попытается убить меня.

Поэтому я обнажил меч. Меч по имени Канайана. Тусклое мерцание клинка отразилось в черных глазах Каторна.

— Вперед, Каторн! — крикнула Иолинда. Ее голос дрожал от ярости. Я обманул ее. Я не сумел дать ей опору, в которой она отчаянно нуждалась. — Вперед! Взять его! Он изменил своему народу!

Я был для нее изменником. Она действительно так думала. Вот почему она приговорила меня к смерти.

Я все еще надеялся спасти хоть что-нибудь.

— Это несправедливо...

Каторн осторожно приближался ко мне. За его спиной маячили фигуры стражников. Я отступил к стене и бросил взгляд в окно. Тронная зала находилась на нижнем этаже дворца. Окно выходило в личный садик королевы.

— Подумай, Иолинда, — предостерег я. — Подумай. В тебе говорит ревность. Я вовсе не изменник.

— Убей его, Каторн!

Однако я убил Каторна. Когда он кинулся на меня, мой меч прыгнул в его искаженное гримасой ненависти лицо. Он вскрикнул, зашатался, схватился руками за голову — и рухнул на пол. Золоченые доспехи загремели, ударившись о каменные плиты.

Он был первым человеком, которого я убил.

Ко мне подступили стражники. Я отмахнулся от них, уложив попутно двоих или троих, и рванулся к окну. Королева Иолинда глядела на меня со слезами на глазах.

— Прощай, королева! Ищи себе другого полководца!

Я выскочил в окно.

И угодил в розовый куст, который расцарапал мне всю кожу. Выбравшись из него, я побежал к садовым воротам. За мной по пятам мчались стражники.

Ворота оказались открытыми. Я опрометью бросился вниз, рассчитывая оторваться от погони на извилистых городских улочках. Стражники не отставали. К ним присоединилась улюлюкающая толпа горожан, которые знать не знали, кто я такой и почему меня ловит Имперская стража. Они попросту наслаждались травлей.

Вот так все вышло. Стрдание и ревность затуманили рассудок Иолинды. А в будущем ее решение может обернуться такими потоками крови, которых устрашится она сама.

Сперва я бежал вслепую, но потом вспомнил, что в гавани стоит корабль, который доставил меня сюда. Если его команда окажется мне верна, тогда у меня есть крохотный шанс спастись.

Мне удалось опередить преследователей. Я взлетел по сходням с криком:

— Отплываем!

На борту была только половина команды; другая половина гуляла в кабаках на берегу. Но дожидаться их возвращения было некогда. Пока матросы вставляли весла в уключины, я с помощью нескольких моряков отражал натиск стражников и горожан.

Отвалив от пристани, мы устремились вниз по реке Друнаа.

Сразу погоню они снарядить не догадались, а когда спохватились, было уже поздно. Моя команда не задавала вопросов. Люди привыкли к тому, что иногда я поступаю, скажем так, не совсем обычно. Лишь после недели плавания, когда нас со всех сторон окружала морская ширь, я сказал им, что стал изгнанником.

— Почему, князь Эрекозе? — спросил капитан. — За что такая немилость?

— Немилость, право слово. Если хочешь, назови это капризом королевы. Думаю, Катори наговорил ей невесть чего, вот она и обозлилась на меня.

Они удовлетворились объяснением. В укромной бухте неподалеку от Равнин Тающего Льда я простился с ними, сел на коня и поскакал в Лус-Птокай, не имея никакого представления о том,

что буду делать, очутившись там. Я знал одно: мне нужно известить Арджевха обо всем, что произошло.

Мы были правы. Человечество не позволит мне проявить милосердие.

Мои люди при расставании искренне пожелали мне удачи. Ни они, ни я и думать не думали, что в самом близком будущем они погибнут из-за меня.

Ночью, благополучно миновав выставленные осаждающими дозоры, я прокрался в Лус-Птокай.

Услышав о моем возвращении, Арджевх поспешил мне навстречу.

— Ну что, Эрекозе?

Внимательно поглядев на меня, он прибавил:

— У тебя ничего не вышло. А выглядишь ты так, словно сражался со стаей котов. Что случилось?

Я рассказал.

Он вздохнул.

— Глупо было надеяться на иной исход. Теперь ты умрешь вместе с нами.

— Уж лучше так, — ответил я.

Миновало два месяца, два зловещих для защитников Лус-Птокай месяца. Рати человечества все не шли на приступ. Выяснилось, что они ожидают приказа королевы Иолинды. Она же, судя по всему, пребывала в нерешительности.

Бездействие было тягостно само по себе.

Я частенько поднимался на стену и разглядывал лагерь осаждающих, мысленно подгоняя их начинать. Лишь Эрмижад бывало по силам развеять мое сумрачное настроение. Мы ни от кого не скрывали, что любим друг друга.

А поскольку я любил ее, мне до безумия хотелось ее спасти.

Мне хотелось спасти и ее, и себя, и всех элдренов в Лус-Птокай. Я хотел не разлучаться с Эрмижад. Я не хотел погибнуть.

В отчаянии я ломал голову над тем, как нам одолеть врага, но планы мои были один сумасброднее другого и явно ни на что не годились.

Однако память выручила меня.

Я припомнил наш с Арджевхом разговор на плато после того, как он взял надо мной верх в поединке.

Я нашел принца в кабинете. Он читал.

— Эрекозе? Что, началось?

— Нет, Арджевх. Ты рассказывал мне как-то о древнем оружии своего народа, которое сохранилось до наших дней.

— Что?

— Древнее и ужасное оружие, — сказал я. — Вы поклялись не использовать его, потому что оно обладает страшной силой.

Он покачал головой.

— Нет.

— Пойми, Арджевх, — умолял я, — пришла пора воспользоваться им. Устрашившись, люди сами предложат нам мир.

Он закрыл книгу.

— Нет, такого они нам никогда не предложат. Скорее уж они предпочтут смерть. И потом, будет ли оправданным нарушение древней клятвы?

— Арджевх, — сказал я, — я все понимаю. Однако я полюбил элдренов. Я уже нарушил одну клятву, позволь мне нарушить и другую — ради тебя.

Он снова покачал головой.

— Ну, тогда вот что, — продолжал я. — Давай договоримся так. Если не будет иного выхода, я применю это оружие на свой страх и риск, и вся ответственность ляжет тогда на меня.

Он внимательно посмотрел на меня, стремясь, по-видимому, разгадать, что стоит за моими словами.

— Может быть, — проговорил он.

— Ты согласен?

— Нам чуждо людское своекорыстие, Эрекозе. Вы готовы уничтожить все и вся, чтобы только никто не покусился на ваше мнимое превосходство. У нас иные ценности.

— Знаю, — ответил я. — Потому-то я и прошу тебя. Мне невыносима мысль, что вам грозит гибель от руки скотов, которые собрались за стенами вашей крепости!

Арджевх встал и поставил книгу на полку.

— Иолинда сказала правду, — заметил он. — Ты в самом деле изменил своему народу.

— Что такое народ? И разве не вы с Эрмижад требовали от меня стать личностью? Я сделал выбор.

Он поджал губы.

— Что ж...

— Я лишь хочу помешать им творить безрассудства и дальше, — сказал я.

Он стиснул ладони.

— Арджевх, я умоляю тебя. Ради моей любви к Эрмижад, ради ее любви ко мне, ради дружбы, которой ты меня одарил,

ради оставшихся в живых элдренов — позволь мне применить древнее оружие!

— Ради Эрмижад? — приподнял он тонкие брови. — Ради себя? Ради меня и моих подданных? Не ради мести?

— Нет, — отозвался я тихо, — не из мести.

— Хорошо. Решай сам. Думаю, так будет честно. Я не хочу умирать. Однако будь благоразумен.

— Обещаю, — сказал я.

По-моему, я сдержал обещание.

25. Нападение

Томительному ожиданию, казалось, не будет конца. Заметно похолодало. Приближалась зима. Когда ударят морозы, можно будет облегченно вздохнуть, поскольку мы получим передышку до весны, ибо надо быть круглыми дураками, чтобы осаждать Лус-Птокай зимой.

Наши враги это прекрасно понимали. Иолинда, наконец, отбросила нерешительность и отдала приказ штурмовать твердыню элдренов.

Как я узнал потом, после многочисленных препирательств маршалы выбрали из своих рядов самого опытного воина и сделали его полководцем.

Они выбрали графа Ролдеро.

Миндальничать он не собирался.

Под городскими стенами появились громадные осадные машины, и в их числе — огромные черные пушки, которые прозывались огнеметами.

Ролдеро подсказал к воротам Лус-Птокай. Герольд протрубил вызов. Я поднялся на стену, чтобы поговорить с графом.

— Приветствую тебя, изменник Эрекозе! — крикнул он. — Мы решили покарать тебя заодно с элдренами. Сначала мы попросту хотели убить вас, но теперь всякого, кто попадет к нам в плен, ждет медленная смерть под пытками.

Мне стало грустно.

— Ролдеро, Ролдеро, — вздохнул я. — Когда-то мы были друзьями. По правде сказать, ты был моим единственным другом. Мы пили вместе, мы вместе сражались и вместе шутили. Мы были приятелями, Ролдеро, добрыми приятелями.

Конь под ним нетерпеливо забил копытом.

— Это было давным-давно, — ответил граф, не глядя на меня. — Давным-давно.

— Немногим больше года назад, Ролдеро.

— К чему вспоминать прошлое, Эрекозе? — он посмотрел на меня, заслонив глаза рукой в перчатке. Я увидел, что лицо его постарело, и на нем прибавилось шрамов. Должно быть, я выглядел не лучше. — Мы изменились.

Натянув поводья, он поворотил коня и всадил в бока животному длинные и острые шпоры.

Итак, сражения было не избежать.

Ухнули огнеметы. Заходили ходуном стены, в которые угодили массивные болванки. На улицы обрушились огненные шары, которые выплевывали из себя захваченные у элдренов пушки. Черным градом посыпались стрелы.

А потом на город устремилось людское море. Тысячи и тысячи людей против горстки элдренов.

Мы надеялись отразить первый натиск, уповая в основном на лучников, ибо снарядов к орудиям было всего ничего.

Штурм продолжался десять часов. Нам удалось отстоять город.

На следующий день все началось сначала. Однако Лус-Птокай, древняя столица Мернадина, пока держался.

Раз за разом пытались люди перебраться с осадных башен на крепостную стену. Мы встречали их тучей стрел, жидким металлом и редкими залпами огненных элдренских пушек. Мы стояли насмерть. Стоило им заметить меня, как в глазах воинов человечества вспыхивала лютая ненависть. Они бросались ко мне — и умирали, оспаривая друг у друга право убить меня.

Мы с Арджевхом сражались бок о бок, словно братья, не помышляя об отдыхе. Но силы наши были на исходе. Неделью мы выстояли, однако на большее рассчитывать не приходилось.

Тем вечером мы засиделись с Арджевхом допоздна. Эрмижад ушла спать, а мы продолжали разговор, массируя утомленные мышцы.

— Скоро нам конец, Арджевх, — сказал я. — Всем: тебе и мне, Эрмижад и остальным.

— Да, — ответил он, разминая плечо. — Увы.

Я хотел, чтобы он сам заговорил о том, что вертелось у меня на языке, но так и не дождался.

Путру, почуяв, видно, что победа близка, люди исполнились воодушевлением и пошли на приступ. Огнеме-

ты, которые подтащили поближе, непрерывно бомбардировали главные городские ворота.

Ролдери, появляясь то тут, то там, подбадривал своих воинов. Он, подбодченаясь, сидел в седле, и эта его посадка подсказала мне, что он твердо вознамерился овладеть городом сегодня.

Я повернулся к Арджевху, который стоял на стене рядом со мной, и открыл было рот, но тут ухнули в унисон несколько огнеметов. Вздогнули тупые черные рыла, выплевывая из себя болванки. Металлические шары врезались в металлические же ворота и раскололи посередине левую створку. Она не упала, но следующий залп наверняка покончит с ней.

— Арджевх! — воскликнул я. — Надо доставать древнее оружие! Надо вооружить элдренов!

Лицо его было бледным. Он покачал головой.

— Арджевх! Ты что, не видишь? Через час нас прогонят со стен. А через три вообще все будет кончено!

Он поглядел на Ролдери, который давал указания пушкарям, и понял, что я не преувеличиваю. Он кивнул.

— Хорошо. Я исполню твою просьбу. Идем.

Он направился к лестнице.

Только бы не обнаружилось, что он переоценивал мощь оружия!

Мы спустились в глубокое подземелье. Арджевх вел меня пустынными коридорами, стены которых отделаны были черным мрамором; дорогу нам освещали маленькие светильники. От них исходило зеленоватое сияние. Мы подошли к темной металлической двери. Арджевх нажал на кнопку в стене. Дверь открылась; за ней оказалась кабина лифта, которая понесла нас еще глубже.

Я не переставал изумляться элдренам. Ведомые обостренным чувством справедливости, сколь от многого они отказались!

Лифт остановился. Выйдя из него, мы очутились в огромном зале, битком забитом непривычного вида машинами, которые, судя по всему, были изготовлены промышленным способом.

— Вот наше оружие, — проговорил Арджевх.

У стен аккуратно сложены были пистолеты и винтовки. Среди них попадались предметы, в которых глаз Джона Дейкера распознал противотанковые ружья. Дальше стояли приземистые гусеничные машины, которые выглядели точь-в-точь, как обтекаемой формы танкетки со стеклянными кабинами, где с трудом хватало места для одного человека.

Меня удивило отсутствие летательных аппаратов. Может быть, я просто не признал их.

Я спросил Арджеху.

— Летательные аппараты? Да, интересно было бы изобрести такую штуку. Боюсь, однако, что это невозможно. Сколько мы ни пытались, нам не удалось создать машину, которая передвигалась бы по воздуху.

Какой странный пробел в знаниях, подумалось мне. Но вслух я ничего говорить не стал.

— Теперь, увидев оружие, ты по-прежнему хочешь применить его? — осведомился Арджеху.

Он, должно быть, думал, что я не знаю даже, с какой стороны ко всему этому арсеналу подступиться. Между тем внешне элдренская боевая техника немногим отличалась от той, которая известна была Джону Дейкеру. И потом в своих снах я видел куда более своеобразные машины.

— Разумеется, — сказал я.

Вернувшись на поверхность, мы отправили вниз за оружием солдат.

Воины Ролдеро ломились в ворота. Нам пришлось подтащить туда пушку. Однако она ненадолго задержала людей. Завязалась рукопашная.

Близилась ночь. Я надеялся, что с наступлением темноты натиск врагов ослабеет и мы получим столь необходимую передышку. Но тут я заметил Ролдеро: он подгонял своих ратников, стремясь, по-видимому, овладеть городом засветло.

Я послал к воротам подмогу.

Меня начали одолевать сомнения.

Принц Арджеху прав: выпустить на свободу грозного демона прошлого будет преступлением. Но иного выхода нет. Лучше уж уничтожить варваров, испепелив при том половину планеты, чем позволить им расправиться с элдренами.

Я улыбнулся собственным мыслям. Арджеху вряд ли одобрил бы их. Скорее всего он пришел бы в ужас.

Увидев, что к отряду Ролдеро прибыло подкрепление, я вскочил на первую попавшуюся лошадь и поскакал к воротам.

Обнажив Канайану, я издал боевой клич — тот самый боевой клич, которым лишь недавно подбадривал тех, кто сражался ныне против меня! Они услышали его и, как мне показалось, пришли в смятение.

Послав коня через головы моих воинов, я очутился перед Ролдеро. Он изумленно уставился на меня и придерживал своего скакуна.

— Сразимся, Ролдеро? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Защищайся, изменник!

Намотав поводья на запястье, он двумя руками стиснул рукоять клинка. Я пригнулся, и меч просвистел над моей головой.

Повсюду вокруг нас кипел бой. Неверный свет заходящего солнца скрадывал очертания разрушенных во многих местах городских стен.

Ролдеро был утомлен гораздо больше моего, но бился мужественно, и у меня никак не получалось застать его врасплох. Его меч обрушился на мой шлем. Я покачнулся, выпрямился и нанес ответный удар. Шлем сполз ему на затылок. Он сорвал его и отбросил в сторону. Я заметил, что с тех пор, как я в последний раз видел его с непокрытой головой, он стал совсем седым.

Лицо его покраснелось, глаза сверкали, губы кривились в усмешке. Он попытался поразить меня мечом в забрало, но я поднырнул под удар. Он повалился вперед, и мой клинок вонзился ему в грудь.

Он застонал. Лицо его утратило гневное выражение.

— Мы снова друзья, Эрекозе, — выдохнул он и умер.

Я глядел на него, вспоминая его доброту, вино, которое он присылал мне, советы, которые он старался мне преподать. А еще я вспомнил, как он столкнул с седла мертвого короля.

Граф Ролдеро был хорошим человеком, которого судьба заставила творить зло.

Его жеребец повернулся и потрусил к видневшемуся в отдалении графскому шатру.

Я поднял меч, прощаясь с Ролдеро, а потом крикнул людям, которые продолжали сражаться:

— Смотрите, воины человечества! Смотрите! Ваш полководец побежден.

Солнце опускалось все ниже.

Люди начали отступать, бросая на меня исполненные ненависти взгляды. Крепко сжимая в руке окровавленный клинок, я смеялся над ними.

Кто-то из них окликнул меня:

— Эй, Эрекозе! Ты зря думаешь, что справился с нами. Нас ведет в бой королева. Она присоединилась к нам, чтобы воочию увидеть твою смерть.

Иолинда в лагере осаждающих!

Задумавшись на мгновение, я отозвался:

— Скажите вашей госпоже, мы будем ждать ее завтра у ворот. Завтра на рассвете!

Всю ночь мы укрепляли ворота и расставляли по местам наши новые пушки. Кроме того, каждый солдат получил личное оружие.

Передадут ли Иолинде мое приглашение? Согласится ли она на него?

Я опасался напрасно. Иолинда подскакала к городской стене в сопровождении маршалов, облаченных в роскошные доспехи. Правда, несмотря на все богатство выделки, доспехи эти бессильны были против древнего оружия элдренов.

Мы установили одно из орудий так, чтобы можно было продемонстрировать врагам его силу.

— Привет вам, элдрены, — крикнула Иолинда, — привет вам и вашему прихлебателю. Смотрите, как бы он не предал и вас тоже!

— Здравствуй, Иолинда, — сказал я, выглядывая из-за бойницы. — У тебя, видно, наследственная склонность к ничтожным оскорблениям. Давай не тратить время попусту.

— Я уже его трачу, — ответила она, — ибо мы собираемся сегодня покончить с вами.

— Не торопись, — проговорил я. — Мы предлагаем вам мир. Иолинда расхохоталась.

— Ты смеешь предлагать нам мир, изменник? Да ты должен выпрашивать его на коленях! И даже тогда я не пожелала бы слушать тебя.

— Берегись, Иолинда! — воскликнул я. — Берегитесь все. Мы добыли новое оружие — оружие, которое однажды едва не уничтожило Землю. Смотрите!

Я дал знак.

Солдат-элдрен нажал кнопку на панели управления.

Пушка негромко загудела, и вдруг из ствола ее вырвался ослепительный золотой луч. Тепловая волна обожгла нам кожу, и мы отшатнулись, прикрывая руками глаза.

Испуганно заржали лошади. Маршалы разинули рты; лица их стали серыми. Однако Иолинда осталась спокойной.

— Вот чем мы встретим вас, если вы откажетесь от мира! — крикнул я. — У нас есть и другие пушки, а наши солдаты вооружены ружьями, которые одним выстрелом убивают сотню человек. Что вы скажете теперь?

Иолинда подняла голову и взглянула мне в глаза.

— Мы будем сражаться, — ответила она.

— Иолинда, — умоляюще проговорил я, — заклинаю тебя нашей былой любовью: не надо этого делать! Мы не причиним вам зла. Возвращайтесь домой и живите в мире и покое до конца своих дней. Пожалейте самих себя!

— В мире и покое? — горько рассмеялась Иолинда. — Какой там мир, когда у вас появилось такое оружие!

— Ты должна мне поверить, Иолинда.

— Нет, — отрезала она. — Люди будут сражаться до конца. Если Всеблагой милостив к нам, мы наверняка победим. Мы принесли обет искоренить колдовство, а большего колдовства, чем сегодня, нам видеть еще не доводилось.

— Это не колдовство. Это наука. У вас такие же пушки, разве что стреляют они болванками.

— Колдовство, колдовство, — забормотали маршалы. Дикари, ей-богу, дикари.

— Предупреждаю вас, — сказал я. — Элдрены, одержав победу, отпустили бы вас восвояси. Но я хочу избавить планету от вашего присутствия. Подумайте. Мы предлагаем вам мир. Потом будет поздно.

— Если нам суждена смерть от колдовства, — ответила Иолинда, — мы умрем, но умрем сражаясь.

Я устал доказывать очевидное.

— Как хотите, — бросил я.

Иолинда поворотила коня и, сопровождаемая маршалами, поскакала обратно в лагерь.

Я не видел, как она погибла. В тот день люди гибли тысячами.

Они пошли на штурм. Мы встретили их, как и обещали. Они ничего не могли поделать. Энергетические лучи выкашивали их ряды. Исполненные печали, обрушивали мы на них чудовищный молот, от которого не было спасения ни людям, ни животным.

Мы сделали то, чего они от нас добивались. Мы уничтожили их всех до единого.

С жалостью в глазах наблюдал я за тем, как гибнет цвет человечества.

Чтобы покончить с ними, нам потребовался час.

Один час.

Когда бойня прекратилась, я испытал странное чувство, названия которому не могу подобрать до сих пор. В нем было что-то от горя, что-то от облегчения и что-то от торжества. Я оплакивал Иолинду. Она лежала где-то там, в куче почерневших костей и обугленной плоти. Красоту свою она

тратила одновременно с жизнью. И то ладно, подумалось мне.

Именно в тот момент я принял окончательное решение. Принял ли? Быть может, я шел к этому с самого начала?

Или дело тут в преступлении, о котором я упоминал раньше? Неужели преступление, которое я когда-то совершил, обрекло меня на мою долю?

Прав ли я?

Оставив без внимания несодобрение Арджевха, я приказал открыть ворота Лус-Птокай, сел в кабину одной из танкеток и повел свое механизированное войско в поход.

Вот что я сделал:

Два месяца тому назад я завоевал для людей города Мернадина. Ныне я возвращал их элдренам.

Я не просто возвращал их. Я уничтожал людей, которые поселились в них.

Через неделю мы достигли Пафанаала, где в обширной гавани стояли на якоре корабли.

Я уничтожил корабли. Я уничтожил гарнизон, не пощадив ни женщин, ни детей.

А потом, благо многие из танкеток оказались амфибиями, мы пересекли море. Арджевх с Эрмижад остались в Мернадине.

Города сдавались нам один за другим. Пал Нунос со своими сверкающими башнями. Пал Таркар. Пали чудесные города плодородных краев Завары — Сталако, Калодемия, Мурос и Найпадун. Разрушенные энергетическими залпами, пали Шайлаал и Сайпена. Пали за несколько часов.

В Некранале, голубом городе на горе, погибло пять миллионов человек, а от самого Некраналья всего и осталось, что выжженные склоны горы.

Я действовал основательно. Я не пропускал ни деревень, ни селений, ни хуторов.

Я узнал, что некоторым удалось бежать и спрятаться в пещерах. Я разрушил пещеры.

Я спалил дотла леса, в которых могли укрываться беглецы. Я уничтожил камни, под которые они могли забраться.

Я бы уничтожил все до последней травинки, но из-за моря примчался Арджевх, чтобы остановить меня.

Он ужаснулся сделанному мной. Он умолял меня остановиться.

Я послушался.

Убивать больше было некого.

Возвращаясь к побережью, мы ненадолго задержались у обугленной горы, на которой когда-то стоял Некраналь.

— Что вело тебя? — проговорил принц Арджевх. — Ненависть к одной женщине и любовь к другой?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Мне кажется, я сделал это ради мира, который никто не нарушит. Я слишком хорошо знаю своих сородичей. Под их властью Земля никогда не обрела бы покоя. Мне нужно было решить, кто заслуживает жизни. Победив элдренов, люди вскоре затеяли бы свару между собой. И потом они вечно сражаются из-за пустяков: за то, чтобы высидеть над товарищами, за безделушки, за лишний кусок земли, который все равно не будут обрабатывать, за обладание женщиной, которой они ни к чему.

— Ты говоришь о них в настоящем времени, — заметил Арджевх. — По правде сказать, Эрекозе, я думаю, ты не подозреваешь даже, что ты наделал.

Я вздохнул.

— Что сделано, то сделано, — сказал я.

— Да, — согласился он и взял меня за руку. — Пойдем, друг. Пусть их гниют. Тебя ждет Эрмижад.

В душе у меня было пусто.

Мы подошли к реке. Течение ее сильно замедлилось оттого, что на воду осела черная пыль.

— Думаю, я поступил верно, — сказал я. — Я действовал не по своей воле. Пожалуй, для того я и пришел в ваш мир, чтобы покончить с людьми. Мне кажется, существуют силы, о природе которых мы можем только догадываться. По-моему, меня призвал сюда не Ригенос. Ригенос был, подобно мне, марионеткой — подручным средством. Человечество обречено было на погибель.

— Хорошо, что ты так считаешь, — ответил Арджевх. — Пойдем. Нам пора домой.

ЭПИЛОГ

Я заканчиваю свой рассказ.

Раны, нанесенные войной, зарубцевались.

Я вернулся в Лус-Птокай, чтобы жениться на Эрмижад, чтобы узнать секрет бессмертия элдренов, чтобы освободиться от сумятицы в мыслях.

Я не чувствую за собой вины. Сейчас я больше, чем когда-либо, уверен, что решение зависело не от меня.

Быть может, я сошел с ума и потому не ощущаю себя виноватым. Даже если так, безумие не разрывает меня на части, как это было раньше со снами. Сны, кстати, мне почти не снятся.

Мы живем втроем — Эрмижад, Арджевах и я. Арджевах стал единоличным правителем Земли, Земли элдренов, и мы правим вместе с ним.

Мы стерли человечество с лица планеты. Из всех людей остался один я. Тем самым, как мне кажется, мы восстановили космический узор, и Земля гармонично вписалась в исполненную гармонии Вселенную. Неизмеримо древняя Вселенная не желала терпеть людей, которые нарушали ее покой.

Был ли я прав?

Судите сами.

Что касается меня, то мне слишком поздно задаваться этим вопросом. У меня достаточно благоразумия, чтобы не задаваться им. Ибо, пытаясь ответить на него, я наверняка потеряю рассудок.

Меня смущает только одно. Если Время на самом деле циклично, если известная нам Вселенная на каком-то витке цикла возникнет снова, тогда однажды на Земле вновь появятся люди, а мои названные родичи канут в небытие.

Читающий эти строки, кто ты? Если человек, то, должно быть, знаешь ответ. Мои заботы представляются тебе наивными, и ты смеешься надо мной. Но у меня нет ответа. Мне ничего не приходит в голову.

Не надо считать меня отцом твоего народа, потому что у нас с Эрмижад не может быть детей.

Но тогда откуда ты взялся, нарушитель покоя Вселенной?

Встречу ли я тебя здесь? Стану ли я вновь твоим героем или погибну, сражаясь против тебя?

Или умру раньше и стану тем, кто приведет на Землю беспокойное человечество?

Не знаю.

Под каким именем ты призовешь меня и себе?

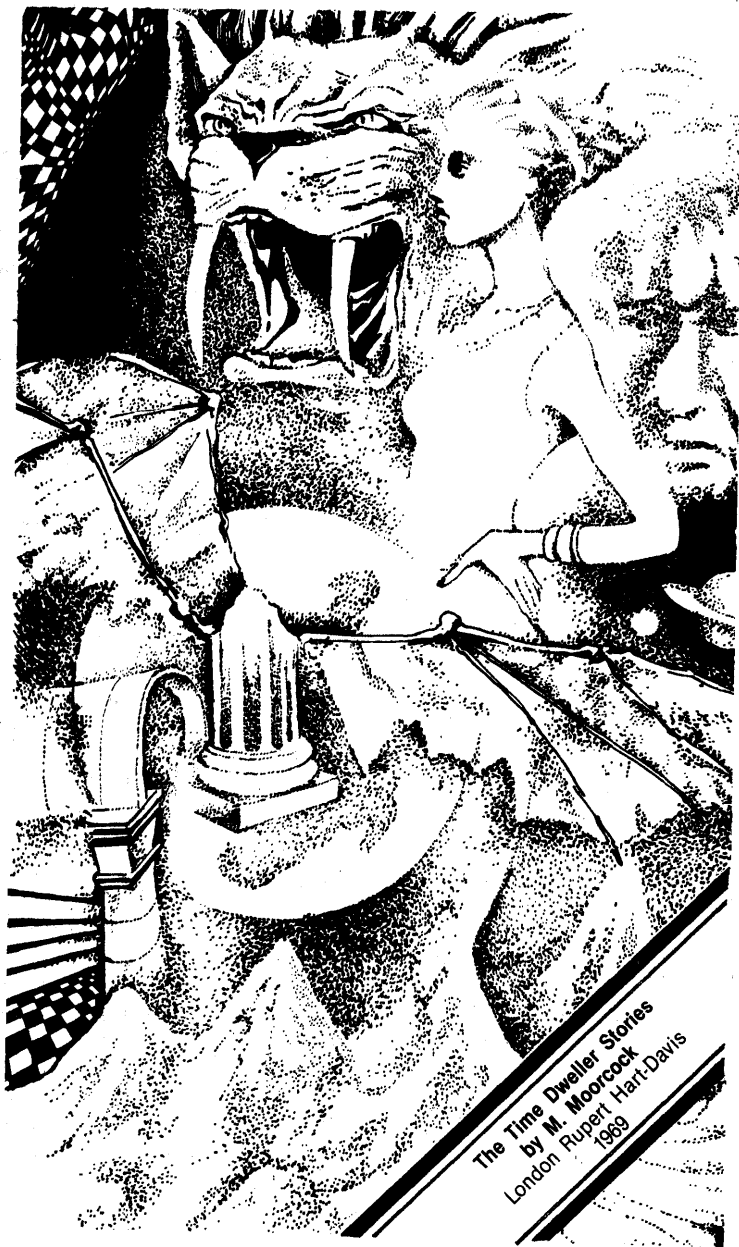
Сейчас на Земле царит мир. Тишину нарушают лишь приглушенный смех, негромкий разговор да звуки, которых исполнена живая природа. Планета и мы вместе с ней познали покой.

Надолго ли?

О,долго ли?

РАССКАЗЫ

The Time Dweller Stories
by M. Moorcock
London Rupert Hart-Davis
1969

Обитатель времени

Мрак воцарился во вселенной, этой маленькой вселенной, населенной Человском. Солнце померкло для Земли, Луна скрылась в космосе, соль перенасытила неподвижные воды океанов, забила реки, которые под темными угрюмыми небесами, погружившимися в вечные сумерки, с трудом пробивали себе путь меж покрытых белыми кристаллами берегов.

В долгой жизни Солнца это был всего-навсего эпизод. Через какие-нибудь несколько тысяч лет оно вновь засияет во всем своем блеске. Ну, а пока оно удерживало свои лучи на коротком поводке и его скрытая мощь при этом заявляла о себе недовольным ворчанием. В недрах светила вызревал новый этап его эволюции.

Но его увядание наступило не сразу, и некоторые создания на планетах вокруг успели приспособиться к изменениям. Среди них был и Человск. Это неусмное создание выжило даже незаслуженно — учитывая, какие сверхусилия ему понадобились для этого на протяжении предыдущих эпох. Но — выжило, в этой своей маленькой вселенной, состоящей из одной-единственной планеты, у которой даже не осталось спутника, ибо Луна давно исчезла в космическом пространстве, оставшись легендой в памяти Человска.

Под бурыми облаками, на фоне бурых скал, в буром свете сумерек по берегу бурого океана, подернутого местами белым, ехал бледный всадник на бледном животном. Привкус океанской соли раздражал горло, а запах дохлых грязевиков — ноздри.

Это был Мыслитель-со-шрамом, сын Сонного Весельчака и Пухлощечкой Непоседы. Животное, с виду тюленя, звали Импульс. Его лоснящаяся шкура еще не высохла от только что прошедшего солсного дождя, морда была вытянута вперед, оно шумно топало по покрытому солью берегу двумя сильными погами-ластами, без труда волоча за собой острый как бритва хвост. Мыслитель держался на его спине в седле из полированного кремня, в котором всякий раз, когда они проезжали мимо соляных наростов, торчавших из земли

наподобие сточенных зубов, появлялись тусклые отблески. К голове всадника на специальном кронштейне было прикреплено длинное ружье — пробойник. Сделанное на основе рубина, оно было вечным, как сам камень. Одет был Мыслитель в тюленью шкуру, окрашенную в мрачную смесь ржаво-красного с темно-желтым.

За спиной Мыслитель слышал поступь всадницы, от которой он пытался оторваться с самого утра. Сейчас, когда серый туманный вечер незаметно переходил в черную ночь, она по-прежнему держалась за ним. Он повернул в ее сторону свое невозмутимое лицо с плотно сжатыми губами, белыми, как и шрам, что тянулся через его левую щеку от угла губ до скулы. Она находилась пока в отдалении, но расстояние уменьшалось.

Он прибавил скорость.

Бурные облака низко клубились над темным песком пологого берега. Тюлени двух всадников глухо шлепали по влажному берегу, и она все приближалась.

Он подъехал к водоему, заполненному плотной соленой водой, и Импульс плюхнулся в него. Вода была теплой. Она последовала за ним и в воду. Он развернул своего конягу и стал ждать — почти с дрожью — приближения этой высокой и стройной женщины с длинными светло-каштановыми волосами, свободно развевавшимися на ветру.

— Дорогая Высокая Хохотунья, — обратился он к сестре, — меня эта игра совсем не развлекает.

На ее нахмуренном лице появилась улыбка.

Он испытывал беспокойство, но на его открытом лице, освещенном угасающим светом дня, читалась решимость.

— Я хотел бы ехать в одиночестве.

— Куда ты едешь, да еще в одиночестве? Давай вместе поищем приключений.

Он задержался с ответом, не зная, что сказать.

— Так ты вернешься? — спросила она.

— Пожалуй, нет.

С моря неожиданно налетел бесшумный холодный ветер. Импульс заерзал на месте.

— Ты что, боишься Хронарха?

— Хронарх не испытывает ко мне любви — но и ненависти тоже. Он хотел бы, чтобы я уехал из Ланжис-Лиго, пересек на запад Великую Соленую Равнину и поискал счастья в Стране Пальм. Он не доверит моей опеке ни малейшего

отрезка Будущего и, как ты знаешь, ни частицы Прошлого. Я намерен быть сам творцом своей судьбы.

— Так ты сердисься! — воскликнула она сквозь начавшееся завывание ветра. — Ты сердисься из-за того, что Хронарх не делится с тобой своей властью. А тем временем твоя сестра останется здесь и будет страдать и мучиться.

— Выходи за Мозговитого Гордеца! Ему доверяют и Прошлое и Будущее.

Он направил своего тюлена дальше — через просоленный водоем, навстречу ночи. На ходу он достал из-под седла фонарь, чтобы освещать себе дорогу. Он повернул ручку фонаря, и тот осветил берег на несколько ярдов вокруг. Обернувшись, он на миг увидел ее, застывшую, с глазами, полными ужаса. Она чувствовала себя преданной им.

Ну, теперь я один, подумал он. Сильный порыв ветра обдал его холодом. Он развернул животное, взяв курс на запад, в глубь материка, через соляные скалы. Он ехал всю ночь. Веки сделались тяжелыми, но он все ехал и ехал прочь от этого Ланжис-Лиго, где Хронарх, Властелин Времени, правил Прошлым и Настоящим и смотрел за приходом Будущего, вдали от семьи, дома и города; сердце Хронарха работало на предельных нагрузках, голова буквально полыхала от жара, мышцы тела застывали от перенапряжения.

Мыслитель ехал в ночь, на запад, с горящим фонарем, прикрепленным к седлу. Верное животное чутко прислушивалось к его ласковому шепоту. Он ехал на запад, пока за его спиной не занялась заря и не залила бесплодную землю мягким светом.

Поутру он услышал звук материи, бьющейся на ветру, и, повернув голову, увидел зеленую палатку, поставленную рядом с неглубокой расселиной. Полог палатки и бился под ветром. Он придержал Импульса и приготовил ружье.

На звук шагов тюлена из палатки высунулась голова человека — как черепаха из панциря. У него был крючковатый нос, глаза с тяжелыми веками, рот чем-то напоминал рыбий, капюшон плотно закрывал голову и шею.

— Ага, — сказал Мыслитель в знак того, что узнал человека.

— Хм, — ответил Крючконосый Странник, также признавший всадника. — Далеко ты забрался от Ланжис-Лиго. Куда путь держишь?

— В Страну Пальм.

Он снова зачехлил ружье и спешился. Обошел палатку. Голова хозяина неотступно поворачивалась, следя за его движениями. Мыслитель остановил взгляд на расселине. Она была расширена и углублена явно рукой человека. Там лежали какие-то старые обломки.

— Что это?

— Не что иное, как обломки разбившегося космического аппарата, — ответил Крючконосый Странник. В голосе его прозвучало такое разочарование этим фактом, что было видно — он не выдумывает. — Меня навела на него моя металлическая рамка. Я надеялся, что там есть капсула с книгами или фильмами.

— Их, я думаю, уже забрали.

— И я так думаю, но была надежда. Ты завтракал?

— Спасибо, нет.

Голова в капюшоне скрылась в палатке, появилась тонкая рука и откинула входной полог. Мыслитель пригнулся и вошел в палатку. Она была завалена всякой техникой. Крючконосый Странник жил тем, что обменивал предметы, которые находил с помощью своей металлической рамки и прочего инструмента.

— Очевидно, у тебя нет верхового животного, — сказал Мыслитель, присаживаясь и скрестив ноги между каким-то мягким узлом и угловатой статуэткой из стали и бетона.

— Пришлось бросить, когда у меня кончился запас воды, а другого такого найти я не смог. Вот почему я иду к морю. Меня ужасно мучит жажда, я испытываю острую солевую недостаточность, потому что мне совсем не нравится соль, которая растет в этих местах.

— У меня ее полно, в бочонке у седла, — сказал Мыслитель. — Возьми себе, очень хорошая, соленая вода, слегка разбавленная пресной — если это тебе, конечно, по вкусу.

Странник быстро кивнул, схватил флягу и стал пробираться к выходу. Мыслитель отклонился назад, пропуская его.

Вернулся тот, улыбаясь.

— Спасибо. Теперь я продержусь несколько дней.

Он отодвинул в сторону кучу старья, и показалась маленькая печка. Он раздул ее, поставил на нее сковородку и начал жарить рыбу-ногу, которую недавно поймал.

— В какой город ты направляешься, Мыслитель? Здесь только два поблизости — Барбарт и Пиорха. Да и то до них идти много лиг.

— Барбарт, я думаю, это в Стране Пальм. Хотелось бы посмотреть на зеленые растения вместо всего этого серо-бу-рого. К тому же тамошние древние места, должен сказать, окружены для меня ореолом романтики. Я хочу окунуться в мир наших предков, ибо опасность бесконтрольного Прош-лого, пустого Настоящего и рискованного Будущего...

— У многих такое настроение, — сказал Странник с улыбкой, раскладывая по тарелкам рыбу-ногу, — особенно в Ланжис-Лиго, где царит Хронархия. Но помни, ты многое увидишь. Ты увидишь Барбарт и Страну Пальм, и ты сам для себя решишь, чего они стоят. При этом старайся делать, как я: не выражай своих суждений и не давай своих оценок их образу жизни. Поступай таким образом, и к тебе будут нормально относиться.

— Твои слова кажутся мне мудрыми, Странник, но у меня не было прежде случая, чтобы я сейчас мог оценить их по достоинству. Быть может, когда я перенесу часть Будущего в Прошлом, ко мне придет понимание.

— Ты выглядишь усталым, — сказал Странник, когда они кончили есть, — не поспать ли тебе?

— Пожалуй. Благодарю.

Крючконосый Странник пошел по своим делам, а Мыслитель лег спать.

Проснулся он далеко за полдень, пошел разбудить Им-пульса, который тоже не терял времени даром, пока хозяин спал, и попрощался со Странником.

— Пусть кровь твоя будет густой, а ум открытым, — ответил ему Странник обычной формой вежливости.

Мыслитель до темноты добрался до болотистого места, покрытого в основном серо-бурым мхом с отдельными пят-нами светло-зеленого цвета. Он извлек фонарь и пристроил его к седлу: ночью он спать не собирался, опасаясь хищников.

Однажды фонарь выхватил в темноте стаю грязевиков, двигавшуюся прямо к его тропе. Обычно они не забираются так далеко в глубь материка, эти огромные белые слизняки, поднявшие свои головы, чтобы видеть его. Ему казалось, что он слышит, как они шумно дышат на него солью, эти потомки пиявок, вытягивавших кровь из его праотцов. Импульса не пришлось понукать, чтобы он прибавил ходу.

Оторвавшись от них, он подумал, что грязевики теперь являются истинными обитателями Земли. Роль Человека на Земле уже нелегко было определить. Он хотя и выжил на

засоленной земле, но стал здесь уже нежелательным гостем. Если для Человека и существовало другое пристанище, то не здесь, а где-то еще. И, быть может, даже вовсе не в пространстве, а в каких-то измерениях, где естественная эволюция не могла бы отразиться на нем.

И так в свойственной ему задумчивости он продолжал держать путь на Барбарт и к следующему дню въехал в симпатичный пальмовый лес, золотисто-зеленый под мягкими солнечными лучами, тихий и душистый. Припрыгивающий ход Импульса сменился на какой-то веселый, когда они объезжали подушки мха на затененных участках меж тоненьких пальм, раскачивавших листьями под порывами внезапно налетевшего ветра.

Он слез на землю и лег на пушистую кочку мха, с удовольствием расслабившись, вдыхая ароматы, принесенные ветром. В воображении замелькали бессвязные образы, он услышал голос сестры, звучный голос Хронарха, который объявлял об отказе ему в работе в Доме Времени — работе, на которую он рассчитывал по праву: разве не брат его деда был предыдущим Хронархом? Виделась ему изгибающаяся в нескольких измерениях Башня Времени, это чудо — творение древнего архитектора, расцвеченная, со странными, как бы двигающимися углами и изгибами. Потом он заснул.

Проснулся он ночью, Импульс издавал характерные ухающие звуки, стараясь разбудить его. Сонный, он забрался в седло, устроился поудобнее, достал и приторочил к седлу фонарь и пустился в путь через лес, и пальмы в холодном свете фонаря казались сетью, сплетенной из черных двигающихся нитей.

Наутро он увидел низкие дома Барбарта, лежавшего в окруженной живописными холмами долине. Над домами возвышалось сооружение из полированной меди, блестящей, как дорогое красное золото. Он сразу задумался о его назначении.

Дорога стала хорошо видна — твердая протоптанная тропа, извивающаяся между поросшими мхом пригорками. Она вела к городу. Через некоторое время послышался глухой топот: к нему приближался всадник. Мыслитель насторожился — ведь он почти ничего не знал о Барбарте и его обитателях — и, придерживав Импульса, изготовил копьё.

К нему приближался молодой человек, длинноволосый, приятной наружности, одетый в короткий голубой камзол

одного цвета с его глазами. Восседал он на тяжелом старом морже. Он остановил моржа и со снисходительной улыбкой посмотрел на Мыслителя.

— Чужестранец, — сказал он приветливо, — приятное утро, не так ли?

— Да. И приятная страна, в которой вы живете. Это город Барбарт?

— Конечно, Барбарт. Другого здесь поблизости нет. А ты откуда?

— Из Ланжис-Лиго, что у моря.

— Я считал, люди из Ланжис-Лиго никогда не путешествуют на большие расстояния.

— Я первый. Меня зовут Мыслитель-со-шрамом.

— А меня Домм, и я приветствую тебя и приглашаю в Барбарт. Я проводил бы тебя, если б не наказ матери нарвать трав среди пальм. Я и так, боюсь, опаздываю. Какое, интересно, у нас сейчас время?

— Время? Как какое — настоящее, конечно.

— Ха-ха! Я спрашиваю, какой час.

— Какой «час»? — удивился Мыслитель.

— Да нет, это я спрашиваю.

— Боюсь, я не совсем понимаю местные выражения, — вежливо сказал Мыслитель. Он был в замешательстве. Вопрос парня и в первый момент показался странным, а теперь и вовсе непонятным.

— Не бери в голову, — улыбнулся ему Домм. — Я слышал, у вас в Ланжис-Лиго своеобразные обычаи. Ну, не стану тебя задерживать. Езжай этой дорогой, и ты будешь в Барбарте меньше, чем через час.

Опять этот «час». Может, здесь лига делится на часы? Он прервал свои размышления и пожелал юноше на прощание «густой крови».

Дома в Барбарте были украшены мозаикой, а располагались они в строго геометрическом порядке вокруг прямоугольной центральной площади, где возвышалось башенное устройство из полированной меди с какими-то рядами, кружками, завитушками. В центре устройства размещалась большая круглая пластина, разделенная на двенадцать частей, а каждая из двенадцати — еще на пять. Из центра исходили два указателя, один чуть короче другого; как заметил Мыслитель, они медленно двигались. Проезжая через город, он заметил везде воспроизведенные изображения этого уст-

ройства. Он пришел в конце концов к выводу, что это было какое-то священное сооружение или геральдический знак.

Барбарт показался ему приятным местом, хотя и беспокойным. Особенно отчетливо атмосферу города передавала буйная рыночная площадь, где мужчины и женщины носились от прилавка к прилавку, крича друг на друга, ворочая рулоны ярких тканей, перебирая несоленые овощи и фрукты, шупая мясо, приглядываясь к сладостям, — и все это среди постоянного гула голосов торговцев, расхваливающих свои товары.

Подобовавшись этой картиной, Мыслитель направил тюленя дальше и наткнулся на одной из прилегающих к рынку площадей на таверну. В центре этой небольшой площади находился фонтан, а рядом — вынесенные на улицу столы и скамейки. Мыслитель сел за столик и назвал свой заказ полной девушке, подошедшей к нему.

— Пиво? — спросила она, скрестив на груди свои пухлые загорелые руки. — У нас мало пива, и оно дорогое. Есть персиковое вино, это дешевле.

— Хорошо, принеси, — согласился он, потом повернулся к фонтану и стал с удовольствием рассматривать его тонкие струи, хотя вода вовсе и не имела запаха соляного раствора.

Из тени таверны появился мужчина с высокой кружкой в руке, привлеченный, вероятно, странным акцентом Мыслителя, остановился и с дружелюбным выражением на лице стал рассматривать его.

— Откуда ты, путешественник? — спросил он.

Мыслитель ответил. Видно было, что барбартец удивлен. Он присел на соседнюю скамейку.

— Ты второй посетитель из дальних мест на этой неделе. Другой был посланцем с Луны. Они, знаешь ли, здорово изменились, эти луняне. Высокие, тонкие стали, как пальмы, красивые лица. Одеваются в металлические ткани. Он сказал, что летел к нам много недель...

Когда барбартец вторично упомянул неизвестное слово «неделя», Мыслитель повернул к нему голову и посмотрел на него.

— Извини меня, — начал он, — но мне, чужестранцу, занятно слышать некоторые здешние слова. Что вы имеете в виду под словом «неделя»?

— Ну... неделя... семь дней — что ж еще?

Мыслитель вежливо улыбнулся:

— Ну вот, пожалуйста. Другое слово — «дни». Что это такое — «дни»?

Барбартец почесал затылок, сморщил лицо. Это был человек средних лет, сутуловатый, одет он был в просторную одежду из желтой ткани. Он поставил кружку и поманил Мыслителя рукой.

— Пойдем со мной, я тебе все покажу.

— Это доставит мне большое удовольствие, — с благодарностью сказал Мыслитель. Он допил вино и позвал девушку. Когда она подошла, он попросил ее присмотреть за его конягой, а также приготовить ему постель, поскольку он проведет здесь следующее темное время.

Барбартец представился, звали его Мокоф. Он взял Мыслителя за локоть и повел через квадратные, треугольные и круглые площади, образованные домами, пока они не пришли наконец на большую центральную площадь, где оказались перед тем необыкновенным пульсирующим устройством из блестящей меди.

— Эта машина дает городу жизнь, — сказал Мокоф. — Она также регулирует наши жизни. — Он указал на диск, который Мыслитель видел раньше. — Знаешь, мой друг, что это такое?

— Нет. Боюсь, что нет. Ты не мог бы объяснить?

— Это устройство называется «часы». Оно измеряет отрезки дня, каждый отрезок называется «час». — Он остановился, видя, что Мыслитель в растерянности. — Иначе говоря, оно измеряет время.

— А-а! Наконец-то понял. Однако это странно, оно же не может измерить большое количество времени при таком маленьком круге. Как же поток времени?

— Мы называем период солнечного света «день», а период темноты — «ночь». И каждый делим на двенадцать часов...

— Тогда период солнечного света равен периоду темноты? Я всегда думал...

— Нет, мы считаем их равными для удобства, хотя это и не так. Так вот, эти двенадцать частей мы называем часами. Когда стрелки доходят до двенадцати, они начинают снова счет по кругу...

— Фантастика! — поразился Мыслитель. — Ты имеешь в виду, что вы запускаете по кругу один и тот же период времени снова и снова. Превосходная идея. Удивительно! Не думал, что это возможно.

— Не совсем так, — терпеливо продолжил Мокоф. — Далее, час разделен на шестьдесят единиц, они называются минутами. Минуты также разделены на шестьдесят единиц, каждая называется секундой. Секунды — это...

— Постой, постой! Я поражен, я совершенно сбит с толку! Надо же, как вы властвуете над потоком времени, раз вы можете манипулировать им по своему желанию! Расскажите мне, как вы это делаете. Хронарх в Ланжис-Лиго испытал бы священный трепет, узнай он о вашем открытии.

— Ты не понял, мой друг. Мы не властвуем над временем. Если кто и властен, то скорее оно над нами. А мы просто измеряем его.

— Не властны... Но если так, то почему же?.. — Мыслитель остановился, не в состоянии уловить логику сказанного барбартцем. — Ты же говоришь мне, что вы пускаете по кругу определенный период времени, который вы делите на двенадцать. Да еще, как ты говоришь, вы запускаете по новой и более короткий период и даже еще более короткий. Но это сразу стало бы очевидным, если бы было правдой, так как вы в жизни стали бы повторять снова и снова одни и те же действия. Или, если вы используете одно и то же время, но сами не зависите от него, то уже Солнце перестало бы двигаться по небу — но, я вижу, оно все движется. Положим, вы можете освободиться из-под влияния времени. Но мне так не кажется, поскольку этот инструмент, — он указал на часы, — оказывает влияние на весь город. Или, опять же, если это природный дар, то почему тогда мы в Ланжис-Лиго тратим столько сил и средств на изучение времени, тогда как вы умеете подчинять его себе?

Широкая улыбка появилась на лице Мокофа. Он покачал головой:

— Говорю тебе: мы не подчиняем время себе, а этот прибор просто говорит нам, сколько времени в данный момент.

— Странно, — продолжал изумляться Мыслитель. Он старался восстановить порядок в мыслях. — У вас существует только настоящее. В твоих словах нет логики.

Мокоф озабоченно взглянул на него:

— Ты здоров ли?

— Вполне. Спасибо за твою заботу. Вернись-ка я в таверну, пока совсем не потерял рассудка!

В голове его царил полный хаос. Мокоф сказал одно — а потом на одном дыхании опроверг сказанное. Он решил подумывать обо всем за едой.

Дверь таверны была закрыта, и, сколько он ни стучал, ему не открыли. Он увидел, что его седло и сумки лежат снаружи.

В одной из сумок у него было немного еды, он сел на скамейку и стал есть большой ломоть хлеба.

Внезапно над ним раздался крик, он поднял голову и в окне верхнего этажа увидел голову старой женщины, обращенную к нему.

— Ай-ай-ай, — кричала она, — ты что же это делаешь?

— Ничего, ем хлеб, мадам, — ответил он удивленно.

— Негодяй! — выходила она из себя. — Грязная, мерзкая свинья!

— В чем, в конце концов...

— Смотрите! Смотрите! — не останавливалась женщина.

На площадь быстро прибежали три вооруженных человека. Они в отвращении скривили лица, когда увидели Мыслителя.

— Извращенный тип, эксгибиционист, — сказал главный из троих.

Они схватили опешившего Мыслителя.

— Что происходит? — он аж задохнулся. — Что я такого сделал?

— Судью спросишь, — огрызнулся один из его стражей, и они потащили его на центральную площадь, в высокий дом, который, похоже, был их управлением.

Его бросили в камеру, и они ушли. Разодетый парень из соседней камеры, отделенной перегородкой, спросил его с развязной улыбкой:

— Привет, чужак. Что натворил?

— Представления не имею, — ответил Мыслитель. — Я просто сел перекусить, и вдруг...

— Перекусить? Но сейчас не время для еды, оно будет только через десять минут!

— Время, не время. Это что, у вас есть специальный период для еды? Для меня это уж слишком!

Разодетый парень ушел от перегородки в дальний угол своей камеры, с отвращением сморщив нос:

— Фу, за такие дела надо давать на всю катушку!

Вконец озадаченный, Мыслитель с безнадежным видом опустился на скамейку. Вокруг творилась какая-то мистификация. Станные традиции здешних людей были явно связаны с этим механизмом — часами, которые служили им, кажется, настоящим божеством. Если стрелки показывают не на ту цифру на диске, то некоторые твои действия в этот момент становятся преступлением. Хотел бы он знать, что за высшая кара его ожидает.

Прошло немало времени, когда стража пришла за ним. Его вели вереницей коридоров, пока не пришли в комнату, где за резным столом сидел человек в длинной красной мантии с металлической маской на лице. Стражи посадили Мыслителя перед ним, затем отошли и встали у дверей.

Человек в маске произнес звучным голосом:

— Ты обвиняешься в приеме пищи вне установленного часа, причем в общественном месте и на виду у всех. Это серьезное обвинение. Что ты скажешь в свою защиту?

— Единственно, что я чужестранец и не понимаю ваших обычаев.

— Слабое оправдание. И откуда ты?

— Из Ланжис-Лиго, что у моря.

— До меня доходили слухи о безнравственных вещах, практикуемых там. Теперь ты будешь знать, что ваши грязные привычки нельзя брать с собой в другой город и жить с ними и там. Но я буду к тебе снисходителен и приговариваю тебя к году работ на раскопках древностей.

— Но это же несправедливо!

— Ах, несправедливо? Придержи язык — или я тебе накинута еще!

Подавленный, лишенный надежды, Мыслитель дал стражам отвести себя обратно в камеру.

Прошла ночь и настало утро, и за ним явились снова.

— Вставай, — приказал главный, — судья опять хочет тебя видеть.

— Что, хочет увеличить срок?

— Его спросишь.

Когда он и его стражи вошли, судья нервно барабанил пальцами по столу.

— Ты разбираешься в машинах, которые есть в Ланжис-Лиго, не так ли? У вас там есть страшные машины, я слышал. Хочешь выйти на свободу?

— Хочу, конечно. А в машинах мы кое-что понимаем, но...

— Наш Великий Регулятор вышел из-под контроля. Я не удивился бы, услышав, что твое преступление вызвало такое потрясение, что он стал действовать с ошибками. Что-то случилось с его стержнем жизни, и нам, возможно, придется эвакуировать Барбарт, если его не удастся исправить. Мы утратили умение обращаться с машинами. Если ты починишь Великий Регулятор, мы выпустим тебя. Без него мы не знаем, когда спать, когда есть и так далее. Мы сойдем с ума, если лишимся его направляющего влияния!

Вряд ли восприняв все остальное из сказанного судьей, Мыслитель хорошо расслышал только то, что он будет отпущен, если исправит их машину. С другой стороны, он оставил Ланжис-Лиго именно потому, что Хронарх не доверил бы ему ни одной машины. У него было мало опыта, но, если речь идет о его освобождении, он попробует.

Когда он снова прибыл на центральную площадь, то заметил, что машина из блестящей меди — Великий Регулятор, как они ее называли, — издавала странное ворчание и сильно дрожала. Вокруг нее стояла дюжина стариков, которые дрожали в унисон с ней и размахивали руками.

— Вот человек из Ланжис-Лиго! — объявил страж. Все напряженно стали вглядываться в Мыслителя.

— Стержень жизни. Наверняка стержень жизни, — сказал один из стариков, теребя полу камзола.

— Давайте посмотрим, — сказал Мыслитель, отнюдь не уверенный в том, что он сумеет помочь.

Ему отвинтили несколько внешних пластин машины, и он через толстое стекло стал пристально рассматривать стержень жизни. Он видел такие вещи и раньше и кое-что знал о них. Он знал об этом вполне достаточно для того, чтобы не ожидать увидеть нечто раскаленное докрасна и все время выбрасывающее искры.

Он вспомнил вдруг, что через исключительно короткий промежуток времени — здесь это называют, возможно, минутой — стержень жизни может подойти к критическому состоянию, внутренне переполниться и вырваться из своих границ, и тогда его излучение убьет все живое. Мыслитель не обращал внимания на крики собравшихся, погрузившись всеми мыслями в стоявшую перед ним задачу. Ему придется повозиться с ней еще дольше, если он будет прислушиваться к советам зевак.

И вдруг он понял, что все они погибнут и он ничем не сможет им помочь.

Он обернулся к ним с намерением сказать об этом, как внезапно ему в голову пришла идея: а почему бы и ему самому, как делали, по его мнению, эти горожане, не запустить по второму кругу вот это мгновение?

Со вчерашнего дня он пытался обнаружить логику в словах Мокофа и, сопоставляя их с тем, что ему рассказывал Хронарх, составил себе картину того, как может развиваться процесс.

В порядке эксперимента он переместил себя во времени немного в прошлое. Получилось. И стержень жизни приобрел свой прежний вид, такой, каким он его увидел в первый момент.

О таких вещах он никогда раньше не думал, но теперь понял, что это легко, необходима лишь некоторая степень внутренней концентрации. Он был благодарен барбартам с их загадочным аппаратом времени за то, что они подали ему такую идею.

Все, что ему нужно было делать, это вспомнить, чему учил его Хронарх относительно природы времени — как оно постоянно и незаметно для обычного человека преобразует свои составляющие, что придаст ему движение вперед, и это движение оказывает огромное воздействие на организацию материи.

Передвигаясь на том участке времени, куда он перенес себя некоторое время назад, он начал изучать временные координаты стержня жизни. Он не знал никаких физических средств, чтобы приостановить его работу; если б он как-то сумел вовремя остановить его, то стержень перестал бы представлять собой угрозу. Но все равно надо шевелиться и побыстрее, иначе рано или поздно временная структура перестанет удерживать нынешнюю позицию, и его неудержимо понесет во времени вперед, к тому самому моменту, когда стержень жизни начнет испускать свои лучи.

И снова и снова он позволял себе дрейф во времени до самого рокового момента, потом передвигался в обратную сторону, теряя при этом каждый раз несколько мгновений.

Наконец он разобрался во временной структуре стержня. Усилием воли он установил координаты времени на нуле. Стержень перестал развиваться во времени, он был заморожен на нулевой отметке и перестал быть опасным.

Мыслитель вернулся в нормальный поток времени. Он совершенно взмок. Вокруг сгрудились люди, они требовательно, взволнованно спрашивали:

— Что тебе удалось сделать? Мы в безопасности?

— В безопасности.

Его обнимали, благодарили самыми добрыми словами, они забыли о его недавнем преступлении, требовали вознаградить его.

Но он почти не слышал их слов и, в то время как они тащили его обратно к судье, погрузился в задумчивость, размышляя над тем, что ему удалось совершить.

Так же, как можно сделать шаг назад и ступить на только что ушедшую из-под ног почву, он сделал шаг назад во времени и вернул утраченное время. В этом его вознаграждение. Он был беспредельно благодарен сейчас этим людям за то, что они с их причудливыми представлениями о времени дали ему возможность убедиться, что человек по своей воле может обитать в точке времени, как и в точке пространства. Нужно лишь знать, думал он, что такое возможно. А дальше уже все легче.

Судья снял маску и благодарно улыбнулся.

— Мудрецы говорят, ты совершил чудо. Они видели, как твоя фигура мигала, подобно пламени свечи, то исчезая, то появляясь. Как ты добился этого?

Мыслитель развел руками.

— Это оказалось чрезвычайно просто. До тех пор, пока я не пришел в Барбарт и не увидел эту штуку, что вы называете часами, я не понимал возможности двигаться во времени так же, как я двигался в пространстве. Мне подумалось, что раз вы можете вроде как повторять периоды времени, то и я могу сделать нечто подобное. Вот я и сделал это. Потом я изучил стержень жизни и понял, что, манипулируя его структурой, я могу зафиксировать ее в определенной точке и тем самым остановить развитие стержня. Все так просто — и в то же время это, возможно, никогда не пришло бы мне в голову, если бы я не оказался в ваших местах.

Судья озадаченно провел ладонью по глазам.

— А-а, — произнес он.

— А теперь, — сказал весело Мыслитель, — я благодарю вас за гостеприимство. Я намерен покинуть Барбарт немедленно, поскольку я наверняка никогда не пойму ваших обычаев. Я возвращаюсь в Ланжис-Лиго и расскажу Хропарху о своих открытиях. Всего доброго.

Он вышел из здания суда, пересек площадь, заполненную толпой благодарных горожан, и скоро уже седлал Импульса, а потом уж и покидал Барбарт, что в Стране Пальм.

Через два дня он наткнулся на Крючконосого Странника, который копался в только что вырытой им канаве.

— Привет, Странник, — поприветствовал он его из седла.

Странник поднял глаза, стер соленую землю с лица.

— А-а, это ты, Мыслитель. Я считал, что ты решил ехать в Страну Пальм.

— Я и был там. Приехал в Барбарт и там... — Мыслитель кратко поведал о происшедшем.

— Ага, — кивнул Странник. — Значит, Хронарх все-таки дает своему народу хорошее образование. Я, честно говоря, считал, что все то, что он делает, невозможно. Но ты доказал мне, что я был неправ.

— Что ты имеешь в виду?

— Попробую объяснить. Пойдем в палатку и выпьем вина.

— Охотно, — ответил Мыслитель, слезая на землю.

Странник разлил вино из пластмассовой бутылки по гра-
ненным бокалам.

— Ланжис-Лиго, — начал он, — был основан в древности как опытное поселение, где детям давали образование в духе учения одного философа, которого звали Спешный. Он считал, что отношение людей ко Времени является следствием тех методов, с помощью которых они регистрируют и измеряют его, того состояния умов, согласно которому «прошлое есть прошлое, и изменить его нельзя», «нельзя знать, что скрывает будущее», и так далее. Наши головы, считал он, полны предубеждений, и, пока мы думаем таким образом, мы никогда не освободимся от пут времени. От этих пут, по его мнению, было крайне необходимо освободиться. Он говорил, например, что когда температура становится слишком высокой, то человек находит средства держать себя в холоде; когда идет дождь, он входит под укрытие или придумывает укрытие, которое можно носить при себе; если он подходит к реке, то строит мост, а к морю — лодку. Физические преграды определенной интенсивности можно преодолеть физическими средствами. Ну, а если интенсивность преград доходит до той степени, когда они уже не могут быть преодолены физическими средствами?

Мыслитель пожал плечами.

— То мы или погибнем — или изыщем какие-то другие средства преодоления их, нефизические.

— Именно. Спешный говорил, что если Время движется слишком быстро для Человека, чтобы он успел выполнить намеченное, то Человек относится к этому пассивно. Спешный считал, что новое образование поможет Человеку освободиться от старой концепции и приспособлять Время к своим нуждам с такой же легкостью, с какой он приспособляет природу. Вот они, те самые нефизические средства.

— Мне кажется, я немножко понимаю, что ты имеешь в виду. Но какая, интересно, в этом необходимость? — задал

Мыслитель чисто риторический вопрос, но Странник предпочел ответить.

— В этом мире, надо признать, Человек является анахронизмом. Он в определенной степени адаптировался к условиям, но не настолько, чтобы поддерживать свое существование, не полагаясь на счесь изобретательность. Планета, конечно, всегда была не особенно подходящей для него, но никогда — такой негостеприимной, как теперь.

— Хронархия, я уже как-то говорил, — продолжал Странник, — это сознательный эксперимент. Время и Материя — два понятия. Материя оказывает на Человека более непосредственное воздействие, а Время — более длительное. Поэтому Хронархия веками старалась научить людей думать о Времени таким же образом, как они думают о Материи. На этом пути стало возможным создать науку о Времени, как и науку Физику. Но до сегодняшнего дня было возможным лишь изучать Время, но не манипулировать им. Скоро мы сможем овладеть Временем так же, как когда-то овладели атомом. И наше господство над ним даст нам несравненно большую свободу, чем та, что нам дала ядерная физика. Время можно исследовать, как наши предки исследовали Пространство. Твои потомки, Мыслитель, станут властителями континентов Времени, как мы — континентов в Пространстве. Они будут путешествовать во Времени, старые взгляды на Прошрое, Настоящее и Будущее отомрут. Уже сейчас ты смотришь на них совсем другими глазами — как на удобную классификацию для изучения Времени.

— Да, это так, — кивнул Мыслитель, — я никогда иначе их и не рассматривал. Но теперь я не знаю, что делать, потому как я бежал в Барбарт с мыслью обосноваться там и забыть о Лапжис-Лиго, где меня не оценили.

Странник улыбнулся.

— Думаю, теперь тебя оценят, мой друг, — произнес он. Мыслитель все понял и тоже улыбнулся.

— Пожалуй, да, — согласился он.

— А твои путешествия в Пространстве почти закончились, — сказал Странник, отхлебнув вина. — Ибо Пространство становится все более опасным для Человека и скоро не сможет поддерживать его существования, сколько бы он ни приспособливался к нему физически. Ты и тебе подобные должны войти в новые измерения, которые ты обнаружил, и обитать там. Возвращайся в Лапжис-Лиго, на свою родину, и расскажи Хронарху, что ты сделал в Барбар-

те, покажи, и он примет тебя. Причин, по которым ты покинул свой город, больше не существует. Ты первый Обитатель Времени, и я приветствую тебя как спасителя человечества, — при этих словах Странник осушил свой бокал.

Несколько ошеломленный речью Странника, Мыслитель попрощался с ним, пожелав ему «густой крови», вышел из палатки и сел на Импульса.

Странник стоял возле палатки, улыбаясь ему.

— Как-нибудь расскажешь мне, как ты это делал, — сказал он.

— Это очень просто: живешь в одном и том же периоде времени, а не в разных. Думаю, это лишь начало, и скоро я смогу пойти в своих исследованиях дальше. Ну, а теперь я поехал, я сгораю от нетерпения рассказать обо всем Хронарху!

Странник смотрел ему вслед, испытывая, пожалуй, то же чувство, что и последний динозавр много миллионов лет назад.

И снова Мыслитель ехал по берегу моря, глядя поверх вялых волн на бурое небо.

Повсюду блеснула соль, как бы предвещающая век, когда в условиях, совершенно непригодных для существования животных, будут развиваться кристаллические формы жизни. Да, если Человек хочет выжить, то настал период, когда ему следует радикально поменять среду обитания. Скоро Земля перестанет быть его опорой, Солнце перестанет греть его. Перед ним встал выбор: либо жить какое-то время в искусственных условиях, как это уже сделали луняне, либо совершенно сменить среду обитания — физическую на временную! Определенно второй выбор лучше.

Как только небо над морем потемнело, он извлек фонарь, включил его и лучи света осветили негостеприимную Землю.

Первый из Обитателей Времени заставил своего тюленя прибавить шаг. Ему не терпелось рассказать Хронарху приятную новость, не терпелось скорее начать изучение новой среды обитания.

Бегство от заката

На Луне все было белым-бело. Бесконечные нагромождения глыб и конусов, как на древних картинах кубистов, только черно-белых, сверкали в лучах Солнца, хотя оно уже почти умерло — краснеющий неясный диск на темном небосводе.

В своей искусственной пещере, заваленной кучей ненужных синтетических вещей, не связанных с мифами, не прибавлявших настроения, Пепин Горбатый склонился над книгой, и слезы из глаз его падали на пластмассовые страницы, оставаясь на них блестящими точками.

Насосы, трубы, подрагивающие колеса, что находились в его стеклянной пещере, согревали его одного. Этот согбенный человек был полон жизни и чувств. Он обладал живым и чутким воображением, и каждое слово в книге будило в нем мечты и тоску. Его узкое лицо, крайнюю бледность которого оживляли блестящие черные глаза, было напряжено. Руки двигались неуклюже, переворачивая страницы. Он был, как и все его собратья на Луне, в металлическом одеянии, которое вместе со шлемом, представлявшим собой продолжение кольчуги, защищало его жизнь от невероятного — угрозы крушения Системы.

Система была лунной имитацией жизни. Она была подражанием той, что существовала на старой Земле, которая теперь находилась далеко, едва видимая в пространстве. Она подражала ей растениями и животными и набором химических элементов, поскольку Система была искусственной экологией Луны. Луна представляла собой вполне приличную по размерам планету, причем уже много столетий — с тех пор как перестала быть спутником Земли, переместилась в зону астероидов и многие из них под действием ее притяжения слились с нею.

Пепин не любил Систему за все. Он являл собой здесь атавизм, не соответствуя ни настоящему Времени, ни Пространству. Он не жил жизнью Системы, иначе уже давно бы умер. А жил он своим воображением, печалью и ожиданиями, черпая все это из нескольких старых книг.

Он перечитывал знакомые страницы и вновь осознал,

что разум одержал триумф над духом, а оба вместе — над чувствами. Люди Луны так же скучны, как и их планета.

Пепин много знал о Земле из рассказов местного торгового люда. Он знал, что она меняется и теперь вовсе не такая, как в его книгах, написанных в давние времена. Но он мечтал посетить Землю и своими глазами найти следы того, что ему было нужно — хотя он только тогда понял бы, что ему нужно на самом деле.

Уже известно было, когда он планирует посещение Земли, и луняне не возражали против этого — при условии, что он не вернется оттуда — настолько он не подходил им. Его имя — настоящее, П-Карр — стояло в списке кандидатур одним из первых. Скоро и до него дойдет очередь лететь.

Подумав о полете, он решил пойти заглянуть в список. Он делал это нечасто, потому что в силу своего атавизма был суеверен и свято верил, что, чем чаще он будет заглядывать в список, тем меньше у него будет шансов продвинуться к его началу.

Пепин резко встал и громко захлопнул книгу. Он вообще был крайне шумным для тихого мира этой планеты.

Сильно прихрамывая, он направился к выходу. Снял со стены шлем и закрепил его на плечах. Система дверей выпустила его наружу, и он направился по заваленному блестящими острыми камнями грунту к городу. Он сам — и к радости жителей — выбрал себе жилье в стороне от города.

На поверхность выходила лишь ее малая часть. Так, этаж или два, кое-где три. И все, что выходило на поверхность, было прямоугольным и прозрачным, чтобы улавливать как можно больше энергии затухающего Солнца.

Перед Пепином открылась дверная система одного из зданий, и он прошел внутрь, даже не заметив, что покинул поверхность. Миновал сужающуюся трубу, ступил на круглую платформу, и она стала падать вниз, замедлив скорость перед самой остановкой.

Здесь было искусственное освещение, металлические стены без всяких украшений, обычные трубы диаметром в два роста высокого лунянина. Пепин не был типичным представителем лунного племени.

Он поковылял по трубе дальше и вскоре ступил на движущийся пол, который понес его по подземному лабиринту города, пока не доставил в нужный ему зал.

Там в этот момент никого не было. Зал имел сводчатый потолок, он был увешан экранами, объявлениями, картами,

таблицами, все это сообщало жителям любую информацию, которая им была необходима в повседневной жизни. Пепин подошел к списку и стал крутить головой, отыскивая свое имя. Начал с самого низа.

Его имя оказалось самым верхним. Значит, надо немедленно пойти к диспетчеру и подтвердить заявку на полет. Если этого не сделать, имя опустится в конец списка — таковы правила.

Повернувшись, чтобы выйти из зала, он встретился с другим лунянином. Шлем у того был сдвинут с головы и держался на наплечных пластинках. У него были длинные золотистые волосы, на худощавом лице появилась улыбка.

Это был Г-Нак, самый известный коммерческий пилот, ему не надо было заглядывать в список, за ним был закреплен свой постоянный корабль. Население Луны было небольшим, и Г-Нак знал Пепина, как и остальных жителей.

Он остановился и подбоченясь посмотрел на список.

— А, летишь на Землю, П-Карр? Увидишь, она хиреет, там неприятно. Возьми побольше еды: тебе не понравится их соленая пища.

— Спасибо тебе, — сказал Пепин и вышел из зала.

На Луне лишь космические корабли отличались своеобразием — как будто только на них сказывался постоянный контакт с планетой-матерью. Отполированные до блеска, украшенные вычурными изображениями. Древние животные крались вдоль их корпусов, фантастические фигуры людей и животных занимали пространство между тяжелыми литыми изображениями реальных знаменитостей, руки их изгибались, повторяя изгибы и закругления корпуса, и были похожи на руки терпящих кораблекрушение моряков, цепляющихся за рангоут. Корабли были так густо покрыты украшениями, что в лучах света становились похожими на застывшую лаву, наросты и впадины которой состояли сплошь из стеклообразной массы и меди.

Пепин с багажом за спиной несколько замялся, прежде чем ступить на короткий движущийся трап, который должен был доставить его к входному люку уготованного ему случая корабля. Он некоторое время рассматривал украшения, потом стал на трап, который быстро взметнул его к люку. Люк распахнулся, чтобы принять пассажира.

Внутри корабля было очень тесно, основное пространство занимал груз, который должен был лететь вместе с Пепином

и предназначался для города Земли, называемого Барбарт. Пепин опустился в отведенное ему кресло. Как только вместе с грузом он будет доставлен на место, корабль автоматически возвратится обратно. Полет на Землю также производился в автоматическом режиме.

Шум, приглушенный, как и все лунные звуки, предупредил его, что корабль вот-вот взлетит. Пепин прикрепил себя к креслу и не испытал особых эмоций, когда через некоторое время корабль взмыл вверх и лег на курс к Земле.

Светящийся корабль мчался сквозь тьму унылого космического пространства, словно яркая искра, прорезающая черноту. Наконец на экране перед Пепином появилось все увеличивающееся изображение Земли — буро-желто-белый шар, медленно вращающийся в угасающем свете засыпающего Солнца.

Земля выглядела нереальной, возможно, из-за нечеткого изображения; казалось, космическое вещество как бы проходит сквозь нее, будто она состоит из вконец износившейся тонкой ткани. Пепину подумалось, что прочная металлическая ракета не остановится, достигнув Земли, и легко прорвет ее насквозь, продолжив полет в космосе, где много более живучих планет; когда-то, как было известно Пепину, во Вселенной было больше ярких звезд, и даже Солнце имело больше трех планет, что сейчас обращались вокруг него.

Корабль спокойно перешел на орбиту Земли, все более и более погружаясь в ее атмосферу, вначале чистую и багряную, потом ниже — в слои бурых облаков, висевших над поверхностью, сквозь облака, потом, все притормаживая, корабль прошел над неподвижными морями и темно-желтыми, бурными и черными пустынями, кое-где в белых пятнах соли. Дальше от берега показались серые болота, потом светло-зеленые леса тонких пальм — то, что жители Земли называли Страной Пальм. В этой стране было два главных города, два поменьше и одна деревня. Барбарт, порт на торговом пути от Луны к Земле, находился в уютной долине. Холмы вокруг нее покрывали пальмы, сверху казавшиеся морем с гуляющими по нему волнами. Они были больше похожими на море, чем само море с его перенасыщенными солью водами.

Барбарт сверху представлял собой мозаику из треугольных, прямоугольных и многоугольных площадей. Крыши низких домов имели темно-зеленый или коричневый цвет, но на окружающем фоне казались ярко окрашенными. Корабль прошел над огромной красно-золотой машиной, которая

царила над другими зданиями. Она, как было известно Пепину, пазывалась Великим Регулятором и давала городу жизнь. За Великим Регулятором, на центральной площади города, была приготовлена посадочная площадка. Корабль завис над ней и опустился.

Пепин почувствовал внезапный озноб. Он не сразу встал, а некоторое время смотрел на экран — как народ стекается на площадку, троясь к кораблю.

Барбарт очень напоминал ему те города, о которых он читал в своих книгах. Он был значительно меньше мегаполисов времен «Золотого века» и скорее напоминал средневековый итальянский город. С земли даже пальмовый лес мог показаться дубовыми или вязовыми рощами. Еще Пепин знал, что народ Барбарта очень походил на древних обитателей планеты. Он еще не убедил себя, хотя и пытался, что прибыл не на ту Землю, что знал из книг. Например, свет сейчас слабее, воздух темнее, бурые облака не похожи на те, что были на Земле в прошлом. Но Пепин был не настолько разочарован, как опасался. Чего бы здесь ни недоставало, планета была по крайней мере натуральной, а это в глазах Пепина стоило многого.

Люк открылся, и барбартцы теснились возле него в ожидании пилота.

Пепин взял багаж, встал и хромя вышел наружу.

От тяжелого, пропитанного запахом соли воздуха у него перехватило дыхание, он почувствовал, что теряет сознание. Резко накинув шлем на голову, он включил аварийную кислородную дыхательную систему, решив, что ему понадобится время привыкнуть.

Барбартский торговый люд толпился у трапа, на Пепина смотрели с нетерпением.

— Можно осмотреть груз, пилот? — спросил человек с мощными плечами, широкими скулами и шелушащейся кожей, почти невидимой за густой черной бородой. На нем была черная в ржавых пятнах стеганая куртка, перетянутая ремнем, белый широкий галстук и мешковатые желтые брюки, заправленные в меховые ботинки.

Пепин посмотрел на него, желая поприветствовать и выразить свое удовольствие по поводу того, что лицезреет крепко сбитое, мускулистое человеческое существо.

— Пилот? — спросил торговец.

Пепин начал прихрамывая спускаться по трапу. Он посторонился, пропуская этого крепкого человека, который

поднимался ему навстречу, чтобы заглянуть в корабль. Еще трое последовали за ним, насмешливо поглядывая на молчаливого лунянина.

Человек пониже Пепина, с узким лицом, похожим на рептилию, в одежде унылого черно-бурого цвета нерешительно приблизился к лунянину, держа в руках рукописный текст. Пепин из любопытства заглянул в него, но слов не понял. Он готов был уже снять перчатки и потрогать рукопись, но все же решил немного подождать.

— Пилот? Когда вы возвращаетесь?

Пепин улыбнулся:

— Я не вернусь. Я прибыл, чтобы жить здесь.

Человек вздрогнул. Он опустил бумагу и повернул голову в сторону, ища кого-то глазами, но, не увидев, стал пристально вглядываться в открытый люк.

— Тогда — добро пожаловать, — сказал он равнодушно, не глядя на Пепина. Потом извинился и быстро засеменил мелкими шагами обратно к складу на площади.

Пепин подождал, пока появится торговец со своими друзьями. На их лицах читалось удовлетворение, они что-то говорили, кивая друг другу. Чернобородый торопливо спустился по трапу и пожал Пепину руку.

— Скажу вам, — он довольно улыбался, — великолепный груз. Я думаю, это сделка месяца: золото и алкоголь — за одобрения. Можно разгружать?

— Как будет угодно, — галантно ответил Пепин, удивляясь этому человеку, который радуется, получив взамен за драгоценные одобрения такую срунду.

— Вы здесь впервые. — Торговец взял Пепина под руку и направился с ним к складу, куда ушел предыдущий собеседник лунянина. — Как вам нравится наш город?

— Чудесный! Я обожаю его. Я хотел бы жить здесь, — на одном дыхании проговорил Пепин.

— Ха-ха! И это при всех ваших чудесах и удобствах на Луне? Через некоторое время вам будет не хватать всего этого, пилот. Каждый год мы слышим об умирающих городах, уменьшении населения, снижении рождаемости. Нет, я завидую вам, лунянам, вашей безопасности и стабильности. Вам не нужно беспокоиться о будущем, потому что у вас эффективное планирование. Мы лишены этой возможности, мы просто надеемся, что на протяжении нашей жизни ситуация не изменится слишком сильно.

— По крайней мере вы — составная часть натурального

мира, сэр, — сказал Пепин несколько неуверенно. — И вы способны адаптироваться к изменениям на Земле.

Торговец снова засмеялся:

— Не-ет, мы на Земле все умрем. Мы с этим смирились. Человечество слишком долго жило здесь. Никто не думал, что мы продержимся до настоящего времени, но скоро мы дойдем до точки, дальше которой уже никакая адаптация не поможет. В менее удачливых регионах процесс уже происходит. Человек на Земле вымирает. А на Луне с вами, пока вы имеете свою Систему, этого не случится.

— Но наша Система искусственна, а ваша планета — естественна.

Они подошли к складу. Мужчины уже открывали тяжелые ворота. Бочки с удобрениями хранились в холодном темном месте. Человек с лицом рептилии, считавший их, взглянул на Пепина.

— Пилоту положен подарок, — сказал торговец, — традиционный благодарственный подарок человеку, который в целостности и сохранности доставил груз. Чего бы вы пожелали из того, что у нас есть?

По традиции пилот просил маленький недорогой символический сувенир, и Пепин знал, чего от него ждут.

— Полагаю, вы ведете раскопки древностей в Барбарте? — вкрадчиво спросил он.

— Да, там работают наши правонарушители. На месте Барбарта стояло сорок городов.

Пепин довольно заулыбался. Какая история!

— Я читаю книги, — сказал он.

— Книги? — Торговец нахмурился. — Как же, у нас их навалом, лежат где-то. А что, народ на Луне любит читать? Ха-ха!

— А вы не читаете книг?

— Забытое искусство, пилот. Эти древние языки непостижимы. У нас нет ученых, исключая наших старейшин. Но их мудрость — вот отсюда, — он постучал по лбу, — а не из книг. Мы мало пользуемся старыми знаниями, они годились для более молодой Земли.

Хотя Пепин знал это, он все же почувствовал приступ печали и разочарования. Разумом он понимал, что народ Земли не похож на его собственные идеализированные представления о нем, однако сердцем он не мог принять этого.

— Тогда я хотел бы получить несколько книг, — сказал он.

— Столько, сколько влезет в корабль после погрузки нашего груза, — пообещал торговец. — А на каком языке вы читаете? Можете сами выбрать книги.

— Я читаю на всех древних языках, — гордо произнес Пепин. Его соотечественники считали его умение бесполезным. Может, так оно и на самом деле, но ему было равным счетом все равно. — И нет никакой необходимости грузить их, — продолжал Пепин. — Я не вернусь с кораблем. Он полетит на Луну в автоматическом режиме.

— Вы не..? Вы будете как бы постоянным представителем Луны на Земле?

— Нет. Я хочу жить на Земле как землянин.

Торговец почесал нос.

— Ну да, понятно, ну да...

— Есть что-нибудь, что этому мешает?

— О нет, нет. Я просто был поражен тем, что вы решили остаться с нами. Я считал, что вы, луняне, считаете нас примитивами, обреченными на смерть вместе с планетой. — Голос его зазвучал слегка обиженно. — Ваши законы на протяжении веков строго запрещали землянину доступ на Луну. Ни один землянин не был на Луне. Конечно, вы должны заботиться о собственной стабильности. Но почему же все-таки вы решились переносить с нами неудобства нашей не годной для жизни планеты?

— Вы заметили, — сказал Пепин с некоторой осторожностью, — что я не такой, как другие луняне. Я нечто вроде романтического пережитка. А может быть, мои изначальные расхождения с ними повлекли за собой интеллектуальный разрыв, не знаю. Как бы там ни было, я один среди своих соотечественников обожаю Землю и ее народ. Я тоскую по прошлому, а они все смотрят в будущее — будущее, которое они поклялись сохранять стабильным, как и, по возможности, настоящее.

— Понятно... — торговец сложил руки на груди. — Что же, пожалуйста, живите здесь как гость, пока вам не захочется вернуться на Луну.

— Никогда не захочется.

— Мой друг, — улыбнулся ему торговец, — вы захотите вернуться очень скоро. Живите с нами месяц, год, но, я ручаюсь, больше вы не выдержите. — Он сделал паузу. — Вы найдете здесь массу следов прошлого, ибо прошлое — это все, что у нас есть. Чего у нас нет — так это будущего.

Часы, главная часть Великого Регулятора, отмерили шесть недель, прежде чем Пепина Горбатого всерьез начало беспокоить прохладное равнодушие барбартцев к его персоне. Они были достаточно приятны в общении и хорошо относились к нему, особенно если учесть их скрытую антипатию к лунянам. Но он не завел ни друзей, ни приятелей.

Он наслаждался теми книгами, которые были не связаны с техникой. Он получал удовольствие от чтения поэзии, легенд, исторических и приключенческих книг. Но их было меньше, чем он ожидал, и их хватило ненадолго.

Он занимал комнату в маленькой гостинице. Он привык к тяжелому просоленному воздуху и мрачной окраске всего окружающего, ему начал нравиться сумрак, окутывающий Землю, потому что отражал его собственное настроение. Он бродил по окрестным холмам и смотрел на тяжелые бурые облака, катившиеся к нему из-за горизонта, вдыхал сладковатый запах пальмовых лесов, взбирался на скалы, которые осыпались под действием ветра и соли, но манили к себе, возвышаясь на фоне багряного неба.

В отличие от Луны эта планета еще жила, еще таила для него неожиданности — будь то внезапный налет ветра или странное пресмыкающееся.

Пепин боялся только животных, потому что они стали явно враждебными человеку. Главной формой жизни здесь, помимо человека, был грязевик — гигантская пиявка, которая обычно промышляла у берега, но ее видели все дальше и дальше от моря. Раз заканчивалось время Человека, значит, начиналось время грязевика. Человек вымирал, грязевик размножался. Грязевики передвигались стаями от дюжины до сотни, это в зависимости от размеров особей — они колебались от двух до десяти футов. Одни были черными, другие — коричневыми, третьи — желтыми, но самыми противными были белые, которые выделялись и размером и кровожадностью, а их огромные личинки развивали такую скорость, что могли догнать бегущего человека и повалить его. Когда так случалось, грязевик, как и его предок пиявка, сосал кровь и высасывал ее до конца, бросая совершенно обезвоженный труп.

Раз Пепин, сидя на скале и разглядывая сверху пальмовый лес, видел, как по поляне двигалось стадо грязевиков.

— Приезжают новые жильцы, — сказал он вслух, после того как преодолел спазм тошноты от вида этих тварей. —

Земля равнодушна к Человеку. Она не враждебна к нему, но и не дружелюбна. Она больше не помогает ему. Она про него забыла, у нее новые дети.

Пепин любил побеседовать сам с собой. Когда он был наедине с собственным я, слова лились легко, это было единственное время поговорить.

Пепин пытался поговорить с Копом, торговцем, и другими людьми, проживавшими в гостинице, но, хотя они были достаточно обходительны, после его вопросов, его утверждений, его доводов начинали хмуриться, задумываться, а потом быстро прощались.

Один из них, с мягкими манерами и весьма дружелюбный, средних лет, сутуловатый человек по имени Мокоф, делал все, чтобы понять Пепина, но так и не смог.

— Вы так говорите о прошлом и о философии, что будете более счастливы в странном городе Ланжис-Лиго, что у моря, — с чувством сказал он однажды, когда они сидели возле гостиницы за кружками с вином, глядя на играющие струны фонтана в центре площади.

Пепину приходилось слышать о Ланжис-Лиго, но у него в голове было столько других новых впечатлений, что он пропускал название города мимо ушей. Сейчас у него приподнялась бровь, тонкая, почти невидимая.

— Однажды я познакомился с человеком из Ланжис-Лиго, — продолжал Мокоф в ответ, — у него было странное имя, я забыл его. И шрам на лице. Он попал тут в неприятность — поел в неположенное время и спасся только тем, что отремонтировал наш Великий Регулятор. Мы теперь ничего не знаем об этих машинах. Он верил, что может перемещаться во времени, хотя я что-то не убедился в этом, пока он был здесь. И, я слышал, все люди в Ланжис-Лиго вроде него — чудоковатые, что ли. Ничего не знают о часах, например, никакого представления об измерении времени. Их руководителя зовут Хронархом, и живет он в Доме Времени, хотя, грязевик их знает, что они так подчеркивают это слово — «Время», вовсе не различая его.

Мокоф мало что рассказал Пепину о Ланжис-Лиго сверх просто-напросто того, как он себе это представляет, но этот город у моря показался Пепину любопытным местом. И еще Пепина привлекли слова насчет перемещения во времени, так как его заветным желанием было вернуться в прошлое Земли.

На седьмой неделе пребывания в Барбарте он решил отправиться на восток, в Ланжис-Лиго, что у моря.

Пепин Горбатый решил идти в Ланжис-Лиго пешком. Мокоф, особенно он, пытался отговорить его: путь неблизкий, опасный, полно грязевиков. Без хорошего верхового животного легко сбиться с дороги.

На тюленевидном животном, которым пользовалось большинство землян, он пробовал кататься. Эти создания с их сильными передними лапами и острым, как лезвие, хвостом были вполне надежны и достаточно быстры. На них прилаживали седло из кремня, так что всадник сидел прямо. Экипировка включала также длинное ружье, называвшееся пробойником, — оно «стреляло» лучами своего рубинового сердечника — и фонарь, питавшийся от батарей, который освещал путнику дорогу в безлунные и почти беззвездные ночи.

Пепин Горбатый взял фонарь и укрепил на плече пробойник. Это были полезные в дороге вещи. Но доверять себя тюленю он не стал.

Вышел из Барбарта он затемно утром, еду и флягу с водой неся на спине, одетый по-прежнему в свой сотканый из металла костюм.

Жители Барбарта, как и луняне, не переживали по поводу его ухода. Он невольно пытался расшевелить их и доставлял им этим беспокойство, в то время как они считали, что преодолели в себе всякую обеспокоенность. За семь недель он посеял сомнение в правильности того выбора, который они сделали для себя и своих детей.

Выбор этот состоял в том, чтобы спокойно и с достоинством умереть на Земле, которой их присутствие было больше не желательно.

Пепин был разочарован, отправляясь из Барбарта, что в Стране Пальм. Он ожидал увидеть на Земле жизнестойкость, людей, готовых к переменам, а не к смерти. Но где-нибудь на Земле, возможно в Ланжис-Лиго, что у моря, он отыщет героев. После разговора с Мокофом он стал надеяться на то, что найдет способ совершить путешествие в прошлое. Ничего другого он не хотел так сильно, но на такую возможность всерьез никогда не рассчитывал.

Мох в пальмовом лесу пружинил под ногами и помогал идти, но к вечеру пошла жесткая бурая земля, покрытая пылью. Впереди была унылая, потрескавшаяся и почти

безжизненная равнина, зловещая в свете угасающего дня. Там и здесь возвышались силуэты скал. Он выбрал одну из них, считая, что не подвергнет себя никакому риску, если проведет там эту холодную и черную, как смоль, ночь. Грязевики, говорили ему, спали только сытыми, а здесь им нечем было поживиться, кроме как человеком.

Пепин зажег фонарь, и его лучи на несколько ярдов осветили все вокруг. Он продолжал идти, ему было довольно тепло в своей одежде. На ходу он почти ни о чем не думал. Он так устал, что не мог понять, как долго шел. Когда свет фонаря упал на скалу, он остановился, снял со спины груз, прислонился к скале и, скользя по ней спиной, опустился на землю. Ему было уже не до грязевиков и явно повезло, что ни один из них не почуял запах крови и не проявил своего внимания к нему.

Занялась темно-бурая заря, грязные облака тянулись по небу, закрывая собой большую часть слабых солнечных лучей. Пепин открыл мешок и извлек из него флягу дистиллированной воды. Он не мог пить соленую воду, которую употребляли земляне. Они адаптировались к ней в такой степи, что не могли пить пресную. Он достал пару таблеток из маленькой коробочки и проглотил их. Позавтракав так, он оторвал от земли свое ноющее тело, закинул за спину мешок, засунул фонарь в чехол, висевший сбоку, приладил на плечо пробойник и осмотрелся по сторонам.

Пальмовый лес на западе был уже не виден, и равнина там казалась такой же бесконечной, как и на востоке. Только на востоке однообразие нарушали низкие холмы и скалы, которых в той стороне было еще больше, чем здесь.

Он двинулся на восток. На востоке, считали наши предки, находится Рай, размышлял он. Возможно, я найду свой Рай на востоке.

Если Рай существовал и Пепину было суждено попасть в него, то он весьма близко подошел к его входу, когда двумя днями позже, спускаясь по покрытому солью холму, упал, прокатился кубарем несколько футов вниз по склону и, ударившись, потерял сознание.

От попадания в Рай его спас Крючконосый Странник.

Он был искателем тайн и искал их под землей и в легендах. Среди землян это был, возможно, единственный кочевник, переходивший с места на место без определенной цели. Никто не знал о его происхождении, да и спросить его об

этом и в голову никому не приходило. Он был так же известен в Барбарте, как и в Ланжис-Лиго. Его познания о Земле, ее прошлом и настоящем, были исключительно широкими, но мало кому это понадобилось. Это был невысокий человек с большим носом и обветренным лицом, а плотно подогнанный капюшон и куртка делали его похожим на черепаху с клювом.

Он увидел падающий ком, что был Пепином Горбатым, почти в тот же миг, как и стая грязевиков почуяла запах его крови.

Странник ехал на здоровенном, толстом тюлене и вел еще одного, груженного неимоверной кучей имущества: рулоном ткани, землеройными инструментами, маленькой печью, связкой железок — всем тем, что в действительности составляло домашний скарб Крючконосого Странника, наспех привязанный к спине тюленя. Тюленю, видно, не доставляло особого удовольствия тащить такой груз.

В правой руке Странника на специальном держателе покоился, на манер копья, его пробойник. Он одновременно увидел Пепина и грязевиков.

Странник подъехал вплотную к ним, поднял пробойник, нажал на кнопку заряжающего устройства, а потом на рычаг «огонь». Концентрированный луч был почти не виден, но бил в стаю грязевиков безостановочно. Это были особи черного цвета. Крючконосый Странник водил пробойником из стороны в сторону, пока не сжег всех грязевиков. Довольный успехом, он подъехал к лежащему Пепину. Пепин не слишком сильно ушибся и уже начал шевелиться. Странник увидел по одежде, что это лунянин, и удивился, где он взял пробойник и фонарь, что лежали рядом с ним.

Соскочив с седла, он помог лунянину встать на ноги. Пепин потер голову и посмотрел на Крючконосого Странника не без опаски.

— Я упал, — произнес он.

— Да-да, — сказал Крючконосый Странник. — А где ваш корабль? Разбился где-то поблизости?

— Никакого корабля нет, — стал объяснять Пепин. — Я путешествовал из Барбарта, где приземлился несколько недель назад, в Ланжис-Лиго, который, как мне сказали, лежит на самом берегу моря.

— Неразумно было с вашей стороны идти пешком, — сказал Странник. — Еще далеко. Но вы должны погостить у меня, — с настойчивостью в голосе продолжал он, — и мы поговорим о Луне. Я был бы счастлив расширить свои знания.

Голова Пепина ныла. Он был рад, что этот странный незнакомец наткнулся на него, с готовностью принял предложение Странника и даже помог ему поставить палатку.

Когда палатку поставили и добро Странника было разложено, они вошли внутрь. Странник предложил ему рыбу-ногу и соленую воду, но Пепин вежливо отказался и проглотил свой собственный рацион в таблетках.

Потом он рассказал Страннику о своем прибытии с Луны на Землю, о жизни в Барбарте, о своих разочарованиях и надеждах. Странник слушал, задавал вопросы, которые свидетельствовали, что жизнь лунян ему интереснее, чем Пепину.

Пепин инертно отвечал на вопросы, а потом задал и свой:

— Что вы знаете о Ланжис-Лиго, сэр?

— Все, кроме самых свежих новостей, — улыбнулся Странник. — Ланжис-Лиго — это очень древний город и берет начало от экспериментального поселения, где один философ старался научить людей относиться ко Времени, как они относятся к Матери — как к чему-то такому, через что можно двигаться, управлять им и так далее. Отсюда пошла Хронархия, и в Ланжис-Лиго стали традицией исследования Времени, а также некоторых других проблем. Может быть, в результате мутации, а может быть, в результате пробуждения какой-то силы, которой мы всегда владели, в Ланжис-Лиго существует такая разновидность человеческого рода, которая может перемещаться во времени! И мне повезло встретиться с молодым человеком, который первым обнаружил в себе этот талант и учил этому других. Его зовут Мыслитель-со-шрамом. Теперь он Хронарх.

— Он что, может совершить путешествие в прошлое?

— И в будущее, как я слышал. Если талант хронопатии развился в человеке, он по своему желанию может передвигаться во времени.

— Но не в прошлом! — взволнованно произнес Пепин. — Этак мы можем вернуться в «Золотой век» и не беспокоиться насчет естественной смерти или искусственной жизни. Мы же такое сможем делать!

— М-м-м, я разделяю вашу любовь к прошлому, Пепин. В моей палатке довольно древних предметов, которые я сам откопал. Но возможно ли вернуться в прошлое? Не изменит ли это будущее? Ведь в нашей истории нет случая, чтобы человек из будущего переходил в прошлое.

Пепин согласно кивнул.

— Загадка. Но ведь один человек, который не стал бы сознаваться, что он из будущего, мог бы поселиться в прошлом? Крючконосый Странник улыбнулся.

— Я понимаю, что вы имеете в виду.

— Я теперь вижу, — продолжал Пепин серьезно, — что у меня мало общего и с людьми Луны и с людьми Земли. Моя единственная надежда — вернуться в прошлое, где я найду те вещи, которые необходимы для моего полнокровного существования. Я — человек не своего времени.

— Вы не первый. Древняя история Земли полна таких примеров.

— Но я буду первым, кто, быть может, найдет себе подходящую эпоху.

— Все может быть, — неуверенно произнес Крючконосый Странник. — Но ваши желания вряд ли конструктивны.

— Почему это? Ну, что эта Земля может предложить человечеству? А мы, на Луне, — живем искусственной жизнью, все больше превращаясь с каждым годом в машины, причем менее совершенные, чем те, что нас обслуживают. А вы здесь — как пассивно относитесь вы к смерти! Ваша задача — исчезнуть красиво! Мой род через век перестанет быть людским, а ваш — существовать. Неужели нам предначертано исчезнуть? Неужели должны исчезнуть ценности, созданные человечеством? Что же, усилия последнего миллиона лет были бесцельными? Неужели от заката Земли нет спасения? Я этого не могу принять!

— Вы нелогичны, мой друг, — улыбнулся Странник. — Ваша позиция наименее позитивна — своим возвращением в прошлое вы отказываетесь от встречи с будущим. Какая же тут выгода остальным?

При этих словах Пепин схватился за голову.

— Ну-у... э-э... — тихо пробормотал он, а Странник продолжал:

— Я не хотел бы выжить при закате. Вы уже повидали кое-какие ужасы, которых станет многократно больше, когда закат Земли перейдет в ночь.

Пепин не отвечал. От волнения он потерял дар речи.

Крючконосый Странник вывел его наружу и показал на восток.

— Вот дорога на Ланжис-Лиго и к его хронопатам, — сказал он. — Мне жаль вас, Пепин, потому что, как мне думается, вы не отыщете решения своих проблем — а это именно ваши проблемы, но не человечества.

Пепин хромал теперь еще и от усталости. Он шел вдоль берега. Было утро, и унылое красное Солнце медленно поднималось из-за моря. Пепин двигался темным берегом навстречу Ланжис-Лиго. Было холодно.

Серо-бурый туман висел над морем и медленно двигался к сумрачной земле, где по правую руку от Пепина в пейзаже преобладали гигантские черные контуры скал. Бурый берег блестел местами солью, пересоленное море было неподвижным, ибо рядом с Землей не было Луны, которая могла бы расшевелить его.

Пепин все еще размышлял о разговоре с этим странным человеком. Что это — конец Земли или просто фаза циклического развития? Придет почь — но последует ли за ней новый день? Если так, то в будущем есть что-то привлекательное. Пока что Земля мало-помалу истребила большую часть человеческого рода. Но остальные — вымрут ли и они, не дожив до утра?

Вдруг Пепин поскользнулся и упал во впадину с густой от соли водой. Он барахтался в клейкой жиже и попытался вытащить себя, схватившись за вырос затвердевшей соли, но тот не выдержал его веса, сломался, и Пепин свалился обратно в воду. Но в конце концов ему все же удалось выбраться на сухое место.

Дальше он стал повнимательнее. Стайки рыб-ног удирали от берега при его приближении. Они искали затененные места ближе к берегу, под скалами, которые выросли тут из земли, как выщербленные зубы, разрушенные солесным ветром. Рыба затаивалась, и все кругом затихало. Пепин Горбатый в этом тихом месте не нашел успокоения мысли, но одиночество несколько отвлекло его от сбивчивых размышлений.

Диск Солнца с трудом приподнялся над горизонтом, но света добавил мало, а тепла — еще меньше. Пепин остановился и оглядел морскую гладь, которая из черной сделалась коричневатой под его лучами. Он вздохнул и посмотрел на Солнце, которое пролило на его лицо свое скупое сияние и окрасило его густым розовым цветом, оживив врожденную бледность.

Он услышал какой-то пронзительный звук и сначала подумал, что его издают дерущиеся рыбы-ноги. Потом он узнал в нем голос человека. Не поворачивая головы, он прислушался.

Потом обернулся.

Вверху, на скале, он увидел человеческую фигурку верхом

на тюлене. Выделялся ствол длинного, как копье, пробойника. Фигуру человека наполовину скрывала тень старой разрушенной дозорной башни. Пока он наблюдал, человек нетерпеливо дергал поводья, а затем исчез.

Пепин нахмурился, подумав, что это может быть и враг. Он приготовил свой пробойник.

Теперь всадник, спустившись со скалы, приближался к нему. Пепин уже слышал отдаленное шлепанье ласт по мокрому берегу. Он поднял свое ружье на уровень глаз.

Всадник оказался женщиной, женщиной из его книг.

Она была высокой, длинноногой, поднятый воротник тюленьего жакета оттенял ее резко очерченный подбородок. Светло-каштановые волосы развевались по ветру, спадая на спину. Одной рукой, скрытой в свободной перчатке, она держалась за переднюю луку своего высокого кремневого седла, другой — натянула поводья. Полные губы широкого рта были плотно сжаты.

Ее верховой тюлень вошел в глубокую впадину с густой от соли водой и с усилием поплыл. Крепкий запах застоявшейся соленой жидкости дошел и до Пепина, и в этот момент он увидел ее, женщину из мифов — наяду верхом на тюлене. Однако она все же напугала его своим неожиданным появлением.

Уж не из Ланжис-Лиго ли она? Похоже. Неужели там все такие же?

Теперь, когда она выбралась на твердый грунт, на лице ее заиграла улыбка — щедрая, обворожительная. Но когда она стала приближаться к нему на своем тюлене, с которого медленно скатывались тяжелые капли воды, внутри у него похолодело, он отступил на несколько шагов.

В этот миг она, казалось, олицетворяла собой хмурую, нездоровую, умирающую планету.

Она остановила тюленя рядом с ним, склонила голову и шире открыла свои серо-зеленые глаза, по-прежнему улыбаясь.

— Чужестранец, судя по одежде, вы с Луны. Вы заблудились?

Он вернул свой пробойник на место, на плечо.

— Нет, я ищу Ланжис-Лиго.

Она показала рукой в обратную сторону.

— Вы рядом с нашим городом. Меня зовут Высокая Хохотунья, я сестра Мыслителя, Хронарха Города Времени. Я довезу вас до Ланжис-Лиго.

— А я — Пепин Горбатый, без родственников и званий.

— Залезайте на спину моему тюленю, держитесь за седло, и скоро мы будем на месте.

Он подчинился, залез и вцепился в скользкий камень. Она развернула тюленя и погнала его в обратный путь дорогой, по которой пришла.

Раза два за время поездки по соленому берегу она что-то сказала, однако он не разобрал что.

Закапал дождь, но они уже были возле Ланжис-Лиго.

Горбд был построен на огромной скале, по площади он уступал Барбарту, но дома в нем были наподобие башен — стройные, старинного вида, с коническими крышами и маленькими окнами. Над городом возвышалась Башня Времени. Она словно вырастала из здания, которое называлось, как сказала Хохотунья, Домом Времени, это был дворец Хронарха.

Дом и башня производили впечатление, хотя и казались несколько загадочными. Здесь было невероятное смешение изгибов и углов, неопишимо ярких красок. Все это вызывало у Пепина чувства, сходные с теми, что вызывали в нем картинки с изображением готических зданий — с той разницей, что готика влекла мысль к небу, а эта архитектура — во всех направлениях.

Бледное солнце освещало улицы города. Выпавший соленый дождь вылизал до блеска залежи соли вне городских стен и увеличил их, смочил крыши домов, купол и кровлю Дома и Башни Времени.

Народу на улицах было мало, но во всем городе чувствовалось возбуждение — будто жители готовились к отъезду.

При всем своем разнообразии внешне они походили на барбартцев, но казались более живыми и энергичными.

Пепин хотел спросить, уж не в праздничное ли время он прибыл сюда, как Хохотунья остановила своего тюленя на углу узкой улочки. Он спустился на землю, все кости болели. Она также покинула седло и указала на ближайший дом.

— Здесь я живу. Поскольку, как вы говорите, у вас нет никакого ранга, то, думаю, вы прибыли сюда как частное лицо, а не как официальный посланник Луны. А что вам нужно в Ланжис-Лиго?

— Транспорт в прошлое, — не задумываясь ответил он.

— И зачем вам это? — после некоторой паузы спросила она.

— У меня нет ничего общего с настоящим.

Она посмотрела на него своими холодными умными глазами. Потом улыбнулась:

— В прошлом нет ничего, что может привлекать.

— Не мог бы я сам решить это?

— Очень хорошо. — Она пожала плечами. — Но как вы предлагаете отыскать прошлое?

— Я... — его самоуверенности как не бывало, — я рассчитывал как раз на вашу помощь.

— Тогда вам надо поговорить с Хронархом.

— А когда?

Она взглянула на него, слегка нахмурившись. Он не сказал бы, что она несимпатична.

— Хорошо, — сказала она, — пойдем в Дом Времени сейчас же.

Едва поспевая за широким шагом девушки, Пепин размышлял о том, не склонны ли люди в Ланжис-Лиго хранить секреты Времени для себя.

Хотя горожане посматривали на него с любопытством, никто не останавливался. По мере приближения к Дому Времени повышенное возбуждение горожан ощущалось все больше. Подойдя к дому, они стали подниматься по винтовой лестнице, что вела к большим воротам.

Охранники не останавливали их, когда они шли по гулкому коридору, высокие стены которого украшали причудливые криптограммы, выполненные инкрустацией из серебра, бронзы и платины.

Они оказались перед двустворчатыми золотыми дверями. Хохотунья толкнула створки, и они вошли в большой продолговатый зал с высоким потолком. В дальнем конце его на возвышении сидел человек. Он беседовал с двумя другими людьми, что стояли внизу. Все повернулись к ним, когда Высокая Хохотунья и Пепин Горбатый вошли в зал.

Увидев Хохотунью, сидевший сдержанно улыбнулся. Он что-то шепнул тем двоим, и они скрылись за дверью рядом с возвышением. Бледное лицо человека пересекал шрам — от левого угла рта до скулы. Черные волосы спадали на широкие плечи. Одежда, что была на нем, не шла ему — очевидно, она была обязательной для его положения. Желтая рубашка, завязанный высоко под подбородком черный галстук. Стеганный голубого бархата камзол с длинными рукавами и бриджи цвета красного вина. Ноги обуты в черные низкие туфли.

Сам по себе зал тоже выглядел странно. Через правильные

промежутки мозаичные символы на стенах перемежались с компьютерами. Позади сидящего, у самой стены, на металлическом столе виднелись старинные инструменты алхимиков. Они составляли причудливый контраст с остальным залом.

— Итак, Высокая Хохотунья, — заговорил мужчина, — кто же этот посетитель?

— Он с Луны, Мыслитель, и хочет отправиться в прошлое!

Мыслитель-со-шрамом, Хронарх Ланжис-Лиго, засмеялся, а потом, резко переведя взгляд на Пепина, замолк.

Пепин нетерпеливо произнес:

— Я слышал, вы можете по своей воле путешествовать во времени. Правда ли это?

— Да, — проговорил Мыслитель, — но...

— А в ваши планы входит отправиться вперед или назад? Мыслитель, казалось, несколько растерялся.

— Вперед, я думаю. Но почему вы считаете, что у вас есть способность путешествовать во времени?

— Способность?

— Это же особое мастерство, им владеют только люди Ланжис-Лиго.

— А разве у вас нет машин? — настаивал Пепин. Настроение его падало.

— Мы не нуждаемся в машинах. Наше мастерство естественно.

— Но я должен, должен вернуться в прошлое! — Пепин заковылял к возвышению, не обращая внимания на Хохотунью, которая пыталась ему помешать. — Вы не найдете другого, кто был бы более готов вместе с вами использовать возможность бегства отсюда. Вам, наверно, многое известно о Времени, и вы должны знать, как помочь мне вернуться в прошлое!

— Но возврат в прошлое не принесет вам добра.

— Как вы это можете знать?

— Знаем, — холодно произнес Хронарх. — Друг мой, оставьте вашу навязчивую идею. Мы здесь, в Ланжис-Лиго, ничем не сможем вам помочь.

— Но это неправда! — Пепин сменил тон на предельно доверительный: — Я прошу вас помочь мне. Я... мне нужно прошлое, как другим воздух для выживания!

— Вы говорите так от непонимания.

— Что вы имеете в виду?

— То, что тайны Времени гораздо сложнее, чем вы

полагаете. — Хронарх встал. — А сейчас я должен покинуть вас. У меня есть дело в будущем.

Он нахмурился, как бы стараясь сосредоточиться, — и исчез. Пепин обомлел.

— Куда он ушел?

— В будущее, чтобы присоединиться к другим нашим собратьям. Он скоро вернется, я надеюсь. Пойдемте, Пепин, в мой дом, я накормлю вас, и вы отдохнете. А потом, если вы примете мой совет, вам лучше всего вернуться на Луну.

— Вы наверняка способны построить машину! — не успокаивался он. — Это возможно! Я должен вернуться в прошлое!

— Вернуться? — спросила она, подняв бровь. — Вернуться? Как вы можете вернуться туда, где никогда не были? Пойдемте.

И она повела его к выходу.

К тому времени, когда в доме Хохотуньи Пепин поел немного их соленой пищи, он уже успокоился. Они сидели в маленькой комнатке с окном на улицу. Он — по одну сторону стола, она — по другую. Он молчал. Им овладела апатия. Она вызывала в нем симпатию и привлекала к себе теми достоинствами, которые он отметил на берегу, и еще какой-то теплой женственностью. Но разочарование его от крушения надежд было неизмеримым. Он уставился в стол, низко склонившись над ним и положив перед собой руки.

— Вы тоскуете, Пепин, не о прошлом как таковом, — мягко начала она, — а о мире, которого никогда не существовало — «Рай», «Золотой век». Люди всегда говорили о подобном времени в истории. Но такой идиллический мир — это тоска по детству, а не по прошлому, по утраченной чистоте. В детство — вот куда мы хотим вернуться.

Он поднял глаза и горько усмехнулся.

— Мое детство не было идиллическим, — произнес он. — Я был ошибкой, мое рождение — несчастный случай. У меня не было ни друзей, ни покоя в мыслях.

— Но у вас была ваша мечта, ваша иллюзия, ваша надежда. Даже если вы вернетесь в прошлое Земли, вы не будете счастливы.

— Настоящее Земли движется к упадку. Упадок — это часть процесса эволюции. На Луне этот процесс — искусственный, вот и все. А прошлое Земли никогда не было в процессе упадка.

— Прошлого не вернуть.
— Старая поговорка. А ваши способности опровергают ее.
— Вы же не знаете, Пепин, — она уже говорила почти с досадой, — даже если бы вы использовали корабль, вы не смогли бы...

— Корабль?

— Корабль Времени — это более ранний, грубый эксперимент. Мы его забросили. Теперь у нас нет нужды в таких аппаратах.

— А он еще существует?

— Да, стоит за Домом Времени, — вяло сказала она, думая о чем-то ином.

Испугавшись, что она догадается, что у него на уме, Пепин поторопился сменить тему.

— Может, вы и правы, Хохотунья. Старую Землю не за что больше любить. Ее облик не располагает к любви. Если я — последний человек, который еще любит Землю, то я должен остаться вместе с ней.

Он отдавал себе отчет в том, что это лишь отчасти были его мысли. Но слова лились сами собой, раньше они никогда не приходили ему в голову.

Но Хохотунья вполуха слушала его речи. В какой-то момент он поймал ее несколько испуганный взгляд. Наконец она встала из-за стола.

— Пойдемте, я покажу вам вашу комнату. Вам надо поспать.

Он сделал вид, что согласился, и пошел за ней. Какой там сон! Надо воспользоваться случаем. Там, под последними лучами угасающего вечера, стоял Корабль Времени. Скоро, быть может, ему удастся вернуться в прошлое — к жизни без опасностей, к зеленой, золотой Земле, оставив навсегда этот усталый соленный мир!

По извивающимся улочкам он шел к Дому Времени. Света из окон вполне хватало, чтобы различать дорогу. Его никто не видел, когда он кружил вокруг огромного здания в поисках корабля, о котором говорила Хохотунья.

Наконец, в темноте маленькой площадки позади Башни он заметил какой-то силуэт. Покоясь на опорах, там стоял корабль из холодного голубого металла. Это мог быть только Корабль Времени. Судя по размерам, он мог вместить трех-четыре человека. Рядом стояло еще несколько машин, явно запущенных с виду. Пепин осторожно подошел к машине.

Потрогал ее. Она слегка качнулась, скрипнули опоры. Пепин постарался остановить покачивание, нервно оглядываясь, но никто его не заметил.

Корабль имел форму, близкую к яйцевидной. Сбоку находился люк. Поводив по нему рукой, Пепин нашел кнопку, нажал на нее. Внешний затвор открылся.

Не без труда Пепину удалось подняться в опасно раскачивающийся корабль. Неприятно скрипели опоры. Он закрыл люк и весь сжался в абсолютной темноте раскачивающегося корабля.

Скорее всего выключатель света где-то возле люка. Пошарив рукой, он наткнулся на выступ и замер: а вдруг это что-то другое, а не свет? Рискнул нажать.

Зажегся свет, мягкий, голубоватый, вполне достаточный для освещения. Сидений не было, и большая часть аппаратуры оказалась скрытой под обшивкой. В центре располагалась колонка управления с четырьмя агрегатами. Корабль еще покачивался, когда Пепин приступил к их изучению. Жизнь на Луне приучила его быть «на ты» со всякого рода аппаратурой, и он заметил, что система мер здесь была такой же, как и на Луне. В центре располагалось большое штурвальное колесо. Деления вправо были помечены минусом, а влево — плюсом. Очевидно, они показывали прошлое и будущее. Но Пепин ожидал, что здесь должны быть и даты. Однако их не было. Были только цифры от единицы до десяти. Правда, достанет одной поездки во времени, чтобы привязать эти цифры к действительным периодам времени.

Другое колесо, похоже, показывало скорость и управляло ею. На одной ручке было написано «Срочное возвращение», на другой — таинственное «Настройка Мегатока».

Теперь Пепину следовало установить, не обесточен ли корабль.

Он подошел к другому блоку аппаратуры. Тут был рычаг, и на его ручке индикатор показывал «выкл.». Сердце учащенно забилося, Пепин перевел рычаг вниз. На индикаторе загорелось «вкл.». Раздалось еле уловимое гудение, стрелки покачнулись, засветились экраны. Пепин вернулся к колонке и положил руку на центральный штурвал. Повернул его вправо, оставив на отметке «—3».

Корабль перестал раскачиваться на опорах. Ощущения скорости не было, но послышался шум и пощелкивание приборов. Внезапно Пепин почувствовал, что его немного качивает.

Корабль двигался против хода Времени.
Скоро, наконец-то скоро он будет в прошлом!

Может, надо было как-то управлять движением корабля? Но игра, красок на экранах, которые то расцветали, то увядали, таинственные звуки приборов привели Пепина прямо-таки в исступление. Он начал хохотать от радости. Добился! Его надежды близки к осуществлению!

Наконец шумы затихли, легкое ощущение качки прекратилось, корабль вроде бы перестал двигаться.

Пепин с дрожью в руках надвинул шлем на голову. Он знал, что воздух более молодой Земли поначалу, возможно, будет для него слишком богат кислородом. Это спасло ему жизнь.

Подойдя к люку, он нажал на кнопку. Внутренний затвор медленно отворился, и Пепин вошел в шлюзовую камеру. Внутренний затвор закрылся. Пепин открыл внешний.

Он выглянул в абсолютную пустоту.

Черная пустота окружала корабль. Ни звезд, ни планет — ничего.

Где он? Быть может, аппаратура корабля неисправна? Или его унесло в такую часть Пространства, где не было ничего материального?

Ему становилось дурно. Он попятился обратно, опасаясь, что вакуум вытянет его наружу. Он закрыл внешний затвор и вернулся в корабль.

В панике он подошел к колонке управления и снова повернул штурвал, на сей раз на «—8». Снова экраны наполнились красками, замелькал свет и запрыгали стрелки и он ощутил признаки укачивания. Снова через какое-то время корабль остановился.

Еще более осторожно, чем прежде, открыл он внутренний затвор, закрыл, открыл наружный.

Ничего.

Крича что-то нечленораздельное, он бросился обратно в корабль и поставил штурвал на «—10». Те же ощущения. Новая остановка.

И снова та же самая безжизненная дыра пустого пространства.

Оставался единственный способ проверить корабль. Поставить штурвал на будущее и посмотреть, что делается там. Если то же самое, то он переключит на «Срочное возвращение».

Он крутанул штурвал вправо на «+2».

Шум сделался пронзительным, на экранах заиграли молнии, стрелки закрутились, и Пепин упал в испуге от страшной головной боли. Казалось, корабль швыряло из стороны в сторону, но Пепин все оставался лежать.

Наконец корабль остановился. Пепин медленно встал, миновал шлюз...

И увидел все.

Он видел голубые ленты в золотых точках, спиралью уходявшие в бесконечность, столбы вишневого и фиолетового света, вздымающиеся черно-зеленые горы, оранжевые и пурпурные облака, формы четко очерченные и размытые. В один момент он почувствовал себя великаном, в следующий — карликом. Его ум не был подготовлен к подобному восприятию.

Скоро он закрыл люк.

Что это было? Видение хаоса? Зрелище показалось ему скорее метафизическим, чем физическим. Но что же это значило? Это было нечто, противоположное вакууму. Это было пространство, заполненное всем мыслимым и немыслимым или составляющими всего. Значит, корабль — не машина времени, а средство путешествия — куда же? В другое измерение? В антивселенную? А зачем же знаки «плюс» и «минус» на штурвале? Почему Хохотунья называла устройство Кораблем Времени? Его разыграли?

Он откинул шлем и вытер пот с лица. Глаза его воспалились, головная боль усилилась. В таком состоянии он не способен был логически мыслить.

Его подмывало повернуть колесо с надписью «Срочное возвращение», но не давала покоя таинственная «Настройка Мегатока». Находясь на грани нервного безрассудства, он включил «Мегаток» и упал, так как корабль резко дернуло. На экранах замелькало что-то из того, что он видел снаружи.

Возникали и исчезали всевозможные образы. Однажды мелькнул человеческий силуэт — наподобие золотой тени. Глаза Пепина Горбатого устало глядели на экраны, он мог только смотреть.

Много времени спустя он упал, потеряв сознание.

Он открыл глаза на голос Высокой Хохотуньи. Его первый вопрос вряд ли был оригинальным, но спросил он именно то, что больше всего хотел знать.

— Где я? — поинтересовался он, глядя на нее снизу вверх.

— На Мегатоке, — ответила она. — Вы глупец, Пепин. Мы с Мыслителем с весьма большим трудом обнаружили ваше местонахождение. Это чудо, что вы еще целы и невредимы.

— Кажется, все в порядке. А как вы сюда попали?

— Мы направились за вами по Мегатоку. Но ваша скорость была так велика, что нам пришлось затратить уйму энергии, чтобы догнать. По приборам я вижу, что вы были в прошлом. И как, вы довольны?

Он медленно поднялся на ноги.

— Этот... этот вакуум и был прошлым?

— Да...

— Это было прошлое — но не Земли?

— Есть только одно прошлое.

Она находилась у пульта управления и манипулировала аппаратурой. Повернувшись, он увидел, что в хвосте корабля, опустив голову, стоит Хронарх. Мыслитель поднял голову, губы его были поджаты: он был недоволен Пепином.

— Я пытался объяснить вам, но знал, что вы мне не поверите, — заговорил Хронарх. — Жаль, что вы знаете правду, теперь у вас нет утешения, мой друг.

— Какую правду?

Мыслитель вздохнул и развел руками.

— Единственная правда — вот она: прошлое — не что иное, как лимб, первый круг ада, а будущее — то, что вы наблюдали, — хаос, за исключением Мегатока.

— Вы подразумеваете, что у Земли есть одно время существования — настоящее?

— Что касается вас, да. — Мыслитель скрестил руки на груди. — Нас, из Ланжис-Лиго, это не касается, но я знал, как это подействовало бы на вас. Мы — Обитатели Времени, а вы пока — Обитатели Пространства. Ваш ум не приспособлен к пониманию, а тем более существованию в измерениях Времени-без-Пространства.

— Не может быть Времени-без-Пространства! — воскликнул Пепин.

Мыслитель поморщился.

— Не может? Тогда что вы думаете о будущем, о Мегатоке? Можно сказать, в нем существует нечто, но это не вещество пространства, как вы могли бы подумать. Это — ну, как бы физическое проявление Времени-без-Пространства.

ва. — Он вздохнул, заметив выражение лица Пепина. — Вы никогда до конца этого не поймете, мой друг.

Раздался голос Хохотуньи:

— Приближаемся к настоящему, Мыслитель.

— Я объясню вам позже, когда мы вернемся на Землю, — добродушно сказал Хронарх. — Вы мне симпатичны, Пепин.

В Доме Времени Хронарх прошел к своему возвышению и опустился в кресло.

— Садитесь, Пепин, — сказал он и указал на край возвышения.

Удивленный Пепин подчинился.

— Что вы думаете о прошлом? — с легкой иронией спросил Хронарх.

Тут как раз подошла Хохотунья. Пепин посмотрел на нее, потом на ее брата и покачал головой.

Хохотунья положила руку ему на плечо.

— Бедный Пепин...

У него больше не осталось сил на эмоции. Он провел рукой по лицу и усталился в пол. Глаза его были полны слез.

— Хотите, чтобы Хронарх вам объяснил, Пепин? — спросила она.

Посмотрев ей в лицо, он увидел, что она тоже чрезвычайно расстроена. Как бы там ни было, она понимала его состояние — состояние человека, потерявшего надежду. Была бы это обыкновенная женщина, думал он, и встретиться она ему при других обстоятельствах... Даже здесь рядом с ней жизнь была бы более чем терлимой. На него никогда не смотрели с таким участием и симпатией...

Она повторила вопрос. Он кивнул.

— Поначалу мы были так же, как и вы, поражены, узнав об истинной природе Времени, — начал Хронарх. — Но для нас, конечно, было легче перенести это открытие, потому что мы способны передвигаться во Времени так же, как другие — в Пространстве. Теперь для нас Время — это самый естественный элемент нашей жизни. Мы обрели любопытную способность — перемещаться в прошлое или будущее простым усилием воли. Мы достигли стадии, когда для нашего существования нам не нужно пространство. Во Времени-с-Пространством наши физические потребности весьма разнообразны и удовлетворить их на нашей меняющейся планете становится все труднее и труднее. А во Времени-без-Пространства этих физических потребностей уже не существует...

— Мыслитель, — перебила Хохотунья, — я не думаю, что Пепину интересно слушать о нас. Расскажи ему, почему в прошлом он увидел только лимб.

— Да, подтвердил Пепин, — расскажите.

— Поетараюсь. Представьте Время как прямую линию, вдоль которой движется физическая вселенная. В каждый момент физическая вселенная существует в определенной точке. Если же мы перейдем из настоящего назад или вперед, то что мы увидим?

Пепин пожал плечами.

— То, что видели вы. Потому что, покинув настоящее, мы покидаем и физическую вселенную. Понимаете, Пепин, когда мы покидаем наш «родной» поток Времени, мы переходим в другие, которые по отношению к нам находятся над Временем. Главный поток, вдоль которого движется наша вселенная, мы называем Мегатоком. В процессе движения она поглощает вещество Времени — хрононы, как мы их называем, но после себя ничего не оставляет. Хрононы составляют будущее, они бесконечны. Вы ничего не увидели в прошлом потому, что Пространство в некотором роде «поедает» хрононы, но не может их возместить, заменить.

— Вы имеете в виду, что Земля поглощает эту временную энергию, а сама ничего не испускает? Как животное, которое охотится во Времени, пожирает его, но ничего не выделяет. — У Пепина проснулся интерес. — Да, понятно.

Хронарх откинулся в кресле.

— Так что, когда вы пришли ко мне с просьбой вернуть вас в прошлое, я сказал вам почти то же самое, но вы вряд ли поверили мне, не хотели верить. Вы не можете вернуться в прошлое Земли потому, что его попросту не существует. Нет и будущего, если говорить о нем в терминах Пространства, а не в терминах состоящего из хрононов Мегатока и его ответвлений. Мы научились передвигаться, куда нам угодно, индивидуально поглощая хрононы, которые нам нужны. Таким образом, человеческий род выживет. Возможно, не совсем нравственно с нашей стороны делить по своей воле континенты времени, исследовать их исключительно в собственных интересах...

— В то время как остальные из нас умрут или превратятся в нечто несколько худшее, чем машины, — отрезал Пепин.

— Да.

— Теперь у меня совсем нет надежды, — сказал Пепин

вставая. Он подошел к Высокой Хохотунье. — Когда вы уйдете окончательно?

— Очень скоро.

— Благодарю вас за сочувствие и любезность, — сказал он и направился к двери. А они остались в молчании стоять в Зале Времени.

Пепин шагал вдоль берега, пока еще на восток, прочь от Ланжис-Лиго, что у моря. Было утро. Бурая пелена нависла над бесконечной гладью неподвижного моря и покрытой соляной глазурью земель, слегка подкрашенными лучами умирающего Солнца и обдуваемыми холодным ветром.

Да, думал он, в такое утро хорошо плакать и презирать себя. Одиночество насаждает на меня, как огромный грязевик, припавший к моей шее и высасывающий из меня последний оптимизм. О, если б я мог отдать себя этому безжалостному утру, позволить ему поглотить себя, заморозить, бросить под холодный ветер и утопить в этих упругих водах, отнять видение Солнца и неба, какие бы они ни были, и возвратить себя в ненасытное чрево Матери-Земли... О, эта враждебная Земля!

И все равно он не завидовал Обитателям Времени. Как и луныне, они отказывались от принадлежности к человечеству. У него есть хоть это.

Он обернулся, услышав тонкий, как у древней морской птицы, крик. Звали его.

Высокая Хохотунья спешила верхом к нему и махала рукой. Она красиво сидела в седле под этим бурым тяжелым небом, на губах ее играла улыбка, и Пепину, по одному ему известным причинам, казалось, что она едет к нему из прошлого, как тогда, когда он впервые увидел ее, богиню из древних мифов.

Красный диск Солнца сиял за ее спиной. И он снова почувствовал запах перестоявшей соленой воды.

Он стоял и ждал на берегу неподвижного соленого моря и думал о том, что его путешествие стоило того.

Волк

Кому ты принадлежишь, друг городок? Кто твой хозяин? Ты привольно раскинулся в неглубокой долине, отгородясь от мира сосновым бором. Твои улицы все в рытвинах и ухабах, надгробные памятники на твоих кладбищах холодно посверкивают в лучах солнца. Ты живешь сам по себе, однако долго так продолжаться не может. Я стою на твоей тихой центральной площади, смотрю на низенькие домишки и выглядываю твоего хозяина. В моем мозгу, где-то на грани сознания, клубится мрак.

Я останавливаю мужчину. На его лошадином лице выделяются обращенные уголками вниз чувственные губы. Он стоит, слегка покачиваясь, и молча глядит на меня задумчивыми серыми глазами.

— Кому принадлежит этот город? — спрашиваю его я.

— Людям, — отвечает он. — Жителям.

Я раздражаюсь хохотом, но он остается серьезным и даже не улыбается.

— Ну ты и шутник! Кому принадлежит город на самом деле?

Он пожимает плечами и поворачивается, чтобы уйти.

Я повышаю голос:

— Кому принадлежит город?! Кому он принадлежит, друг?

Он что, рассердился на меня?

Ну и пусть; в конце концов, человек без настроения — уже не человек. У человека должно быть хоть какое-то настроение, даже когда он спит. С презрительной усмешкой гляжу я в спину тому, кто отказывается улыбаться. Твердым, решительным шагом он идет по металлическому с деревянным настилом мосту, перекинутому через тихую речку, что густо поросла кувшинками. Поблескивает на солнце вода.

В моей руке холодная серебристая фляжка с жидким опием. Я крепко стискиваю ее. Я подношу ее ко рту и впитываю в себя огонь, позволяя ему поглотить меня. Мы с огнем ласково уничтожаем друг друга.

В моем желудке полыхает пламя, мои ноги подкашиваются.

Не оставляй меня, любимая, не лишай меня пробуждающего желание аромата твоих волос. Не лишай меня твоих насмешек, таких неискренних на стонущей утренней заре; не лишай соленого дождя, который струится по моему холодному лицу.

Я снова усмехаюсь и повторяю слова того мужчины:

— Люди, жители! Ха-ха-ха!

Но некому услышать мой смех, разве что кто-то прячется за шторами, которыми задернуты окна всех домов белого городка.

Где ты, любимая, — где теперь твое ядовитое тело, где ощущение твоих ногтей, впивающихся в мою плоть?

Едкая дымка застилает мне глаза. Городок словно начинает таять. Я медленно падаю на булыжники мостовой, и боль проникает в мой организм через саднящее лицо.

Почему мы не можем найти покоя в ложной божественности другой половины рода человеческого? Почему женщины нам его не дают?

С моих глаз спадает пелена; я гляжу в бескрайнее голубое небо. Вдруг я слышу встревоженные возгласы и вижу прелестное личико. Она вопросительно смотрит на меня, в ее взгляде — множество вопросов, ни на один из которых я не способен ответить, и это меня смущает и раздражает. Однако, переборов гнев, я улыбаюсь и цинично замечаю:

— Не получилось, а?

Девушка качает головой, продолжая что-то говорить. У нее кроваво-красные губы и узкое изящных очертаний лицо.

— Кто... Кто вы? Почему... Что с вами случилось?

— Это нескромный вопрос, милая, — отвечаю я покровительственно. — Но, так и быть, я прощаю тебя.

— Спасибо, — говорит она. — Вы не хотите подняться?

Разумеется, хочу, и не только подняться, но упоминать об этом пока рано.

— Я ищу свою подругу. Она должна быть где-то здесь, — говорю я. — Может, ты видела ее? Она до отвала наелась моей жизнью, она до дна выпила мою душу. Ее нетрудно узнать.

— Нет, я не...

— Если тебе случится заметить ее, будь добра, дай мне знать. Я, пожалуй, задержусь тут ненадолго. Мне пришлось по нраву ваш городок.

Меня как будто осенило:

— А может, он принадлежит тебе?

— Нет.

— Прости, если мой вопрос привел тебя в замешательство. Лично я был бы счастлив, владея таким городом. Как по-твоему, он продается?

— Вам лучше встать, иначе вас могут арестовать. Поднимайтесь, ну, пожалуйста.

Есть что-то неприятное в том, как упорно жители отказываются назвать мне владельца своего городка. Конечно, я не собираюсь его покупать, но спрашивал я не просто так, а надеясь узнать имя хозяина. Быть может, я недооценил ее? Не хочется о том думать.

— Вы словно мертвая птица с перебитыми крыльями, — улыбаясь, говорит девушка.

Я отталкиваю ее руку и поднимаюсь сам.

— Куда идем?

Она хмурится, потом говорит:

— Наверно, ко мне домой.

Мы отправляемся в путь; она идет впереди. Я показываю вверх:

— Гляди, вон облако в форме облака!

Она улыбается, и я чувствую себя таким довольным, что мне хочется даже поблагодарить ее.

Мы подходим к ее дому, чья зеленая дверь открывается прямо на улицу. На окнах красные и желтые занавески; белая краска, которой выкрашен дом, кое-где начала шелушиться.

Девушка достает ключ, вставляет его в большой черный железный замок, широко распахивает дверь и грациозным жестом приглашает меня войти. Наклонив голову, я вступаю в сумрачный холл. В нем пахнет лавандой. Стены отделаны старинными дубовыми и латунными полированными панелями; повсюду, куда ни посмотри, предметы конской упряжи и подсвечники без свечей. Справа уходит во мрак лестница, ее ступеньки покрыты темно-красным ковром.

На высоких полках расставлены вазы с папоротниками; еще несколько ваз примостилось на подоконнике у двери.

— Если хотите привести себя в порядок, у меня есть бритва, — говорит девушка.

К счастью для нее, я настроен достаточно самокритично, чтобы понять, что мне в самом деле не помешает побриться. Я благодарю ее. Мы поднимаемся по лестнице; широкая юбка девушки колышется в такт ее шагам.

Я вхожу в маленькую ванную. Там пахнет духами и

дезинфицирующими средствами. Девушка включает свет. На улице небо наливается синевой; солнце уже село. Девушка показывает мне бритву, мыло, полотенце. Она поворачивает кран, и вода начинает течь в ее подставленную ладонь.

— Еще горячая, — говорит она, выходит и закрывает за собой дверь. Я устал и потому бредю кос-как. Повинуясь внезапной мысли, мою руки и дергаю дверь, чтобы проверить, не заперта ли она. Дверь открывается в освещенный коридор.

— Эй! — окликаю я. Девушка выглядывает из-за другой двери в дальнем конце коридора. — Я побрился.

— Идите вниз, в гостиную, — говорит она. — Я сейчас спущусь.

Я ухмыляюсь, давая ей понять, что догадался, — под платьем на ней ничего нет. Все они таковы. Одежда да волосы — вот чем они берут.

Где же она? Она должна быть где-то здесь, ее след привел меня в этот городок. От нее можно ждать всего; ей ничего не стоит спрятаться под личиной моей новой знакомой. Я сломаю ей другую руку, наслаждаясь хрустом костей, и меня не поймут. Она высосала из меня жизнь, а мне потом предъявили обвинение, будто я сломал ей пальцы. Я всего лишь пытался забрать кольцо, которое когда-то ей подарил. Но у нее на пальцах было столько колец, что я запутался.

Она превратила меня в волка с острыми клыками.

Я спускаюсь по лестнице, ступая нарочито тяжело, чтобы ступеньки скрипели и стонали под моими ногами. Я вижу гостиную и прохожу туда. Глубокие кожаные кресла, снова дубовые и латунные панели, снова папоротники в дымчатых фиолетово-красных вазах. Камин, в котором не горит огонь. Мягкий многоцветный ковер. Небольшое пианино с черпобелыми клавишами; над ним — картина в раме.

Накрытый на двоих стол под белой скатертью. Два стула рядом.

Я стою, повернувшись спиной к камину, и слушаю, как стучат по лестнице ее туфли на острых каблукках.

— Добрый вечер, — говорю я вежливо, когда она входит в комнату. На ней темно-голубое бархатное платье в обтяжку; в ушах и на шее поблескивают рубины. На пальцах ее рук переливаются кольца. Я вздрагиваю, но овладеваю собой.

— Садитесь, пожалуйста, — все тем же грациозным взмахом руки она указывает на кожаное кресло с желтой подушкой. — Вам лучше?

Я полон подозрений и потому не отвечаю. Откуда мне знать, что она имеет в виду?

— Пойду принесть обед, — говорит она. — Потерпите немножко, ладно?

Я снова победил ее. При таком раскладе ей меня не одолеть.

Я жадно поглощаю непривычную на вид и на вкус еду и только потом соображаю, что она могла быть отравлена. Дожидаюсь кофе, я философски заключаю, что теперь уже все равно. Я понюхаю кофе; если от него будет исходить горький аромат миндаля, значит, он отравлен. Я пытаюсь вспомнить, пахло ли какос-либо из съеденных мною кушаний миндалем. Как будто нет. Я чувствую себя спокойнее.

Девушка приносит кофе в большом коричневом глиняном кофейнике. Она садится и наливает дымящийся напиток мне в кружку. Он благоухает на всю комнату, и, к моему облегчению, в его аромате нет и намека на горький запах миндаля. Правда, откровенно говоря, я не знаю, как на самом деле пахнет миндаль.

— Если хотите, можете остаться переночевать. У меня есть свободная комната.

— Спасибо, — отвечаю я, многозначительно прищуривая глаза, но девушка отворачивается и протягивает изящную руку к кофейнику.

— Спасибо, — повторяю я. Она не отвечает. Какую она ведет игру? Девушка набирает воздух, собираясь, видимо, что-то сказать, бросает на меня быстрый взгляд и плотнее сжимает губы. Посмеиваясь, я откидываюсь на спинку кресла, обхватив обеими руками свою чашку с кофе.

— Есть волки и есть овцы, — говорю я, заводя обычный разговор. — Как по-твоему, кто ты?

— Никто, — говорит она.

— Значит, ты овца, — заключаю я. — Волки знают, что они такое и что им надо делать. Я волк.

— Неужели? — спрашивает она, явно поскуцнев от моей философии, явно не понимая ее. — Вам лучше пойти спать. Вы утомлены.

— Если ты так настаиваешь, — с готовностью соглашаюсь я.

Она, проводив меня в комнату, окно которой выходит на неосвещенную улицу, желает мне доброй ночи. Закрыв дверь, я настороженно прислушиваюсь, ожидая скрежета ключа в

замке, но ничего такого не происходит. Мебели в комнате немного: высокая старомодная кровать, пустой книжный шкаф и резной деревянный стул. Рядом с кроватью — обычная лампа с парчовой шторкой, на которой между двумя складками проступают изображения цветов. Я ощупываю стул, и меня пробивает дрожь наслаждения. Я стягиваю с кровати пикейное покрывало и осматриваю чистые свежие простыни. В изголовье лежат две мягкие белые подушки. Я сбрасываю с себя костюм, стаскиваю ботинки и носки и остаюсь в одном исподнем. Я выключаю свет и, все еще слегка дрожа, забираюсь под одеяло. Несмотря на ранний час, я скоро засну. Я уверен, что пробужусь на рассвете.

Утром я открываю глаза: бледный солнечный свет проникает в комнату через щель между занавесками. Я пытаюсь снова заснуть, но у меня ничего не получается. Я откидываю одеяло, так что оно наполовину сползает с кровати, и встаю. Я подхожу к окну и выглядываю на улицу.

Немыслимо! По мостовой, поводя носом, бежит большой жирный заяц. Следом, натужно ревя, ползет грузовик, но заяц бежит, никуда не сворачивая. Я ощущаю напряжение и восторг. Я открываю дверь и бегу по коридору к комнате девушки. Я врываюсь внутрь. Она спит, положив одну руку на край кровати. Одеяло сползло с нее, обнажив бледно-розовые плечи. Я сильно хватаю ее за плечо, с таким расчетом, чтобы разбудить. Вскрикнув, она садится на постели. Она дрожит.

— Скорее! — говорю я. — Выгляни в окно. По улице бежит заяц!

— Уходите. Я хочу спать, — отвечает она, — не мешайте мне спать.

— Нет. Ты должна увидеть этого громадного зайца! Как он очутился в городе?

Девушка поднимается и идет следом за мной в мою комнату. Я бросаюсь к окну и с облегчением убеждаюсь, что заяц никуда не делся.

— Смотри! — Девушка подходит к окну, и я показываю ей на животное. Она изумлена.

— Бедняжка, — шепчет она. — Надо помочь ему.

— Помочь? — поражаюсь я. — Зачем? Я убью его, и у нас будет чем позавтракать.

Девушка вздрагивает.

— Как можно быть таким жестоким?

Заяц исчезает из виду, завернувшись за угол. Я разъярен; все мои нервы взвинчены.

— Удрал!

— Но ведь все в порядке, правда? — говорит она успокаивающе. Моя ярость ищет выхода. Я начинаю плакать от разочарования. Она кладет руку мне на плечо.

— Что случилось?

Я стряхиваю ее руку, но потом, передумав, обнимаю девушку и рыдаю у нее на груди. Она гладит меня по спине, и мне становится легче.

— Позволь мне лечь с тобой в постель, — прошу я.

— Нет, — отвечает она тихо. — Вам нужно отдохнуть.

— Позволь мне спать с тобой, — умоляю я. Она вырывается из моих объятий и отступает к двери.

— Нет! Отдыхайте.

Я иду за ней. Кровь стучит мне в виски, тело напряжено до предела.

— Ты кое-что мне задолжала, — говорю я злобно, — как и все остальные.

— Уходите! — в ее голос слышатся угроза, отчаяние и страх. Я выхожу за ней в коридор. Она бежит к своей комнате, но я догоняю ее. Я догоняю ее у самой двери. Она кричит. Я вцепляюсь ей в руку. Я медленно выгибаю назад пальцы ее ладони, другой рукой зажимая ей рот, чтобы заглушить крик. Под бледно-розовой плотью хрустят кости. Они ломаются не все сразу, а друг за дружкой.

— Вы превратили меня в волка, — рычу я. — А потому — смерть овцам!

Мои зубы впиваются в ее шею, мой нос ощущает аромат ее горла. Я прокусываю кожу, и в мой рот устремляется кровь.

Убивая девушку, я плачу.

Зачем она выпила из меня душу через те раны, которые сама нанесла? Зачем сделала меня волком? Или он сидел во мне с рождения, а боль, которую она мне причинила, лишь выпустила его на волю?

Но она мертва.

Я забыл. Я искал ее в этом милом городке.

И другая — она тоже теперь мертва.

Пускай же моя доля — убивать, убивать, убивать — поглощает меня, пока я, в конце концов, не превращусь в рычащую частичку, безобидную для окружающих, невообразимо малую и тем довольную.

О, Господи Боже, моя проклятая любовь...

Развалины

Мэлдун пробирался по развалинам. Бисеринки пота на его лице сверкали точно бриллианты.

Развалинам не видно было ни конца, ни края. Тут и там взгляду открывались каменные башни, бетонные обломки, пылевые лужи. Неприглядный пейзаж под знойно-голубым небом напоминал прибрежные скалы в час отлива. Ярко светило солнце; в бледных тенях, которые отбрасывали руины, не было ничего таинственного или зловещего. Мэлдун чувствовал себя в безопасности.

Сняв куртку, он уселся на кусок бетонной плиты, из которого торчали ржавые железные прутья. Изогнутые под весьма причудливыми углами, они больше всего походили на скульптуру в честь Пространства—Времени. Да и сами развалины тоже были грандиозным монументом, созданным людьми случайно и в то же время целенаправленно, памятником Времени, Пространству и усилиям, которые потратило на постижение их человечество. Мэлдун заметил, что мыслит как-то беспорядочно. Глотнув из фляжки воды, он закурил сигарету.

В поисках живых он уже довольно далеко углубился в развалины, но до сих пор никого и ничего не нашел. В глубине души он начал жалеть о том, что забрался сюда. Здесь не было и следа других изыскателей, которые отважились испытать судьбу и так и не вернулись домой; никаких тебе царапин на камнях или записок, или клочков одежды, или скелетов. Одни развалины.

Мэлдун поднялся, убрал фляжку и бросил сигарету в трещину между валунами. Он посмотрел вперед, затем обернулся и бросил взгляд назад. Как ни странно, ничто не мешало ему видеть линию горизонта — ни обломки зданий, ни полуразрушенные стены. Впечатление было такое, словно он находится в центре огромного плоского диска, который движется в голубой бесконечности неба.

Мэлдун нахмурился. Солнце стояло прямо над головой. Он не имел ни малейшего представления о том, где лежит начало его пути. Задумавшись над этим, он вдруг осознал,

что не в силах вспомнить, меняло ли солнце свое положение на небосклоне и наступала ли вообще ночь. Почему-то он был уверен, что вышел в дорогу несколько дней тому назад. Однако свет вроде бы всегда был таким, как сейчас.

Мэлдун двинулся дальше. Он шел медленно, спотыкаясь, иногда едва не падая, перескакивая с камня на камень, старательно обходя пылевые лужи, хотя причин опасаться их у него как будто не было. Чтобы сохранить равновесие, ему зачастую приходилось опираться на валуны.

Потом он едва не запаниковал; ему безумно захотелось обратно к людям, к упорядоченной паутине улиц, к аккуратным домам и забитым всякой всячиной магазинам. Он с надеждой огляделся и увидел на горизонте ряд высоких, целых на вид зданий — как будто некий дух-чародей услышал мольбы Мэлдуна и сжалился над ним.

Мэлдун прибавил шаг; идти стало значительно легче.

Тут он заметил, что солнце садится, и посмеялся над своими недавними страхами. Если повезет, он достигнет города до темноты.

Теперь Мэлдун почти бежал. Однако глазомер подвел его; когда стемнело, до города оставалась еще примерно миля пути. Но он не пал духом. В домах зажглись огоньки. Может быть, он возвращается в тот самый город, из которого когда-то ушел? Издалека все города похожи друг на друга.

Шагая на огоньки, он вскоре очутился на окраине города. Изысканной красоты фонари освещали пустые улицы. Мэлдун решил, что все уже спят. Но, приблизившись к центру города, он расслышал шум уличного движения, разглядел людей на бульварах и в кафе.

Его не оставляла мысль, что с городом что-то не так, но он отмахнулся от нее. Он устал и потому смотрел на все под определенным углом. Вдобавок он запросто мог получить солнечный удар — прошедший день выдался жарким.

Город был для него чужим, однако он улавливал нечто смутно знакомое в его планировке. Как и многие другие известные Мэлдуну города, этот напоминал колесо, внешний обод которого образовывали пригороды, спицами выступали главные улицы, а втулкой — центральная площадь.

Сев за столик в кафе, Мэлдун сделал заказ. Владелец кафе был пожилой человек с физиономией гнома и вальяжными манерами. Не глядя, он поставил перед Мэлдуном тарелку. Мэлдун принялся за еду.

В кафе вошла девушка. Оглядевшись в поисках свободного места, она приблизилась к столику Мэлдуна.

— У вас не занято? — спросила она.

Он помахал вилкой и покачал головой, будучи не в состоянии ответить членораздельно.

Улыбнувшись, девушка грациозно опустилась на стул. Она взяла меню, проглядела его и сделала заказ хозяину. Тот, слегка поклонившись, быстрым шагом направился на кухню.

— Для этого времени года сегодня чудесный вечер, не правда ли? — заговорил Мэлдун.

— Что? Ах, да... — девушка выглядела смущенной.

— Извините, — сказал он. — Надеюсь, вы не подумали, будто я...

— Ну что вы.

— Я только что вернулся из развалин, — продолжал он. — Я там кое-что разыскивал. Они тянутся на многие мили. Порой мне начинает казаться, что они покрывают всю планету. Может, так оно и есть?

Девушка рассмеялась.

— У вас утомленный вид. Вам не мешало бы отдохнуть.

— Я не знаю города. Не могли бы вы порекомендовать мне какую-нибудь гостиницу?

— Вряд ли. Я живу здесь постоянно и потому никогда особенно не интересовалась гостиницами. Впрочем, кажется, вверх по улице есть нечто подобное.

— Спасибо. Я загляну туда.

Девушке принесли ее заказ. Она поблагодарила хозяина мимолетной улыбкой. Мэлдун увидел, что она заказала себе то же самое, что и он.

Пока девушка ела, он все ни о чем не спрашивал. Тело его оцепенело от усталости. Больше всего на свете ему хотелось спать.

Девушка встала и с любопытством поглядела на Мэлдуна.

— Пожалуй, пора показать вам гостиницу, — дружелюбно улыбнулась она.

— Буду весьма признателен.

Следом за девушкой Мэлдун вышел из кафе. Шагая по улице, он задумался: а заплатил ли он за еду? Наверно, заплатил, потому что иначе владелец кафе не отпустил бы его так просто.

Он шел рядом с девушкой. Плечи у него сгибались, словно под огромной тяжестью грузом, мышцы болели, ноги подкашивались.

И как только он умудрился выбраться из развалин? Не может быть, чтобы он преодолел такое огромное расстояние. Какое расстояние? Насколько огромное? Куда выбрался?

— С вами все в порядке? — спросила девушка, наклонившись к нему. Мэлдуну почудилось, что она спрашивает об этом не в первый раз.

— Да.

— Потерпите, осталось уже немного.

Она зашагала дальше, а он понял вдруг, что ползет. Он услышал голос, который принадлежал вовсе не ему:

— Дайте же кто-нибудь руку!

Он лежал на шероховатой поверхности каменной плиты, и солнце стояло прямо над ним. Он посмотрел сначала в одну сторону, затем в другую: его окружали развалины. Он ощущал себя великаном, распятым на развалинах. С трудом он уселся, и тело его как будто сразу уменьшилось до нормальных размеров.

Нормальных? Что значит «нормальных»? Разве у него есть мерка, которая годится для развалин? Тут присутствуют все и всяческие размеры, все и всяческие формы. Правда, какими бы высокими развалины ни были, они не заслоняют от него линии горизонта.

Мэлдун обнаружил, что потерял куртку вместе с сигаретами. Кое-как поднявшись, он огляделся.

Может, его изгнали? Трудно сказать. Но должна же быть причина, по которой он оказался тут. Или кто-то доставил его сюда? По всей видимости, жители города взяли на себя такой труд.

Взяли ли? А если взяли, то почему?

Впрочем, долго задаваться этим вопросом Мэлдун не собирался. Он продолжил свой путь, останавливаясь порой, чтобы разглядеть получше то или иное здание. У многих домов отсутствовали передние стены, и они выглядели точь-в-точь как кукольные разборные домики.

Мэлдуну не удалось найти ни единой зацепки, которая подсказала бы ключ к разгадке происходящего с ним. Он забыл про город, забыл, что у него когда-то была куртка, что он курил сигареты. Подобные мелочи его не интересовали.

Потом он уселся на кучу разбитой черепицы и огляделся вокруг. Слева возвышалась башня. Хотя в ней зияли две громадные дыры, она стояла прямо. Логика убеждала Мэлдуна, что башня давно должна была упасть, однако реальность

опровергала логику. Мэлдун отвернулся, но поздно: его захлестнула волна страха.

Он встал и на цыпочках пошел прочь от башни, не смея оглянуться, затем не выдержал и побежал, спотыкаясь на каждом шагу.

Однако вскоре он заметил, что все здания выглядят так, словно вот-вот упадут. Угол наклона башен, домов, колоннад был невообразимо крутым.

Почему он не видел этого раньше? Что случилось?

Страх помог ему обрести себя.

Он вспомнил, как его зовут, вспомнил город. Потом вспомнил свой бесконечный путь по развалинам, солнце, которое не садилось, небо, которое не менялось, линию горизонта, которую почему-то не могли скрыть от него самые высокие из руин.

Он замер. Его колотила дрожь ненависти к развалинам. Он попытался вспомнить, что было до развалин, но не сумел.

Что там было? Сон? Наркотическое опьянение? Безумие? Ведь было, было же что-то еще кроме развалин! Неужели город ему только пригрезился?

Он закрыл глаза, дрожа всем телом. Стало темно, и он сказал себе:

— Ну, что, Мэлдун, ты все-таки настаиваешь на продолжении эксперимента? Ты по-прежнему считаешь личность, время и пространство иллюзиями, которые создают другие иллюзии?

И закричал громко:

— О чем ты говоришь? О чем ты говоришь?

Он открыл глаза и увидел развалины, их четкие очертания, огромное бледное солнце и голубое небо.

(Солнце, небо, развалины + Мэлдун = Мэлдун — Мэлдун.)

Постепенно он начал успокаиваться; вопросы и воспоминания больше не мучали его.

Перепрыгивая с камня на камень, он направился к довольно большой пылевой луже. Остановившись на краю, он заглянул в нее. Приложив пальцы к губам, задумался.

Подобрав обломок кирпича, он швырнул его в серую пыль. Коснувшись поверхности лужи, обломок исчез; ни одна пылинка не шевельнулась.

Он подобрал еще несколько кирпичей и один за другим побросал их в лужу. Произошло то же самое. То же самое не произошло.

На него упала тень. Он поднял голову и увидел, что над ним вырастает высокое здание. Оно выглядело, как громадная колонна, сложенная из стеклянных блоков; колонну опоясывали платформы. Они уходили все выше и выше, и последняя из них, с куполом, располагалась на самом верху стеклянного столба. Там стоял человек и махал Мэлдуну рукой.

Мэлдун подбежал к башне, зная, что сумеет запрыгнуть на нижнюю платформу. Оттуда он перескочил на другую, затем на следующую и наконец добрался до платформы с куполом.

Его ожидал человек, похожий на лягушку.

— Посмотри вниз, Мэлдун, — сказал он.

Мэлдун бросил взгляд на аккуратный городок внизу. Все дома были одного и того же размера и одной и той же формы — квадратными.

Человек махнул рукой-лапой. Сквозь нее прошел свет, серый как пыль.

— Земля похожа на женщину, — сказал человек. — Посмотри вниз. Она хочет быть покоренной, хочет подчиниться сильному мужчине. Я сделал это. Я успокоил волнение земли — и овладел ею!

Человек-лягушка самодовольно улыбнулся.

— Тут царит покой, — сказал Мэлдун.

— Самая спокойная территория в системе, — изрек человек-лягушка. — Самая спокойная система на территории. Кто ты, Мэлдун?

— То ли ты, то ли я, — сказал Мэлдун, позабыв свое имя.

— Прыгай, Мэлдун, — сказал человек, похожий на лягушку.

Мэлдун стоял как стоял.

— Прыгай!

Он пробирался по пылевой луже.

(Солнце, небо, развалины + Мэлдун) = (Мэлдун — Мэлдун.)

Его имя пульсировало у него у головы, его имя стучало ему в виски. Мэл-дун, Мэл-дун, Мэл-дун.

Разве его так звали? Вряд ли. Скорее всего, так — мэл-дун, мэл-дун — стучала кровь в висках.

Если не считать развалин и света, больше нечего было знать.

Он остановился. Воспоминание? Там, позади?

Прочь — мэл-дун, мэл-дун — прочь — мэл-дун — соберись — мэл-дун.

Очертания развалин на миг словно утратили четкость, и он пристально, с подозрением, поглядел на камни. Они вроде бы обнимают его. Нет, это он обнимает их. Он плывет вокруг них, по ним, сквозь них.

— Мэлдун! — Долетевший откуда-то возглас был повелительным, отчаянным, ироническим.

Да, подумал он, откуда?

— Все или ничего, Мэлдун, — закричал он себе, — ничего или ничего, все или все!

Не здесь — значит, здесь, и это бесконечность. Он то ли вспомнил сам, то ли ему сказали.

(Бесконечность + Мэлдун) = (Бесконечность.)

С радостью и облегчением он понял, что вернулся. Все стало на свои места. Он сидел на обломке бетонной плиты, из которого торчали обрубленные швартовы. Потом плита обернулась пригорком, на котором росли камыши. Внизу он увидел город — крыши, трубы, шпили церквей, парки, кинотеатры, дым. Знакомый город, но не тот, который он искал.

Поднявшись с пригорка, он по тропинке направился к городу, смутно отдавая себе отчет в том, кем он был, почему он им был, чем он был и как он им был.

— Чего ради я извожу себя? — думал он вслух. — Однажды у меня неостанет сил выпутаться, и меня найдут либо помешавшимся, либо уже окоченевшим.

Он до сих пор не мог решить, что существует на самом деле — город или развалины.

Шагая по дороге, он прошел под мощными пролетами железнодорожного моста, зеленая краска которого во многих местах облупилась, и свернул в боковую улочку, где стоял сильный горьковатый запах осени. Перед домами красного кирпича притулились крохотные садики; их почти не было видно из-за разросшихся живых изгородей.

Он услышал детские голоса. Остановившись, он заглянул за изгородь и увидел ребятишек, которые строили из разноцветных кубиков здания и тут же их разрушали.

Кто-то из детей заметил его. Он быстро отвернулся и пошел прочь.

Но удрать безнаказанно ему не удалось.

— Это он! — крикнул ребенок.

Дети высыпали на улицу, распевая во все горло:

— Псих Мэлдун! Псих Мэлдун! Псих Мэлдун — Болтун и врун!

Они захохотали.

Он сделал вид, что не слышит.

Они преследовали его лишь до конца улицы. Спасибо, что хоть так, подумал он. Вечерело. Подступали сумерки, скрадывая очертания домов. Его шаги эхом отдавались между крышами, гулко грохотали в дымовых трубах.

Псих Мэлдун, псих мэлдун, психмэлдунмэлдунмэлдун.

Стучало сердце — мэлдун, мэлдун, стучала в виски кровь — мэлдун, мэлдун, дома никуда не делись, просто стало вдруг заметно, что они стоят на развалинах; эхо гуляло между их призрачными трубами.

Сумерки перешли в ночь, ночь перешла в свет; мало-помалу дома исчезли.

Уходили вдаль ярко освещенные развалины, не пытаясь заслонить от него горизонт. Над головой знойно синело небо; солнце застыло в одной точке.

Он избегал пылевых луж. Развалины, застывшие во Времени и Пространстве, никак не падали.

Как возникли развалины?

Он совершенно этого не помнил.

Солнце и небо пропали, остались только развалины и свет. Ему показалось, что невидимая волна смывает остатки его личности.

Мэл-дун, мэл-дун, мэл-дун.

Развалины в прошлом, в настоящем, в будущем.

Он поглощал развалины, а они — его. Они вместе с ним уходили навсегда, ибо горизонт исчез.

Рассудок мог бы покрыть развалины, но рассудка больше не существовало.

Вскоре не осталось и развалин.

Золотая ладья

Уже в четвертый раз с тех пор, как большеротый Джефраим Тэллоу пустился в погоню, день уступил место ночи. Положившись на удачу, Тэллоу прикорнул у руля. Его желтый комбинезон не спасал от сырости, ибо промокал почти мгновенно, и к утру Тэллоу здорово продрог. Спал он плохо: его мучали кошмары. Но с приходом утра он совершенно забыл про них. Какие, право слово, могут быть кошмары, когда впереди показалась добыча, которую он преследовал, — золотая ладья!

С серого неба по-прежнему сыпал дождь, хлестал воду реки, барабанил по парусу лодки. Задул ветер. Ивняк, что на протяжении всех предыдущих дней окаймлял речные берега, исчез; ему на смену пришли заросли рододендронов. Ветер пригибал к земле мокрые ветви, топорщил кусты, обращая их в диковинных лохматых тварей. Чудища манили Тэллоу, звали его сойти на берег. Он истерически расхохотался. Парус поймал ветер и надулся так, что закрипела мачта; ее скрип вторил хохоту Тэллоу. Внезапно Тэллоу оборвал смех — он осознал надвигающуюся опасность, осознал, что у него нет причин веселиться, ибо ветер влечет его лодку прямо на взъерошенные кусты. В отчаянии он попытался перекинуть парус, но, поскольку не совсем еще освоился с украденной несколько дней назад лодкой, лишь запутал шкоты в чудовищный клубок. Ветер разошелся; мачта гнулась и скрипела, парус раздулся, будто брюхо канибала.

Тэллоу так усердно старался расплести клубок, что в кровь стер пальцы и поломал ногти. Потом ему пришлось бросить это дело и взяться за руль. Он сумел слегка изменить курс. Лодка приближалась к изгибу русла реки. Тэллоу заметил вдруг на берегу в гуще темно-зеленой листвы белое пятно, а впереди по течению — высокий силуэт золотой ладьи. Сделав над собой усилие, он успокоился. Ну и ну, как же он должен был перепугаться, если ни разу не вспомнил про таинственную, недостижимую ладью! Чтобы нагнать ее, он отнял у другого человека жизнь и потому не может позволить ей ускользнуть. Хватило бы только сил противостоять порывам ветра...

Лодка его птицей летела по реке. Вот уже и изгиб русла...

Неожиданно суденышко словно встало на дыбы и, вздрогнув от носа до кормы, застыло. Тэллоу понял, что у него на пути оказалась одна из множества песчаных мелей, которыми изобиловала река.

Браиясь и причитая, Тэллоу прыгнул за борт и попытался столкнуть лодку с мели. Ливень хлестал ему в лицо, полосовал спину. Его усилия ни к чему не привели. Ладья в мгновение ока исчезла из виду. Тэллоу упал на колени, горько оплакивая крушение надежд. Дождь немного поутих, да и ветер ослабел, а Тэллоу все стоял на коленях, вцепившись руками в борт лодки; вокруг него клокотала мутная речная вода.

Дождь прекратился. Из-за туч выглянуло солнце, осветило реку, лодку и коленопреклоненного Тэллоу рядом, деревья и кусты на берегу и белый пятиэтажный дом, что блестел, будто свежесмытое детское личико.

Тэллоу потер красные от слез глаза и вздохнул. Он еще раз попробовал сдвинуть лодку с мели, но тщетно. Тогда он огляделся и заметил дом. Что ему еще оставалось делать? Пожав плечами, он зашлепал по мелководью к берегу и, проклиная свое несчастье, взобрался по осклизлому откосу. Если бы не корни, что торчали из земли, он наверняка съехал бы обратно в реку.

В некотором отношении Тэллоу был фаталистом, и теперь фатализм помог ему не потерять рассудок, когда он увидел впереди стену из красного кирпича, кое-где поросшую черным мхом. От уныния не осталось и следа. Он снова стал самим собой — дерзким и расчетливым, разглядев, что из-за стены на него смотрит какая-то женщина. Пожалуй, ладье придется немного обождать.

Женщина показалась ему красавицей: острые скулы, пухлые губы, зеленые как морская вода глаза. Она глядела на Тэллоу поверх невысокой кирпичной стены, которая доходила ей до плеч. На ней была выдавшая виды фетровая шляпка.

Женщина улыбнулась, показав ряд чудесных зубов, один из которых, правда, имел коричневатый оттенок, а два других были зелеными, под цвет ее глаз.

Тэллоу много лет не обращал на женщин никакого внимания. Но сейчас ему остро захотелось прилепиться к этой красотке, и он с трудом удержался, чтобы не высказать свою мысль вслух.

— Доброе утро, госпожа, — поздоровался он, расставив ноги и отведывая низкий, неуклюжий поклон. — Мой корабль напоролся на мель, так что я очутился в затруднительном положении.

— Тогда оставайтесь со мной, — снова улыбнулась женщина и чуть наклонила голову, словно подтверждая приглашение. — Вот мой дом.

Разняв сложенные на груди руки, она указала на высокое здание, которое Тэллоу видел с реки. Длинные и изящные пальцы ее ладоней оканчивались ярко-красными ногтями.

— Он выглядит неплохо, госпожа, — признал Тэллоу, подковыляв к стене.

— Он и в самом деле неплох, — сказала она. — Но в нем пусто. Со мной живут лишь двое слуг.

— Так мало? — нахмурился Тэллоу. — Так мало?

Сейчас я бы уже догнал ладью, подумал он и перемахнул через стену. Для человека его сложения прыжок получился замечательным; Тэллоу и не подозревал, что может двигаться так грациозно. Встав рядом с женщиной, он поглядел на нее из-под пасупленных бровей.

— Я был бы признателен за приют на ночь, — сказал он, — и за помощь завтра утром. Надо столкнуть лодку с мели.

— Я распоряжусь, — пообещала она. Говоря, она постоянно округляла губы, будто обхватывая ими слова. У нее была узкая талия и полные бедра. Под желтой шерстяной юбкой проступали округлые очертания плотного зада. Блестящая черная шелковая блузка туго обтягивала высокую грудь. Каблуки туфель были высотой дюймов в шесть.

Она повернулась и направилась к дому.

— Идите за мной, — проговорила она.

Тэллоу подчинился, и по дороге все восхищался тем, как она ухитряется сохранять равновесие на таких высоких каблуках. Без них она, пожалуй, окажется совсем чуть-чуть выше.

Пройдя через сад, в котором росли деревья с причудливыми острокопечными листьями, они вышли на песчаную дорожку, что уводила к дому. Их поджидала пустая двуколка, запряженная погурым осликом. Тэллоу помог своей спутнице подняться, ощутив на миг тепло и упругость ее кожи. Он подавил нелепое желание встать на голову и задргать в воздухе ногами, ухмыльнулся, взобрался на повозку и взял в руки вожжи.

— Трогай! — крикнул он. Вздохнув, ослик устало поплелся по дорожке.

Спусти пять минут Тэллоу сильно натянул поводья и остановил повозку на посыпанной щебнем площадке перед домом. Каменные ступени крыльца вели вверх, к большим приоткрытым деревянным дверям.

— Мой дом, — сказала женщина, выделив голосом

первое слово. Тэллоу было нахмурился, но через какое-то мгновение досада улетучилась, уступив место радости от такого везения.

— Ваш дом! — гаркнул он. — Ура!

Ему надоело скрывать переполнявший его восторг. Он выскочил из повозки и помог спуститься женщине, обратив внимание на то, какие у нее красивые, стройные ноги. Она улыбнулась, рассмеялась и вновь позволила ему полюбоваться своими редкостными разноцветными зубами. Бок о бок они поднялись на крыльцо, перескакивая со ступеньки на ступеньку точно балетные танцовщики и стараясь двигаться заодно. Ее рука очутилась в его ладони. Они распахнули двери и вошли в холл, высокий и сумрачный, в котором было тихо, как в церкви. Единственный лучик солнца проникал внутрь через щель между створками двери, которые, по всей видимости, слегка разошлись и потому неплотно прилегали друг к другу. В поздрии Тэллоу немедленно набилась пыль; он чихнул. Женщина рассмеялась.

— Меня зовут Пандора, — сказала она громко. — А вас?

— Тэллоу, — ответил он. Глаза его слезились, в носу свербило. — Джефраим Тэллоу, к вашим услугам.

— К моим услугам! — она хлопнула в ладоши. По холлу пошло гулять эхо. — К моим услугам!

Она хлопала в ладоши и смеялась, хлопала и смеялась, так что Тэллоу начало казаться, будто кроме них в холле полно народу.

Он подскочил на месте, услышав низкий, раскатистый голос:

— Что вам угодно, госпожа?

Прислушиваясь к замирающему в углах холла эху, Тэллоу взгляделся в полумрак и с изумлением понял, что раскатистый голос принадлежал согбенному, худому и морщинистому старику, облаченному в полинялую серебряную с золотом ливрею, которая вряд ли была моложе того, кто ее носил.

— Приготовь обед, Фенч! — крикнула Пандора. — Обед на двоих, и постарайся как следует!

— Слушаюсь, госпожа, — подняв облако пыли, старик повернулся и исчез за едва различимой дверью.

— Один из моих слуг, — прошептала Пандора доверительно и хмуро прибавила:

— А еще у меня служит его жена, разрази ее гром!

Ее злобный шепот напоминал шипение змеи. Тэллоу, не имея ни малейшего представления о здешнем жизненном укладе, подивился ненависти, что прозвучала в словах Пан-

дору. Ему на ум тут же пришли десятки причин, но он все их отринул. Он был не из тех, кто делает поспешные выводы; он предпочитал вообще не делать выводов, видя в их бесповоротности дорогу к смерти. Между тем Пандора повлекла его через весь холл к широкой дубовой лестнице.

— Идем, Джераим, — промурлыкала она, — идем, мой милый Тэллоу. Поищем вам подходящее платье.

К Тэллоу вернулось его прежнее веселое настроение, и он шустро запрыгал по лестнице, перебирая в воздухе длинными ногами. Таким манером они добрались до третьего этажа этого большого, сумрачного дома. Их волосы, рыжие у Тэллоу и иссиня-черные у Пандоры, растрепались; они беспрерывно смеялись, поглощенные друг другом.

На третьем этаже Пандора остановилась перед одной из дверей, на вид — весьма тяжелой и массивной. Тэллоу слегка запыхался, ибо непривычен был к подобным восхождениям, и даже начал икать. Пандора крепко сжала ручку двери, напряглась, закусила губу, — и дверь со скрипом отворилась.

А вестер, который загнал лодку Тэллоу на песчаную мель, стоил над золотой ладьей, увлекая ее навстречу судьбе.

— Джефраим, — прошептала Пандора, когда он откинулся в кресле, поднеся к губам стакан размером со свою голову, до краев наполненный бренди.

Глупо улыбаясь, Тэллоу пробормотал что-то невразумительное. Обед был превосходным, а красное вино — замечательным.

— Джефраим, откуда вы? — она подалась к нему через узкий столик. На ней теперь было темно-голубое вечернее платье, которое переливчатым каскадом спадало с ее гладких плеч к талии, чтобы внезапно раскрыться коконом у колен. На левой руке ее сверкали два перстня с самоцветами, а тонкую шею обхватывала золотая цепочка. В душе у Тэллоу бушевал ураган страсти, а еще он испытывал детское благоговение перед удачей, что одарила его своей милостью. Он положил руку на ладонь Пандоры. Восторг и предвкушение наслаждения переполняли его, и когда он заговорил, голос его завибрировал от сдерживаемых чувств.

— Из города, до которого много миль, — сказал он.

Она как будто удовлетворилась таким ответом.

— А куда вы направляетесь, Джефраим? — спросила она вроде бы без любопытства.

— Я... я гонюсь за золотым кораблем, который, кстати,

проплыл мимо вашего дома как раз перед тем, как мне напороться на мель. Вы его видели?

Она рассмеялась. Смех ранил его, заставил убрать руку.

— Глупый Тэллоу! — воскликнула она. — Такой корабль тут не прощывал. Я не видела его, хотя долго стояла в саду, глядя на реку. Я замечаю все корабли.

— А этот не заметили, — пробормотал он, рассматривая содержимое стакана.

— Ваши шутки, Джефраим, понять не так-то просто, — сказала она мягче. — Но я уверена, что приноворюсь к ним, когда мы узнаем друг друга ближе.

Последние слова она произнесла едва слышно, однако тон, каким они были сказаны, придавал мыслям Тэллоу совершенно иное направление. К нему вернулась уверенность в себе, которая была так жестоко уязвлена минуту назад. Он обхватил обеими руками стакан с бренди, поднял его и опорожнил одним глотком. Причмокнул губами, судорожно сглотнул — и с размаха припечатал стакан к столу, так что подпрыгнула вся остальная посуда.

Вытерев рот тыльной стороной ладони, чуть при этом не подавившись рукавом своей новой красной плисовой куртки, он оглядел маленькую, освещенную свечами комнату. В глазах у него заребило. Он обидчиво помотал головой и, упершись руками в стол, поднялся. Пристально поглядев на женщину, нерешительно улыбнулся.

— Пандора, я люблю тебя, — выговорив это, он почувствовал невыразимое облегчение.

— Хорошо, — промурлыкала она. — Так будет еще легче.

Тэллоу был слишком пьян, чтобы задуматься над тем, что она имеет в виду. Пошатываясь, он направился к ней. Она медленно и величественно встала из-за стола и пошла ему навстречу. Он обнял ее и поцеловал в шею, потому что, когда она стояла, выпрямившись во весь рост, он не мог дотянуться до ее уст. Она крепко прижалась к нему, провела рукой по спине, погладила по загривку. Другая ее рука поползла вниз по его бедру.

— О! — простонал он вдруг. — Кольцо царапается!

Пандора было надулась, потом улыбнулась и сняла кольцо. Тэллоу запутался в своих узких брюках из черного бархата, торопясь остаться нагишом.

— Не пойди ли нам в постель? — предложила Пандора в самый подходящий момент.

— Конечно, — от всей души согласился Тэллоу. — Конечно.

Пандора вывела его из столовой, и по лестнице они поднялись навстречу, в ее спальню.

Пролетела неделя, постельная неделя, утомительная и восхитительная. Пандора, помимо всего прочего, научила Тэллоу чувствовать себя мужчиной, — мужчиной, который, кстати сказать, научился доставлять наслаждение Пандоре. За ту неделю он усвоил и кое-что еще, и теперь мог достаточно твердо управлять своими эмоциями, сдерживать вожделение и экстаз во имя большего удовольствия.

Тэллоу лежал в постели рядом со спящей Пандорой и тихонько стаскивал с нее простыню, которой она укрылась. Он никак не мог насмотреться на нее вот такую — обнаженную и беззащитную. По правде сказать, беззащитным чаще всего оказывался он, однако Пандора была женщиной и знала, как правильно пользоваться своим главенствующим положением. Тэллоу был доволен жизнью и любил Пандору все сильнее. Она редко сдавалась на его милость и редко о чем-нибудь умоляла, но тем ценнее были такие моменты. Если бы не усталость, все было бы просто замечательно. А так... — Тэллоу дольше спал и занимался любовью уже не столь пылко, хотя и приобрел немалый опыт. Но все равно — он был доволен жизнью, он был счастлив. Иногда Пандора, сама того не ведая, сердила его, и ему становилось грустно, однако радость всегда превозмогала печаль.

Он только-только обнажил ее грудь, как она проснулась. Моргнув спросонья, она широко открыла глаза, поглядела на него, потом на себя и кошачьим движением натянула простыню до подбородка. Тэллоу неодобрительно заворчал, приподнялся, опершись на локоть, подпер голову ладонью и посмотрел на Пандору сверху вниз.

— С добрым утром, — сказал он. В его голосе слышался деланный уприск.

— Здравствуй, Джефрам, — она улыбнулась как-то по-девичьи, возбудив в нем нежность и желание. Он навалился на нее, расшвыривая простыни. Она засмеялась, потом судорожно вздохнула, застыла на несколько секунд — и поцеловала его.

— Я того заслужила, правда? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Правда, — он скатился с нее и сел.

— Я нужна тебе, да? — спросила она, обращаясь к его спине.

— Да, — ответил он и тут же подумал: а не поторопился ли с ответом? Не успев как следует додумать эту мысль, он произнес:

— По крайней мере мне так кажется.

Ее голос оставался все таким же ласковым:

— Что ты хочешь сказать — тебе кажется?

— Прости, — он повернулся к ней лицом, — прости, сам не знаю, что я имел в виду.

Она нахмурилась и легла поудобнее.

— Я тоже не знаю, — проговорила она, — и не могу понять. Так что же ты имел в виду?

— Я же сказал тебе, — отозвался он, мысленно обозвав себя глупцом, — не знаю.

Она легла на бок, лицом к стене.

— Одно из двух: или я нужна тебе, или нет.

— Увы, не все так просто, вздохнул Тэллоу. — Ты нужна мне и не нужна. В разное время — по-разному.

Да, именно так, подумал он. Наконец-то он осознал то, о чем и не догадывался раньше.

Она промолчала.

— Такова жизнь, Пандора, — сказал он, чувствуя, что пора остановиться. — Ты же знаешь, что такова жизнь.

— Одной любви мало, — пробормотал он, запинаясь и ощущая себя ничтожеством.

— Разве? — ее голос прозвучал глухо и холодно.

— Да! — воскликнул он. Гнев придал ему сил. Он встал, натянул одежду, подошел к окну и резким движением раздернул шторы. На улице лил дождь. В отдалении виднелась река. Постояв немного у окна, Тэллоу обернулся. Пандора по-прежнему лежала лицом к стене.

Он вышел из спальни и направился в ванную. На душе у него было скверно, но причины этому он никак не мог доискаться. Он знал, что поступил неправильно, знал, что ему не следовало так обращаться с Пандорой, но рад был, что разговор состоялся.

Пол холодил босые ноги. По крыше барабанил дождь. День выдался серый и безрадостный — под стать состоянию Тэллоу.

За завтраком Пандора держалась весело и непринужденно и ни словом не напомнила ему об утренней размолвке.

— Чем мы сегодня займемся, Джефраим? — спросила она, ставя на стол свою кофейную чашку.

Не успев собраться с мыслями, Тэллоу выпалил первое, что пришло ему в голову:

— Прокатимся верхом! Вот чем мы займемся! У тебя ведь есть лошади, я видел.

— Разумеется, есть, но ты разве сдишь верхом?

— Нет! — ухмыльнулся он. — Я не умею, любимая, но я научусь!

— Конечно, научишься! — ей передалось его настроение. — Но на улице дождь.

— Ну и дьявол с ним! Он нам не мешает. Идем, любовь моя! По коням!

Вприпрыжку, как дурачок, он выбежал из столовой. Пандора, смеясь, последовала за ним.

Они проехали весь день, спешиваясь, когда выглядывало солнце, чтобы перекусить и заняться любовью. Часа два промучавшись, Тэллоу в конце концов припоровился к своей кобылке. Он быстро все схватывал. С той ночи, когда он видел ладью, он многому научился. Его свободный от предрассудков мозг с жадностью впитывал все новое.

Они провели день в седле, они смеялись и любили друг друга, забыв обо всем на свете, — Тэллоу, худой и длинноногий, на гнемой кобылке, и Пандора, изящная и пенасытная Пандора, иногда веселая, чаще загадочная.

Они ускакали довольно далеко и под вечер выехали на берег реки в том месте, которое Тэллоу миновал неделю назад, посапывая у руля. Они поднялись на холм и, бездыханные и довольные, пали друг другу в объятия, прильнули один к другому и опустились на песок, не замечая ничего вокруг.

— Твоя река, — прошептала Пандора, немного успокоившись. — Я всегда буду думать о ней так. Я привыкла считать ее своей, но теперь я знаю, что она твоя.

Тэллоу удивился.

— Река ничья, и в том ее прелесть. Ничья.

— Нет, — возразила Пандора, — она твоя, твоя.

— Не может того быть, милая, — убеждал он. — По ней плавают, в ней купаются, из нее пьют все, кому вздумается. На то она и река.

— Наверно, — пехотя согласилась она. — Наверно, но я всегда буду думать о ней по-другому. Для меня она — твоя жизнь.

— Однажды я подарю ее тебе, любимая, — улынулся он и сказал правду, хотя и не подозревал о том.

Он поглядел на реку и вдруг увидел золотую ладью, величественно скользящую по течению. Он обернулся к Пандоре.

— Смотри! — крикнул он взволнованно. — Убедись сама, что я тогда не шутил. Вон золотая ладья!

Но ладьи на реке уже не было. Она пропала. Пандора встала и направилась к лошадям.

— Вечно ты все портишь, — укорила она. — Тебе обязательно надо, чтобы я беспокоилась.

В молчании они поехали домой, и всю дорогу Тэллоу размышлял о ладье и о Пандоре.

Поздним вечером того дня, так и не помирившись, они сидели у камина в столовой, мрачно потягивая вино. Пандора отпускала язвительные замечания, Тэллоу смятенно думал о том, так ли недостижимо то, чего он хочет. С улицы донесся шум. Тэллоу выглянул в окно. Было темно, и многого он не разглядел. Мерцали факелы, метались тени, слышалось повизгивание и смех. Тэллоу понял, что к их дому направляется подвыпившая компания. Он был им рад.

— Гости, — сообщил он. — Гуляки.

— Я не хочу никого видеть.

— Почему? Все веселес...

— Заткнись! — Бросила она.

Вздыхнув, он отправился вниз, в темный, холодный, открытый всем ветрам холл. Еще на лестнице он услышал стук в дверь.

— Эй, есть тут кто?

— Приглашаем раздавить бутылочку!

Громкий смех.

Тэллоу распахнул дверь и встал на пороге, глядя на незваных гостей. Ему было не по себе. Они являли собой какую-то угрозу, определить которую он затруднялся.

— Добрый вечер, — сказал он неприветливо.

— Добрый вечер, мой дорогой сэр, добрый вечер! — возгласил дородный, вычурно одетый мужчина. На нем был плащ, сапоги до колен и высокий цилиндр; в руке он держал отделанную серебром трость. Ухмыльнувшись, он театральную поклонился.

— Чем могу служить? — осведомился Тэллоу, заранее подбирая в уме слова вежливого отказа.

— Мы заблудились, — мужчина еле стоял на ногах. Он качнулся вперед и пристально уставился на Тэллоу. От него сильно пахло алкоголем. — Мы заблудились и не знаем, куда идти. Пустите нас переночевать.

— Дом принадлежит не мне, — сказал Тэллоу. — Надо

спросить у хозяйки. Да вы заходите, заходите. Как вас занесло в эту даль?

— Лодкой...лодками... было много лодок и было весело... пока мы не заблудились.

— Подождите, — Тэллоу поднялся наверх, в столовую. Пандора все еще дулась.

— Кто там? — спросила она раздраженно. — Скажи им, пусть убираются, и пойдем спать.

— Хорошо, милая, — к Тэллоу вернулось его дневное настроение. Сам не зная зачем, он прибавил: — Мы не можем их прогнать, они заблудились. Пусть их ночуют. Вряд ли они нам не помешают, правда?

— Пожалуй, мне следует повидать их, Джефраим, — Пандора поднялась и поцеловала его. Вместе, рука об руку, они спустились в холл.

Факелы гостей отбрасывали на стены причудливые тени; обширный холл, казалось, превратился в преддверие ада. Завидев Пандору, толстяк, с которым разговаривал Тэллоу, плотоядно ухмыльнулся ей.

— Хозяйка дома! — крикнул он своим приятелям. Те неуверенно засмеялись, явно смущенные его поведением. Гулкое эхо, отразившись от потолка, многократно усилило их смех.

Пандора сказала вежливо:

— Если хотите, можете у нас переночевать. Постелей хватит на всех.

Она повернулась, собираясь идти наверх.

— Постелей!

Подгулявшая компания принялась на все лады повторять слово:

— Постели. Постели. Постели.

Вскоре уже невозможно стало разобрать, что они там бормочут, да к тому же они то и дело раздражались визгливым смехом. Пандора с Тэллоу глядели на них.

— Зажги-ка свет, Джефраим, — сказала она.

Пожав плечами, Тэллоу взял у одного из членов компании факел и пошел в обход зала, зажигая свечи. В холле стало светлым-светло. Опять послышалось хихиканье. Посреди холла стоял длинный стол, у стен рядами выстроились стулья.

Тэллоу впервые ощутил в этом помещении при свете. Он увидел, что кругом грязь, краска облупилась, на стенах и на потолке пятнами проступает плесень. Он передернул плечами и хотел было идти наверх, но Пандора положила руку ему на плечо.

— Побудем немножко, — сказала она.

Вот так пироги, подумал он угрюмо, коря себя за то, что предложил принять незваных гостей. Изнеженные, избалованные, эти люди принадлежали к совсем иному кругу. Изысканные, хрупкие женщины и тучные мужчины с пустыми глазами — все они скользили по поверхности жизни, не веря в воспринятые под принуждением ценности и страшась избрать другие, успокаивая себя мыслью, что живут полнокровно. Тэллоу жалел их и одновременно презирал. Каждая секунда их пребывания в доме вынуждала его все сильнее замыкаться в себе, все глубже погружаться в мрачную пучину своей собственной души.

Отсутствующим взглядом следил он за тем, как выставлялись на стол бутылки, как подошла к гулякам и растворилась среди них Пандора. Ему стало страшно, но тело его отказывалось повиноваться рассудку. Он застыл как вкопанный на лестнице, не в силах ни уйти, ни присоединиться к компании. Во все стороны полетела одежда; Тэллоу увидел, как взвились в воздух голубое платье и черная накидка. Коляхались толстые животы, болтались из стороны в сторону обнаженные груди, и темные волосы отчетливо выделялись на фоне нездоровой белизны плоти. Тэллоу стало дурно. Ноги сами повлекли его наверх, в спальню. Он потерял себя, однако боль от потери Пандоры и от пережитого унижения была еще острее. С рыданьем он бросился на кровать. Эмоции погребли под собой мысли; не осталось ничего, кроме всепоглощающей жалости к самому себе.

Он долго лежал так, слушая, как бешено стучит в висках кровь, потом забылся недолгим сном. Проснувшись, он ощутил необъяснимое спокойствие. Он понял, что поступил неправильно, что едва не погубил себя, променяв золотую ладью на любовь Пандоры — или на свою любовь к Пандоре. Он слишком долго здесь оставался. Надо продолжать погоню; быть может, ему все-таки улыбнется удача. Таков его удел, его участь, его судьба — преследовать золотую ладью, везде и всюду, куда бы она ни заплыла, избегая всех и всяческих соблазнов.

Взяв из шкафа длинный шерстяной плащ, Тэллоу набросил его на плечи. Ему не хотелось проходить через холл, по другому выхода из дома не было. Спустившись вниз, он остановился в изумлении.

Посреди зала возвышалась груда плоти — чистой и грязной, нежной и грубой. Руки и ноги переплетались под самыми невообразимыми углами. Чья-то рука словно выра-

стала прямо из розовых ягодиц; из-под ног торчали носы, из-под гепиталий таращились глаза, лица упирались в животы, а груди — в пятки. Сцена эта не вызвала у Тэллоу отвращения, но поразила его. Удивительнее всего было наблюдать за рукой, что покачивалась над вибрирующей горой человеческой плоти. Рука сжимала бокал с вином; пальцы ее заканчивались ярко-красными ногтями. То и дело рука исчезала в куче и возникала снова, вздымая в воздух бокал, в котором оставалось все меньше вина. Тэллоу судорожно сглотнул, отказываясь верить собственным глазам. В душе пробудилась прежняя горечь. На цыпочках он обошел кучу и распахнул дверь.

— Спокойной ночи, Пандора, — сказал он.

Рука с бокалом шевельнулась.

— Спокойной ночи, Джефраим. Я скоро приду.

Голос прозвучал глухо и невнятно; в нем слышалась наигранная веселость, что было вовсе не похоже на Пандору. Она бывала всякой — счастливой, печальной, обеспокоенной, но никогда не притворялась.

— Не торопись, Пандора, — крикнул он и выскочил в дождливую ночь. Не оглядываясь, он опрометью бросился бежать по песчаной дорожке к реке. Он убегал от того, что гнездились глубоко внутри него, что разрушало его, чему он не мог противостоять. Так Тэллоу бежал.

Его лодка по-прежнему сидела на мели. Тэллоу обескураженно поглядел на нее, пожал плечами, снял плащ и опустил ноги в холодную темную воду. Вздрыгнул, но стиснул зубы и пересилил себя. Добравшись по мелководью до суденышка, он подтянулся на руках и перебросил свое тело через борт; отыскав ковш, он принялся вычерпывать воду.

Покончив с этим, он прыгнул обратно в реку и медленно обошел вокруг лодки, пытаясь что-нибудь разглядеть в слабом лунном свете. Потом уперся плечом в руль и сильно толкнул. Лодка слегка шевельнулась. Тэллоу ухватился за левый борт и принялся раскачивать суденышко, чтобы освободить киль от песка.

Через три часа лодка соскользнула с мели. Изнемогая от усталости, Тэллоу забрался в нее и улегся на мокрые бабки. Глаза у него закрывались. Услышав какой-то шум на берегу, он встрепенулся. Вглядевшись во мрак, он увидел женщину, а присмотревшись, узнал в ней Пандору. Ее волосы растрепались, она куталась в темный мужской плащ.

— Джефраим, — позвала она, — прости меня. Я не знаю, что на меня нашло.

Тэллоу, ощущая тяжесть в сердце и пустоту в голове, ответил:

— Забудем, Пандора. Все равно я уплываю.

— Из-за того? — она показала на дом.

— Нет, — проговорил он медленно, — по крайней мере не только из-за того. То, что случилось там, лишь помогло мне решиться.

— Возьми меня с собой, — жалобно попросила она. — Я буду повиноваться тебе во всем.

Он встревожился.

— Не надо, Пандора, не роняй себя в моих глазах.

Он развернул парус.

— Прощай!

Вдруг Пандора бросилась в воду и схватилась за борт лодки. Отчаяние придало ей сил; она сумела забраться внутрь.

— Уходи, Пандора! — крикнул он, видя в ней крах всех надежд и мечтаний. — Уходи! Уходи! Иначе ты погубишь меня и себя!

Она подползла к нему и скорчилась у его ног. В ней не осталось и следа былой гордости.

— Возьми меня, — простонала она.

Лодка быстро удалялась от берега и вышла уже на середину течения.

— О Боже! — воскликнул он. — Не заставляй меня, Пандора. Мне надо догнать ладью.

— Конечно, Джефраим, милый. Только возьми меня с собой.

Слезы ручейками бежали по его лицу, он тяжело дышал, мысли путались. Он корчился под напором доброго десятка чувств, выкрикивая нечто нечленораздельное.

Но ее покорность доконала его, и он сдался. Он опустился на колени рядом с ней, обнял ее мокрые плечи и разделил с ней ее горе. Так, обнявшись, в страхе и смятении, они заснули.

Пришел рассвет — ясный, безоблачный, жестокий. У Тэллоу от света заболели глаза. Пандора еще спала, но вот-вот должна была проснуться. Когда она, вздохнув, начала пробуждаться, ему внезапно стало нестерпимо жаль ее. Он поглядел вперед, туда, где синева реки сливалась с горизонтом. Ему показалось, там что-то блеснуло.

Тэллоу решил. Сейчас или никогда. Он взял Пандору на руки. Она ласково улыбнулась ему во сне. Он отстранил ее от себя и швырнул в реку.

Проснувшись и поняв, что случилось, она дико закричала

Странный сад Фелипе Саджиттариуса

Было тихо и тепло. Яркое солнце сияло в голубом небе над развалинами Берлина. Я карабкался по кучам поросшего бурьяном кирпича и обломкам бетона, направляясь расследовать убийство неизвестного, которое произошло в саду шефа полиции Бисмарка.

Меня зовут Минос Аквилинас, я — старший метатемпоральный следователь Европы, и я знал, что эта работенка будет не из легких.

Не просите меня назвать место или дату. Я не интересуюсь такими вещами, они меня только пугают. Я полагаюсь на инстинкт — выигрываю или проигрываю.

Я получил всю имеющуюся у них информацию. Уже произведено вскрытие. Ничего необычного — кроме того, что у убитого были одноразовые бумажные легки. Это могло пролить некоторый свет на его происхождение. Насколько мне было известно, до сих пор бумажными легкими пользовались в Риме. А что мог делать римлянин в Берлине? Почему его убили в саду шефа полиции Бисмарка? Мне было сказано, что его задушили. Задушить человека с бумажными легкими нетрудно, здесь много времени не требуется. Гораздо труднее ответить на вопрос, кто и почему это сделал.

От развалин до дома идти пришлось довольно далеко. Вокруг были одни камни, и лишь иногда попадались столбики — все, что осталось от рейхстага, Бранденбургских ворот, музея Брехта и других не менее известных мест. Остановившись, я прислонился к единственной уцелевшей стене дома, снял пиджак и ослабил узел галстука, потом вытер лоб и шею носовым платком и закурил.

В тени стены было не так жарко, и когда я собрался продолжить путь, мне было уже полегче. Вскрабкавшись на большую кучу кирпича, поросшего голубыми цветочками, я увидел сверху дом Бисмарка. Дом, построенный из тяжелого мрамора с черными прожилками в столь популярном смешанном стиле, представлял собой нечто среднее между дворцом Валгалла и чертогами Олимпа. Перед ним раскинулась ровная зеленая лужайка, а за ним — сад, окруженный такой

высокой стеной, что я, хотя и смотрел сверху, мог разглядеть только листья деревьев. Толстые коринфские колонны у входа венчал фасад с барельефами, на которых мужи в рогатых шлемах с одинаковой легкостью расправлялись с драконами и друг с другом.

Я спустился к лужайке, пересек ее и, поднявшись по ступням, очутился у парадных дверей. Это были большие, тяжелые двери, мне они показались бронзовыми, так много накладок украшало их. На накладках красовались безбородые всадники в каких-то изысканных доспехах, вооруженные двуручными мечами. В руках у некоторых были копья и топоры. Я позвонил.

Ждать пришлось довольно долго, и я успел внимательно рассмотреть весь декор. Наконец дверь распахнулась, и старик в костюме полувоспитанного образца, с трудом державшийся прямо, вопросительно взглянул на меня, приподняв белую бровь.

Я назвал свое имя, и он проводил меня в холодный темный зал, заполненный разного рода оружием, тем самым, что я видел в руках воинов на барельефах. Он открыл правую створку двери и попросил меня подождать здесь. Комната, где я оказался, была заполнена кожей и железом: оружие на стенах и кожаная мебель на ковре.

Толстые бархатные портьеры были отдернуты, и я, встав у окна, посмотрел на безмолвные руины. Выкурив еще одну сигару, я воткнул окурочек в цветочный горшок и снова надел пиджак.

Старик вернулся и повел меня через зал, потом мы поднялись на один пролет широкой лестницы и вошли в огромную, уже не столь захлавленную комнату, где и находился тот, к кому я пришел.

Он стоял посреди ковра. На нем был затейливо украшенный шлем с шишаком на макушке, темно-синий мундир со знаками различия, золотые с черным эполеты и начищенные до блеска сапоги со стальными шпорами. На вид ему было лет семьдесят, и выглядел он очень крепким. У него были кустистые седые брови и большие тщательно расчесанные усы. Когда я вошел, он прокричал что-то и вытянул вперед руку, указывая на меня.

— Герр Аквиллас. Я — Отто фон Бисмарк, начальник берлинской полиции.

Я пожал протянутую руку. Если говорить точнее, он пожал мою, встряхнув меня всего.

— Хорошенькое дело, — заметил я. — Убийство

происходит в саду человека, который призван убийства предотвращать.

Вероятно, у него были парализованы или повреждены мышцы лица, потому что, даже когда он говорил, они почти не шевелились, в остальное же время лицо оставалось совершенно неподвижным.

— Именно так, — сказал он. — Мы, конечно, не хотели вас вызывать. Но, насколько я понимаю, это ваша специальность.

— Возможно. Тело еще здесь?

— В кухне. Там производили вскрытие. У него были бумажные легкие, вы знаете?

— Знаю. Итак, если я правильно понял, вы ночью ничего не слышали...

— О, нет, я слышал — лаяли мои волкодавы. Один из слуг пошел посмотреть, в чем дело, но ничего не обнаружил.

— Вы можете назвать время.

— Время?

— Когда это было?

— Около двух ночи.

— Когда нашли тело?

— Около десяти — его обнаружил садовник в винограднике.

— Хорошо. Давайте взглянем на тело, а потом поговорим с садовником.

Он повел меня на кухню. Одно из окон было открыто. Оно выходило в роскошный сад, поросший высоким кустарником самых разных оттенков. Из сада тянуло пьянящим ароматом. У меня закружилась голова. Я повернулся и увидел накрытое простыней тело, лежащее на выскобленном кухонном столе, покрытом простыней.

Я отдернул простыню. Передо мной лежало обнаженное тело, старое, но сильное, очень смуглое. Большая голова, густые черные усы, сразу бросающиеся в глаза. Трудно было представить, каким было это тело раньше, когда принадлежало живому человеку. На горле были видны следы удушья, распухшие кисти, предплечья и лодыжки говорили о том, что жертва не так давно была связана. Спереди был виден разрез, сделанный при вскрытии и зашитый очень небрежно.

— А одежда? — спросил я начальника полиции.

Бисмарк покачал головой и показал на стул, стоящий позади стола.

— Вот все, что удалось найти.

На стуле лежали аккуратно сложенные бумажные легкие, слегка потрепанные. Эти одноразовые легкие — палка о двух концах. С одной стороны — можно курить, сколько хочешь, не боясь рака легких, но с другой — их следует регулярно менять. А это дорого, особенно в Риме, где, в отличие от других европейских городов-государств, государственная служба замены легких появилась лишь за несколько лет до войны, когда бумажные легкие были заменены более долговечными политэновыми. Рядом лежали наручные часы и пара рыжих туфель с длинными, загнутыми вверх носами.

Я взял одну из туфель. Сделано явно на Востоке. Потом я взглянул на часы. Часы были русские: тяжелые, старые и потускневшие. А вот ремешок из свиной кожи был новенький, и, если верить надписи, сделан был в Англии.

— Теперь мне понятно, почему обратились к нам, — сказал я.

— Да, были некоторые странности, — признал Бисмарк.

— Я могу поговорить с садовником, который нашел его? Бисмарк подошел к окну и позвал:

— Фелипе!

Листья будто сами по себе раздвинулись, и в образовавшемся проеме появился высокий молодой человек с темными волосами и длинным, бледным лицом. В руке он держал изящную лейку. На нем была зеленая рубашка со стоячим воротничком и такого же цвета брюки.

Мы смотрели друг на друга через оконное стекло.

— Это мой садовник, Фелипе Саджиттариус, — сказал Бисмарк.

Саджиттариус поклонился. Его глаза смеялись, но Бисмарк, как мне показалось, этого не заметил.

— Вы можете показать, где нашли тело? — спросил я.

— Конечно, — ответил Саджиттариус.

— Я подожду здесь, — сказал Бисмарк, увидев, что я направился к двери.

— О, кэй. — Я спустился в сад и последовал за Саджиттариусом. И снова мне показалось, что кусты раздвинулись сами собой.

В саду по-прежнему стоял густой эротический аромат. Среди темной, мясистой листвы виднелись вишневые, пурпурные и синие цветки каких-то растений, нигде попадались ярко-желтые и розовые.

Трава, по которой я ступал, казалось, ползла под моими

ногами; а странные очертания деревьев и кустарников дополняли неприятное ощущение, и я подумал, что этот сад — место, явно не подходящее для отдыха.

— Это все ваша работа, Саджиттариус? — спросил я.

Он кивнул не останавливаясь.

— Оригинально, — заметил я. — Никогда не видел такого.

Тут Саджиттариус обернулся и показал большим пальцем назад.

— Вот это место.

Мы стояли на небольшой полянке, почти полностью окруженной решеткой, увитой толстыми виноградными лозами. Я заметил, что в дальнем углу оборваны несколько лоз и проломана решетка. Я догадался, что это следы борьбы. Я все никак не мог понять, почему убийца развязал жертву, прежде чем ее задушить. А получалось, что было именно так — иначе никакой борьбы не было бы. Я осмотрел место, но не обнаружил никаких других следов. Сквозь проломанное в решетке отверстие я увидел маленький летний домик, выстроенный в китайском стиле, он весь блестел красным, желтым и черным лаком, а местами — позолотой. Домик никак не вязался с архитектурой главного дома.

— Что это? — спросил я садовника.

— Ничего, — угрюмо ответил тот, явно недовольный тем, что я увидел.

— Я все-таки взгляну.

Он пожал плечами, но проводить меня не предложил. Пройдя между решеток, я подошел к домику. Саджиттариус не торопясь следовал за мной. Поднявшись по деревянным ступенькам на веранду, я толкнул дверь. Она открылась, и я вошел. Домик состоял всего из одной комнаты — спальни. Постель была не убрана. Судя по ее виду, обитатели покидали домик в большой спешке. Из-под подушки торчали нейлоновые чулки, а на полу валялись мужские кальсоны. Простыни были белоснежные, мебель — восточная, очень богатая.

Саджиттариус стоял в проеме двери.

— Ваш домик? — поинтересовался я.

— Нет. — Его голос звучал оскорбленно. — Начальника полиции.

Я ухмыльнулся.

Саджиттариус ударился в пространные объяснения.

— Томительные запахи, опасность, исходящая от растений, тяжелый воздух сада — все это, без сомнения, может

возбудить и человека более старшего возраста. Это единственное место, где он может расслабиться. Потому он меня и держит, потому дает мне полную свободу действий.

— А это, — спросил я, указывая на постель, — связано как-то с тем, что произошло прошлой ночью?

— Может, он и был здесь, когда это случилось, но я... — Саджиттариус покачал головой, и я спросил себя, не намекает ли он на что-то, что я упустил.

Увидев на полу какой-то предмет, я наклонился и поднял его. Это была подвеска с выгравированными готическим шрифтом инициалами Е.Б.

— Кто эта Е.Б.? — спросил я.

— Меня интересует только сад, господин Аквилинас, — я не знаю, кто она.

Я выглянул в странный сад.

— Почему это вас интересует, для чего все это? Вы ведь делаете это не по его приказу, правда? Вы делаете это по собственному желанию, — мрачно улыбнулся Саджиттариус.

— Вы прощительны.

Он помахал рукой теплым листьям, больше напоминавшим рептилий, но чем-то — и млекопитающих.

— Вы знаете, что я там вижу? Я вижу глубоководные впадины, где в молчании зеленоватых сумерек плавают затонувшие подводные лодки, к которым тянутся щупальца хищников, полурыв-полурастений, под взглядами покойников-водяных; где моллюски и скаты сражаются в грациозном танце смерти, пятна черной краски, смешиваясь с пятнами алой крови, поднимаются на поверхность на радость акулам. Моряки с проплывающих мимо кораблей будут сходить с ума, бросаться за борт, стремясь к далеким существам-растениям, уже пирующим на останках моллюсков и скатов. Это мир, который я могу перенести на землю — и это моя мечта. — Он взглянул на меня, помолчал и промолвил: — Это как гигантский аквариум!

Вернувшись в дом, я обнаружил, что Бисмарк возвратился обратно в свою комнату. Он сидел в бархатном кресле. Из незаметного для постороннего глаза магнитофона лилась музыка. Это был — всего-навсего — струнный квартет Равеля.

— А Вагнера у вас случайно нет? — поинтересовался я и тут же перешел в наступление: — Кто такая Е.Б.?

— Потом, — сказал он. — Сейчас на ваши вопросы ответит мой помощник, он должен ждать на улице.

Возле дома был припаркован автомобиль. Это был помятый «фольксваген». Внутри видел одетый в аккуратную военную форму человек, ниже-среднего роста, с маленькой щеточкой усов и падающей на лоб непослушной прядью темных волос. Руки, сжимающие трость, были затянуты в черные перчатки. Увидев меня, он улыбнулся, сказал: «Ага» — и проворно выбрался из машины. Слегка поклонившись, он пожал мне руку.

— Адольф Гитлер, — представился он. — Капитан военной сыскной полиции Двенадцатого округа. Начальник полиции Бисмарк прислал меня в ваше распоряжение.

— Рад слышать. Что вы о нем знаете?

Гитлер открыл мне дверцу, и я уселся в машину. Он обошел с другой стороны и влез на место водителя.

— О шефе? Гитлер покачал головой. — Он как-то далек от меня. Я недостаточно хорошо его знаю — нас разделяют несколько званий. Обычно я получаю приказы не от него лично. А на этот раз он захотел сам меня увидеть и дать задание.

— Что это было за задание?

— Просто помочь вам в расследовании.

— Расследовать особенно нечего. Насколько я понимаю, вы полностью верны своему шефу?

— Конечно, — Гитлер выглядел озадаченным. Он завел машину, и мы тронулись по аллее к выходу, миновали ворота и поехали по ровной белой дороге, по сторонам которой громоздились гигантские валуны.

— У убитого были бумажные легкие? — спросил он.

— Да. Он, вероятно, из Рима. Он чем-то напоминает итальянца.

— Или еврея, да?

— Не думаю. Почему вам так показалось?

— Русские часы, восточные туфли, нос. Нос у него здоровый. И вы знаете, в Москве еще пользуются бумажными легкими.

Его доводы показались мне немного странными, но я не стал возражать. Мы завернули за угол и оказались в жилом квартале, где еще сохранилось множество зданий. Я заметил в подвале одного из них бар.

— Может, зайдём? — спросил я. — Сюда? — мои слова, казалось, удивили или даже испугали его.

— А почему бы и нет?

Он остановил машину, и мы спустились в бар. В баре пела

девушка. Это была пухленькая брюнетка с приятным негромким голосом. Она пела по-английски, и я уловил припев:

*Мы не грустны, а веселы,
И Стив не вспоминается.
Ведь Стив в тюрьме повесился,
А Джон с другой встречается.*

Это был последний в Англиихит. Мы заказали пиво. Мне показалось, что бармен хорошо знает моего спутника, потому что он засмеялся, хлопнул Гитлера по плечу и не взял с нас денег за пиво. Гитлер был смущен.

— Кто это? — спросил я.

— О, его зовут Вайль. Я его немного знаю.

— Судя по всему, не так уж немного.

Гитлер с несчастным видом расстегнул свой форменный китель, сдвинул на затылок фуражку и безуспешно попытался откинуть назад непослушную прядь волос. Он казался печальным, маленьким человечком, и я почувствовал, что моя манера задавать вопросы здесь, видимо, неуместна. Я допил пиво и стал наблюдать за певицей. Гитлер сидел к ней спиной, но я заметил, что она все время на него смотрит.

— Что вы знаете об этом Саджиттариусе? — спросил я.

Гитлер пожал плечами.

— Очень мало.

Вайль снова возник за стойкой и предложил еще пива. Мы отказались.

— Саджиттариус? — живо заговорил Вайль. — Вы говорите об этом психе?

— А он псих, да? — заинтересовался я.

— Это несправедливо, Курт, — запротестовал Гитлер. — Он способный человек, биолог...

— Которого выгнали с работы, потому что он сумасшедший!

— Не будь злым, Курт, — неодобрительно заметил Гитлер. — Он изучал потенциальную чувствительность растений. Совершенно нормальное направление в научных исследованиях.

Из угла послышался чей-то презрительный смех. Это был какой-то взлохмаченный старик. Он сидел один за столом, перед ним стоял стакан шнапса.

Вайль указал на него.

— Спросите Альберта. Он разбирается в науке.

Гитлер усталился в пол, поджав губы.

— Он — обыкновенный старый учитель математики, причем озлобленный. И просто завидует Фелипе, — добавил он тихо, чтобы старик не смог его услышать.

— Кто он? — спросил я Вайля.

— Альберт? Очень талантливый человек. Он просто не получил признания, которого заслуживает. Хотите с ним познакомиться?

Но вздохмаченный человек уже уходил. Он помахал рукой Гитлеру и Вайлю.

— Курт, капитан Гитлер, добрый день.

— Здравствуйте, доктор Эйнштейн, — пробормотал Гитлер и повернулся ко мне. — Куда вы теперь хотите поехать?

— Думаю, надо пройти по ювелирным магазинам, — ответил я, ощупывая подвеску, лежавшую у меня в кармане. — Я, конечно, могу и ошибаться, но это единственный путь, который я вижу в данный момент.

Мы отправились по ювелирным магазинам. Приближались сумерки, а мы пока отнюдь не приблизились к разгадке тайны подвески. Я решил, что завтра придется просто вытрясти тайну из Бисмарка, хотя понимал, что это будет нелегко. Вряд ли он захочет отвечать на мои весьма личные вопросы.

Гитлер посадил меня возле участка, где для камеру меня переделали в спальню.

Я сидел на жесткой постели, курил и думал. Я уже собирался раздеться и лечь, как вдруг подумал о баре, в котором мы были. Я был уверен, что там кто-нибудь сможет мне помочь. Поддавшись порыву, я выскочил на пустынную улицу. Жара еще не спала, небо затянуло тяжелыми облаками. Похоже было, что приближается гроза.

Я сел в каб и вернулся в бар. Он был еще открыт.

Вайль уже не стоял за стойкой — он играл на аккордеоне, аккомпанируя той же певице. Когда я вошел, он кивнул мне. Я облокотился на стойку и заказал пива.

Закончив выступление, Вайль отстегнул аккордеон и подошел ко мне. Девушка последовала за ним.

— Вы без Адольфа? — спросил он.

— Он поехал домой. Он ведь ваш хороший друг, да?

— О, мы познакомились много лет назад в Австрии. Вы знаете, он славный человек. Ему не следовало идти работать в полицию, он слишком мягок.

— И мне так показалось. Почему же он все-таки пошел туда?

Вайль улыбнулся и покачал головой. Это был худой невысокий человек в массивных очках. У него был большой чувственный рот.

— Возможно, чувство долга. У него невероятно развито чувство долга. К тому же он необычайно религиозен — фанатичный католик. Мне кажется, это давит на психику. Вы ведь знаете этих выкрестов, они ничему не верят, постоянно терзаются сомнениями. Я еще ни разу не встречал счастливого новообращенного католика.

— По-моему, он не любит евреев.

Вайль нахмурился.

— Не любит? Я никогда не замечал. Многие его друзья — евреи. Я — еврей, да и Саджиттариус тоже.

— А Саджиттариус его друг?

— Ну, скорее знакомый. Я видел их вместе пару раз.

Снаружи раздались раскаты грома... Потом начался дождь.

Вайль подошел к двери и начал опускать штору. Сквозь шум грозы я услышал другой звук, страшный, металлический, скрежещущий звук.

— Что это? — спросил я.

Вайль покачал головой и вернулся к стойке. Бар уже опустел.

— Я посмотрю, — сказал я.

Подойдя к двери, я открыл ее и поднялся вверх по ступенькам. В свете стремительных синих молний, напоминавших оружейный огонь, я увидел гигантского металлического монстра величиной с высокое здание, марширующего среди развалин. Опираясь на свои четыре выдвижные ноги, он двигался под прямым углом к дороге. Из его огромного туловища и головы во всех направлениях торчали дула орудий. Время от времени в него ударяла молния, и тогда он издавал оглушительный лязг, напоминавший звон колокола, останавливался, чтобы выстрелить вверх, в источник молнии, и продолжал свой путь.

Я сбегал вниз по ступенькам и распахнул дверь. Вайль вытирал стойку. Я описал увиденное.

— Что это, Вайль?

Маленький человечек покачал головой.

— Не знаю. Видно, эту штуку бросили здесь завоеватели Берлина.

— Похоже, он был сделан здесь.

— Может, и здесь. В конце концов, кто завоевал Берлин?

Из задней комнаты послышался пронзительный женский крик.

Вайль выронил стакан и рванулся в комнату. Я последовал за ним. Он открыл дверь. В комнате было уютно. На столе, покрытом плотной темной скатертью, были соль и перец, лежали ножи и вилки. У окна стояло пианино. На полу лежала девушка.

— Ева! — выдохнул Вайль, опускаясь на колени рядом с телом.

Я еще раз внимательно оглядел комнату. На маленьком кофейном столике стоял цветок. Со стороны он напоминал кактус неприятного пятнисто-зеленого цвета, а сверху походил на змею, приготовившуюся к нападению, змею без глаз, без носа, но со ртом... Рот был на месте. Он открывался по мере моего приближения к цветку. Во рту росли зубы — или, если сказать точнее, шипы, расположенные подобно зубам. Одного зуба впереди не доставало. Этот шип я обнаружил в запястье девушки. Я не стал его вынимать.

— Она умерла, — тихо сказал Вайль, поднимаясь и оглядываясь. — Почему?

— Ее укусил вот этот ядовитый цветок, — объяснил я.

— Цветок...? Я должен вызвать полицию.

— Думаю, сейчас этого лучше не делать, — заметил я, уходя. Я знал, куда идти.

Дом Бисмарка — и странный сад Фелипе Саджиттариуса. Я весь промок, пока искал кэб. Я велел кэбмену гнать во весь опор.

Остановив кэб, не доехав до дома, я расплатился и пошел пешком через лужайку. Звонить я не стал, а влез в окно, воспользовавшись своим карманным алмазом.

Сверху слышались голоса. Я спешил на них и скоро нашел, откуда они доносились, — кабинет Бисмарка. Чуть приоткрыв дверь, я увидел Гитлера с пистолетом, направленным на Отто фон Бисмарка, все еще одетого в полную военную форму. Оба были бледны. Рука Гитлера тряслась, а Бисмарк тихонько стонал.

Перестав стонать, Бисмарк сказал умоляюще:

— Я не шантажировал Еву Браун, вы — болван, она любила меня.

Гитлер издал короткий, почти истерический смешок:

— Любила вас — толстого старика!

— Ей нравились толстые старики.

— Она была не такая. И вообще, кто это выдумал?

— Кое-что рассказал следователь. А полчаса назад мне позвонил Вайль и сказал, что Еву убили. Я считал Саджиттариуса своим другом. Я ошибался. Он — нанятый вами убийца.

— Ну, а я сегодня совершу свое убийство.

— Капитан Гитлер — я старше вас по званию!

По мере того как голос Бисмарка обретал уверенность, рука, державшая пистолет, теряла твердость. Я вдруг сообщил, что все это время тихо звучит музыка. По какому-то странному совпадению это был Пятый струнный квартет Бартока. Бисмарк пошевелил рукой.

— Вы ошибаетесь. Человек, которого вы наняли следить за Евой, когда она шла сюда прошлой ночью, — это же ее бывший любовник.

Губы Гитлера задрожали.

— Вы знали, — заметил Бисмарк.

— Подозревал.

— Вы знали и об опасностях, таящихся в саду, ведь Фелипе говорил вам. Его задушили виноградные лозы, когда он пробирался к летнему домику.

Рука, державшая пистолет, замерла. У Бисмарка был испуганный вид.

Он ткнул пальцем в Гитлера.

— Это вы убили его, а не я, — закричал он. — Вы послали его на верную смерть. Вы убили Сталина — из ревности. Вы надеялись, что он сначала убьет меня и Еву. У вас не хватило силы и решимости противостоять нам открыто!

Гитлер издал невнятный крик, схватил пистолет обеими руками и раз за разом стал нажимать на спусковой крючок. Несколько пуль не достигли цели, но одна из них попала в Железный Крест, пробила его и вошла в сердце. Бисмарк упал павзничь, мундир его лопнул, а шлем слетел с головы.

Я вбежал в комнату и отобрал пистолет у плачущего Гитлера. Осмотрев Бисмарка, я убедился, что он мертв. Я понял, почему лопнул мундир. Бисмарк носил корсет, и одна из пуль, видимо, задела шнурок. Это был тяжелый корсет, и удерживать ему приходилось большую массу.

Мне стало жаль Гитлера. Он продолжал рыдать, и я помог ему сесть. Он выглядел маленьким и несчастным.

— Что я наделал? — заикаясь бормотал он. — Что я наделал?

— Бисмарк послал этот цветок Еве Браун, чтобы заставить ее замолчать, когда понял, что я близок к разгадке? Гитлер кивнул, шмыгнув носом и снова заплакал.

Я взглянул на дверь. Там в нерешительности стоял человек.

Я положил пистолет на каминную доску.

Это был Саджиттариус.

Он кивнул мне.

— Гитлер только что застрелил Бисмарка, — объяснил я.

— Ясно, — сказал он.

— Бисмарк велел вам послать Еве Браун этот цветок, ведь так? — спросил я.

— Так. Красивый цветок — результат скрещивания обычного кактуса, «мухоловки Венеры», с розой, а яд — разумеется, кураре.

Гитлер встал и вышел из комнаты. Мы смотрели, как он выходит, все еще продолжая всхлипывать.

— Куда вы? — спросил я.

— На воздух, — ответил он, спускаясь по ступенькам.

— Подавление сексуальных желаний, — сказал Саджиттариус, усаживаясь в кресло и удобно пристраивая ноги на трупе Бисмарка. — Это бывает причиной стольких несчастий. Если бы только страсти, кипящие в душе человека, глубоко запрятанные желания, могли быть выпущены наружу, насколько улучшился бы мир.

— Возможно, — сказал я.

— Вы собираетесь кого-нибудь арестовать, герр Аквилинас?

— Моя работа заключается в том, чтобы написать отчет о расследовании, а не в том, чтобы кого-то арестовывать.

— А последствия?

Я засмеялся.

— Последствия всегда есть.

Из сада послышался какой-то необычный лающий звук.

— Что это? — спросил я. — Волкодавы?

Саджиттариус хихикнул.

— Нет-нет, боюсь, что это собачий цветок.

Я выскочил из комнаты и помчался вниз по лестнице в кухню. Труп, накрытый простыней, все еще лежал на столе. Я хотел открыть дверь в сад, но остановился и прижался лицом к оконному стеклу.

Весь сад двигался, как в каком-то возбужденном танце. Шумела листва, страшный запах стал совершенно не-

стерпимым, это чувствовалось даже при закрытых дверях.

Мне показалось, что я увидел фигуру человека, сражающегося с какими-то толстоствольными кустами. Я услышал рычание, звук разрываемой одежды, пронзительный крик и длинный протяжный стон.

Неожиданно все движение в саду прекратилось.

Я обернулся. Позади меня, сложив руки на груди и глядя в пол, стоял Саджиттариус.

— По-моему, ваш собачий цветок схватил его, — сказал я.

— Он знал меня — он знал сад.

— Может, самоубийство?

— Очень может быть. — Саджиттариус опустил руки и посмотрел на меня. — Вы знаете, он мне нравился. Он был чем-то вроде моего протеза. Если бы вы не вмешались, возможно, ничего бы этого не случилось. Если бы я направлял его, он мог бы пойти далеко.

— Найдете другого протеза, — сказал я.

— Будем надеяться.

Незаметно начало светлеть. Дождь уже только моросил, орошая страждущие от жажды листья.

— Вы собираетесь остаться здесь? — спросил я.

— Да, я должен работать в саду. Слуги Бисмарка позаботятся обо мне.

— Да уж конечно.

Я поднялся назад по ступенькам и вышел из дома в холодное, умытое дождем рассветное утро. Подняв воротник, я принялся не спеша карабкаться по кучам кирпича.

Гора

Два человека, последние из оставшихся в живых, вышли из лапландской хижины, в которую они забрались в поисках еды.

— Она была здесь до нас, — сказал Нильссон. — Похоже, она забрала все самое лучшее.

Халльнер пожал плечами. Он так долго видел еду только в очень маленьких количествах, что она перестала представлять для него интерес.

Он осмотрелся. Вокруг на сухой земле были разбросаны лапландские хижины из дерева и кож. Сушились ценные шкуры, лежали рога, оставленные для отбеливания, двери были не заперты, чтобы любой мог войти в брошенный дом.

Халльнер очень жалел лапландцев. Уж они-то никак не были повинны в катастрофе, их не интересовали войны, грабежи, соперничество. Но они, как и все, были вынуждены скрываться в убежищах и, как и все, погибли под бомбами от радиации или от удушья.

Они с Нильссоном находились на заброшенной метеостанции рядом с норвежской границей. Когда они смогли, наконец, починить радио, худшее уже произошло. Выпавшие радиоактивные осадки прикончили к этому времени племена в джунглях Индонезии, рабочих в отдаленных районах Китая, обитателей Скалистых гор, фермеров Шотландии. Только странные погодные условия, которые и явились одной из причин их приезда на станцию в начале года, до сих пор задерживали выпадение смертоносного дождя в этой области шведской Лапландии.

Они чувствовали, вероятно инстинктивно, что они — последние из оставшихся в живых. Потом Нильссон обнаружил следы девушки, направляющейся с юга на север. Они не могли представить себе, кто она, как спаслась, но вместо северо-востока отправились по ее следам на север. Через два дня они наткнулись на поселение лапландцев.

Их взглядам открылась древняя горная цепь. Было три часа утра, но солнце еще висело кровавым покрывалом на горизонте, ведь стояло лето — полуторамесячное арктическое лето, когда солнце никогда не садится полностью, когда

снега в горах тают и потоками сбегают вниз, образуя реки, озера и болота в долинах, где лишь случайные поселения лапландцев и следы широких оленьих троп говорят о живших здесь в зимние месяцы людях.

Отвернувшись от горной речки и глядя на лагерь, Халльнер вдруг почувствовал что-то вроде жалости. Он вспомнил отчаянье умиравшего человека, который рассказал им о том, что случилось с миром.

Нильссон зашел в другую хижину и вышел, держа в руках пакет с изюмом.

— Как раз то, что нам нужно, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Халльнер и неслышно вздохнул. Он уже не мог спокойно воспринимать чистенькую, аккуратную первобытную деревушку после того, что он наблюдал возя речки. Там, рядом с простыми глиняными и костяными чашками, валялись алюминиевая миска, пустой кофейник фирмы «Чейз и Санборн», дешевая пластмассовая тарелка и сломанная игрушечная машина.

— Идем? — спросил Нильссон и направился к выходу.

Не без некоторого трепета Халльнер последовал за другом, который шел в сторону гор, не оборачиваясь и даже не глядя по сторонам.

У Нильссона была цель, и Халльнер был готов следовать за ним в поисках девушки, вместо того чтобы сидеть, размышлять и умереть, когда случится неизбежное.

Была, он признавал это, слабая надежда на то, что при сохранении благоприятного направления ветра у них останется шанс выжить. А в этом случае навязчивая идея Нильссона преследовать женщину приобретала определенный смысл.

Приятеля раздражало его желание идти медленно, наслаждаясь атмосферой этой страны, такой обособленной и удаленной, независимой и надменной. Вещи, не соответствующие его эмоциональному настрою, сначала слегка удивили его, и даже сейчас он брел по болотистой местности с чувством парушенного усидения, с ощущением нарушения неприкосновенности места, где почти ничто не указывало на присутствие человека; где было так мало коренных жителей и куда так редко наведывались люди из других мест, что никакого следа их пребывания сохранилось просто не могло.

Поэтому позже, когда он увидел отпечатки маленьких резиновых подошв на плоском грязном берегу реки, это явилось своего рода шоком.

— Она все еще впереди, — сказал Нильссон, радующийся

этому знаку, — и не так уж далеко впереди. Не более одного дня ходьбы. Мы догоняем се.

Вдруг он почувствовал, что ему почти неприятно наличие этих следов, что он почти обижен на Нильссона, заметившего их, ведь один он мог и пройти мимо. Он подумал, что абсолютная уверенность Нильссона относительно пола обладателя ботинок с резиновыми подошвами основывалась исключительно на собственных желаниях Нильссона.

Слева в мелкое озеро несла прозрачный талый снег река; из воды то там, то тут виднелись бурые высушенные солнцем камни неправильной формы. По этим камням они могли переходить быстрые речки.

Множество таких потоков сбегало здесь вниз по склонам предгорий. Они наполняли и увеличивали озера, разбросанные по этой заболоченной местности. На плато встречались возвышенности, где теспились ели и серебристые березы, стоявшие в борьбе за кусочек незатопленной земли. Попадались и горные края, поросшие травой, камышом и можжевельником, за которыми иногда скрывались высокие горы.

Он никогда не заходил так далеко в горы, а эта горная цепь была одной из древнейших в мире, здесь не было острых пиков, как в Альпах, были они истертыми и ровными и, пережив эру перемен и метаморфоз, заработали свое право на уединение и постоянство.

Хлопья снега, как звезды, поблескивали на их склонах на фоне серо-зеленого мха и скальных пород. Снежные равнины смягчали их очертания.

Нильссон уже перебирался через реку, легко перепрыгивая с камня на камень, его профиль киногероя время от времени вырисовывался на фоне ясного морозного неба. Узел у него на спине заставлял вспомнить ношу христианина из «Пути паломника». Халльнер улыбнулся про себя. Нильссон не мог идти к спасению прямым путем.

Теперь и он последовал за другом.

Балансируя на плоских кожаных подошвах своих ботинок, он перепрыгивал с одного камня на другой, снова восстанавливал равновесие и перепрыгивал на следующий. Вокруг камней бурлила река, устремляясь к озеру, чтобы затеряться в его водах. Он снова прыгнул, поскользнулся и оказался по колено в стремительном ледяном потоке. Теперь ему было все равно, и он не стал взбираться обратно на камень, а, подняв над головой маленький заплечный мешок, пошел по пояс в ледяной воде. Задыхаясь, он добрался до берега, где

смеющийся и качающий головой Нильссон помог ему выбраться на сухое место.

— Ты безнадежен!

— Ничего страшного, — сказал он. — Солнце скоро меня высушит.

Однако они уже довольно много прошли, и оба начали уставать. Солнце уже встало, круглое, подернутое красной дымкой, на бледном холодном небе, но определить время было трудно. Это тоже усиливало отрешенный вид гор и плоскогорий, будивший мысли о вечности. Ночи не было — лишь небольшое изменение качества дня. И хотя стояла жара 90 градусов по Фаренгейту, небо казалось холодным: короткого полуторамесячного лета не хватало, чтобы изменить природу этой холодной земли Иотунхейм.

Он думал о Иотунхейме, этой земле Гигантов. Теперь он лучше понимал мифы своих предков, в которых подчеркивалось непостоянство человека — смертность его богов, открытое обожествление сил природы. Только здесь смог он понять, что мир может жить вечно, но жизнь его обитателей неизбежно связана с изменениями и, в конечном счете, со смертью. И, пока он думал, его впечатление от этой земли так сильно изменилось, что вместо того, чтобы ощущать себя захватчиком на священной земле, он почувствовал, что ему дана привилегия: несколько мгновений вечности в этой короткой жизни.

Сами горы могут со временем разрушиться, планета может погибнуть, но в том, что она возродится в новом качестве, он был убежден, и это давало ему смирение и надежду на собственную жизнь, и в первый раз он подумал о том, что, может быть, в конце концов и стоит продолжать жить.

Он не стал задерживаться на этой мысли, это было ни к чему.

Они с облегчением вышли на сухое место, где развели костер и приготовили остатки грудинки в металлической сковородке. Поев, они вычистили сковородку золой из костра, а он спустился к ближайшей речке, чтобы вымыть ее, и задержался на минуту попить. Много воды пить нельзя, вчера он уже допустил такую ошибку, ведь вода может действовать как наркотик, когда пить хочется все больше и больше и пьешь до изнеможения.

Он понимал, что им нужно по возможности сохранить силы и бодрость. Ведь, если с одним из них что-то случится, они оба могут оказаться в опасности. Но эта мысль не могла овладеть им. Чувство опасности здесь не ощущалось.

Он лег спать и, прежде чем провалиться в глубокий, без

сновидений, сон, он почувствовал себя одновременно огромным и очень маленьким — странное ощущение. Он лежал, закрыв глаза и расслабившись, чувствуя себя таким большим, что атомы его тела в сравнении со Вселенной просто не существовали, что Вселенная превратилась в неразличимый электрон, существующий, но невидимый. И при этом у него было ощущение, что он также мал, как и электрон, что он находится в бездне, в вакууме, где нет вообще ничего.

Человек, настроенный мистически, наверно, понял бы это, как какое-то божественное знамение, но он мог только принять это, не испытывая нужды в объяснении. Потом он уснул.

На следующее утро Нильссон показал ему карту, найденную им в деревне.

— Вот куда она идет, — сказал он, указывая на отдаленную гору. — Это самая высокая гора в этой части и вторая по высоте во всей цепи. Интересно, зачем ей понадобилось лезть на гору? Халльнер покачал головой.

Нильссон нахмурился.

— Странное что-то у тебя настроение. Боишься, тебе не обломится?

Халльнер не ответил, и Нильссон сказал нетерпеливо:

— Может быть, она думает, что на вершине горы безопаснее? Если повезет, скоро все узнаем. Ты готов идти?

Халльнер кивнул.

Они двинулись в молчании.

Теперь горная цепь была заметно ближе, и Халльнер мог разглядеть отдельные горы. Гора, к которой они направились, неясно вырисовывалась над другими, но казалась приземистой, тяжелой, даже более древней, чем все остальные.

На какое-то время им пришлось сосредоточить свое внимание на земле, по которой они шли, потому что то, что было у них под ногами, нечто большее, чем просто густая грязь, облепляло ботинки и грозило стащить их вниз, туда, где на большой глубине покоились останки доисторических ящеров.

Нильссон говорил мало, и Халльнер был рад, что к нему не лезут с вопросами.

Казалось, что за последней зубчатой стеной гор находится конец света или что они уже не на Земле, а в каком-то вогнутом блюде, где только деревья и озера, болота и холмы, а вокруг — горы.

У него было такое чувство, что земля эта настолько незыблема, настолько неуязвима, настолько далека от мест проживания людей, что он в первый раз полностью осознал, что ни людей, ни созданных ими вещей больше нет. Как будто они вообще никогда не существовали или же их колдовское влияние исчезло, не успев возникнуть.

Но сейчас, в первый раз после того, как услышал истерический голос по радио, он, глядя на высокую гору, тяжелой громадой возвышающуюся на фоне ледянисто-голубого неба, ощутил, как в нем опять зашевелилось старое чувство. Но это было уже другое чувство. Желание стало вершиной, наградой за молчание и покой, который ожидал в конце. Любопытство было стремлением найти причину причудливой окраски растительности на середине склона, а страха не было, ведь в этой загадочной стране не существовало неопределенности. Огромное, без стен, чрево под бесконечным небом, в окружении богатства красок — синих, белых, коричневых и зеленых, — полностью отрезало их от разрушенного внешнего мира.

Это был засыпанный снегом рай, где сытые волки, бросив обглоданные скелеты добычи, жадно глотали чистую воду из речек. Пустыня, наполненная жизнью, с леммингами, северными оленями, росахами, волками и даже медведями, с озерами, кишевшими пресноводной сельдью, и тихим воздухом, в котором было отчетливо слышно, как хлопает крыльями ястреб. Ночь не могла наступить, и поэтому возможные опасности, исходящие от дикой природы и не чувствующиеся в огромном мире, где хватало места для всего, никогда не могли стать реальностью.

Иногда они патыкались на убитого оленя, но, глядя на тусклые белые кости и изорванную шкуру, не испытывали ужаса, вообще никаких чувств не испытывали, ведь хотя убийца, росаха, — жестокий хищник, совершающий убийства часто ради собственного удовольствия, она не понимает, что совершает преступление, поэтому его можно и не считать таковым.

Все здесь было независимым, определенным судьбой, обстоятельствами, но, поскольку природа не анализировала, а принимала себя и условия своего существования без вопросов, она оказалась совершеннее людей, которые, спотыкаясь, брели по этой суровой земле.

Наконец они подошли к поросшему травой склону подножия горы, и он задрожал от волнения, увидев, как она возвышается над ним, как из высоты постепенно исчезает

травы, обнажая разбросанные в беспорядке камни, а еще выше — и камни исчезают под снежными шапками.

— Она бы выбрала самый легкий подъем, — решил Нильссон, глядя на карту, найденную им в лагере. — Значит, придется пройти через два снежных поля.

Они устроились отдохнуть на остатках травы. И он смотрел вниз, туда, где они шли, не в состоянии говорить или описать свои чувства. Здесь не было горизонта, со всех сторон были горы, а среди гор он видел реки и озера, покрытые деревьями холмы. Все это приобрело свежие, яркие оттенки, озера отражали красноту солнца и синеву неба, придавая им новые черты.

Он был рад, что они выбрали самый легкий подъем: у него не было никакого желания испытывать себя или тренироваться.

Какое-то время он чувствовал себя наполненным природой, готовым карабкаться наверх, потому что ему так хотелось и потому что вид, открывавшийся с вершины, наверняка дополнил бы его впечатления.

Они поднялись, и он подумал, что Нильссон чувствует совсем другое. Халльнер почти забыл о девушке.

Они начали карабкаться вверх. Это было утомительно, но не трудно: вначале подъем был некрутым, меньше сорока пяти градусов. Они подошли к первой снежной равнине, которая была чуть ниже, и осторожно, но с облегчением, спустились.

Нильссон прихватил с собой палку из лапландского селения. Он сделал шаг вперед, воткнул палку в снег перед собой, сделал еще шаг и снова воткнул палку.

Халльнер последовал за другом, осторожно ступая по его следам; маленькие кусочки замерзшего снега падали в его ботинки. Он понял, что Нильссон пытается проверить толщину снежного покрова. Внизу протекала глубокая речка, и ему показалось, что он слышит под ногами ее журчание. Он заметил также, что ногам холодно и неудобно.

Очень медленно они пересекли снежную равнину и, наконец, очень нескоро, оказались на другой стороне и сели ненадолго отдохнуть, готовясь к предстоящему крутому подъему.

Нильссон стянул с плеч рюкзак и нагнулся над ним, глядя назад, на равнину.

— Никаких следов, — задумчиво сказал он. — Может быть, она прошла дальше вниз.

— Может быть, ее вообще здесь не было. — Халльнер говорил через силу. Его это не интересовало.

— Не говори глупостей. — Нильссон поднялся и снова забросил рюкзак на плечи.

Они перебрались через острые скалы, разделяющие две снежные равнины, и совершили второй рискованный переход.

Халльнер снова сел отдохнуть, но Нильссон продолжал карабкаться вверх. Через несколько минут Халльнер последовал за ним и увидел, что Нильссон остановился и хмурясь смотрит на сложенную карту, которую держит в руках.

Догнав Нильссона, он заметил тропинку, ведущую вверх вокруг глубокой и широкой впадины. На другой стороне такая же тропинка вела к вершине. Было видно, что этот подъем намного легче.

Нильссон выругался.

— Эта чертова карта сбита нас с толку — или же изменилось расположение полей. Мы поднялись не с той стороны.

— Будем возвращаться? — равнодушно спросил Халльнер.

— Нет — здесь никакой разницы, все равно потеряем уйму времени.

В том месте, где две тропы соединились, над ними возвышался гребень горы, по которому можно было перебраться на другую сторону, где им следовало подниматься. Здесь было ближе к вершине, поэтому, даже достигнув другой стороны, они мало бы что выиграли.

— Неудивительно, что мы потеряли ее следы, — раздраженно сказал Нильссон. — Она, наверно, уже на вершине.

— Почему ты так уверен, что она взбиралась на эту гору? — Халльнер удивился, что эта мысль не пришла ему в голову раньше.

Нильссон помахал картой.

— Ты думаешь, лапландцы этим пользовались? Нет — это она оставила.

— О, Господи... — Халльнер уставился на нагромождение холодных скал, образующих почти отвесный провал под его ногами.

— Хватит отдыхать, — сказал Нильссон. — Мы потеряли очень много времени, теперь надо наверстывать.

Он последовал за Нильссоном, который неразумно тратил энергию на торопливый, сумасшедший подъем и, еще не достигнув гребня, уже явно обессилел.

Халльнера не смутила изменившаяся ситуация, и он продолжал карабкаться за ним медленно и спокойно.

Подниматься пришлось дольше, это было труднее, и он тоже устал, но чувства отчаяния не испытывал.

Задыхающийся Нильссон ждал его на скале рядом с гребнем, образующим узкую полосу беспорядочно разбросанных, скошенных сверху скал. С одной стороны находилась почти отвесная стена, уходящая вниз футов на сто, а с другой — крутые склоны, утопающие внизу в леднике — огромном пространстве ослепительного, слегка скрипящего льда.

— Если ты будешь идти так медленно, я тебя ждать не стану, — произнес задыхаясь Нильссон.

Слегка наклонив голову набок, Халльнер посмотрел вверх на гору. Потом молча показал, куда он смотрит.

— Черт! Сегодня все против нас, — Нильссон поддал ногой камень, и тот полетел вниз, но они не могли видеть, куда он упал, и не слышали звука удара.

Дымка, которую заметил Халльнер, быстро приближалась к ним, закрывая другие вершины, сгущаясь с другой стороны горной цепи.

— Нас заденет? — спросил Халльнер.

— Обязательно!

— А это надолго?

— Невозможно сказать, может быть, пару минут, а может, и несколько часов. Если мы останемся здесь, мы можем запросто замерзнуть. Если мы пойдем дальше, есть шанс добраться до вершины и подняться выше этого тумана. Хочешь рискнуть?

Последнюю фразу он произнес насмешливо и с вызовом.

— Ну конечно, да, — ответил Халльнер.

Теперь, когда об этом упомянули, он в первый раз заметил, что ему холодно. Но он, хотя и замерз, не испытывал никакого дискомфорта.

У них не было ни веревок, ни альпинистского снаряжения, и обут он был в обычные ботинки на гладкой подошве. Туман надвигался, его серая, движущаяся масса временами почти полностью ограничивала видимость. Они продолжали карабкаться, покрикивая, чтобы не потеряться.

Был момент, когда он, практически ничего не видя, нащупал ногой скалу, перенес туда свой вес, поскользнулся, уцепился за скалу и почувствовал, что ноги не находят опоры. Именно в это мгновение туман рассеялся, и он увидел далеко внизу поскрипывающий ледник. И еще что-то — черную распластанную тень, пятном лежащую на чистой поверхности льда.

Царапая скалу пальцами ног, он пытался перекинуть тело назад, на основную часть гребня; слегка зацепившись, он швырнул себя боком на сравнительно безопасную узкую дорожку. Он быстро и отрывисто дышал, дрожа от возбуждения. Потом поднялся и полез дальше вверх по склону.

Через некоторое время, когда самый густой туман остался позади и висел теперь над ледником, он увидел, что они уже находятся по ту сторону гребня, а он и не заметил, как они туда добрались.

Теперь ему был виден Нильссон, с явным трудом карабкающийся к вершине, которую он называл ложной. Настоящей вершины не было видно, ее загораживала другая, но теперь до нее оставалась какая-то сотня футов.

Они остановились передохнуть на ложной вершине. Смотреть вниз было бесполезно: туман, хотя и слегка рассеялся, еще не позволял разглядеть большинство окружающих гор. Иногда сквозь расступившуюся серую мглу проглядывали куски гор, пятна далеких озер, но больше ничего они увидеть не смогли.

Халльнер взглянул на Нильссона. Красивое лицо его спутника приняло застывшее, упрямое выражение. Сильно кровоточила пораненная рука.

— С тобой все в порядке? — Халльнер кивнул на кровоточащую руку.

— Да!

Было ясно, что Нильссону в его теперешнем настроении не поможет, и интерес Халльнера пропал.

Он почувствовал, что туман проник сквозь его тонкую куртку, и теперь телу было сыро и холодно. Руки были расцарапаны, а тело было все в синяках и болело, но он тем не менее не чувствовал себя подавленным. Он пропустил Нильссона вперед, а потом заставил себя начать последний этап подъема.

К тому времени, когда он достиг беспешной вершины, воздух стал прозрачным, туман рассеялся, и в ясном небе засияло солнце.

Он бросился на землю рядом с Нильссоном, который снова углубился в свою карту.

Он лежал, тяжело дыша, неловко растянувшись на скале и глядя вниз. Перед ним открывалась величественная картина, но не она заставляла его молчать, не давала размышлять, как будто время остановилось, как будто прекратилось движение планет. Он чувствовал себя памятником, окаменевшим и неразумным. Он жадно впитывал вечность.

Почему этого не смог понять погибший человеческий род? Нужно было просто существовать, а не пытаться постоянно доказывать, что ты существуешь, когда это и так очевидно.

Он подумал, что это очевидно для него, потому что он взобрался на эту гору. Это знание было дано ему в награду. Он не приобрел способности мыслить яснее, видения, объясняющего секрет Вселенной или какого-то паития. Он сам, своими действиями, дал себе безжизненный мир, бесконечное спокойствие существования.

Его покой нарушил резкий разочарованный голос Нильссона.

— Я мог бы поклясться, что она полезет сюда. Может быть, она была здесь. Может быть, мы опоздали, и она уже спустилась обратно?

— Халльнер вспомнил о пятне, увидевшем им на леднике. Теперь он знал, что это было.

— Я видел что-то там, на гребне, — сказал он. — На леднике. По-моему, это была человеческая фигура.

— Что? Почему ты не сказал мне?

— Не знаю.

— Она была жива? Подумай, как это важно, — если она жива, мы сможем снова возродить человечество. Что с тобой, Халльнер? Ты что, головой ударился или еще чем-нибудь? Она была жива?

— Может быть, я не знаю.

— Ты не... — все еще не веря, зарычал Нильссон и начал карабкаться обратно вниз.

— Бессердечный выродок! А вдруг она разбилась, пока-лечилась!

Халльнер смотрел, как спускался Нильссон. Он очень торопился, бранясь и спотыкаясь, иногда падая. Халльнер видел, как он сорвал с плеч рюкзак и отбросил его в сторону, как споткнулся и чуть не упал.

Халльнер подумал равнодушно, что, если Нильссон будет так неаккуратно спускаться, он точно разобьется.

Потом его взгляд вернулся к дальним озерам и деревьям внизу.

Он лежал на вершине горы, разделяя ее существование. Он лежал неподвижно, даже не моргая, и впитывал открывшийся ему вид. Ему казалось, что он — часть камня, часть самой горы.

Через некоторое время раздался пронзительный, полный боли крик и замер в тишине. Но Халльнер не слышал его.

Источники

- Moorcock M. The Dreaming City. — N.Y.: Dell Publishing Co., Inc., 1971.
Moorcock M. The Eternal Champion. — N.Y.: Dell Publishing Co., Inc., 1970.
Moorcock M. The Time Dweller; Escape from Evening; Wolf; The Ruin; The Golden Barge; The Pleasure Garden of Felipe Sagittarius; The Mountain; в сб.: Moorcock M. The Time Dweller. — London: Rupert Hart-Davis, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя.....	5

ПРИЗРАЧНЫЙ ГОРОД. Перевод К. Королева.....	9
ВЕЧНЫЙ ВОИТЕЛЬ. Перевод К. Королева	131

РАССКАЗЫ

ОБИТАТЕЛЬ ВРЕМЕНИ. Перевод Ю. Бехтина.....	283
БЕГСТВО ОТ ЗАКАТА. Перевод Ю. Бехтина.....	301
ВОЛК. Перевод К. Королева.....	330
РАЗВАЛИНЫ. Перевод К. Королева.....	337
ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ. Перевод К. Королева.....	345
СТРАННЫЙ САД ФИЛИПЕ	
САДЖИТТАРИУСА. Перевод Л. Кузнецовой.....	359
ГОРА. Перевод Л. Кузнецовой.....	373
Источники.....	384

